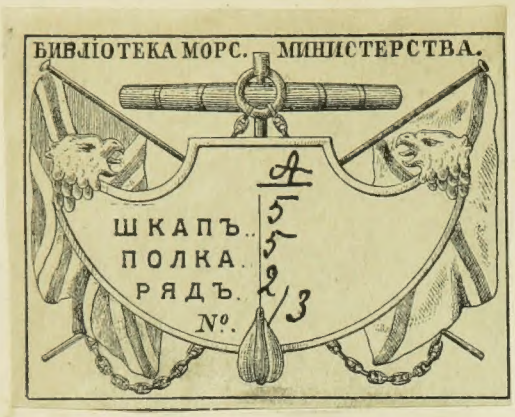


кп № 2

Индекс	М.2		Шифр хранения
Авторский знак	З-К17-Н		Инв. №

Возвратите книгу не позже указанного здесь срока

					V

Картотип. ГУРКВМФ. Зак. 1453—150000

ЧИТАЛЬНИЙ
ЗАЛ

ПРОВЕРЕНА
1962 г.

Проверена-58 г.

ПРОВЕРЕНА-58

Проверано-85

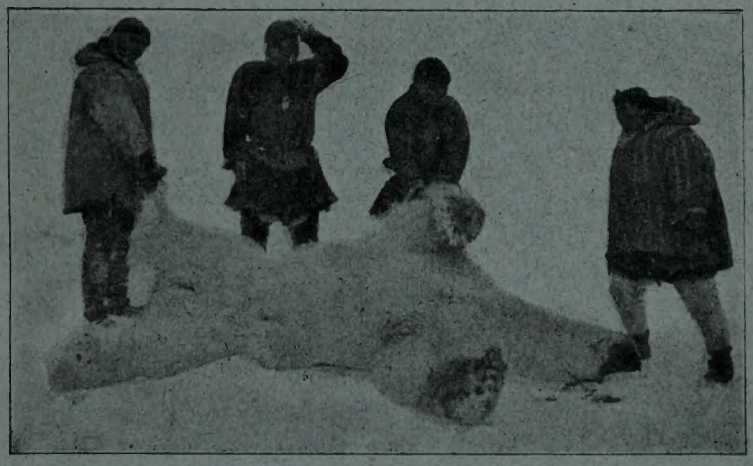
[illegible]

Приложеніе къ вып. 34-му Записокъ по Гидрографіи.

НЕ ВЫДАЕТСЯ

Н. Ѳ. КАЛЛИНИКОВЪ.

НАШЪ КРАЙНІЙ СѢВЕРО-ВОСТОКЪ.



С.-Петербургъ.
Типографія Морского Министерства, въ Главномъ Адмиралтействѣ.
1912.

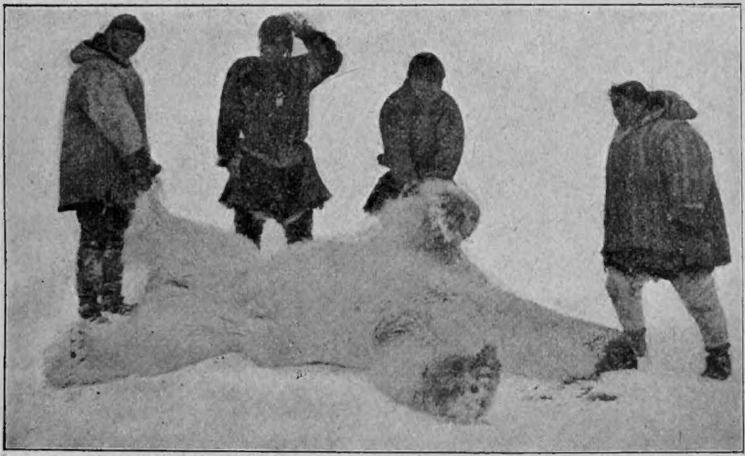
Приложеніе къ вып. 34-му Записокъ по Гидрографіи.

Инвентарь 1928 XI 12 № 677

Н. Ѳ. КАЛЛИНИКОВЪ.

18251

НАШЪ КРАЙНІЙ СѢВЕРО-ВОСТОКЪ.



Центральная В.-Морская Библиотека РКВМФ СССР

С.-Петербургъ.
Типографія Морского Министерства, въ Главномъ Адмиралтействѣ.
1912.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Введеніе	1
Нашъ крайній Сѣверо-востокъ	3
Восточное и южное побережье Чукотскаго полуострова	3
Побережье Сѣвернаго Ледовитаго океана	16
Отъ Сѣвернаго Ледовитаго океана къ Великому	33
Населеніе	45
Жилище, утварь, одежда	57
Внутренній бытъ	81
Религіозные обряды, обычаи, повѣрья, развлеченія	101
Орудія промысловъ	115
Природныя богатства края, промыслы и орудія промысловъ	126
Морское звѣроловство	137
Пушные звѣри	145
Птицы	150
Скотоводство	152
Средства сообщенія и торговля	163
Аляска	197
Заключеніе	233

Книга штабсъ-капитана Каллиникова «Нашъ Крайній Сѣверо-востокъ» является результатомъ наблюденій, произведенныхъ авторомъ во время двухлѣтняго пребыванія на Чукотскомъ полуостровѣ, въ теченіе котораго ему, какъ указывается въ введеніи, бо́льшую часть времени пришлось провести въ отдаленныхъ путешествіяхъ, не живя на одномъ мѣстѣ болѣе двухъ-трехъ мѣсяцевъ. Часть книги представляетъ путевые дневники и записи, которые велись во время самихъ поѣздокъ, другая написана въ Америкѣ, гдѣ авторъ жилъ по служебнымъ дѣламъ послѣ возвращенія съ Чукотскаго полуострова. Какъ указываетъ авторъ, ему не удалось ознакомиться съ литературой по Чукотскому полуострову передъ отправленіемъ туда, а равно она ему была недоступна, какъ, конечно, во время самаго путешествія, такъ и въ Америкѣ. Это незнакомство съ литературой является, безъ сомнѣнія, крупнымъ недостаткомъ книги, но съ другой стороны благодаря этому, сужденія и выводы автора вполнѣ самостоятельны и независимы отъ ранѣе высказанныхъ взглядовъ, что особенно важно, такъ какъ авторъ не является подготовленнымъ спеціалистомъ въ какой-либо изъ затрагиваемыхъ имъ областей. Авторъ называетъ свое описаніе «реагированіемъ свѣжаго человѣка на мѣстную жизнь» и этимъ вполнѣ опредѣляетъ какъ характеръ своего труда такъ и его значеніе. Такъ же смотритъ на этотъ трудъ и Главное Гидрографическое Управленіе, помѣщая его въ своихъ изданіяхъ. Теперь, когда интересъ къ нашимъ далекимъ окраинамъ, можно сказать, пробудился, появленіе такихъ описаній весьма желательно, особенно, когда авторомъ, какъ въ данномъ случаѣ, является умѣлый и внимательный наблюдатель, отнесшійся къ исполненію взятаго на себя порученія съ любовью и интересомъ, не уменьшавшимся во время самыхъ тяжелыхъ моментовъ путешествія.

Конечно, многія мѣста книги не стоятъ на уровнѣ современныхъ научныхъ требованій, и здѣсь обнаруживается какъ неподготовка автора, такъ и незнаніе имъ литературы. Исправленіе такихъ мѣстъ потребовало бы часто полной ихъ переработки и, не прибавляя ничего къ даннымъ автора, лишило бы трудъ его оригиналь-

ности. Позднѣйшая критика отмѣтитъ слабыя мѣста книги и отдѣлитъ существенное отъ несущественнаго, но для всѣхъ, занимающихся Чукотскимъ полуостровомъ, трудъ этотъ будетъ полонъ интереса и сохранитъ значеніе документа.

Числовыя данныя, приводимыя въ различныхъ частяхъ труда, особенно при описаніи Аляски, а также и проектируемыя Н. Ѳ. Калинниковымъ мѣры для оживленія края, конечно, остаются всецѣло на отвѣтственности автора.

ВВЕДЕНІЕ.

Приступая къ изложенію сдѣланнаго мною, по порученію губернатора Приморской области обслѣдованія естественно-экономическихъ условій Чукотскаго полуострова, я долженъ сдѣлать нѣсколько предварительныхъ оговорокъ.

1. Границы Чукотскаго полуострова точно не опредѣлены, ни географически, ни административно; поэтому я назвалъ мою книгу «Нашъ Крайній Сѣверо-Востокъ». Мое описаніе будетъ касаться всей той области, на которой мнѣ пришлось жить и путешествовать послѣдніе два года.

2. Въ виду того, что по условіямъ командировки мнѣ болѣе пришлось познакомиться съ бытомъ Чукотскаго племени, я и останавливаюсь на немъ болѣе подробно, касаясь порубежной мѣстности—Колымскаго и Анадырскаго бассейновъ—лишь поверхностно, во-первыхъ потому, что не жилъ тамъ, а только проѣзжалъ; во-вторыхъ, что эта мѣстность, являясь въ значительной степени обрусѣлой, гдѣ различныя инородческія племена частью теряютъ, частью уже потеряли свои племенныя особенности, представляетъ въ этнографическомъ отношеніи гораздо болѣе сложный матеріалъ, и въ-третьихъ, наконецъ, потому, что ею гораздо болѣе интересовались. Тамъ жили и живутъ интеллигентные люди; по ней, можно собрать литературу, если не богатую, то все же изрядную, особенно о Колымскомъ краѣ, который, если не ошибаюсь, извѣстенъ со времени Анны Іоанновны, и гдѣ чуть не ежегодно бываютъ разнаго рода экспедиціи, ставшія для колымцевъ до того обычнымъ явленіемъ, что даже мой скромный къ нимъ заѣздъ они называли не иначе, какъ «экспедиція».

Ничего подобнаго, насколько знаю, не существуетъ къ востоку отъ линіи Чаунская губа—устье рѣки Анадыря; и эта обширная область, по площади больше Германской имперіи, до сихъ поръ, очень мало изслѣдована.

3. Будучи не спеціалистомъ, я не имѣю въ виду дать моимъ описаніемъ какія-либо точныя данныя въ извѣстной отрасли знаній.

Для такихъ изслѣдованій я не имѣлъ ни времени, ни подготовки, ни средствъ, и все, что скажу, будетъ лишь реагированіемъ свѣжаго человѣка на мѣстную жизнь. Поэтому интересующійся не найдетъ въ моей книгѣ какой-либо статистики. Ея нѣтъ и не можетъ быть, если принять во вниманіе сотни тысячъ кв. верстъ внутри материковаго пространства, которыя хотя слабо, но заселены, и по которымъ не проѣзжало еще ни одно интеллигентное лицо.

Въ короткихъ словахъ, я хочу воспроизвести возможно точную картину мѣстности и мѣстной жизни, на знакомство съ которыми затратилъ два года безпрерывныхъ путешествій, переѣзжая съ мѣста на мѣсто и не останавливаясь нигдѣ болѣе 2—3 мѣсяцевъ.

Переходя къ самому изложенію книги, я долженъ сказать, что дѣлалъ группировку матеріаловъ, имѣя въ виду познакомить читателя съ географическими, этнографическими, экономическими и политическими условіями края.

Первыя три главы содержатъ географическія свѣдѣнія; слѣдующія пять главъ по преимуществу посвящены этнографіи; «Природныя богатства края, средства сообщенія и торговля» обнимаютъ экономическія мои наблюденія, и въ заключеніи я привожу нѣкоторые общіе политическіе выводы. А для того, чтобы обосновать свои основныя мысли и яснѣе оттѣнить ихъ для читателя, я ввожу передъ заключеніемъ отдѣльную главу о прогрессѣ Аляски, главу почти цѣликомъ компилятивную, о чемъ въ надлежащемъ мѣстѣ дѣлаю оговорку. Кромѣ этой главы, все остальное описаніе вполнѣ оригинально. Передъ отправленіемъ на Чукотскій полуостровъ мнѣ не представилось возможности познакомиться съ тѣмъ матеріаломъ, который могъ бы найтись въ библіотекахъ; я ничего не имѣю подъ руками здѣсь въ Америкѣ гдѣ написана эта книга, для позаимствованій, и думаю, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ это даже лучше будетъ отвѣчать цѣли: если мое описаніе и потеряетъ въ полнотѣ изложенія, зато оно обниметъ только видѣнное, не включая положеній принятыхъ на вѣру со словъ туземцевъ.

Н. Калинниковъ.

Нашъ крайній Сѣверо-востокъ.

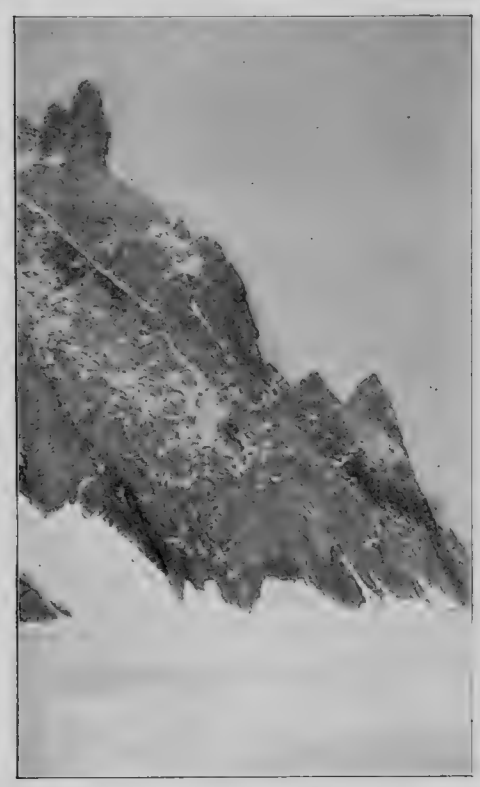
Восточное и южное побережья Чукотскаго полуострова.

На своемъ крайнемъ сѣверо-востокѣ Азіатскій материкъ выдвинулъ громадную гору—какъ бы прочный устой своего существованія противъ враждебной стихіи двухъ океановъ. Эта гора называется мысомъ Дежнева. Онъ значительно выдался по сравненію съ линіей сѣвернаго и восточнаго береговъ, особенно послѣдняго. А такъ какъ его громада представляетъ собою отдѣльную вершину, не связанную съ материкомъ общимъ хребтомъ, а непзвѣстно по какому капризу природы вдругъ возвысившуюся въ видѣ грознаго форпоста на плоской низинѣ, то, когда подъѣзжаешь съ юга, онъ почти отъ самаго мыса Нуніамъ начинаетъ быть виденъ сначала какъ островъ, а потомъ какъ большой молотъ. Ближе можно раз-

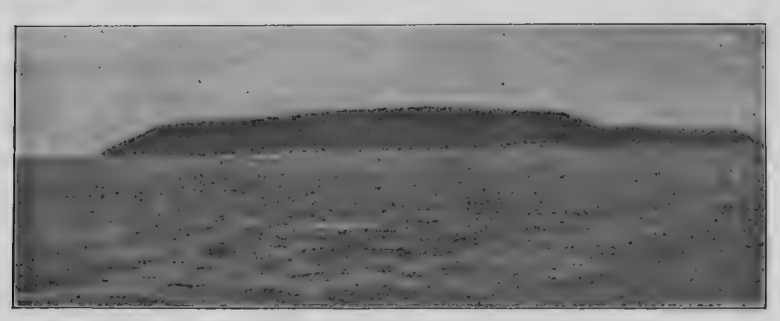
Мысъ Дежнева съ юга.

смотрѣть, какъ его гранитныя скалы, часто въ нѣсколько сотъ футовъ высоты, почти отвѣсно падаютъ въ море, оставляя только въ одномъ мѣстѣ маленькую каемочку гальки, саженъ 300 длиною и

3—4 шириною. Его скалы черныя, растрескавшіяся по всѣмъ направленіямъ, съ самыми причудливыми нагроможденіями, лишенныя какой бы то ни было растительности, гармонируютъ съ темно-свинцовымъ блескомъ воды лѣтомъ, а зимою еще рѣзче выдѣляются на голубоватомъ фонѣ ледяныхъ скалъ, которыя океаны регулярно нагромождаютъ здѣсь, начиная съ октября мѣсяца. Къ югу, послѣ небольшой, верстъ въ десять, низины, берегъ становится высокимъ, мѣстами обрывистымъ, но средняя его высота не превышаетъ нѣсколькихъ саженъ, и горы держатся отъ воды на нѣкоторомъ разстояніи. Только въ глубинѣ такихъ большихъ заливовъ, какъ св. Лаврентія и Мечигинскій, онѣ снова своими крутыми отсыпями соприкасаются съ нею. Впрочемъ, долженъ оговориться, что Мечигинскую губу я видѣлъ только у ея входа, тамъ, гдѣ у меня на картѣ отмѣчено село Мечигинъ; ея же верховья, я сомнѣваюсь, чтобы



Одна изъ скалъ мыса Дежнева.



Мысъ Дежнева со стороны пролива.

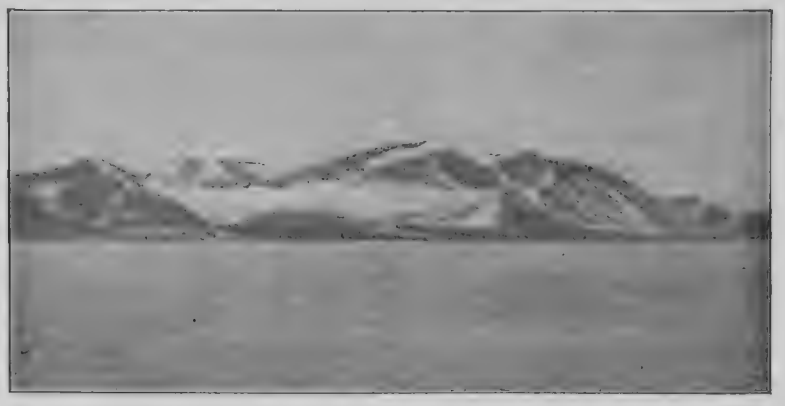
кто-нибудь изъ европейцевъ когда-либо посѣтилъ, такъ какъ оно до сего времени отмѣчается на картахъ пунктиромъ. Такой общій характеръ береговой линіи держится до острововъ: Аракамчечена и Итыграна (проливъ Сенявина).

Отсюда и до самаго мыса Беринга горы подходятъ къ водѣ вплотную. Это мѣсто—самая гористая часть южнаго берега Чукотскаго полуострова. За рѣдкими исключеніями (только въ долинахъ рѣкъ), каменныя громады этой полосы смотрятъ прямо въ море, и то спускаются къ нему мелкими осыпями щебня, то, расколовшись на большія глыбы, разбрасываютъ ихъ у своего подножія. Море здѣсь очень рѣдко ладитъ съ твердой стихіей: оно изрѣзываетъ ее по всѣмъ направленіямъ, а зимою, разбиваясь о ея утесы, нагромождаетъ такую массу своихъ ледяныхъ скалъ и въ такомъ хаотическомъ безпорядкѣ, что жители береговой полосы предпочитаютъ сообщаться по сушѣ, дѣлая громадные объѣзды и одолѣвая крутые перевалы. Какъ неожиданно природа закончила сѣверо-восточную часть Чукотскаго полуострова, выдвинувъ на низинѣ массивъ мыса Дежнева, такъ капризно она образуетъ и юго-восточную оконечность, мысъ Чаплинъ, представляющій собою длинную, узкую и очень низкую иглу, завершающую собою этотъ гористый уголъ.

Крестъ памяти казака Дежнева, поставленный въ 1910 г. на мысѣ его имени.

Какъ характерную особенность этой полосы, могу отмѣтить явленіе, которое мнѣ не встрѣчалось въ другихъ мѣстахъ: намывное дѣйствіе моря, сказавшееся въ обиліи косъ по всему вообще побережью, особенно сильно отразилось на заливахъ, имѣвшихъ узкое сообщеніе съ океаномъ. Косы изолировали многіе изъ нихъ совершенно, а большой притокъ тундровыхъ водъ опрѣснилъ и обратилъ

ихъ въ прѣсныя озера. Замѣчательно характерны въ этомъ отношеніи два залива около деревни Атунь. Она какъ разъ стоитъ на



Южный берегъ полуострова Чукотскаго около мыса Чаплина.

перешейкѣ, раздѣляющемъ эти два большіе бассейна, каждый не менѣе миль 12—15 въ длину. Восточный заливъ закрылся косой давно и сталъ прѣснымъ озеромъ, изъ котораго жители берутъ воду для питья; западный же еще имѣетъ сообщеніе съ моремъ, но такое малое, что, смотря по волнѣ, его или забрасываетъ галькой, или снова незначительно размываетъ. Эти заливы-озера соединены между собою протокомъ, но присутствіе соли и во-второмъ изъ нихъ уже настолько слабое, что не вліяетъ на вкусъ прѣснаго озера. То же самое явленіе можно наблюдать у селъ: Утань, Имтунь и Лисая Голова.

Отъ мыса Беринга и до самыхъ верховьевъ залива Св. Креста горы отступаютъ вглубь материка и тянутся верстахъ въ 30 — 40 отъ берега, оставляя къ морю голую тундру.

Тундрой, въ отличіе отъ горъ, называютъ здѣсь вообще всякое низкое мѣсто, покрытое травяною растительностью. Какъ почти общее явленіе, отдѣльныя вершины горъ или не покрыты какой-либо растительностью совсѣмъ, или лишь немногіе, а въ исключительныхъ случаяхъ только лишаями, и состоятъ обыкновенно изъ выѣтрившихся каменистыхъ породъ, которыя морозъ, вѣтеръ и солнце обратили въ мелкій щебень. Но сѣдловины между ними, долины, а также невысокіе кряжи и увалы покрыты травой, достигающей при благопріятныхъ условіяхъ до $^3/_4$ арш. высоты. Между горами и моремъ лежитъ переходная полоса, которая состоитъ въ большинствѣ случаевъ изъ незамѣтнаго на глазъ понижевія почвы, тянется иногда на десятки верстъ, будучи перерѣзана во всѣхъ направле-

ніяхъ оврагами съ текучей водой, покрыта озерами, небольшими холмами и увалами — этотъ переходъ и составляетъ сущность сѣверной тундры. За рѣдкими исключеніями вся она покрыта кочками изъ мховъ и травы и пропитана водою, которая не можетъ ни стекать, ни впитываться, благодаря вѣчной мерзлотѣ на разстояніи 2 — 3 футовъ отъ поверхности.

Такая тундра и составляетъ прибрежную полосу отъ мыса Беринга до верховьевъ залива Св. Креста. У самаго берега она иногда разнообразится небольшими лагунами, въ большинствѣ случаевъ изолированными отъ моря. Большую особенность въ своемъ строеніи представляетъ изъ себя островъ Мечикенъ. Это ни болѣе, ни менѣе какъ намывная изъ гальки коса, шириною отъ 50 до 100 шаговъ, какъ бы оторванная какимъ то вліяніемъ моря отъ материка. Проливъ, ее отдѣляющій, довольно широкъ въ западной своей части, но на востокъ онъ суживается до того, что мѣстами черезъ него можно перебросить камень.

Заливъ Св. Креста у устья я пересѣкъ два раза зимою по льду и былъ разъ въ вершинѣ его на транспортѣ «Шилка» осенью 1908 г. По моему впечатлѣнію, горы, какъ бы стѣсненныя громаднымъ заливомъ, скучиваются у его верховьевъ, огибаютъ ихъ, уступая мѣсто нѣсколькимъ меньшимъ бухтамъ и заливамъ и затѣмъ, выйдя къ западу на просторъ широкой равнины, разсыпаются по ней невысокими кряжами вплоть до рѣки Анадыря. Такихъ кряжей въ этомъ мѣстѣ я насчиталъ три; они почти параллельны, при чемъ ближайшій изъ нихъ отстоитъ отъ морского берега верстъ на 25 въ среднемъ, второй и третій верстъ на 10 — 15 другъ отъ друга вглубь материка. Между ними и берегомъ лежитъ тундра.

Первый изъ этихъ кряжей высокъ въ своей западной части, около Анадыря, и спускаясь по направленію къ заливу Св. Креста, переходитъ у послѣдняго въ рядъ маленькихъ холмовъ. Здѣсь открыто Анадырское золото. Два же остальные холма, невысокіе на западѣ и серединѣ, у залива достигаютъ довольно значительной высоты.

Водораздѣлъ между водами, текущими въ заливъ Св. Креста и бассейномъ рѣки Анадыря, въ томъ мѣстѣ, гдѣ я проѣзжалъ, такъ невысокъ, что высшую точку нельзя уловить, хотя онъ даетъ начало такой, напр., большой рѣчкѣ, какъ Волчья, притоку Анадыря.

Изъ рѣчныхъ системъ восточной части Чукотскаго полуострова по моему мнѣнію, нѣтъ такихъ, которыя могли бы имѣть какое-

либо промышленное значеніе. Это не больше какъ обыкновенныя горныя рѣчки общаго здѣсь типа: вода въ нихъ является результатомъ таянія снѣговъ, и потому онѣ шумны и полноводны весною, лѣтомъ сильно мелѣютъ, а осенью даже пересыхаютъ совсѣмъ, или отчасти. Въ виду того, что снѣгу на сѣверѣ вообще выпадаетъ довольно много, а зимніе вѣтры сметаютъ и укатываютъ его по горнымъ ущельямъ и впадинамъ мѣстности въ плотныя массы, достигающія мѣстами 30—40 футовъ толщины, таяніе его подъ далеко не грѣющими лучами полярнаго солнца идетъ очень медленно. Въ иныхъ мѣстахъ случается, что старый снѣгъ встрѣчаетъ новый. Поэтому, хоть я и не видѣлъ на Чукотскомъ полуостровѣ вершинъ, уходящихъ за вѣчную снѣговую линію, рѣчки въ лѣтнее время всегда находятъ достаточное для себя питаніе. Но вотъ, когда въ концѣ сентября и началѣ октября первые морозы скуютъ снѣжные запасы, а дальше наступитъ сухая, солнечная погода кратковременной здѣсь осени, вода въ рѣкахъ начинаетъ убывать съ каждымъ днемъ, и къ началу зимы отъ многихъ изъ нихъ остается лишь сухое каменистое русло, покрытое обыкновенно крупной галькой.

Но хотя атмосферные осадки главнымъ образомъ въ видѣ снѣга и служатъ главнымъ источникомъ питанія рѣкъ, было бы ошибочно думать, что онъ единственный. Горы здѣсь явно вулканическаго и, мнѣ думается, недавняго происхожденія, такъ какъ не утратили еще своихъ рѣзкихъ контуровъ. Я не встрѣчалъ дѣйствующихъ вулкановъ, но слѣды старыхъ кратеровъ можно находить очень часто. Это объясняетъ почему, несмотря на вѣчную мерзлоту здѣшнихъ широтъ, въ горахъ попадается много ключей, активныхъ даже зимой. Когда въ глубокую зиму, въ январѣ, февралѣ мѣсяцахъ, приходится ѣхать по предгорьямъ, то очень часто наталкиваешься на слѣдующую картину: на рѣчкахъ холмы льда въ 6—8 футовъ высоты, выпертаго вверхъ, среди общей гладкой поверхности. Это родниковая вода, прокладывая свой путь подо льдомъ, вдругъ встрѣтила запруду въ промерзломъ насквозь руслѣ рѣки и нашла себѣ выходъ вверхъ, поднявъ и ледяной покровъ. Дальше, въ болѣе низкихъ мѣстахъ, обезпечивъ себѣ постоянные выходы наружу, она разливается тонкимъ слоемъ по ледяной поверхности, который тутъ же мерзнетъ. А на него наплываютъ все новые и новые. Иногда путнику приходится ѣхать такъ цѣлыя версты, то скользя по зеркальной глади уже окрѣпшаго наплыва, то по чистой водѣ, не успѣвшей замерзнуть, то продавливая тяжестью своей

нарты эластичную пленку. Иногда встрѣчаются и совсѣмъ горячіе ключи. Такихъ я знаю три: недалеко отъ деревни Чаплинъ, у деревни Курга и въ горахъ за деревней Утань.

Какъ я уже упоминалъ, сколько-нибудь значительныхъ рѣкъ на восточной сторонѣ Чукотскаго полуострова я не знаю. Могу отмѣтить нѣкоторыя болѣе мощныя по сравненію съ другими; это рѣки у дер. Паутынъ, у мыса Ныгчіанъ, на мысѣ Чаплинъ и у мыса Холюсткина озера съ протокомъ въ море.

Южная сторона Чукотскаго полуострова болѣе богата рѣчными системами, чѣмъ восточная; онѣ большей мощности и, понятно, имѣютъ большее значеніе, такъ какъ въ нихъ замѣчается ходъ рыбы для метанія икры. Изъ такихъ рѣкъ я знаю: Курубка съ притокомъ Валькаруанъ, Кепянянь, Якайнынъ, Рергу-веемъ, Чеутаканъ, Курымупъ.

Отъ залива Св. Креста къ Анадырю и обратно я ѣхалъ не по берегу моря, а внутри материка, между первымъ и вторымъ кряжемъ горъ, поэтому встрѣчаться съ болѣе мощными рѣками мнѣ не удалось. Я знаю, что одна большая рѣка впадаетъ въ море гдѣ то недалеко отъ устьевъ залива Св. Креста и другая у самой Русской Кошки.

Ужасно бѣдное и грустное впечатлѣніе получается, когда ѣдешь на пароходѣ вокругъ этой Богомъ забытой земли и наблюдаешь мѣстами береговую панораму. Сѣрое, обыкновенно, небо; низкія, почти прилипшія къ землѣ, тучи; бурыя горы, бурая тундра, бурый берегъ. Зелени почти никогда не видно. Весной молодая растительность затушевывается старой, прошлогодней, которая не успѣваетъ перегнивать, а такъ и стоитъ, одѣвая землю своимъ неряшливымъ, грязновато-бурымъ цвѣтомъ. А какъ только молодые побѣги достигли полнаго возраста, то они и сами пожелтѣли и уже отжили. Отъ того ли, что въ періоды долгоденствій солнце здѣсь свѣтитъ 20—22 часа въ сутки, отъ того ли, что виды растеній этой мѣстности естественно подобрались и приспособились къ короткому и капризному лѣту, только они страшно торопятся жить. Цвѣтокъ еще не успѣлъ весь распуститься какъ слѣдуетъ, а уже верхушка его начинаетъ обсыпаться; что сегодня цвѣло, завтра завяло и пожелтѣло. Деревьевъ по берегамъ описываемой мѣстности нѣтъ и признаковъ, и только въ рѣдкихъ горныхъ ущельяхъ, особенно удачно расположенныхъ по отношенію солнца и господствующихъ вѣтровъ, на берегахъ рѣкъ и озеръ можно найти невысокій ивнякъ. Въ окрестностяхъ бухты Св. Лаврентія я не встрѣчалъ ивняка,

превышающаго аршинную высоту, а не вдалекѣ отъ устья рѣки Анадыря видѣлъ уже около двухъ аршинъ и даже въ средній ростъ человѣка кустарникъ.

Насколько позволяютъ мнѣ мои двухлѣтнія наблюденія, я пришелъ къ слѣдующимъ климатическимъ выводамъ для описываемаго края: Короткая, сѣрая, холодная осень держится здѣсь мѣсяца полтора. Къ сентябрю мѣсяцу уже вся растительность желтѣетъ, съ моря тянутъ туманы или мороситъ дождь, тучи ползутъ непосредственно надъ землей, дуетъ сильный вѣтеръ и изрѣдка, какъ исключеніе, проглянетъ печально-кроткое, совсѣмъ не горячее, солнце. Къ началу октября черезъ Беринговъ проливъ начинаетъ приносить, то снова относить ледъ, смотря по направленію вѣтра, главныя направленія котораго: сѣверо-восточное, юго-восточное и сѣверо-западное.

На темно-свинцовой дали пролива сначала появляются отдѣльныя небольшія льдинки, саженъ 3—4 въ квадратѣ; за ними слѣдуютъ большихъ размѣровъ, а тамъ и цѣлыя поля, которыя постепенно блокируютъ все восточное побережье до Чаплина. Я никогда не видѣлъ особенно высокихъ плавающихъ льдинъ. Наибольшую высоту надъ поверхностью воды я наблюдалъ 6 — 7 аршинъ. Въ зимнюю пору, въ заливѣ Св. Креста, мнѣ пришлось встрѣтить то, что подходитъ подъ понятіе ледяныхъ горъ. Когда 8-го февраля 1908 года я пересѣкалъ заливъ на собакахъ, то видѣлъ громадные массивы льда саженей 30—40 длиною, пропорціональной ширины и 4—5 саженъ высоты, вмерзшіе въ общую ледяную поверхность. Ихъ строеніе показывало, что образовались они изъ множества болѣе мелкихъ льдинъ, которыя силою волны и теченій забрасывало другъ на друга и сковывало морозомъ въ прочную массу.

Южное побережье полуострова, расположенное лучше по отношенію къ направленію движенія приноснаго льда, обыкновенно бываетъ свободно отъ него до поздняго времени.

Задуетъ противоположный, южный вѣтеръ и ледяныя поля начинаютъ постепенно очищать берега; льдины рѣдѣютъ, рѣдѣютъ пока не пропадутъ совсѣмъ за Дежневскимъ великаномъ. Въ иную осень случается, что эти визитеры посѣтятъ наши берега раза 2—3, пока морозы и замерзаніе моря не положатъ конецъ ихъ путешествіямъ. Въ глубокую осень, числахъ въ 20-хъ октября, устанавливается обыкновенно ясная, тихая солнечная погода. Морозъ почами доходитъ градусовъ до 10—15 Реомюра, и спокойное море начинаетъ подергиваться саломъ; круглыми блинами, сначала очень

нѣжными, съ припухшими краями, которые однако твердѣютъ съ каждымъ часомъ. Дунетъ вѣтерокъ—и снова ихъ нѣтъ: разбились въ дребезги, пропали. Но стоитъ продержаться 3—4 спокойнымъ днямъ—они уже окрѣпли, плотно смерзлись, затянули всѣ бухты, и чукча, вооруженный длиннымъ шестомъ для опробыванія пути, уже идетъ по эластичному, дышащему еще подъ его тяжестью, льду на промыселъ нерпъ. Открытое море замерзаетъ у береговъ гораздо позднѣе. Почти весь октябрь мѣсяцъ отстаиваетъ оно свою свободу, разламывая въ крошки ледяныя оковы при малѣйшемъ вѣткрѣ, громоздя ихъ въ огромныя кучи на берегъ, сметая въ причудливыя плавучія скалы Въ ноябрѣ, однако, морозы берутъ свое и успокаиваютъ его на десятки миль отъ берега. Снѣгъ начинаетъ выпадать съ октября. Но сильные вѣтры обыкновенно сейчасъ же сдуваютъ его въ море и только къ ноябрю мѣсяцу устанавливается болѣе или менѣе плотный снѣжный покровъ. Ноябрь и декабрь—самое глухое время въ этой странѣ. День становится все меньше и меньше, такъ что въ первыхъ числахъ декабря его величина не превышаетъ двухъ часовъ. Да и этотъ свѣтлый промежутокъ сутокъ можно назвать днемъ лишь относительно, такъ какъ въ комнатѣ держится полумракъ и для работы надо зажигать лампу. Можно сказать, что съ половины ноября и до января мѣсяца лампъ тушить не приходится. Солнца нѣтъ совсѣмъ. Оно или бываетъ закрыто тучами, или, въ самые короткіе дни, совсѣмъ не выходитъ на горизонтъ, давая лишь ярко-красную зорю. Все замираетъ, засыпаетъ на это время; наступаетъ царство вѣтровъ и бурановъ. Кто не жилъ здѣсь, тотъ не можетъ себѣ представить, что такое бураны первой половины зимы. Вѣтеръ, дующій съ силой, заставляющей дрожать цѣлыя зданія, срывающей чукотскія яранги, несущей цѣлыя массы снѣгу, разбитаго на мельчайшіе атомы, и песку, держится недѣлями только для того, чтобы, перемѣнивъ за полусутки направленіе, начать ту же работу съ другой стороны. Для маленькой иллюстраціи я приведу слѣдующій примѣръ: мой сожитель, инженеръ Борисовъ, въ первыхъ числахъ ноября выѣхалъ въ короткую поѣздку верстъ на шестьдесятъ,—переѣздъ одного весенняго дня. Вернулся онъ на двадцать шестыя сутки, въ буранъ, пользуясь каждымъ болѣе спокойнымъ мгновеніемъ для движенія впередъ, потому что ему грозилъ голодъ. Собственно говоря, въ это время никто далеко не ѣздитъ; развѣ отъ деревни до деревни. Дальнія же поѣздки начинаются съ февраля мѣсяца, когда день станетъ больше, главная масса снѣга выпадетъ, а

вѣтры укатываютъ его до того, что нога идущаго человѣка не оставляетъ порою слѣда. Снѣжные сугробы къ этому времени мѣстами достигаютъ толщины 30 — 35 футовъ. Глубокіе овраги, высокія постройки бываютъ имъ засыпаны совершенно.

Съ февраля день начинаетъ расти быстро, и хотя морозы не подаютъ и признаковъ смягченія, хотя путникъ попрежнему ничуть не застрахованъ отъ бурановъ—на душѣ все же становится веселѣй: больше свѣта, больше ясныхъ дней; стоятъ дивныя полярныя ночи: тихія, морозныя, съ причудливой свѣтовой игрой сѣверныхъ сіяній. Но даже и здѣсь, на рубежѣ человѣческаго существованія, это капризное явленіе не всегда балуетъ глазъ наблюдателя. Собственно, почти въ каждую зимнюю ночь можно видѣть сѣверное сіяніе, только играетъ оно не всегда. Обыкновенно начинается оно съ того, что на сѣверномъ горизонтѣ появляется родъ блѣдной, не очень отчетливой зари, которая, постепенно поднимаясь, формируется въ свѣтовую полосу, упирающуюся концами въ горизонтъ, а въ зенитѣ ползущую все выше и выше по небосклону. Вотъ она уже ясно изолировалась отъ сѣвернаго горизонта, и на ея мѣстѣ нарождается новое свѣтовое пятно, новая заря, вскорѣ обращающаяся въ новую полосу свѣта, подобную первой и идущую на нѣкоторомъ разстояніи за первой къ зениту.

Такихъ полосъ, имѣющихъ одинъ источникъ отправленія, заразъ бываетъ видимо 3—5. Но вотъ первая достигла зенита, вотъ переваливаетъ его и вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе и болѣе блѣднѣетъ, стушевывается на общемъ фонѣ неба, пока совсѣмъ не растаетъ въ немъ. А на сѣверѣ нарождаются все новыя полосы свѣта; и такъ продолжается часами, часто всю ночь.

Въ такой формѣ это явленіе монотонно, не даетъ красивыхъ эффектовъ и скоро наскучиваетъ наблюдателю. Совсѣмъ другое впечатлѣніе получается, когда сѣверное сіяніе сопровождается игрой. Начинается оно также, какъ и первое: т. е. сначала неясный свѣтъ на сѣверѣ, который полосами поднимается къ зениту неба. Но въ этомъ случаѣ каждая полоса, поднявшись достаточно высоко надъ горизонтомъ, начинаетъ испускать впереди себя свѣтовые лучи всевозможныхъ оттѣнковъ и сочетаній цвѣтовъ. Лучи эти очень подвижны, переливаются разными окрасками, перекрещиваются взаимно, даютъ такую свѣтовую картину, что часами нельзя оторвать отъ нея глазъ. Вся сѣверная половина небосклона бываетъ залита неяснымъ, измѣнчивымъ, нѣжнымъ свѣтомъ, который, не давая ничего землѣ, великолѣпно иллюминуетъ небо.

Перевалив къ югу зенитъ, лучи постепенно растаиваютъ въ темной синевѣ неба. А на сѣверѣ поднимаются все новыя и новыя полосы, которыя, отдѣлившись отъ горизонта, начинаютъ игру въ свою очередь. Большинство сѣверныхъ сіяній разыгрывается описаннымъ образомъ, съ небольшими варіантами, которыми это причудливое явленіе какъ бы старается дать болѣе разнообразія для глазъ зрителя; но иногда бываютъ и значительныя уклоненія: отъ простого освѣщенія части небосклона — то что мы наблюдаемъ въ нашихъ широтахъ — до самыхъ разнохарактерныхъ сочетаній свѣтовыхъ лучей.

Несмотря на высокія широты этихъ мѣстъ, морозовъ, превышающихъ 40° Реомюра, я не наблюдалъ. Я думаю, что море, окружающее Чукотскій полуостровъ съ трехъ сторонъ, сильно смягчаетъ его климатъ.

Въ мартѣ солнце свѣтитъ уже 15 часовъ въ сутки, но морозы еще держатся попрежнему крѣпко. Правда, перепадаютъ теплыя погоды, когда дуетъ южный вѣтеръ, но онѣ характерны не для одного этого мѣсяца, а случаются въ теченіе всей зимы. Южные вѣтры (обыкновенно юго-западные) самые непріятные и пожалуй самые вредные здѣсь во всѣхъ отношеніяхъ. Не считаясь съ тѣмъ, что они приносятъ съ собой гололедицу, такъ пагубно вліяющую на оленеводство, даже для обыкновеннаго путника они истинный бичъ Божій. Я, по крайней мѣрѣ, больше всего боюсь южныхъ вѣтровъ, такъ какъ ихъ обычный спутникъ — сильный теплый буранъ. Никакой другой буранъ, никакой морозъ такъ не страшенъ, какъ этотъ, когда воздухъ кажется состоящимъ изъ хлопьевъ мокраго снѣга, тумана и какой то промозглой, очень при томъ холодной, сырости. Весь снѣгъ, который падаетъ на одежду, обращается въ воду, тутъ же мерзнущую, а на лицо—въ ледъ. Ѣдешь въ ледяной маскѣ, которая первымъ дѣломъ затягиваетъ вамъ глаза и такъ видящіе слишкомъ мало. Дышать печёмъ: воздухъ какъ бы черезъчуръ густъ. Обычная ваша одежда тяжела, въ ней трудно идти, потѣешь, а ея вѣсъ еще болѣе увеличивается съ каждымъ порывомъ вѣтра, пока она не обратится въ полузамерзшую сырую губку. Но несмотря на то, что какъ будто одѣтъ слишкомъ тяжело, буранъ пробираетъ съ подвѣтренной стороны спину или бокъ до костей, а если долго подставлять лицо, то рискуешь и серьезнымъ обмораживаніемъ. Чтобы предохранить лицо сколько-нибудь, приходится все время маневрировать, такъ какъ въ сущности спасенья отъ бурана нѣтъ, и какъ ни поворачивайся, какіе длинные ворот-

ники, шапки, башлыки не изобрѣтай, часть лица всегда будетъ подвергнута вѣтру. Особенно это непріятно и опасно въ дальнихъ переѣздахъ, когда приходится ѣхать безъ жилья нѣсколько сутокъ, потому что буранъ смѣняется обычнымъ морозомъ, и ваша промокшая насквозь одежда обращается въ ледяной лубокъ.

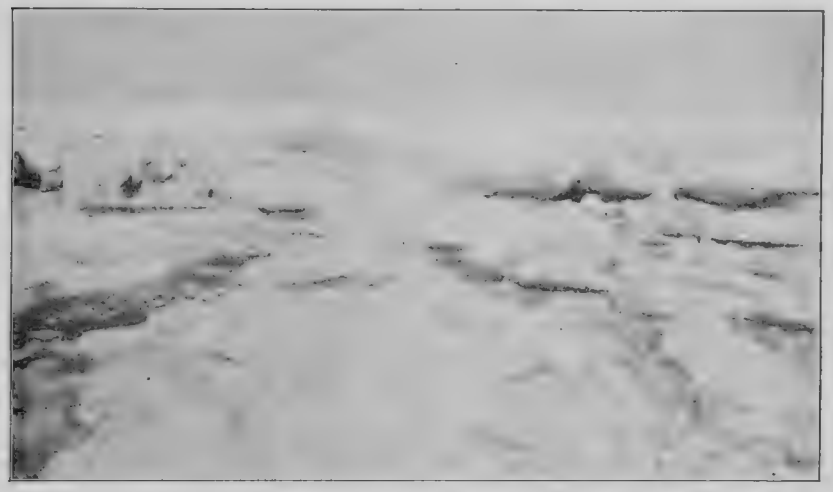
Какъ особенность марта мѣсяца можно отмѣтить очень рѣзкій свѣтъ, вредно отражающійся на зрѣніи. Яркое въ это время солнце поднимаясь надъ горизонтомъ, посылаетъ на землю наклонные, скользящіе лучи, которые, отражаясь на массахъ снѣжинокъ верхняго слоя, не растопленныхъ, не примятыхъ еще весеннимъ тепломъ, даютъ такую массу свѣта, что безбрежная снѣжная равнина кажется вамъ усыпанной безчисленнымъ количествомъ брилліантовъ самой чистой воды, переливающихся на солнцѣ дивной игрою. Отъ этихъ ярко-блестящихъ точекъ положительно некуда дѣться, и хотя дымчатые очки помогаютъ, однако каждый долженъ переболѣть, болѣе или менѣе сильно, глазною болѣзнью. Болѣе же чувствительные прямо страдаютъ нѣкоторое время слѣпотою. Я во время поѣздокъ спасался тѣмъ, что старался смотрѣть на нарту, на свою одежду, спутника, словомъ на какой либо темный предметъ. Потомъ, когда потянетъ настоящимъ тепломъ, и образуется хоть самый маленькій настъ (налетъ льда на снѣгѣ), этотъ эффектъ пропадаетъ и со свѣтомъ можно мириться.

Съ первыхъ чиселъ апрѣля начинается прилетъ птицъ. Солнце съ каждымъ днемъ припекаетъ сильнѣе и сильнѣе, и на снѣжной поверхности появляется первый настъ. Однако зима сдается не сразу и иногда даже въ послѣднихъ числахъ апрѣля заверпетъ такой буранъ, который не уступитъ зимнему. Но все же апрѣль и май — лучшее время года: мало тумановъ (только не на морѣ), мало облачности, солнце свѣтлое, теплое и ничуть не жаркое, 20 часовъ не сходитъ съ горизонта. Кровъ уже никого не манитъ. Всякое живое существо спѣшитъ отдохнуть отъ долгой мрачной зимы и видимо старается использовать каждый свѣтлый теплый лучъ. Однако, еще въ среднихъ даже числахъ мая настолько холодно, что приходится не разставаться съ мѣховой одеждой, и хотя вездѣ журчатъ ручьи, снѣгъ замѣтно осѣдаетъ, а въ горахъ темныя пятна рѣшительно берутъ верхъ надъ бѣлыми,— ночами продолжаютъ держаться морозы, настолько сильные, что снѣгъ, растопленный дневнымъ тепломъ до того, что не выдерживаетъ тяжести куропатки — ночью весь превращается въ ледъ,

по которому подбитая костями нарта скользитъ съ неописуемой легкостью.

Плавающія льдины.

Бухты еще покрыты льдомъ, но въ открытомъ морѣ ледъ ломаетъ съ каждымъ днемъ, съ каждымъ вѣтеркомъ. Въ Беринговомъ морѣ, особенно начиная отъ Чаплина и къ сѣверу въ Беринговомъ



Взломанный ледъ.

проливѣ, развиваются сильныя и неправильныя теченія. Я самъ, охотясь, наблюдалъ, какъ въ одномъ и томъ же мѣстѣ утромъ несло льдины въ одномъ направленіи, а черезъ нѣсколько часовъ въ обратномъ.

Надъ свободной водой, по которой плаваютъ болѣе или менѣе большія массы, оторваннаго отъ общей береговой каймы льда, по утрамъ и вечерамъ, а иногда и цѣлыми сутками, виситъ густая пелена тумана. Идетъ прилетъ и перелеты водяной птицы, еще не успѣвшей облюбовать себѣ мѣста для лѣтней резиденціи. Мѣстами она тянетъ въ такомъ количествѣ, что жители не стрѣляютъ, а прямо ловятъ ее живьемъ несложнымъ приборомъ, состоящимъ изъ нѣсколькихъ связанныхъ вмѣстѣ веревочекъ съ тяжестями (камнями) на свободныхъ концахъ. Къ 10—15 іюня берега обыкновенно очищаются отъ льда совершенно.

Лѣто стоитъ перемѣнчивое, не очень дождливое но съ порядочнымъ количествомъ пасмурныхъ дней. Что характерно для него— это то, что все-таки не по лѣтнему холодно здѣсь пришлому человѣку, и я съ тяжелой суконной одеждой не разставался. Въ моемъ представленіи это время кажется наиболѣе покойнымъ: іюнь, іюль и начало августа я что-то не помню сильныхъ вѣтровъ, и никто мнѣ о нихъ не разсказывалъ.

Побережье Сѣвернаго Ледовитаго океана.

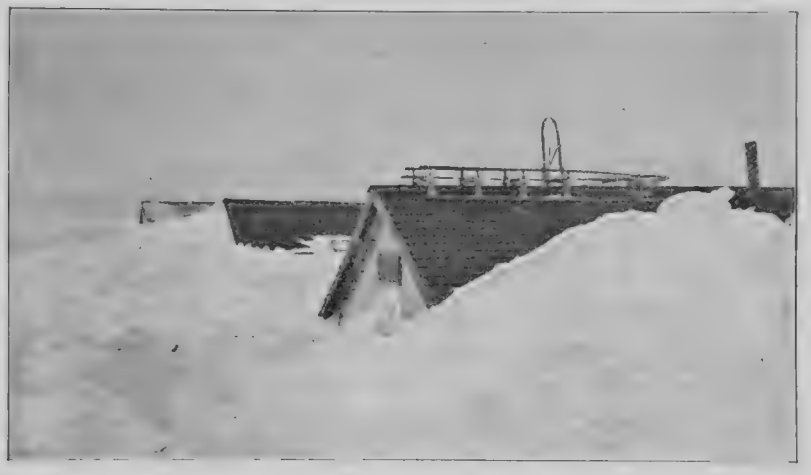
При самомъ поверхностномъ взглядѣ на существующія въ настоящее время географическія и морскія карты береговой полосы Сѣв. Ледовитаго океана въ описываемой мѣстности, мнѣ, проѣхавшему ее хотя и зимой, когда береговая линія затушевывалась заносами снѣга, все-таки бросается въ глаза масса неправильностей передачи контуровъ берега.

Вслѣдствіе громаднаго разстоянія, взятаго мною въ этотъ зимній курсъ, недостатка самыхъ необходимыхъ инструментовъ, самыхъ элементарныхъ для работы удобствъ, часто плохого состоянія погоды, препятствовавшей видѣть предметы дальше своихъ собакъ, а главное, вслѣдствіе того, что топографія не составляла главной цѣли моей поѣздки—я не могу претендовать на болѣе или менѣе точную съемку. Однако я дѣлалъ все, что позволяли мнѣ обстоятельства въ этомъ направленіи: такъ у меня велся свой масштабъ времени, очень приблизительный, понятно; мой дневной переѣздъ въ часахъ; я записывалъ всѣ останавливавшіе мое вниманіе рѣки, мысы, горы, лагуны, заливы, бухты... Такъ какъ разстояніе было взято слишкомъ большое, то, для избѣжанія накопленія ошибокъ, я раздѣлилъ его на четыре полосы: отъ мыса Дежнева до о. Колючина, отъ Колючина до Сѣв. Мыса, отъ Сѣвернаго мыса до

мыса Шелагскаго, и отъ послѣдняго до устьевъ рѣки Колымы. Эти отправные пункты я не измѣнялъ на морской картѣ, которой руководствовался въ пути; пространство же между ними заполнилъ по своимъ замѣткамъ изъ дневника, стараясь придать берегу тотъ видъ, который удавалось уловить по пути. Такимъ образомъ прилагаемая въ концѣ карта, къ которой первыя двѣ главы моей книги могутъ служить пространной легендой, будетъ не больше какъ нѣсколько исправленная карта Главнаго гидрографическаго управленія. Въ названіяхъ я удержалъ чукотскія имена, такъ какъ по нимъ легче всего ориентироваться путешественнику. Такъ какъ все, что я могу сказать о побережьѣ Сѣв. Ледовитаго океана и центральной части полуострова, есть результатъ моей послѣдней поѣздки, то для ихъ описанія я приведу выдержки изъ моего дорожнаго дневника по числамъ.

31 Декабря 1908 г. *Выѣздъ изъ Михайловской (Дежневской) станціи.* Вчера Керегенъ прислалъ за мной сына и три нарты со-

18251



Станція Михайловская зимой.

бакъ; въ виду того, что погода стоитъ дивная, я рѣшилъ не терять ни минуты и сегодня выѣхалъ въ мою дальнюю поѣздку. Въ Этоконысвенѣ у Керегена мнѣ нужно обождать моего настоящаго проводника Покайны, который даетъ собакъ на весь остальной путь. Выѣхалъ въ 8 часовъ утра. До самаго Колючина мѣстность мнѣ знакомая, и я описывалъ ее; однако повторю еще разъ для цѣльности представленія. По уваламъ, которыми великанъ Дежневъ связывается съ общимъ материкомъ, перебрался на берегъ С. Ледовитаго океана. Всего полтора часа ѣзды отъ нашей Михайловской

Центральная Военно-Морская Библиотека РККФ СССР

станціи. Тутъ Дежневская гора крутыми, мѣстами обрывистыми, склонами переходитъ въ косу, которая, начавшись у ея подножія, идетъ до мыса Инцова, отдѣляя большую лагуну. Чукчи мнѣ разска-

Станція Михайловская лѣтомъ.

зывали, что въ ней отстаиваются во время непогоды американскія шкуны. Я допускаю это, такъ какъ ихъ осадка не превышаетъ 4—$4^1/_2$ фут., но не думаю, чтобы болѣе крупныя суда могли заходить туда.

Какъ общее правило, такія прибрежныя лагуны сами по себѣ достаточно глубоки, но ихъ выходы въ море обыкновенно узки, мелки, съ извилистымъ русломъ и обязательно съ песчаною передъ ними отмелью.

Дѣло въ томъ, что каждая изъ лагунъ принимаетъ много прѣсной воды, стекающей съ тундры и съ горъ, и потому въ ихъ узкихъ выходахъ образуются сильныя теченія, осаждающія песокъ въ болѣе спокойной водѣ океана. Понятно, если бы шелъ вопросъ о болѣе или менѣе правильномъ судоходствѣ, то протокъ этотъ можно бы было легко исправить: расширить, углубить, расчистить, такъ какъ одно изъ самыхъ крупныхъ неудобствъ побережья С. Ледовитаго океана состоитъ въ томъ, что на немъ нѣтъ почти мѣстъ, гдѣ бы можно было отстояться отъ непогоды и случайнаго льда, который при сѣверныхъ вѣтрахъ, имѣетъ обыкновеніе посѣщать побережье въ раннихъ и позднихъ періодахъ здѣшней навигаціи.

Пока здѣсь не плаваетъ ни одного русскаго судна, говорить объ этомъ еще преждевременно, хотя американцы, почти въ аналогичномъ случаѣ, теперь заканчиваютъ такой навигаціонный каналъ у Сантъ-Майкэля.

Лагуна, около которой я ѣду теперь, имѣетъ свой выходъ въ море миляхъ въ трехъ къ западу отъ Дежнева. Сейчасъ же за ней

мѣстность слегка повышается, переходитъ въ небольшой увалъ, который формируетъ у моря невысокій, хотя скалистый мысъ Инцова. Здѣсь я ночую у моего пріятеля старика. Пока собаки не втянулись, не буду дѣлать большихъ переѣздовъ.

1 Января 1909 г. Новый годъ встрѣчаю въ Инцовѣ. Положимъ, съ непривычки править нартой я такъ вчера утомился, что было не до Новаго года. Выѣзжаю дальше. Погода пока держится. За Инцовымъ опять начинается коса, отдѣляющая сначала большую и затѣмъ маленькую лагуны, но я знаю, что у деревни Эрмитаунъ этотъ печальный, монотонный пейзажъ окончится. Удивляюсь, почему станція, всего въ одномъ днѣ пути отсюда, не заготовляетъ на зиму дровъ съ косъ по обѣ стороны Инцова, а тратитъ сотни рублей ежегодно на дорогой американскій уголь? Здѣсь такъ много плавника, что косы усѣяны бревнами. Откуда его только несетъ? Думаю, что изъ Америки.

Отъ селенія Эрмитаунъ и до мыса Сердце-Камень берегъ гористъ и очень красивъ. Горные кряжи этой мѣстности идутъ къ морю въ направленіи перпендикулярномъ и здѣсь сразу, какъ огромнымъ ножемъ, обрѣзаны имъ. За исключеніемъ нѣсколькихъ небольшихъ косъ, да выходовъ горныхъ рѣчушекъ, каменныя громады иногда въ нѣсколько тысячъ футъ высоты, совершенно отвѣсно на сотни футовъ вздымаются надъ океаномъ, который ровной площадью замерзъ у ихъ подножія на десятки миль. Вода и вѣтры отполировали ихъ стѣны, и онѣ представляютъ наглядную картину внутренняго строенія горъ. Иногда такой кряжъ однороденъ по составу и потому одноцвѣтенъ; иногда же онъ весь испещренъ разнообразными жилами, которыя въ причудливыхъ изгибахъ переплетаются между собою, отливая всѣми цвѣтами радуги. Самый мысъ Сердце-Камень—послѣдній кряжъ въ общей линіи, почему то больше другихъ пощаженный океаномъ и потому вдавшійся въ него огромнымъ клиномъ. Но до него я доѣду только завтра, сегодня же ночую въ деревнѣ Чегытунь, расположенной на довольно большой косѣ, которую намыла рѣчка—тоже Чегытунь.

2 Января. *Переѣздъ до Этоконысвена.* Длинный переѣздъ съ высокимъ переваломъ черезъ Сердце-Камень. Я сильно измученный, невтянувшійся еще въ работу, едва взялъ его. Спускъ былъ еще труднѣе. Всѣ нарты, и моя въ томъ числѣ, тяжело нагружены, такъ какъ запасы разсчитаны до самаго Нижне-Колымска т. е. на два мѣсяца пути. А у меня въ рукахъ, вмѣсто настоящаго съ желѣзомъ остола, простое топорище. Всегда забудешь какую-нибудь

мелочь! На половинѣ ската сорвался и полетѣлъ внизъ съ головокружительной быстротой. Собаки, нарта, упряжь, я самъ—сбились въ одинъ живой комъ, катящійся по крутизнѣ безъ удержу съ лаемъ, визгомъ, воемъ. Къ счастію мнѣ скоро удалось задержаться, а ѣдущій сзади помогъ распутать собакъ. Результатъ — разбитый шагомѣръ. Пріѣхалъ поздно, часовъ въ 8 вечера. Поздно потому, что смеркается въ это время уже въ 4 часа.

8 Января. Покайны оказывается обманулъ меня; взялъ задатокъ и скрылся съ нимъ. Ни собакъ, ни проводника. Разыскивать поздно, да и безполезно: надо ѣхать. Нанимаю новыхъ собакъ въ Этоконысвенѣ и завтра выѣзжаю.

Поѣхалъ, да недалеко уѣхалъ. Когда утромъ укладывались, потянулъ легкій южный вѣтерокъ, и хотя я его считаю самымъ предательскимъ по здѣшнимъ мѣстамъ, однако думалъ, что хоть одинъ переѣздъ онъ позволитъ мнѣ сдѣлать безпрепятственно. Мѣстность, гдѣ расположена дер. Этоконысвенъ представляетъ собой низину, закрытую съ трехъ сторонъ горами, такъ какъ отъ Сердца-Камня къ западу идетъ небольшой отрогъ—послѣдній отрогъ этой горной полосы, который, описавъ полуокружность, выбрасывается въ море небольшимъ мыскомъ миляхъ въ 10-ти западнѣе Сердце-Камня. Только что мы выѣхали на этотъ мысъ, какъ поднялся южный теплый буранъ. Такъ какъ мы не отъѣхали еще далеко, то самое благоразумное рѣшеніе было повернуть нашихъ собакъ къ юртамъ. Мы такъ и сдѣлали.

11 Января. Выѣхалъ, наконецъ, отъ Керегена и съ нимъ дальше. Погода дивная. Барометръ 29,6 д. Однако прокопались долго съ укладкой нартъ и поэтому доѣхали только до дер. Меамынъ. Здѣсь встрѣтили двухъ чукчей изъ-за Рыркайпіи, которые насказали намъ такихъ ужасовъ про голодъ впереди, что мой проводникъ отказывается ѣхать дальше. Я все-таки настаиваю и къ ночи уломалъ его везти меня хоть до Рыркайпіи. Поѣду до послѣдней возможности.

12 Января. Доѣхалъ до Тойгунына. Барометръ утромъ 29,8 д., вечеромъ 29,9 д. Дивная погода. На этомъ переѣздѣ отъ послѣдняго отрога горъ, что въ десяти миляхъ западнѣе Сердца-Камень, мѣстность—унылая, печальная низина съ лагунами, изъ которыхъ особенно большая та, что имѣетъ выходъ въ море между деревнями Нешканъ и Айганякунь. Деревня Тойгунынъ расположена на маленькомъ мыскѣ того же имени, который неизвѣстно откуда и какъ выросъ здѣсь между низинами справа и слѣва. На этомъ ночлегѣ Ке-

регенъ, очевидно еще подъ впечатлѣніемъ ужасныхъ разсказовъ про голодъ впереди, передалъ своихъ собакъ и обязанности проводника родственнику Уакою, жалуясь, что самъ онъ боленъ и боится дальняго пути. Мнѣ все равно, съ кѣмъ бы ни ѣхать, лишь бы ѣхать.

13 Января. Барометръ 29,9 д. Чистое небо. Съ сѣвера тянетъ слабый, едва замѣтный вѣтерокъ. Ясная погода и полярный зефиръ развели такой морозище, что я не успѣваю оттирать на лицѣ бѣлыя пятна. Къ 12 часамъ дня доѣхали до деревни Чегытегынь. До Колючина еще цѣлый день пути, а у меня уже полъ лица обморожено. Послѣднее обстоятельство склоняетъ меня заночевать здѣсь.

14 Января. Погода прекрасная. Барометръ 30,3 д. Доѣхалъ до Колючина. Колючинская губа на западной своей сторонѣ окружена горами, тогда какъ на восточной не видно сколько-нибудь замѣтныхъ возвышенностей. Восточный берегъ ея устья составляетъ коса, которая, начавшись у мыса Тойгунынъ, тянется къ западу миль на двадцать, постепенно понижается и подъ конецъ состоитъ изъ ряда лагунъ и озеръ, хитро переплетенныхъ между собою протоками, съ разбросанными тамъ и сямъ деревьями плавника. Мы не доѣзжаемъ до конца косы, а свертываемъ прямо на островъ, который еще не виденъ, такъ какъ лежитъ миль на двадцать сѣвернѣе восточнаго берега и какъ разъ въ створѣ съ западнымъ. Когда я подъѣзжалъ къ острову, то старался отыскать глазами и другой, который такъ часто показывается на картахъ. Къ моему изумленію его не оказалось. И колючинцы мнѣ потомъ разсказывали, что здѣсь всего одинъ островъ, на которомъ они живутъ зимою.

15 Января. Барометръ 30,6 д. Даю отдыхъ собакамъ.

Колючинъ — маленькій гористый островъ, мили 3 длиною и 1 — $1^1/_2$ шириною. Колючинцы живутъ тамъ только зимою, лѣтомъ же выселяются на материкъ, на западный берегъ Колючинской губы, къ подножію большой горы Валяганъ. Горы вообще окаймляютъ всю западную сторону губы. Гора Валяганъ—ихъ самый сѣверный кряжъ—служитъ водораздѣломъ для большой рѣки Коменай, проложившей себѣ широкую долину въ сѣверо-восточномъ направленіи и водами, текущими прямо въ океанъ.

16 Января. Ѣду дальше. Барометръ 30,5 д. Небольшой западный вѣтеръ.

Утромъ перебрались на другую сторону Колючинской губы. Берегъ океана здѣсь такъ же низменепъ и лагунистъ, какъ и на

противоположной сторонѣ. Горы хотя видны отчетливо, но не подходятъ близко къ берегу. Миляхъ въ 15 къ западу отъ губы онѣ, однако, образуютъ довольно высокій и замѣтный мысъ Онманъ, обогнувъ который, мы ночуемъ. Ему съ востока предшествуетъ небольшой мысокъ Келенгеутъ и оба они составляютъ края широкой, но не глубоко вдавшейся, бухты Калькха. Она врядъ ли будетъ имѣть какое-нибудь значеніе для судоходства, такъ какъ совершенно открыта.

17 Января. Доѣхалъ до рѣки Ванкаремы. Погода слегка хмурится. Барометръ утромъ упалъ до 29,6, но вечеромъ снова поднялся до 30,3 д.

Миляхъ въ пяти къ западу отъ Онмана есть небольшая, но, очевидно, примѣтная съ моря горка Кеменгай. Уакой говоритъ, что чукчи ориентируются по ней въ своихъ морскихъ путешествіяхъ. Отъ нея до рѣки Ванкаремы идетъ обычная слегка волнистая тундра, которая заканчивается длинной косой, образующей восточное устье рѣки. По разсказамъ, Ванкарема—широкая большая рѣка, но лично я ее не видѣлъ, такъ какъ проѣзжалъ по большой лагунѣ, которую она образуетъ передъ своимъ впаденіемъ.

18 Января. Хорошая солнечная погода, но и морозъ отчаянный. Барометръ 30,6 д. Громадный пролетъ безъ жилья верстъ въ сто. Усталъ и намерзся страшно, пока добрался до 2-хъ яранг. Теперь я въ окрестностяхъ другой большой рѣки — Амгуемы, или какъ произносятъ чукчи Онгуанъ, выговаривая первый и послѣдній слогъ на французскій манеръ въ носъ.

Пространство между Ванкаремой и Амгуемой—ровная и слегка волнистая тундра. Берегъ моря мѣстами подмытъ, мѣстами незамѣтно сходитъ къ водѣ, но нигдѣ не поднимается выше 2 — 3-хъ саженъ. Лагуны тоже отсутствуютъ.

Первые слѣды голода: по дорогѣ сюда встрѣтилъ двухъ женщинъ, которыя, спасаясь отъ голода, идутъ пѣшкомъ въ яранги въ поискахъ пищи. Дальше обогналъ молодого парня. За отсутствіемъ собакъ онъ самъ запрегся въ нарту и везетъ на ней полный грузъ мяса съ Ванкаремы. Когда онъ пройдетъ эти 100 верстъ и сколько затратитъ труда? Въ той ярангѣ, гдѣ заночевалъ я, пища еще была, но собакъ оказалось нечѣмъ кормить, и я распаковалъ свой запасъ, который везу и берегу для крайности. Въ другой же ярангѣ не было даже жира для огня.

19 Января. Барометръ упалъ до 30 д. Дуетъ слабый южный вѣтеръ. Падаетъ снѣгъ, тепло, туманно.

Отъѣхавъ верстъ 15 отъ ночлега, пересѣкаю широкій лиманъ Амгуемы. Ѣду по немъ часа два, и къ вечеру доѣзжаю до села Такоканги, отмѣченнаго на картѣ, но состоящаго всего изъ 2-хъ ярангъ. По дорогѣ опять выбросы плавника, не очень большіе, но иногда съ великолѣпными экземплярами строевого лѣса. Теперь я увѣренъ, что онъ американскаго происхожденія. На этомъ ночлегѣ я нашелъ у хозяевъ цѣлую банку газолина. Какъ они мнѣ разсказали, ее выбросило моремъ недалеко отсюда позднею осенью, за нѣсколько мѣсяцевъ до моего пріѣзда. Газолинъ хорошо сохранился, и чукчи пробовали утилизировать его, какъ керосинъ, для освѣщенія. Понятно ничего не выходило, такъ какъ его моментально взрывало, и они никакъ не могли взять въ толкъ: почему мой «танги мыть-ка-мыть» (керосинъ) горитъ ровнымъ свѣтомъ (я имѣлъ керосинъ и примусъ), а ихъ рветъ какъ порохъ.

Газолинъ могъ попасть только съ американской шхуны, потерпѣвшей аварію, такъ какъ эта вещь довольно дорогая и за бортъ банками не выбрасывается. Въ то лѣто крушеній у нашихъ береговъ не было, а у американскихъ, гдѣ они случаются каждый лѣтній сезонъ, потому что и шхунъ то тамъ плаваетъ много больше чѣмъ у насъ. Наконецъ, даже если шхуны и посѣщаютъ наше побережье С. Ледовитаго океана, то никогда не заходятъ дальше мыса Сердце-Камень, и въ тотъ сезонъ, по разсказамъ жителей, ихъ было тамъ только двѣ. Во всякомъ случаѣ, газолинъ отъ Берингова пролива почти къ Сѣверному мысу могъ быть принесенъ только теченіемъ. Я думаю, что то теплое теченіе, которое омываетъ западные берега Сѣверной Америки, за Беринговымъ проливомъ, если не все, то частью сворачиваетъ въ нашу сторону и несетъ къ намъ лѣсъ, подобранный съ богатыхъ зарослями береговъ Аляски и Британской Колумбіи. За Амгуэмой мое вниманіе было остановлено могучимъ великаномъ въ два обхвата толщины, валявшимся на берегу. Я не могъ опредѣлить его породы, но ручаюсь, что онъ выросъ не подъ полярнымъ солнцемъ. Да какъ иначе объяснить, что въ февралѣ мѣсяцѣ, среди самыхъ трескучихъ морозовъ, вдругъ потянетъ вешнимъ тепломъ, тепломъ, образующимъ гололедицу подъ 66°—68° сѣверной широты, какъ не вліяніемъ скрытаго теплаго теченія? За Амгуэмой опять начинается низкая лагунная полоса.

20 Января. Барометръ палъ до 29,5 д.

За ночь выпалъ снѣгъ, затруднившій движеніе нашихъ и безъ того усталыхъ собакъ, потому мы не могли сдѣлать предположеннаго переѣзда и заночевали въ одинокой яранге на устьѣ рѣки

Тенкергункъ. Самая бѣдная, жалкая яранга изъ всѣхъ видѣнныхъ мною, несмотря на то, что принадлежитъ знаменитому по всему округу шаману Атерго. Его тоже посѣтилъ голодъ, и онъ ушелъ въ сосѣднее село за помощью, тогда какъ семья перебивается однимъ жиромъ. Къ вечеру вѣтеръ усилился, хотя барометръ поднялся до 29,75 д.; боюсь, какъ бы не было утромъ бурана.

21 Января. Такъ и есть. Буранъ свирѣпствуетъ, и бѣдная яранга трещитъ и гудитъ, какъ турецкій барабанъ. Ждать или ѣхать? Ждать? — значитъ кормить всѣхъ: моихъ хозяевъ, своихъ собакъ. Это пустяки, когда есть гдѣ пополнить запасы. Но я не проѣхалъ и трети моего пути до пункта пополненія кормовъ, а впереди у меня еще болѣе голодная мѣстность и подъ конецъ — пустыня. Ѣхать? — Но при одномъ представленіи всей ужасающей обстановки, творящейся снаружи, морозъ пробираетъ по кожѣ. Однако рѣшаю ѣхать. Уакой, безпокоясь о собачьемъ кормѣ, тоже склоняется на послѣднее рѣшеніе. Часовъ около 11 собрались и выѣхали. Пересѣкли лиманъ, или скорѣе лагуну, которую образуетъ здѣсь рѣка Тенкергункъ, проѣхали еще небольшое пространство, и я почувствовалъ, что продолжать путь невозможно: я сначала пробовалъ управлять моими собаками, но встрѣчный, прямо въ глаза, буранъ моментально заволакивалъ все лицо льдомъ. Послѣ нѣкоторыхъ попытокъ въ этомъ родѣ, я усѣлся поудобнѣй и при слѣдующей остановкѣ заявилъ Уакою, что надо возвращаться. Но онъ оказался на высотѣ положенія: сказалъ мнѣ свое «мечиньки»—замѣчательное слово, близкое по значенію къ русскому «ничего» — взялъ подъ свое наблюденіе опредѣленіе пути, своихъ и моихъ собакъ, и мы поѣхали. Долженъ сознаться, что въ этомъ переѣздѣ я игралъ довольно жалкую роль: облеченный въ двѣ «парки» [1]), «утычхинъ» [2]), я сидѣлъ на нартѣ какъ китайскій балванчикъ, заботясь только о томъ, чтобы защитить лицо и сохранить равновѣсіе. Послѣднее, однако, не всегда удавалось: вѣтеръ распахалъ снѣжное поле глубокими бороздами, которыя заботливый каюръ тщательно обходитъ, отводя и свою нарту. Но соскакивать ежеминутно въ толстой одеждѣ, повертываться лицомъ къ вѣтру, который моментально набрасываетъ кучи снѣгу въ глаза, уши, за воротникъ, гдѣ онъ сейчасъ же таетъ и ползетъ по тѣлу холодными струйками воды, было выше моей энергіи; я просто сидѣлъ и балансировалъ, пока

---

[1]) Верхняя мѣховая одежда.

[2]) Верхняя полотняная одежда для предохраненія мѣха отъ снѣга.

не летѣлъ съ перевернувшейся нартой въ снѣжную яму. Тогда начиналось проявленіе нѣкоторой дѣятельности: я клялъ судьбу, погоду и все на свѣтѣ, поднимался, переворачивалъ нарту, садился на нее снова, и снова погружался въ свои мрачныя размышленія. А буранъ продолжалъ свирѣпствовать съ прежней силой, и въ его снѣжной мглѣ только и видны были кровавыя пятна, оставляемыя на снѣгу обмороженными собачьими ногами и надорванными животами. Куда мы ѣхали, сколько ѣхали — я потерялъ представленіе о времени и пространствѣ. Когда стало совсѣмъ темно, Уакой крикнулъ мнѣ, что мы пріѣхали. Дѣйствительно, виднѣлись лодки, яранга, и заботливые хозяева уже распрягали нашихъ собакъ.

22 Января. Пережидаю буранъ.

23 Января. Слегка прояснило. Барометръ 29,85 д.

Доѣхалъ до с. Рыркайпій, расположеннаго на западной сторонѣ Сѣвернаго мыса. По дорогѣ нѣсколько рѣчекъ и лагунъ, названія которыхъ не записывалъ. Самый мысъ долженъ быть очень примѣтенъ съ моря, потому что высокъ и далеко выдвинулся впередъ. Но его связь съ материкомъ не можетъ быть даже названа горнымъ отрогомъ, просто небольшой увалъ, слегка приподнятый отъ общей поверхности. На многихъ картахъ около мыса показана большая рѣка. Я тамъ не нашелъ таковой; есть, правда, одна, но совсѣмъ маленькая, непримѣтная. Здѣсь отпускаю своего Уакоя и беру новыхъ проводниковъ.

4 Февраля. 10 дней прожилъ въ Рыркайпіи, собирая собакъ и корму. Ѣду отсюда на трехъ нартахъ: двѣ подъ собачій кормъ, такъ какъ мѣстность впереди голодная, и одну для себя. Да и здѣсь, въ окрестностяхъ Сѣвернаго мыса, тоже неблагополучно: жители питаются тѣмъ, что добудутъ; старыхъ осеннихъ запасовъ нѣтъ и потому набрать мяса для 30 собакъ было ужасно трудно. Однако выѣхалъ. Барометръ утромъ 30,6 д., къ вечеру упалъ до 30,3 д. Длинный утомительный переѣздъ до деревни Пильхинъ. Отъ Сѣвернаго мыса берегъ дѣлаетъ большой выгибъ внутрь материка и начинаетъ окаймляться горами, которыя, однако, къ нему не подходятъ, а оставляютъ низкую прибрежную полосу верстъ до 20 шириною, занятую лагунами. Лагуны здѣсь громадны по площади. Этому трудно вѣрить, и зимою я не могъ прослѣдить, но новые мои проводники говорятъ, что тутъ собственно одна лагуна, которая тянется до горы Энмакай, гдѣ то вблизи мыса Якканъ.

5—9 Февраля. Стою въ Пильхинѣ и пережидаю буранъ, который свирѣпствуетъ во всю. Барометръ 30,2 — 30,4 д.

10 Февраля. Затишно. Дивный ясный день. Барометръ 30,25 д.

Выѣхалъ дальше. Все та же коса и лагуна; все тѣ же невысокія горы, которыя сопровождаютъ лагуну на всемъ протяженіи, изрѣдка прерываясь небольшими рѣчками. Наиболѣе многоводная изъ нихъ — Куэквымъ.

11 Февраля. Хорошая погода. Барометръ 30,1 д.

Доѣхалъ до мыса Энмакай, гдѣ оканчивается громадная лагуна. Маленькій, совсѣмъ незамѣтный мысъ. Горы, хотя и не высокія, подошли къ берегу вплотную, и онъ мѣстами становится обрывистъ. Вдали виднѣется Якканъ, но до него еще должно быть далеко: синяя пленка дали, или тумана, слегка заволакиваетъ его.

12 Февраля. Барометръ 29,9 д. Туманная, тихая, теплая погода.

Проѣхалъ мысъ Якканъ. Онъ не высокъ, но далеко выдвинулся въ море и потому вырисовывается въ видѣ отдѣльной горки съ довольно пологими склонами. Къ западу отъ него опять идетъ низина съ косами и лагунами; вдали виднѣются горы. Сегодня

Мысъ Якканъ.

ночую въ палаткѣ, такъ какъ та одинокая яранга, около которой мы остановились, такъ мала и такъ переполнена людомъ, что намъ предложили спать въ наружномъ шатрѣ съ собаками. Я предпочелъ обойтись безъ этого сосѣдства и разбилъ палатку. Повсемѣстно, если не голодъ въ буквальномъ смыслѣ слова, то страшная нужда и недоѣданіе. Океанъ замерзъ на такое пространство, что до открытой воды день пути. Нерпы почти нѣтъ, а если мѣстами и проходятъ стада, то ея нечѣмъ бить: патроны на вѣсъ золота, ружья имѣются не у всѣхъ, а сѣти и простой уколъ со льдины — вещь слишкомъ ненадежная. Собаки у населенія частью передохли отъ

голода и холода, частью бродятъ, но такія тощія, унылыя, какъ замогильныя тѣни.

13 Февраля. Барометръ 30,1 д. Хорошая погода: тепло, солнечно, морозно.

Доѣхалъ до рѣки Хуыргенъ. Длинный переѣздъ. Все тѣ же косы и лагуны, перерываемыя только въ одномъ мѣстѣ невысокимъ мысомъ Эрмитаунъ.

14 Февраля. Даю отдыхъ собакамъ. Погода держится хорошая. Барометръ 30,1 д.

15—16 Февраля. Доѣхалъ до деревни Ачунменъ на другой сторонѣ дельты рѣки Аачень, по-русски Верконь. Громадная рѣка, дельту которой я переѣзжалъ цѣлый день и часть ночи.

Опишу по порядку. Выѣхалъ съ ночлега затемно въ хорошую погоду; дуетъ легкій, попутный, восточный вѣтеръ и морозъ стоитъ отчаянный. Боюсь за собакъ. И такъ половина изъ нихъ идетъ въ мѣховыхъ поясахъ и чулкахъ. Полдня пересѣкаемъ лагуны и косы рѣки Хуыргенъ, которыя здѣсь выдвинулись въ море низкимъ выступомъ, и подъѣзжаемъ къ горамъ. Онѣ не высоки, спускаются къ океану пологими скатами, но очень каменисты. Ихъ голыя скалы проступили наружу и разбросались по склонамъ въ живописномъ безпорядкѣ. Чукчи называютъ эти горы Перкатаынъ. Невдалекѣ отъ долины р. Верконь, онѣ образовали два выступа въ море, но такихъ незначительныхъ, что врядъ ли могутъ быть названы мысами. Съ закатомъ солнца выѣзжаемъ наконецъ въ долину Верконя.

Номылинъ, старшій изъ двухъ моихъ новыхъ проводниковъ, говоритъ, что нужно заночевать. Но мнѣ такъ не хочется разбираться, ставить на холоду палатку... Я чувствую, что на такомъ морозѣ отдыха все равно не будетъ и настаиваю на дальнѣйшемъ пути. Рѣшаемъ поэтому напиться чаю, закусить, накормить собакъ и ѣхать дальше. На косѣ масса лѣсу плавника, поэтому я не развожу моей машинки, а пока чукчи развязываютъ нарты и готовятъ собачій кормъ, рублю дрова, чтобы согрѣться. Скоро костеръ готовъ: чайникъ кипитъ, кипитъ и котелокъ, куда я бросилъ кусокъ оленины и горсть зелени. Но какъ пить и ѣсть, когда рукъ невозможно высунуть изъ рукавицъ! Морозъ до того трансформировалъ все кругомъ, что мяса, напр., отрѣзать или отрубить въ кускѣ нельзя, оно разсыпается въ крошки. Я то и дѣло оттираю то носъ, то щеки, которыя черезъ минуту снова становятся бѣлыми. Кое-какъ закусивъ, ѣдемъ дальше. Мѣсяцъ свѣтитъ ярко,

и верстъ пять проѣзжаемъ безъ инцидентовъ, пока не достигаемъ дельты. Подъ какими вліяніями силъ вѣтра и теченій формировался здѣсь ледъ — Богъ вѣсть, только его нагромоздило въ такомъ хаотическомъ безпорядкѣ, что передать это невозможно. Льдины въ 2 — 3 сажени высотой лѣзутъ другъ на друга, нависаютъ, прерываются глубокими провалами, запорошенными снѣжной пленкою. Что ни шагъ, то приходится или тащить почти на себѣ нарту по крутому откосу въ 40 — 50 градусовъ, то летѣть куда то внизъ съ партой и собаками вмѣстѣ. Послѣднія, выбившись изъ силъ, не везутъ. При ежеминутныхъ остановкахъ поднять ихъ почти невозможно. Номылинъ то и дѣло лѣзетъ на скалы осматривать болѣе удобные проходы, но мѣсяцъ даетъ мало свѣту. Устали страшно. Нервы шалятъ. Мнѣ начинаетъ казаться, что Номылинъ нарочно завелъ меня въ скалы, чтобы принудить къ ночевкѣ. Онъ тоже нервничаетъ... Скоро становится очевидно, что ѣхать дальше невозможно. Останавливаемся. 12 часовъ ночи. Проводники предлагаютъ разбить палатку, но я отказываюсь: долгая работа. Усталый, мокрый отъ поту, падаю на нарту и засыпаю. Просыпаюсь отъ сильной боли въ рукахъ: оказывается, что несмотря на двѣ пары оленьихъ рукавицъ, руки начали мерзнуть. Но маска оправдала свое назначеніе и лицо сохранилось. Свѣтаетъ. Дни подъ этими широтами ростутъ съ поразительной быстротою. Давно ли они были $1^1/_2$ часа длиною, а теперь больше 12. Трогаемся дальше. Тѣ же льды, и потребовалось цѣлыхъ полдня, пока изъ нихъ выбрались. Горы противоположнаго берега дельты видны рельефно. Но ѣдемъ, ѣдемъ, а до нихъ все еще далеко. Измученные псы плетутся шагомъ. Наступаетъ вечеръ, ночь, а крова все нѣтъ. Островъ Айпаатькунь (Шалоурова), противъ котораго Номылинъ обѣщалъ яранги, совсѣмъ близко. Замерзъ страшно. Только тутъ испыталъ, что въ ноздряхъ живого человѣка можетъ образовываться ледъ. 12 часовъ ночи, наконецъ добрались до жилья.

17 Февраля. Отдыхаемъ отъ тяжелаго переѣзда. Рѣка Верконь — одна изъ большихъ рѣкъ нашего сѣвера. Главный, лѣвый рукавъ ея дельты такъ широкъ, что его скорѣе можно принять за морской заливъ. Противъ ея устья лежитъ маленькій островокъ Шалоурова. Онъ не длиннѣе одной версты. Горы, сопровождающія Верконь по лѣвому ея берегу, высоки, круты, скалисты и подошли къ ней вплотную. Чукчи называютъ ее Перкіонь. Разстояніе между Перкатынскими и Перкіонскими горами, приблизительно верстъ 50, составляетъ ширину долины рѣки.

18 Февраля. Барометръ утромъ 30,3 д. Великолѣпная солнечная погода.

Ѣду дальше вдоль горъ, которыя въ этомъ мѣстѣ подошли къ океану. Онѣ высоки, спускаются къ берегу довольно пологими скатами, и выдвинули два замѣтныхъ мыса: Кибера, на лѣвомъ берегу Верконьскаго лимана, по-чукотски Ачуньменъ, и мысъ Козьмина, или Куйгуннъ, какъ называютъ его чукчи. У послѣдняго ночую.

19 Февраля. Барометръ 30,1 д. Солнечная тихая погода. Доѣхалъ до Иртыня. Маленькій въ полдня переѣздъ. Двигаюсь все время около горъ, которыя въ этомъ мѣстѣ уже поднимаются надъ моремъ и порой падаютъ въ него невысокими обрывами. Село Иртынь расположено на западной сторонѣ Шелагскаго мыса, который крутой высокой горой далеко выдался въ море. Перешеекъ, связывающій его съ материкомъ, узокъ, низокъ и имъ обыкновенно пользуются, какъ путемъ къ Чаунской губѣ, чтобы не объѣзжать длиннаго мыса. Чукчи называютъ Шелагскій мысъ—Уньпенмынъ.

20—22 Февраля. Барометръ 30,45; 30,55; 30,1 и 30,7 д.

Все время хорошая погода. Стою въ Иртынѣ. Приготовляемся къ длинному, въ нѣсколько дней, переѣзду безъ жилья, такъ какъ отъ Чаунской губы до самаго Нижне-Колымска нѣтъ поселковъ. Откармливаемъ собакъ, дѣлаемъ запасъ пищи и кормовъ на дорогу.

24 Февраля. Выѣхалъ въ Нижне-Колымскъ. Легкій сѣверо-восточный вѣтеръ. Очень холодно, хотя погода солнечная. Барометръ 30,7 д.

Изъ-за торосовъ переѣзжать Чаунскую губу прямо отъ Шелагскаго мыса оказалось невозможно, и мы спускаемся по ней къ югу до острова Роутанъ. Восточный берегъ губы въ этомъ мѣстѣ высокъ, крутъ, часто обрывистъ. Горы видимо заполняютъ весь этотъ уголъ между рѣкой Верконью и Чаунской губой. Островъ Роутанъ, на берегу котораго мы нашли немного плавника для нашего ночлежнаго костра, невеликъ, всего 4 — 5 миль длиною. Сѣверо-восточная часть его приподнята и обрывиста, въ остальныхъ же мѣстахъ онъ сходитъ къ морю низкими косами.

25 Февраля. Барометръ упалъ до 30,1 д. Держитъ порядочный сѣверо-восточный буранъ, но мы ѣдемъ, такъ какъ пережидать его въ открытомъ ледяномъ полѣ не представляется какой либо прелестью.

Доѣхали до острова Аіона. Долго искали по его берегамъ плавника для ночлега и не найдя, остановились у двухъ ярангъ. Но

онѣ оказались до того малы и бѣдны, что съ трудомъ помѣщали своихъ обитателей. Мы разбили свою палатку.

26 Февраля. Къ утру затихло. Барометръ 30,3 д. Переѣзжаемъ островъ. Его тундра поднимается отъ берега длиннымъ незамѣтнымъ подъемомъ; внутри она характеризуется обычными увалами и оврагами, по которымъ текутъ небольшія рѣчки. Ѣдемъ весь день съ увала на увалъ. Ужасно монотонный, унылый видъ. Мои проводники думаютъ къ ночи выбраться на противоположный берегъ, но наступаютъ 10—11 часовъ, а его все нѣтъ. За темнотой останавливаемся въ полѣ и разбиваемъ палатку.

27 Февраля. Барометръ 30,6 д. Великолѣпная погода. Рано утромъ выѣзжаемъ на противоположный западный берегъ Аіона, находимъ въ изобиліи плавникъ, разводимъ костеръ и готовимъ завтракъ. Дальше пересѣкаемъ неширокій Чаунскій проливъ. Противоположный его берегъ такъ низокъ, что я не могу уловить очертаній и незамѣтно выѣзжаю на низину, покрытую растительностью. Впереди виднѣется возвышенная кайма, сопровождающая проливъ на всемъ протяженіи, которая оставляетъ впечатлѣніе стараго морского берега: какъ будто мѣстность здѣсь постепенно поднялась и обнажилась отъ воды. Перерѣзавъ уголъ материка, снова спускаемся къ океану и двигаемся вдоль него до ночлега на одной изъ косъ.

Островъ Аіонъ считается у чукчей какъ одно изъ лучшихъ пастбищъ и хотя зимою тамъ нѣтъ никого, за исключеніемъ тѣхъ двухъ бѣдныхъ ярангъ, о которыхъ я упоминалъ, весною туда прикочевываетъ много оленеводовъ съ большими стадами, которые и остаются тамъ до позднихъ морозовъ.

28 Февраля. Вѣтренный, но теплый день. Барометръ 30,4 д. Доѣхалъ до Большой рѣки. Берегъ океана отъ Чаунской губы слегка приподнятъ, но не высокъ. Изобилуетъ косами, на которыхъ отложены богатые выбросы плавника, явно мѣстнаго происхожденія: преимущественно не толстая лиственница. Большая Рѣка, или по-чукотски Раучуанъ, образовала широкую низкую долину съ косами по обѣ стороны устья. По величинѣ и многоводности она вполнѣ оправдываетъ свое названіе. Ночуемъ въ брошенныхъ постройкахъ когда-то видимо хорошо оборудованной миссіи съ церковью и нѣсколькими домами.

1 Марта. Слабый южный вѣтеръ. Барометръ 30,4 д.

Настолько тепло, что вода не мерзнетъ и ледъ на полозьяхъ нашихъ нартъ не держится. Собаки поэтому едва плетутся. Берегъ

отъ Большой рѣки начинаетъ сопровождаться горами, которыя сначала не высоки, разрѣзаны частыми небольшими рѣчками, намывшими косы. Вездѣ массы плавника! Здѣсь его такое изобиліе, какого я никогда передъ этимъ не встрѣчалъ. Ночуемъ на одной изъ косъ. Изъ рѣкъ, что сегодня проѣхали, можно отмѣтить двѣ: Мильгерань и Ультыткунь.

2 Марта. Доѣхалъ до Большого Баранова мыса, который еще былъ виденъ вчера въ видѣ огромной отдѣльной горы, выступившей впередъ. Барометръ стоитъ третій день безъ движенія, хотя сегодня солнечный тихій и морозный день. Ситуація берега та же, что и за прошлый день. Проѣхалъ большую рѣку по названію Крестовая и ночую на слѣдующей меньшей Сельдевой, впадающей въ океанъ у самаго мыса. Начинаютъ попадаться слѣды человѣческаго существованія: встрѣтили старую дорогу, проложенную нѣсколькими нартами.

3 Марта. Барометръ утромъ 30,7 д. Страшно морозно, но тихо и ясно. Вечеромъ сильный буранъ, заставившій насъ растеряться и лишиться нѣсколькихъ собакъ, которыя замерзли.

Перевалили Большой Барановъ мысъ по невысокому кряжу, связывающему его съ материкомъ, минули мысы: Лысятка, Малый Барановъ и когда стали подъѣзжать къ мысу Каменка, насъ захватилъ буранъ. Къ счастью «поварня» (небольшая промысловая избушка съ самымъ примитивнымъ очагомъ) оказалась близко, и мы пріютились здѣсь на ночь.

4 Марта. Вѣтеръ затихъ. Барометръ 30,5 д. Доѣхалъ до устья Колымы, пересѣкши отъ Каменки мысы: Медвѣжій, у Столба и Маякъ. Какъ видно изъ количества мысовъ, берегъ между Большимъ Барановымъ и Колымою довольно извилистъ. Это объясняется тѣмъ, что горы здѣсь подошли къ нему вплотную и, достигнувъ наибольшей высоты у Большого Баранова, постепенно спускаются къ Колымской долинѣ. Большихъ рѣкъ на этомъ пространствѣ нѣтъ. Можно отмѣтить: двѣ маленькія рѣчки къ западу отъ Большого Баранова, которыя колымцы называютъ: Двѣ Рѣчки: у мыса Малый Барановъ рѣка Баранiха, и у Медвѣжьяго рѣка Медвѣжья. Доѣхалъ до покидаемой зимою деревни Сухарной, гдѣ встрѣтилъ нѣкоторыхъ колымцевъ, пріѣхавшихъ туда на промыселъ звѣря и за рыбой, оставленной осенью.

Отъ Чаунской губы до самой рѣки Колымы весь берегъ покрытъ наноснымъ лѣсомъ — плавникомъ. Каждая коса, каждая низинка

представляетъ изъ себя складъ годнаго не только для топлива, но даже и для постройки лѣса.

Климатъ побережья Сѣв. Ледовитаго Океана нѣсколько суровѣе остальныхъ частей Чукотскаго полуострова. Да это и понятно если принять во вниманіе даже только разницу широтъ. Кромѣ того, если предположеніе о тепломъ теченіи, идущемъ отъ береговъ Америки, вѣрно, то его вліяніе должно уменьшаться съ каждой милей къ западу. Колымцы, на мой вопросъ, почему зимою они живутъ такъ далеко отъ моря по займкамъ, когда на самомъ взморьѣ у нихъ выстроена цѣлая большая деревня Сухарная, разсказали мнѣ, что раньше такъ и было: нѣкоторые зимовали тамъ, но сильные холода, приносимые сѣверными вѣтрами, сказались на ихъ собакахъ, которыя стали вымирать. А такъ какъ собаки—главный отпускной товаръ этой округи, то не мудрено, что жители выселились въ мѣста болѣе защищенные отъ вѣтровъ горами и лѣсами. Это пожалуй отчасти объясняетъ, почему прибрежные чукчи, вывозя ежегодно изъ Колымскаго округа сотни собакъ, всегда въ нихъ нуждаются, не будучи въ состояніи развести ихъ въ достаточномъ количествѣ дома.

Объ условіяхъ мореплаванія вдоль береговъ Сѣвернаго Ледовитаго океана я мало что могу сказать. Проѣзжалъ я тамъ зимою, но изъ разсказовъ жителей вынесъ впечатлѣніе, что, хоть на короткое время, почти въ каждый лѣтній сезонъ море очищается отъ льда и слѣдовательно возможность прохода въ рѣку Колыму со стороны м. Дежнева есть.

До Колючинской губы плаваніе возможно по крайней мѣрѣ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ ежегодно: іюль и августъ.

Между Колючинымъ и Сѣвернымъ мысомъ мнѣ говорили, что море не каждый годъ бываетъ свободно ото льда; случается, что вѣтры по цѣлымъ мѣсяцамъ держатъ его у береговъ.

Отъ Сѣвернаго мыса до Чаунской губы и въ самой Чаунской губѣ разсказы жителей объ условіяхъ плаванія оставили во мнѣ болѣе свѣтлое впечатлѣніе. Хоть и тамъ бываетъ, что ледъ не пропадаетъ изъ виду круглый годъ, однако они каждое лѣто дѣлаютъ маленькія передвиженія на лодкахъ вдоль береговъ. А что Колымцы выѣзжаютъ къ Чаунской губѣ и Чаунскіе чукчи къ Колымцамъ, это я слышалъ отъ лицъ, которымъ безусловно можно вѣрить.

Отъ Сѣвернаго Ледовитаго океана къ Великому.

Пріѣхавъ въ Нижне-Колымскъ, я думалъ, что самая трудная часть моего пути сдѣлана, и мнѣ осталось только вернуться на Чукотскій полуостровъ старыми, избитыми трактами, по которымъ раньше меня проѣзжали нынѣшній генералъ-губернаторъ Приморскаго края, тайн. сов. Гондатти, а также Олсуфьевъ, Богоразъ, и по которымъ марковцы изъ году въ годъ сносились съ Колымой и Ново-Маріинскомъ, гдѣ шли караваны товаровъ, гдѣ для сношеній употреблялись даже лошади... Все это было. Лошадей я тоже нашелъ въ Нижне-Колымскѣ, не нашелъ только стараго тракта.

Если взглянуть на генеральную карту нашего крайняго сѣверовостока, то видно, что р.р. Большой и Малый Анюи покрыты надписями разсѣянныхъ по нимъ поселковъ, которые соединены между собою дорогами, переплетающимися въ разныхъ направленіяхъ. Никто, понятно, не ожидаетъ встрѣтить тамъ шоссе и телеграфъ, однако у интересующагося остается впечатлѣніе, что край тотъ болѣе или менѣе заселенъ и по немъ, какое бы то ни было, но сообщеніе есть.

Улица въ Нижне-Колымскѣ.

Такъ думалъ и я передъ отправленіемъ въ поѣздку; такъ оно вѣроятно раньше и было. Но теперь всѣ эти названія не больше какъ памятники прошлаго. Отошло въ область преданій и сообщеніе Колымы съ Марковомъ. По крайней мѣрѣ, уже больше десяти лѣтъ никто не проѣзжалъ этимъ путемъ. Измѣнились условія существованія—измѣнились и пути сообщеній.

Послѣднюю мысль я разовью полнѣе потомъ, теперь же хочу только объяснить, почему я не поѣхалъ старымъ путемъ на Остров-

Типы колымчанъ.

ное и Марково, а вернулся къ Чауну и пересѣкъ тундру напрямикъ. Скажу коротко. Анюйская ярмарка изъ Островного (на маломъ Анюѣ) была перенесена въ Пантелеевку (заимка въ 40 верстахъ отъ Нижне-Колымска) и пала почти окончательно. Кочевники откочевали въ другія мѣста, гдѣ имъ легче доставать привозные товары. Осѣдлое населеніе частью вымерло, частью выселилось съ верховьевъ рѣкъ, и путь заглохъ. И раньше то онъ поддерживался тѣмъ, что разъ

Ярмарка въ заимкѣ въ Пантелеевкѣ.

въ годъ пріѣзжали изъ Маркова нѣсколько десятковъ нартъ сразу, передъ которыми лыжники проминали въ мягкомъ снѣгу дорогу. Мѣстность тутъ лѣсистая и потому снѣгъ не представляетъ собою такого укатаннаго вѣтромъ грунта, какъ на голой тундрѣ (убой).

Но я ѣхалъ 2000 миль, скромно, на свои средства и не могъ нанимать лыжниковъ съ десяткомъ нартъ. Все, что я себѣ позволялъ—это одинъ проводникъ и двѣ нарты, гдѣ каюромъ на второй я былъ самъ. На такихъ условіяхъ никто изъ колымцевъ ѣхать не соглашался, да и невозможно было ѣхать, такъ какъ на мягкомъ снѣгу въ 2 тяжело нагруженныхъ нартахъ собаки выбились бы изъ силъ на первой же сотнѣ верстъ. Съ другой стороны, мнѣ хотѣлось видѣть не старые тракты, а внутреннюю тундру съ оленьими кочевками и оленевода въ его обычной обстановкѣ.

Поэтому мнѣ ничего не оставалось дѣлать, какъ вернуться къ Чаунской губѣ, отъ которой только и начинаются поселки чукчей-собачниковъ и нанять тамъ одного изъ «дѣтей пустыни» провести меня прямо въ Марково.

Я такъ и поступилъ. Обратный до Шелагскаго мыса путь я описывать не буду, остановлюсь только на нѣкоторыхъ явленіяхъ, обратившихъ мое вниманіе.

Когда я вторично проѣзжалъ ту низину, что предшествуетъ Чаунскому проливу, и которая своимъ характеромъ напоминала мнѣ приподнятое морское дно, на обдутыхъ отъ снѣга мѣстахъ я разсмотрѣлъ валуны гладко обточенной крупной морской гальки, перемѣшанной съ иловатымъ грунтомъ. Валуны шли неправильными зигзагами, оставляя около себя не рѣзко очерченныя углубленія, явно образовавшіяся отъ вліянія морской волны.

Разбросанный тамъ и сямъ плавникъ говоритъ за то, что мѣстность эта и теперь временами покрывается водою подъ дѣйствіемъ-ли высокихъ приливовъ, сильныхъ вѣтровъ или колебаній почвы—Богъ вѣсть. Чукчи мнѣ разсказывали, будто случается иногда, что вѣтеръ угоняетъ воду изъ пролива, и они могутъ переходить его со стадами даже въ теплое время. Какъ много правды въ этомъ разсказѣ, дѣйствительно ли обнаженіе зависитъ отъ вѣтра, или это только впечатлѣніе дикаря, знающаго слишкомъ мало о стихійныхъ силахъ природы—вопросъ этотъ я оставляю открытымъ.

Дальше, когда я на обратномъ пути пересѣкалъ Чаунскую губу, то объѣхалъ островъ Роутанъ по южной сторонѣ, и здѣсь мнѣ показалось, что его низкая, юго-западная часть отдѣлена отъ остального острова проливомъ. Такъ ли это, т. е., составляетъ ли та полоса воды, что я проѣзжалъ, проливъ, или только одинъ изъ зигзаговъ между косами — установить не могъ. Чукчи постоянно мнѣ говорили, что тамъ всего одинъ островъ. 26 марта я вер-

нулся на Шелагскій мысъ, а 29 выѣхалъ въ кочевье въ двухъ переѣздахъ отъ берега, гдѣ мнѣ сказали имѣется опытный проводникъ.

Продолжаю выписки изъ дневника.

1 Апрѣля. Выѣхалъ на Марково. Хорошая погода: солнечно и не очень холодно. На южныхъ склонахъ горъ мѣстами начинаютъ мелькать черныя пятна земли, обнажившейся подъ вліяніемъ вѣтра и солнца, но еще очень мало, и морозы, особенно по ночамъ, держатъ во всю. Наста еще нѣтъ и признаковъ. Болѣю глазной болѣзнью.

Ѣдемъ вдоль Чаунской губы по восточному берегу. Горы сначала отвѣсныя надъ водой, въ разстояніи верстъ двадцати къ югу отъ Шелагскаго мыса понемногу начинаютъ отступать отъ берега. Переваливъ нѣсколько невысокихъ кряжей, отыскиваемъ кочевье и ночуемъ у небольшой рѣчки Млелень.

2 Апрѣля. Ради кочевьевъ мы не ѣдемъ прибрежной низкой полосой, а пересѣкаемъ невысокія горы восточнаго берега Чаунской губы. Хорошая солнечная погода. Переѣхали въ кочевье Этелина у рѣки Ичунь.

3 Апрѣля. Погода перемѣнилась. Подулъ южный мокрый буранъ прямо въ лицо. Ѣдемъ по предгорьямъ, которыя чѣмъ дальше къ югу все больше и больше отступаютъ отъ берега Чаунской губы. Къ утру добрались до горы Паолянъ, выдѣляющейся изъ крутого и высокаго кряжа, ограничивающаго съ сѣвера систему рѣки Чауна. На всѣхъ картахъ, которыя мнѣ приходилось видѣть, въ этомъ мѣстѣ показана отдѣльная рѣка Пала, на нѣкоторыхъ Пахля. Такой рѣки здѣсь нѣтъ, но есть р. Паолянъ, которая не самостоятельна, а составляетъ правый и вѣроятно самый большой притокъ рѣки Чауна.

4 Апрѣля. Буранъ все тотъ же, но, такъ какъ мы стоимъ подъ открытымъ небомъ, укладываемся и ѣдемъ. Переѣхали рѣку Паолянъ; за ней небольшой водораздѣлъ, который чукчи зовутъ горы Керпунь; слѣдующій притокъ Чауна, рѣка Алькаквымъ; еще водораздѣлъ—холмы Кытойгунъ и наконецъ добрались до самого Чауна. Чаунъ — громадная многоводная рѣка, занявшая своей системой широкую долину. Мнѣ не пришлось прослѣдить ея впаденія, но проводникъ говоритъ что передъ бухтой Чаунъ дѣлится на два рукава и принимаетъ въ томъ мѣстѣ свои главные притоки, правые, которые я уже перечислилъ, и лѣвые: Пуща-веемъ и Умрельканъ.

5 Апрѣля. Стоимъ на Чуанѣ. Буранъ разыгрался съ такой силой, что ѣхать невозможно. Боюсь, выдержитъ ли моя палатка напоръ вѣтра. Къ ночи, однако, стало стихать и мы тронулись дальше. Если взглянуть отъ Чауна къ югу, зрителю открывается длинная панорама горъ, тянущаяся съ запада на востокъ. Ихъ синяя зубчатая кайма уже видна съ послѣдняго водораздѣла — Кытойгунскихъ холмовъ. Немного впереди ихъ, чуть уклоняясь въ направленіи къ западу, вырисовывается пирамидальная сопка (ея чукотское названіе я забылъ записать). Это маякъ для нашего дальнѣйшаго пути. Совсѣмъ отдѣльно, прямо почти въ западномъ направленіи, на низменномъ берегу Чаунской губы вздымается массивная гора Нейтли, составляющая въ низовьяхъ водораздѣлъ между рѣкой Чауномъ и самостоятельной, тоже очень большой рѣкой Тауенмемъ. Пересѣкаемъ лѣвые притоки Чауна и утромъ выѣзжаемъ на берегъ Тауенмема. Мнѣ кажется, что по многоводію послѣдняя рѣка ничуть не уступаетъ Чауну. Въ 11 часовъ дня 6-го добираемся наконецъ до Пирамидальной сопки. Намъ нужно въ ея окрестностяхъ разыскивать кочевье Номылякая, гдѣ мой проводникъ думаетъ запастись мясомъ для собакъ, а главное, получить пынгыль. Пынгыль—вещь, безъ которой по тундрѣ не двигаются. Въ буквальномъ переводѣ, это слово означаетъ «слухъ», «молва»— мѣстныя новости, которыми кочевникъ руководится въ своей несложной жизни. Состоитъ пынгыль изъ разспросовъ о томъ, куда кто изъ сосѣдей покочевалъ, нѣтъ ли заболѣваній, каковы снѣга, корма и проч. Часто эти слухи принимаютъ чудовищные, невѣроятные размѣры: напр. бѣжавшіе изъ Туруханска той зимой нѣсколько преступниковъ обратились у Шелагскаго мыса въ людоѣдовъ, истребляющихъ на своемъ пути все живое. Мнѣ стоило большого труда разубѣдить моего послѣдняго проводника, боявшагося уѣхать со мною, потому что онъ откуда то слышалъ, что въ Марковѣ повѣтріе, и все населеніе тамъ вымерло. Но съ другой стороны пынгыль очень полезенъ. Вы можете на добрую сотню верстъ впередъ знать, какія кочевья у васъ по пути и гдѣ именно, у какой горы, рѣки, они въ послѣднее время были замѣчены.

Отдохнувъ остатокъ дня 6-го числа, къ вечеру стали разыскивать Номылякая. Но даже зная, что кочевье гдѣ-то здѣсь, найти его въ горныхъ ущельяхъ—не легкая вещь, и мы потратили на это всю ночь и часть слѣдующаго дня.

Стоитъ отвратительная погода: идетъ мокрый снѣгъ; туманъ сгустился до того, что въ двухъ шагахъ ничего не видно. Анчимъ,

мой новый проводникъ, не рѣшается ѣхать, боясь заблудиться въ горныхъ ущельяхъ.

9 Апрѣля. Погода та же, что и вчера, но мнѣ надоѣло уже сидѣть на мѣстѣ, и потому я беру въ помощь Анчиму еще молодого парня съ послѣдняго кочевья, который на оленяхъ ѣдетъ впереди, указывая путь. Намъ нужно перевалить предгорье и попасть въ надлежащее ущелье Станового хребта съ удобнымъ проходомъ. Этотъ парень только что вернулся оттуда и берется провести насъ даже въ туманѣ. Предгорья не высоки, не круты. По широкой долинѣ выѣзжаемъ на перевалъ и начинаемъ спускаться къ долинѣ рѣки Яраквымъ—притокъ Тауенмема. Тутъ случилось несчастіе: по спуску мы неосторожно подъѣхали близко къ оленямъ передовой нарты. Я выронилъ остолъ и пока поднималъ его, мои собаки, почуявъ оленей, понесли внизъ по пологому спуску. Анчимъ схватилъ обѣ нарты, мою и свою, но уже былъ не въ силахъ задержать освирѣпѣвшихъ псовъ, которыми овладѣлъ охотничій инстинктъ. Передовой на оленяхъ не догадался сразу отстегнуть свою запряжку и выпустить ее на свободу, а попытался уѣхать, нещадно погоняя бѣдныхъ животныхъ. Картина получалась слѣдующая: сзади всѣхъ плелся я, утопая въ снѣгу по поясъ; дальше двадцать остервенѣлыхъ, рвущихся въ упряжи, псовъ, съ воемъ и визгомъ неслись по скату, волоча за собой двѣ нарты и старика Анчима, который, схватившись за оба барана *) и распластавшись на снѣгу, пытался силою собственной тяжести умѣрить бѣгъ собакъ; а впереди два оленя въ партѣ, затрудняемые запряжкой и глубокимъ снѣгомъ, невыдерживающимъ ихъ тяжести. Скачка явно склонялась въ пользу собакъ. Скоро олени были настигнуты и моментально разорваны. Итакъ мы остались опять вдвоемъ съ Анчимомъ, не доѣхавъ и половины пути до желаннаго ущелья. Къ счастью, когда мы спустились къ Ярквыму, погода слегка прояснилась и легкій вѣтерокъ разорвалъ туманную пелену.

Отсюда открывается слѣдующій видъ: справа, съ сѣвера на югъ, тянется высокій кряжъ, который южнѣе сливается съ еще болѣе высокимъ, идущимъ къ первому по направленію почти перпендикулярному, т. е., съ запада на востокъ. Послѣдній развертываетъ передъ нами три ущелья: западное, изъ котораго вытекаетъ р. Ярквымъ, среднее, по которому двигаемся мы, и еще одно, болѣе восточное. Всѣ они параллельны, всѣми можно пользоваться

*) Баранъ—деревянная дуга, придѣлываемая къ нартѣ для управленія ею.

для перевала хребта, но мой проводникъ выбралъ среднее, какъ удобный путь, и потому еще, что изъ него шель слѣдъ кочевья. Какъ я узналъ потому, оленеводы этой мѣстности предпочитаютъ этотъ проходъ для своихъ кочевокъ. Дѣйствительно, трудно было ожидать, что въ такихъ высокихъ и крутыхъ горахъ могъ существовать перевалъ, какъ бы спеціально разработанный для движенія. Ѣдемъ день и всю ночь. Но зато подъемъ такъ пологъ, такъ понижается, что съ нарты почти не приходится сходить для облегченія собакъ. Со мною былъ барометръ-высотомѣръ и по его паденію высота перевала опредѣлилась въ 1800 футовъ отъ рѣки Ярквыма. Но я не имѣлъ термометра, а безъ поправокъ на температуру, не могу сказать, по скольку высота вѣрна. Превышеніе отдѣльныхъ вершинъ на глазъ около 3000 футовъ.

10 Апрѣля. Съ утра начинаемъ спускаться. Спускъ такой же легкій и удобный какъ и подъемъ. Оба идутъ по горнымъ рѣчкамъ, съ тою только разницей, что южная рѣчка и ущелье заканчиваются озеромъ, верстъ въ 10 длиною, расположеннымъ въ южномъ предгорьѣ хребта. Его названіе — Тетлюуты-гытьхинъ — и самый проходъ поэтому называется Телюутынъ. Проводникъ мнѣ разсказалъ, что если перевалить хребетъ по тому ущелью, изъ котораго вытекаетъ рѣка Ярквымъ и которое и такъ называется по рѣкѣ, то попадешь на громадное озеро въ цѣлый день пути длиною, съ гранитной скалой по срединѣ. То озеро носитъ названіе Элеръ-гытьхинъ («гытьхинъ»—озеро вообще).

11 Апрѣля. Достигнувъ Тетлюуты-гытьхинъ, мы встрѣтили кочевье, гдѣ отдыхаемъ и ночуемъ.

На послѣднемъ ночлегѣ мы получили непріятный пынгыль: намъ сказали, что оленеводы откочевали изъ той мѣстности, которую намъ дальше придется проѣзжать, и мы врядъ ли кого встрѣтимъ: однако дѣлать было нечего, и запасшись свѣжимъ мясомъ, мы трогаемся дальше. Отъ озера мы взяли прямо южное направленіе и втянулись въ рядъ невысокихъ хребтовъ, составляющихъ южныя предгорья главнаго массива, который, мнѣ кажется, въ своемъ восточномъ направленіи слегка уклоняется къ югу. Предгорья не высоки и скоро сходятъ увалами къ широкой долинѣ, очень широкой по сравненію съ той рѣчкой, что протекаетъ по ней. Проводникъ мнѣ назвалъ ее Уттютъ-веемъ (лѣсная рѣка). Дѣйствительно, къ западу отъ того мѣста, гдѣ мы ее переѣзжаемъ, начинаются лѣсныя заросли небольшими островами. Уттютъ-веемъ течетъ съ востока на западъ. Мой проводникъ говоритъ, что она

дальше становится большой рѣкой, берущей много притоковъ, вся покрыта лѣсомъ и впадаетъ въ рѣку Колыму. Мнѣ думается, что

Кочевье оленеводовъ въ горахъ Станового хребта.

это ни больше, ни меньше, какъ верховья Малаго Анюя, который здѣсь разрѣзалъ Становой хребетъ на двѣ вѣтви: одна идетъ въ сѣверо-западномъ направленіи и заполняетъ пространство между Чаунской губой и р. Колымой, другая въ юго-западномъ, составляя водораздѣлъ между бассейномъ р. Колымы съ одной стороны и Анадыря и прочихъ рѣкъ Великаго океана съ другой. Ночуемъ на Уттютъ-веемъ. Погода опять хмурится.

12 Апрѣля. Все заволокло туманомъ. За ночь выпалъ глубокій, сырой снѣгъ, который продолжаетъ идти и теперь. Трогаемся дальше, но собаки проваливаются выше брюха; нарты везутъ передъ собой и по бокамъ огромныя кучи липкаго снѣга, который то отпадаетъ, то снова накопляется въ большихъ массахъ. Нарты невѣроятно тяжелы; ни итти, ни ѣхать невозможно. Пробившись такимъ образомъ нѣсколько верстъ, останавливаемся и снова разбиваемъ палатку. Все на насъ и около насъ мокро.

13 Апрѣля. Туманъ виситъ попрежнему. Задулъ восточный буранъ. Но стоять на одномъ мѣстѣ мы не можемъ, такъ какъ корма выходятъ, а на ихъ пополненіе надежды мало. Къ счастью гораздо холоднѣе, и снѣгъ ужъ не липнетъ на сани. Намъ нужно перевалить другой кряжъ Становыхъ горъ и попасть въ бассейнъ рѣки Анадыря, чтобы выѣхать на Марково, а оттуда къ Великому

Океану. Трогаемся въ дальнѣйшій путь, хотя проводникъ сомнѣвается, сумѣетъ ли онъ разобраться въ туманѣ. Отъ рѣки Уттютъ-веемъ поднимается въ горы по небольшому ея притоку, который скоро начинаетъ уклоняться къ юго-западу. Это безпокоитъ меня, однако двигаемся до поздней ночи.

14 Апрѣля. Утромъ прояснилось. Анчимъ заявляетъ мнѣ, что онъ не узнаетъ мѣстности. Я беру въ руки компасъ, и мы пересѣкаемъ очень высокій хребетъ. Противоположный спускъ крутъ и не лежи на немъ въ аршинъ толщиной мягкій снѣгъ, я не рискнулъ бы тутъ спускаться. Пока мы скатились съ вершины хребта въ узкую и низкую долину, мой высотомѣръ поднялся на 2,2 дюйма, что соотвѣтствуетъ 2000 футамъ высоты. До поздней ночи двигаемся этимъ ущельемъ, которое понемногу начинаетъ расширяться. Но оно направляется прямо на востокъ, тогда какъ намъ нужно ѣхать на югъ. Проводникъ безполезенъ. Я вѣрю одному только компасу, потому пересѣкаемъ еще одинъ кряжъ и выѣзжаемъ, уже ночью, въ долину, идущую въ желательномъ направленіи. Мои надежды воскресаютъ. Я полагаю, что попалъ на одинъ изъ притоковъ системы Анадыря.

15 Апрѣля. Солнце свѣтитъ ярко. Ни вѣтерка. Воздухъ насыщенъ парами; тепло, а въ нашихъ одеждахъ даже душно. Утромъ всталъ вялый. Послѣ чаю двигаемся въ путь, но собаки, распаренныя тепломъ и утопающія по брюхо въ рыхломъ снѣгу, отказываются идти. Версты черезъ двѣ останавливаемся и рѣшаемъ пролежать день, а съ вечеромъ и холодомъ двинуться дальше.

Ночь выдалась въ началѣ морозная, холодная. Собаки идутъ кое-какъ, насколько позволяетъ имъ глубокій снѣгъ. Долина, по которой мы ѣдемъ, широка и въ началѣ направляется прямо на югъ, но потомъ уклоняется къ западу. Это безпокоитъ меня. Къ утру небо, до того ясное, начинаетъ заволакивать тучами и скоро мы ѣдемъ въ молокѣ тумана. Я чувствую, что мы лѣземъ куда-то въ гору, приказываю остановиться и дожидаюсь разсвѣта.

16 Апрѣля. День принесъ мало утѣшительнаго: туманъ; идетъ мокрый снѣгъ; горы то заволакиваетъ совсѣмъ, то снова открываетъ слегка. Наша долина значительно сузилась. За ночь мы немного сбились съ ея общаго направленія, но скоро исправляемъ ошибку. Усталые, обезсиленные ночнымъ переѣздомъ, мы останавливаемся отдыхать. Къ вечеру, однако, трогаемся дальше. На собакъ жалко смотрѣть. Кормимъ мы ихъ только чтобы имъ не умереть отъ голода, такъ какъ куда мы ѣдемъ и сколько проѣдемъ, гдѣ

находимся въ настоящее время...—всѣ эти вопросы лишь давятъ мозгъ и ни на одинъ изъ нихъ нѣтъ даже приблизительнаго отвѣта. Глубокій рыхлый снѣгъ, гдѣ онѣ бредутъ, какъ въ водѣ, совершенно истощилъ ихъ силы. Нарта пройдетъ три шага и останавливается. Молодые псы совсѣмъ отказываются идти впереди и только одинъ старикъ «Мокка» еще выручаетъ. Опять всю ночь бредемъ частью пѣшкомъ, частью присаживаясь на нарту. Къ утру разбиваемъ палатку.

17 Апрѣля опять снѣгъ и туманъ. Временами, когда разорветъ туманную полосу и станутъ замѣтны неясные контуры окрестныхъ горъ, я чувствую, что мы снова заблудились: долина узка, извилиста, по ней начинаются легкіе увалы — характерные признаки верховьевъ; рѣка куда-то исчезла... Становится ясно, что вмѣсто спуска къ р. Анадырю, который, по моему расчету, мы дѣлали всѣ эти дни, мы снова поднимаемся куда то въ горы. Куда — Богъ вѣсть. Все время мы уклонялись къ западу и теперь легко можемъ очутиться внѣ Анадырскаго бассейна. Положеніе критическое. Проводникъ не знаетъ пути и вслѣдствіе постояннаго тумана не можемъ оріентироваться. Съ компасомъ хорошо путешествовать вездѣ кромѣ горъ. Между тѣмъ собаки совсѣмъ выбились изъ силъ. Послѣдніе дни мы кормимъ ихъ только во время движенія и то по маленькому кусочку, при стоянкахъ же на мѣстѣ не даемъ ничего. Теперь корму осталось всего дня на три. А работу имъ приходится выполнять чрезвычайно трудную. Наши нарты хоть и не тяжелы сами по себѣ, но при настоящей погодѣ везутъ впереди и по бокамъ груды мокраго снѣга. Въ рыхлой массѣ собачьи ноги не находятъ точекъ опоры, и бѣдные псы скорѣе плывутъ, чѣмъ идутъ. Ни крики, ни побои уже не помогаютъ: станешь бить, — ложатся, воютъ, понукать—сидятъ и равнодушно оглядываются на тебя. Наша провизія тоже на исходѣ. Уже давно нѣтъ сухарей, сахару, рису; питаемся однимъ мясомъ, но и оно почти уже все. Ѣдимъ мало, впроголодь и хорошо если попадемъ на мелкій кустарникъ! При помощи рукъ и ногъ мы сумѣемъ достать изъ-подъ двухаршиннаго снѣжнаго покрова достаточно сухихъ вѣтвей и побѣговъ, чтобы вскипятить нашъ чайникъ. Но иной день проглотишь нѣсколько кусочковъ почернѣлаго, завѣтреннаго, грязнаго сырого мяса, которое, кромѣ чувства отвращенія, ничего по себѣ не оставляетъ — и это все. Съ какой завистью я смотрю въ это время на Анчима, который ловко оперируя ножемъ у самыхъ губъ, жуетъ его съ такимъ аппетитомъ, что на желудкѣ становится еще голоднѣе.

А человѣческое жилье—гдѣ оно! И въ скольких днях пути мы отъ него? На собакъ надежды нѣтъ. Пробовалъ идти пѣшкомъ—не могу: проваливаюсь по поясъ, ослабѣвшія ноги передвигаются съ трудомъ, колѣни дрожатъ... Энергія пала... Стоимъ цѣлый день на мѣстѣ. Къ вечеру я принимаю слѣдующее рѣшеніе: бросить весь мой и Анчима багажъ, бросить также мою нарту, всѣхъ собакъ впрячь въ одну нарту, на которую взять только остатки провизіи и корма и двигаться дальше, гдѣ пѣшкомъ, гдѣ присаживаясь, питая собакъ собаками же по истощеніи запасовъ. Задумано — сдѣлано. Двинулись дальше. Длинный крутой подъемъ на южный хребетъ. Съ его вершины открываются два ущелья: въ западномъ и южномъ направленіяхъ. Я выбираю послѣднее. Всю ночь катимся сначала круто подъ гору, затѣмъ болѣе отлого. Къ утру долина и рѣка на ней значительно расширяются, начинаютъ попадаться заросли, которыя, чѣмъ дальше, тѣмъ становятся гуще, выше, пока не переходятъ въ сплошной лѣсъ. Снѣжный грунтъ на южной сторонѣ хребта значительно лучше; молодого снѣгу становится все меньше и меньше. Небо прояснилось. Крѣпкій бодрый морозъ смѣнилъ гнилое ненастье. Долина не мѣняетъ прямо южнаго направленія. На душѣ становится веселѣе.

18 Апрѣля. Ясный солнечный день; съ десяти утра и до 5 часовъ вечера отдыхаемъ: варимъ чай, спимъ. Какая здѣсь масса сѣверныхъ куропатокъ. Цѣлыя громадныя стада: И такія пепугливыя, что ходятъ спокойно въ 4—5 шагахъ отъ человѣка. Какъ только солнце повернуло къ западу, собираемся и ѣдемъ. Рѣка скоро расширяется, дѣлится на рукова; по ней начинаются наплывы. Ѣдемъ по гладкому, какъ отполированному, молодому льду. Нарта нечувствительна и собаки бѣгутъ великолѣпно. Къ утру замѣтили слѣдъ старой дороги. Два раза попали въ воду, промочили ноги, но что это въ сравненіи съ увѣренностью, что мы на вѣрномъ пути?

19 Апрѣля. Утромъ увидѣли слѣдъ свѣжаго ламутскаго кочевья, и пока я разводилъ костеръ, готовилъ нашъ слишкомъ несложный завтракъ, Анчимъ отправился пѣшкомъ за пынгылемъ. Часовъ около 11 онъ вернулся со свѣжими новостями. Ламуты стояли недалеко за горой. Они сообщили ему, что мы ѣдемъ по р. Пилидону, притоку Анадыря и находимся теперь всего въ одномъ днѣ пути отъ пресловутой «Петронькиной яранги». Эта «Петронькина яранга» интриговала меня всю дорогу. Еще когда я заключалъ

условіе съ Анчимомъ у Чаунской губы, онъ мнѣ прямо сказалъ, что на Уйгукай (Марково) меня не выведетъ, такъ какъ былъ тамъ всего одинъ разъ, а поведетъ на Петронькину ярангу, тоже жительство мельги-таньги (русскихъ), недалеко отъ Уйгукая. Я полагалъ, что это одна изъ займокъ вблизи Маркова, но такого названія отъ Марковцевъ не слышалъ.

Обрадованные, что наконецъ мы у конца нашего труднаго пути, мы отдаемъ собакамъ послѣдній кормъ, ѣдимъ послѣдніе свои запасы и послѣ непродолжительнаго сна, передъ вечеромъ отправляемся въ путь.

20 Апрѣля. Около 11 часовъ дня мы достигаемъ наконецъ Петронькиной яранги, которая оказалась займкой Ерополь, а Алексѣй Алинъ—мѣстный купецъ—самимъ Петронькой. Въ тотъ же день я нанимаю двѣ свѣжія нарты: одну, чтобы доставить меня въ Марково, другую—подобрать брошенныя нами вещи, и черезъ два дня 22-го въ Марковѣ, у начальника уѣзда, Николая Александровича Скляренко.

Описывать дальнѣйшій мой путь по днямъ я не стану, такъ какъ отъ Маркова къ морю ѣхалъ старымъ избитымъ уже трактомъ, и сама ѣзда на двухъ нартахъ съ надежными каюрами не представляетъ изъ себя ничего особеннаго, будучи обычнымъ мѣстнымъ передвиженіемъ на почтовыхъ. Сдѣлаю только нѣсколько общихъ замѣчаній объ Анадырскомъ бассейнѣ.

Рѣка Пилидонъ сначала идетъ узкимъ крутымъ ущельемъ, которое, однако, скоро уширяется и постепенно входитъ въ лѣсную область. Въ верховьяхъ это не больше какъ кустарники ивняка, который скоро перемежается съ лиственницей и ползучимъ кедромъ. Въ среднемъ и нижнемъ теченіи Пилидона лиственница беретъ верхъ надъ всѣми породами, чередуясь съ осиной по мокрымъ мѣстамъ и изрѣдка стволомъ—двумя сосны на вершинахъ солнцепековъ.

Въ нижнемъ теченіи горы, крутыя и высокія, отходятъ на обѣ стороны на 5 — 10 верстъ, будучи покрыты на своихъ скатахъ однимъ сплошнымъ боромъ.

У селенія Ерополь р. Анадырь принимаетъ много большихъ притоковъ: рѣки Пилидонъ, Яблонь, Ерополь, Баранья и др. и становится отсюда большой многоводной рѣкой. Мѣстами ея широкая долина, въ большинствѣ случаевъ покрытая лѣсною порослью, обходитъ встрѣчающіеся горные кряжи, но общее направленіе сохраняется съ запада на востокъ. Сама рѣка рѣдко течетъ однимъ русломъ, обыкновенно же дѣлится на много протоковъ, образуя

острова. Кромѣ перечисленныхъ выше притоковъ, я знаю еще рѣки: Бѣлая, Кедровая и Волчья слѣва, и Малый Майнъ, Большой Майнъ и Большая рѣка [1]) справа. У Утешниковъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ Анадырь, сдѣлавъ самую большую излучину, снова принимаетъ восточное направленіе, лѣса смѣняются мелкимъ кустарникомъ, а дальше къ морю и онъ прекращается, и начинаетя голая тундра.

Общая восточная граница лѣсныхъ произрастаній края, по которому я проѣхалъ, можетъ быть опредѣлена такимъ образомъ: если соединить прямой линіей устье Большой рѣки, впадающей въ Сѣв. Ледовитый океанъ и устье рѣки Бѣлой, то къ западу будетъ лѣсная площадь, а на востокъ—тундра.

Населеніе.

Несмотря на свою сравнительно большую величину, около полмилліона квадр. верстъ, край этотъ заселенъ почти однородно. За малыми исключеніями на крайнемъ востокѣ и западѣ, исключеніями, которыя нисколько не мѣняютъ общей физіономіи, господствуетъ въ немъ чукотское племя, наиболѣе самобытное, крѣпкое въ племенной связи, сильное своимъ вліяніемъ изъ всѣхъ, видѣнныхъ мною, сѣверныхъ племенъ. Несмотря на низкую степень развитія, оно сумѣло дать странѣ свой колоритъ, и тамъ, гдѣ другія болѣе мелкія инородческія племена не подпали подъ наше вліяніе и не успѣли русифицироваться, они болѣе или менѣе очукотились. Такъ случилось съ айванами — выходцами американскаго материка на востокѣ, нѣкоторыми семьями чуванцевъ, ламутовъ, юкагировъ на западѣ. Чукчи сумѣли сдѣлать свой языкъ господствующимъ, французскимъ языкомъ сѣверо-восточной тундры, и его знаетъ, по крайней мѣрѣ на немъ объясняется, даже то пестрое по крови населеніе, которое, давно обрусѣвъ, живетъ теперь на порубежной границѣ нашего вліянія: р.р. Колымѣ и Анадырю.

Несмотря на то, что у нихъ есть нѣкоторое представленіе о связи съ мельги-таньги (русскими) черезъ посредство общаго Тыркъ-Эрима (государя) и общей территоріальной принадлежности, чукчи однако понимаютъ свои племенныя особенности и въ разговорѣ иначе не называютъ свой край, какъ «наша земля», въ отличіе отъ земли

[1]) Въ описываемомъ краѣ оказались два одинаковыхъ названія: «Большая Рѣка». Одна изъ нихъ впадаетъ въ С. Ледовитый океанъ у Чаунской губы, другая служитъ притокомъ Анадыря. Чтобы не отступать отъ мѣстныхъ именъ, я въ своемъ описаніи сохранилъ оба одноименныя названія безъ измѣненій.

мельги-таньги. Предѣломъ распространенія этого племени на западѣ можно считать р.р. Большой Анюй, притокъ Колымы и Анадырь. Но здѣсь, на границѣ русскаго вліянія, они не такъ рельефны въ общей пестротѣ населенія, и мнѣ думается, что это уже не тотъ народъ, который на востокѣ считаетъ себя господиномъ положенія, который всегда чужестранцу подчеркиваетъ слова «моя земля», а о случайно забредшихъ къ нимъ ламутахъ отзывается какъ о слабомъ, бѣдномъ племени, который безъ поддержки ихъ, чукчей, вымеръ бы.

По роду жизни чукчи дѣлятся на кочевыхъ и осѣдлыхъ, хотя какъ дѣленіе, такъ и понятіе объ осѣдлости, крайне относительны. Идеалъ чукчи—олени и кочевая жизнь; его мечта—стать богатымъ оленеводомъ. И если многіе изъ нихъ сидятъ на берегу моря, сидятъ иногда поколѣніями на одномъ мѣстѣ, то всегда положеніе это вызвано особыми условіями: или потерею оленей, или излишкомъ рабочихъ рукъ, которымъ нечего дѣлать при стадѣ, или наконецъ, торговыми соображеніями. Объясню эти положенія.

Оленеводство въ настоящемъ его состояніи, при перемѣнчивомъ климатѣ, несущемъ иногда гололедицы на большія пространства, при эпизоотіяхъ, которыя не изучены и съ которыми жители не умѣютъ бороться, при нераціональномъ расходованіи оленей, при тяжеломъ экономическомъ состояніи страны, ставящемъ все благосостояніе номада въ зависимость отъ единственнаго источника, его стада—капризная и ненадежная вещь. Случается, что въ одно лѣто или зиму зажиточный, обезпеченный оленеводъ теряетъ все, или почти все свое имущество и ему ничего больше не остается дѣлать, какъ идти къ морю и ввѣрить свое существованіе еще болѣе ненадежному источнику—охотѣ на морского звѣря.

Если семья кочевника становится велика сравнительно съ его стадомъ, то нѣкоторые мужскіе ея члены садятся на берегу моря, чтобы охотой увеличить свой достатокъ. Встрѣчалъ я, особенно на сѣверномъ побережьѣ, и такія семьи, гдѣ чукча имѣетъ двѣ жены и два отдѣльныхъ дома: одинъ кочуетъ съ оленями, а другой сидитъ постоянно у моря; самъ же онъ находится тамъ, гдѣ въ настоящее время наиболѣе требуется его присутствіе. Если у оленевода хорошо множатся олени и члены его семьи не могутъ управляться съ ними, то онъ беретъ помощниковъ: или обѣднѣлаго оленевода, а чаще подростковъ изъ кочевья или съ моря, преимущественно изъ родственниковъ, которые ходятъ за стадомъ, получая въ вознагражденіе содержаніе и небольшое количество отъ приплода.

Наконецъ, какъ прибрежные жители, такъ и кочевники нуждаются въ товарахъ культурнаго производства. Это вызвало товарообмѣнъ и сообщенія по берегу, а потому и привязало нѣкоторыхъ изъ береговыхъ жителей къ мѣстамъ ихъ поселеній.

Такимъ образомъ, хотя и я раздѣлилъ чукчей на кочевыхъ и осѣдлыхъ, хотя между ними и существуетъ нѣкоторая разница въ жильѣ, въ промыслѣ и орудіяхъ промысла — и тѣ и другіе въ сущности составляютъ одно племя, совершенно тождественное по языку, обычаямъ, по всему духовному укладу. Никто изъ кочевниковъ не застрахованъ отъ того, что онъ не обратится въ берегового собачника, и наоборотъ, не рѣдки случаи, когда береговой житель, разжившись оленями, начинаетъ кочевать.

Дать какую-либо статистику чукчамъ кочевникамъ — вопросъ очень трудный, и я за него не берусь. Я знаю нѣсколько десятковъ семей крупныхъ и мелкихъ оленеводовъ, разсѣяныхъ по странѣ, но указать районъ ихъ кочевокъ и сказать положительно, что въ данномъ мѣстѣ столько, а ни больше ни меньше кочуетъ семей, для этого требуетъ болѣе основательное изслѣдованіе внутреннихъ пространствъ края, чѣмъ сдѣлалъ я за свою поѣздку [1]). Гораздо легче вопросъ рѣшается по отношенію береговыхъ чукчей, поселки которыхъ я переписалъ. Хотя и тутъ путникъ, поѣхавшій по моимъ слѣдамъ черезъ небольшой промежутокъ времени, можетъ встрѣтить крупныя перемѣны, потому что жительство на той или другой косѣ, въ томъ или иномъ сосѣдствѣ, зависитъ отъ многихъ случайностей, и чукча, рѣшившій по какой-нибудь примѣтѣ, что въ этомъ мѣстѣ божество ему не покровительствуетъ, не задумается погрузить свои пожитки на лодку и устроить новое обиталище за нѣсколько десятковъ миль.

Сидячіе чукчи побережья Великаго океана распространяются на западъ до устья рѣки Анадыря, гдѣ зимою я насчиталъ 9 ярангъ, и слышалъ про существованіе еще трехъ немного западнѣе первыхъ. Рѣка Анадырь можетъ считаться границею между Чукотскимъ и Карятскимъ племенами.

Между этой рѣкой и заливомъ Св. Креста по берегу нѣтъ жительствъ, если не считать четырехъ бѣдныхъ ярангъ, пріютившихся въ окрестностяхъ бухты Св. Николая.

---

[1]) Согласно даннымъ комиссіи по пересмотру законоположеній объ инородцахъ Приморской области, заключившей свои труды 5 февр. 1901 года, всего бродячихъ чукчей въ Гижинскомъ и Анадырскомъ округахъ къ тому времени насчитывалось 7251 человѣкъ.

Заливъ Св. Креста можетъ быть оживляется лѣтомъ, зимою же тамъ никто не живетъ.

На островѣ Мечикенѣ есть три поселка: Мечикенъ 6 яранъ, Валькаркаулинъ 2 яранги, Этыкинъ 10 ярангъ, Х. Курымунъ 3 яранги на берегу противъ острова, всего 21 ярангъ.

На востокъ до мыса Беринга берегъ не заселенъ; отъ мыса же идутъ слѣдующіе поселки:

Валькатленъ . .	11 ярангъ.	Уттань . . .	4 ярангъ.
Нуплигренъ . .	23 »	Кенянянь . . .	7 »
Петунь . . .	2 »	Ликкулянъ . .	5 »
Энмиленъ. . .	21 »	Имтунь [1]). . .	23 »
Аттунь . . .	7 »	Всего . .	103 яранги.

На восточномъ побережьѣ Чукотскаго полуострова чукотскіе поселки начинаются отъ острова Аракамъ-чечена.

Паылякъ [2]) . .	3 яранги.	Курга	2 яранги.
Яндаркынуть. .	3 »	Идлянь . . .	4 »
Ныхчіанъ. . .	3 »	Пынякунь . .	2 »
Рурелинъ. . .	15 »	Паутынъ . . .	8 »
Яндагай . . .	16 »	Ыльгинкинъ . .	2 »
Чинылинъ . .	6 »	Мичигинъ . .	3 »
Эрмитаунъ . .	10 »	Аканыли . . .	6 »
Аляюргинъ . .	5 »	Нуніамъ . . .	12 »
Дупелянь. . .	4 »	Леймикъ . . .	3 »
		Всего . .	107 ярангъ.

Берегъ С. Ледовитаго океана отъ мыса Дежнева и до Колючинской губы заселенъ сравнительно густо.

С. Уэленъ . .	30 ярангъ.	Нешканъ . . .	7 ярангъ.
Тупиттенъ . .	2 »	Питликай. . .	9 »
Утянъ. . . .	10 »	Тойгунынъ . .	5 »
Нутьканъ. . .	2 »	Энурманъ. . .	13 »
Тумкатъ . . .	2 »	Нетермита . .	6 »
Митькоулинъ .	2 »	Тепканъ . . .	4 »

---

[1]) Въ этомъ селеніи чукчи перемѣшаны съ айванами.

[2]) На островѣ Аракамъ-ченъ.

Чутьпянь . . .	2 ярангъ.	Мелькалтенюкъ .	2 ярангъ.
Чеутунь . . .	10 »	Индыленъ. . .	3 »
Инповъ . . .	8 »	Чергытеынь . .	5 »
Эрмитаынъ . .	4 »	Этоконысвенъ .	5 »
Икичура . . .	10 »	Омылинъ . . .	6 »
Чечанъ . . .	14 »	Паленнякъ . .	2 »
Калуру . . .	1 »	Айганякунь . .	5 »
Нетянъ . . .	6 »	Эмиртаынь . .	3 »
Маамынъ . . .	10 »	Пильхинъ. . .	1 »
		Всего . . .	189 ярангъ.

Отъ острова Колючина и до Чаунской губы я нашелъ слѣдующія береговыя жительства:

Колючинъ. . .	18 ярангъ.	Пильхинъ. . .	4 яранги.
Келенгеутъ . .	3 »	Утемрань. . .	5 »
Ванкарема . .	8 »	Пильхакай . .	3 »
Тенкиргункъ. .	1 »	Иннюкай . . .	3 »
Рыркайпія . .	6 »	Ачюнменъ . .	2 »
Нутакаттакай .	6 »	Уньпенмынъ . .	4 »
Караамкхатхеръ.	2 »	Яндагай . . .	2 »
Энмаатьхеръ . .	2 »	Аканачгеръ . .	5 »
Аттонгукъ . .	2 »	Такокангы . .	2 »
Куйгуинъ. . .	5 »	Чуіэлькаль . .	3 »
Нутаыргинъ . .	4 »	Куэткай . . .	2 »
Аіонъ	2 »	Рень	4 »
Утеннынмынъ (лѣтняя резиденція Колючинцевъ)		Якланъ . . .	2 »
		Аттёнь . . .	3 »
Калькха . . .	1 »	Темлитаынь . .	1 »
Опальхенъ . .	3 »	Иртынь . . .	10 »
Чіаытепргынъ .	3 »	Роутанъ . . .	1 »
		Всего . .	122 ярангъ.

Отъ Чаунской губы и до устья рѣки Колымы поселеній по берегу нѣтъ. Всего по берегу сидячихъ чукчей я нашелъ 558 ярангъ.

Совершенно тождественные съ чукчами въ образѣ жизни, одеждѣ, жилищахъ и отличающіеся отъ нихъ только языкомъ, пріютились на восточномъ побережьи Чукотскаго полуострова *айваны*—выходцы съ американскаго материка. Я не знаю насколько это имя соотвѣтствуетъ ихъ дѣйствительному названію; я принялъ его на вѣру отъ Н. П. Сокольникова, но что они выходцы изъ Америки — это не трудно замѣтить даже съ перваго взгляда.

Айваны и поселились то въ тѣхъ мѣстахъ Чукотскаго полуострова, которыя болѣе доступны со стороны Америки, т. е., противъ острововъ Св. Лаврентія и Діомида, служившихъ станціями при переправѣ черезъ море. И теперь эта связь со старой родиной поддерживается ежегодно: далеко не рѣдкость встрѣтить въ Номѣ и другихъ пунктахъ Сѣв. Аляски нашихъ айвановъ не только съ м. Дежнева, но даже съ Чаплина, а эскимосы острова Св. Лаврентія—постоянные гости нашего побережья. Языкъ Айвановъ рѣзко отличается отъ чукотскаго. Я не лингвистъ и не могу сказать, существуетъ или нѣтъ между ними родственные корни, но по произношенію сразу замѣтно, что это совершенно особые языки. Этимъ лѣтомъ на Чукотскій полуостровъ пріѣхалъ миссіонеръ О. Вакульскій, проведшій нѣсколько лѣтъ въ Аляскинской миссіи и знающій языкъ квикпаховъ. Онъ оказался въ состояніи сразу понимать нашихъ айвановъ.

Разница между племенами сказывается и въ наружности: въ то время какъ чукчи въ большинствѣ выше средняго роста, пропорціонально, часто красиво сложены, съ правильными мягкими чертами лица—дѣти горъ и долинъ;—айваны ниже средняго роста, съ плохо развитыми ногами, съ длинными руками, сутуловатымъ коренастымъ корпусомъ, съ плоскимъ, непривлекательнымъ лицомъ—съ общимъ типомъ, который явно выработался подъ вліяніемъ жизни у моря и морскихъ промысловъ. Между айванами нѣтъ кочевниковъ, и хотя нѣкоторые имѣютъ оленей, сами за ними не ходятъ, а отдаютъ подъ присмотръ оленеводамъ. Зато они образовали самые прочные большіе торговые и промышленные поселки на берегу. Они лучшіе мореходы, тогда какъ чукчи видимо сидятъ у моря только потому, что ихъ къ этому приневоливаетъ крайняя нужда. Наконецъ, я уловилъ нѣкоторую разницу и въ религіозныхъ ритуалахъ племенъ, о которой упомяну потомъ.

За исключеніемъ перечисленнаго, айваны и береговые чукчи живутъ тождественной жизнью, поэтому описывать ихъ бытъ по отдѣльности было бы непроизводительной тратой времени. Всѣ, или почти всѣ айваны говорятъ по чукотски. Мнѣ думается, что здѣсь сказалось вліяніе болѣе сильнаго племени, заставившаго пришельцевъ выучить ихъ языкъ и принять жизненный обиходъ.

Айваны образовали слѣдующіе поселки: расположенные вокругъ мыса Чаплина: Іянь 7 ярангъ, Эунмынъ 12 ярангъ, Чечитъ 15 ярангъ, Чаплинъ-Унынъ 60 ярангъ, Эпокуталъ 13 ярангъ, Чехлюкъ 4 яранги.

Кромѣ того на мысѣ Дежнева Дежневъ-Науканъ 60 ярангъ.
Всего 171 ярангъ.

Такимъ образомъ, всего береговыхъ жителей въ этомъ краѣ я насчитываю вмѣстѣ 729 чукотскихъ и айванскихъ ярангъ.

Какъ я уже говорилъ, предѣломъ распространенія чукотскаго племени служатъ бассейны рѣкъ Колымы и Анадыря, гдѣ онѣ входятъ въ соприкосновеніе съ другими болѣе мелкими, частью обрусѣвшими, частью русѣющими племенами, которыя взаимно смѣшиваются въ бракахъ, скоро принимаютъ русскій языкъ, обычаи и забываютъ свое происхожденіе. Я не имѣю въ виду останавливаться на сосѣдяхъ чукчей болѣе или менѣе подробно, но для характеристики этой порубежной полосы приведу выдержки изъ моего дорожнаго дневника.

«Нижне-Колымскъ—старое историческое мѣсто, мѣсто ссылки «политическихъ преступниковъ, людей такъ или иначе не ужив- «шихся съ господствующимъ государственнымъ строемъ, назывался «раньше Собачій Острогъ. Свою печальную лѣтопись онъ ведетъ съ «сѣдой старины и помнитъ еще времена Анны Іоанновны. У меня «нѣтъ подъ рукой датъ и историческихъ справокъ; все записанное «здѣсь, мною услышано частью отъ земскаго засѣдателя, Владиміра «Ивановича Мельникова, частью отъ старожила этого края, Алек- «сѣя Петровича Чурилло. Основаніе Нижне-Колымска приписыва- «ютъ Дежневу, съ именемъ котораго въ этихъ краяхъ связываютъ «каждое историческое мѣсто. Но Чурилло стоитъ за то, что Нижне- «Колымскъ былъ основанъ однимъ изъ спутниковъ Дежнева—коза- «комъ Стародуховымъ. Этотъ взглядъ покоится на народной памяти, «которая сохранила послѣднее имя, окрестивъ имъ мѣсто не вдалекѣ «(20 верстъ) отъ Нижне-Колымска. Стародуховскій Острогъ, или «Стародуховская Заимка, гдѣ Скородумовъ жилъ и умеръ, отставъ отъ «Дежнева, говорятъ, была первымъ русскимъ поселеніемъ въ этомъ «краѣ. Около деревни Сухарной находятся развалины казармы «бр. Шалоуровыхъ, смѣлыхъ купцовъ, шедшихъ за Дежневымъ «съ торговыми цѣлями и построившихъ здѣсь свою крѣпостцу съ «бойницами и приспособленіями. Чурилло еще засталъ тамъ слѣды «старой кузницы. По берегу моря, вблизи устья рѣки Колымы, «разбросаны памятники уже болѣе поздняго времени; два маяка «лейтенанта Лаптева, посланнаго на розыски экспедиціи Беринга. «Онъ построилъ сначала вышку у самаго устья, которая велико- «лѣпно сохранилась до сего времени и другую на мысѣ Каменка. «Отъ послѣдней остались только плиты, гдѣ по ночамъ разводился

«огонь. Но Чурилло засталъ еще тамъ остатки тына и бойницы «для защиты отъ чукчей. А затѣмъ стоитъ только перечислить мѣстныя «названія, чтобы представить себѣ борьбу на этомъ порубежьѣ»: «Кровавая», «Вражья», «Убіенная», «Пятистѣнная»—сразу пере- «носятъ воображеніе въ тѣ времена, когда чукчи были воинственны «и шагъ за шагомъ отстаивали свою тундру отъ смѣлыхъ пришел-

Маякъ Лаптева въ устьѣ Колымы.

«цевъ. Самъ Нижне-Колымскъ, окруженный раньше стѣною и «башнями, и теперь зовется въ народѣ попросту «Крѣпостью», хотя «въ настоящее время это не больше, какъ маленькая деревенька въ «20 дворовъ съ церковью и безъ всякаго слѣда былыхъ укрѣпленій. «Постройки—общаго типа русскихъ избъ, но безъ крышъ, съ на- «сыпанной на верху землею, съ чувалами (родъ камина) вмѣсто «печей, хотя въ нѣкоторыхъ болѣе зажиточныхъ избахъ я видѣлъ «и русскія печи. Все осѣдлое населеніе этой мѣстности разброса- «лось небольшими займками, вродѣ самого Нижне-Колымска, по «протокамъ рѣки Колымы. Оно состоитъ изъ казаковъ, потомковъ «бывшихъ завоевателей, несущихъ теперь полицейскую службу;

«мѣщанъ—пришлый элементъ, вѣроятно наслоеніе ссылки, и обру-
«сѣлыхъ юкагировъ и чуванцевъ. Всѣ они перемѣшались взаимно
«браками и теперь представляютъ такую этнографическую смѣсь,
«разбираться въ которой я не берусь.

«Раньше этотъ край былъ лучше заселенъ инородцами. Отъ
«Чауна по Большой рѣкѣ и до самой Колымы включительно жили
«юкагиры. Они же занимали оба Анюя. Этого смирнаго и добраго
«народца, державшаго въ борьбѣ съ чукчами сторону русскихъ,
«еще не памяти Чурилло было здѣсь четыре рода. Но теперь они
«значительно повымерли, частью выселились къ Маркову, а остатки
«ихъ соединены въ одинъ родъ, проживающій въ Нижне-Колымскѣ
«и по зимкамъ. Всего въ немъ теперь насчитываютъ 18 мужчинъ.
«Ихъ другіе родичи живутъ въ Средне-Колымскѣ. Послѣдніе еще
«сохранили свой языкъ, хотя въ то же время говорятъ и по-русски,
«низовые же забыли родную рѣчь.

«Если взглянуть на карту, то оба Анюя кажутся довольно за-
«селеннымъ мѣстомъ, по крайней мѣрѣ онѣ покрыты кружками съ
«надписями вродѣ: Брусянка, Тигиловка, Долгое, Лобазная, Пло-
«довище, Айгунова и проч. Теперь это не больше какъ памятники
«вымершихъ юкагирскихъ селеній, и мѣстность совершенно пустынна.

Анадырскій лиманъ около поста Ново-Марінскаго.

«Въ верховьяхъ Малаго Анюя, въ окрестностяхъ Чаунской
«губы и по самой рѣкѣ Чаунъ кочевали чуванцы, очевидно давшіе
«названіе губѣ и рѣкѣ. Держались они въ этихъ мѣстахъ еще во
«времена знаменитой Анюйской ярмарки, гдѣ производился товаро-

«обмѣнъ и уплачивался ясакъ. Но лѣтъ 15 тому назадъ къ устью «рѣки Анадыря проложили путь русскія и американскія суда. На «посту Ново-Маріинскомъ и въ самомъ Марковѣ появились дешевые «товары, нанесшіе смертельный ударъ Анюйской ярмаркѣ, блѣдную «тѣнь которой я наблюдаю теперь въ Пантелѣихѣ. И чуванцы от- «кочевали ближе къ Маркову, а часть ихъ тамъ и осѣла, забывъ «совершенно свой языкъ. Въ Нижне-Колымскомъ обществѣ тоже «есть нѣсколько Чуванскихъ семей, живущихъ по запмкамъ. Смѣ- «шавшись съ остальнымъ населеніемъ, они здѣсь не представляютъ «собою племенной индивидуальности.

«Все осѣдлое населеніе Нижне-Колымскаго общества—христіане «по религіи, говорятъ искаженнымъ русскимъ языкомъ, живутъ, «соблюдая русскіе обычаи, понятно, измѣненныя, сообразно усло- «віямъ мѣстной жизни.

«Кочевниками здѣсь остались ламуты и чукчи.

Ламутъ и ламутка.

«Ламуты не имѣютъ опредѣленнаго района кочеванія, или вѣр- «нѣе, ихъ районъ очень обширный сообразно небольшому количе- «ству кочующихъ родовъ, сохранившихъ еще оленей. Ихъ можно «встрѣтить и на Чаунѣ, и на Анюяхъ, Анадырѣ, Омолонѣ, Колымѣ «и за Колымой по побережью С.-Ледовитаго океана. Всѣ ихъ пе- «редвиженія совершаются верхомъ; имѣя легко разбираемыя юрты, «эти цыгане сѣверныхъ пустынь быстро снимаются и бродятъ вездѣ, «не стѣсняясь пространствомъ. Нѣкоторые изъ нихъ, потерявшіе «оленей, осѣли по рѣкамъ. Но осѣдлая жизнь, очевидно, не

«соотвѣтствуетъ природѣ ламута, и они видимо вымираютъ. Я ви-
«дѣлъ 4 такихъ жилья на Чаунѣ, и ни въ одномъ изъ нихъ
«не нашелъ дѣтей. Ламуты всѣ христіане, очень религіозны, но
«знающихъ русскій языкъ я встрѣтилъ между ними всего одного
«или двухъ.

«Въ бассейнѣ рѣки Колымы есть свои чукчи, которые кочуютъ по
«правымъ притокамъ Малаго Анюя, а лѣтомъ заполняютъ берегъ
«океана отъ Колымы до Шелагскаго мыса, входя такимъ образомъ
«въ связь съ полуостровными оленеводами. Есть немного чукотскихъ
«кочевьевъ даже и по Омолону. Осѣдлыхъ чукчей на Колымѣ я не
«встрѣчалъ. Они тамъ служатъ только работниками у зажиточныхъ
«старожиловъ. Хотя между ними и есть христіане, но можно сказать
«вообще, что русификація и христіанство еще не тронули это
«племя. Наоборотъ, они заставили выучить свой языкъ русскихъ
«и обрусѣлыхъ инородцевъ, и въ Нижне-Колымскѣ съ его окрест-
«ностями всѣ, даже женщины, если не говорятъ свободно, то пони-
«маютъ чукотскую рѣчь».

«Такую же пестроту осѣдлаго населенія какъ и на Колымѣ на-
«шелъ я и на Анадырѣ. Первый поселокъ, Еропольскій, почти весь
«состоитъ изъ обрусѣлыхъ чуванцевъ. Еще старики помнятъ родную
«рѣчь, но молодежь говоритъ только по-русски и немного по-чу-
«котски. Въ дальнѣйшихъ поселкахъ: Похоруково, Солдатово, Осел-
«кино—каждый въ 5—6 дворовъ—и въ самомъ Марковѣ,—дворовъ
«до 50—можно встрѣтить: русскихъ, чуванцевъ, юкагиръ, ламутовъ
«и чукчей, взаимно перемѣшавшихся между собою. Нѣсколько чу-
«котскихъ семей осѣло въ четырехъ мѣстахъ и болѣе нижняго те-
«ченія рѣки. Кочуютъ въ Анадырскомъ бассейнѣ всѣ тѣ, кто еще
«имѣетъ оленей: чукчи, ламуты и чуванцы.

«Какъ въ Нижне-Колымскѣ, такъ и здѣсь наталкиваюсь на
«страшныя аномаліи и пережитки въ смыслѣ устройства быта ино-
«родцевъ... Вездѣ часть ихъ осѣла, часть кочуетъ; и тѣ и другіе
«живутъ въ одинаковыхъ условіяхъ, пользуются приблизительно
«одинаковымъ достаткомъ въ смыслѣ природныхъ богатствъ, поэтому,
«казалось бы естественнымъ, возложить на нихъ одинаковыя обя-
«занности и дать одинаковыя права, тѣмъ болѣе, что и въ своемъ
«развитіи они представляютъ однородную среду. Между тѣмъ что же
«существуетъ въ настоящее время? Въ каждомъ порубежномъ мѣстѣ
«осѣли чуванцы, ламуты, юкагиры, чукчи между пришлымъ рус-
«скимъ элементомъ. И несмотря на то, что тамъ и здѣсь они обра-
«зуютъ одно общество, одну административную единицу, каждый

«изъ отдѣльныхъ народцевъ имѣетъ своего старосту, составляетъ «свое общество въ обществѣ. Такимъ образомъ въ Нижне-Колымскѣ «и Марковѣ 5 обществъ и 5 старостъ. Почему то крестьянинъ и «мѣщанинъ платятъ податей 4 копѣйки, а ламутъ, чуванецъ, «юкагиръ, чукча—его сосѣди—1 рубль 50 копѣекъ. Кочевые же, «болѣе обезпеченные и болѣе зажиточные уже потому, что явля- «ются хозяевами часто крупнаго имущества, вносятъ добровольный «ясакъ, который ложится совершенно неравномѣрно: одинъ даетъ «песца, другой выпоротка, а третій не даетъ ничего.

«Мои новые возчики отъ Маркова представляютъ любопытный «примѣръ обрусѣнія: одинъ изъ нихъ юкагиръ, другой чуванецъ. «Ихъ отцы были чистыми представителями своихъ племенъ и знали «свои языки, но дѣти уже говорятъ только по-русски, если это «коверканное нарѣчіе можно назвать русской рѣчью, да знаютъ въ «добавокъ нѣсколько наиболѣе употребительныхъ чукотскихъ фразъ. «Женаты они на русскихъ мѣщанкахъ, хотя числятся каждый въ «своемъ обществѣ. Ихъ дѣти тоже считаются юкагирами и чуван- «цами, и, вѣроятно, еще долго потомки ихъ будутъ идти подъ пле- «менными именами ихъ предковъ. Кому нужно такое точное под- «раздѣленіе на бумагѣ, и не проще было бы весь этотъ обрусѣлый, «осѣдлый людъ именовать крестьянами, мѣщанами... а если они «не подходятъ ни подъ одно изъ этихъ понятій, то дать имъ но- «вое, но одно соціальное названіе?

«Говорятъ, что такое дѣленіе соотвѣтствуетъ родовому управ- «ленію. Я не знаю, можетъ роды и имѣютъ значеніе гдѣ либо за- «паднѣе, но по той мѣстности, что объѣхалъ я, родового начала «нѣтъ. Осѣдлые живутъ деревнями, и каждый хозяинъ вполнѣ не- «зависимъ отъ своего сосѣда; кочевые же прямо кочуютъ, даже не «родствомъ, а товариществами, сообразно количеству рабочихъ «рукъ и оленей. Товарищества эти страшно непрочны: на зиму они «устраиваются въ одномъ сосѣдствѣ, а на лѣто его мѣняютъ и при- «страиваются къ другому. Такъ напримѣръ, то кочевье, что я встрѣ- «тилъ у озера Тетлюуты-гытхинъ приглашало моего проводника «Анчима быть на это лѣто въ товариществѣ, и Анчимъ принялъ «предложеніе, тогда какъ его независимыя дѣти, сыновья и дочери, «со своими стадами оленей разбросаны по цѣлой тундрѣ. На во- «стокъ отъ Нижне-Колымска и Маркова нѣтъ никакого устройства, «ни родового, ни общиннаго; да и около этихъ центровъ родовое «начало, я думаю, или пережитокъ старины, или недоразумѣніе, «основанное на незнаніи быта инородцевъ».

Жилище, утварь, одежда.

Береговые чукчи.

Въ дальнѣйшемъ моемъ повѣствованіи, во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ придется касаться бытового устройства чукчей, я буду подраздѣлять ихъ по роду жизни на береговыхъ и кочевыхъ, при чемъ къ первымъ отнесу также и айвановъ, такъ какъ ихъ жизнь, сложившаяся подъ одинаковыми условіями и, очевидно, сильнымъ вліяніемъ чукотскаго племени, не носитъ какихъ либо существенныхъ различій отъ ихъ береговыхъ сосѣдей. Все, начиная отъ жилья до послѣдней мелочи обстановки, одежды, орудій промысловъ—все у нихъ тождественно, и самый тщательный наблюдатель будетъ не въ состояніи отличить айванской яранги отъ яранги береговыхъ чукчей, пока ея хозяинъ не заговоритъ.

Зимнія жилища всего берегового населенія (чукчей и айвановъ), начиная отъ устьевъ рѣки Анадыря и вокругъ Чукотскаго полу-

Яранга береговыхъ чукчей и ея обитатели.

острова до Чаунской губы включительно, представляютъ изъ себя склоненныя на сторону полушарія, растянутыя по низу. Съ перваго вида они нѣсколько напоминаютъ кибитки нашихъ среднеазіатскихъ кочевниковъ, съ тою, однако, разницею, что болѣе приплюснуты къ землѣ. И въ то время, какъ первыя, сдѣланныя

изъ бѣлаго войлока, имѣютъ чистенькій, опрятный, даже художественный въ правильности своихъ линій видъ, вторыя напоминаютъ старый обрюзгшій грибъ, края котораго подъ своею тяжестью опустились до земли, весь онъ похилился на одну сторону, а время и непогода расписали его покрышку разноцвѣтными заплатами.

Чукотское жилье слагается изъ двухъ шатровъ: болѣе обширнаго наружнаго, который называется «яранга», и внутренняго, помѣщеннаго въ первомъ, по названію «іоронга». Низъ «яранги» состоитъ какъ бы изъ фундамента (или, вѣрнѣе, круговой ограды), сдѣланнаго изъ подручнаго матеріала: дерева, гдѣ оно есть, пластовъ земли, китовыхъ реберъ, какъ стойки, съ землей и травой между ними. Такой фундаментъ дѣлается съ радіусомъ въ 5 — 8 аршинъ, въ зависимости отъ величины семьи и средствъ, высотой отъ $1^1/_2$ до 2 аршинъ. Узкое отверстіе, оставленное въ немъ, изображаетъ дверь, порогъ которой, обыкновенно состоитъ изъ каменной плиты до $^3/_4$ аршина высотою, такъ что все отверстіе представляетъ собою щель въ $^1/_2 \times 1$ аршинъ, въ которую надо пролѣзать сильно согнувшись; во время бурановъ ее завѣшиваютъ кускомъ кожи, въ обыкновенное же время она всегда открыта. По верхнему краю фундамента укрѣпляются тонкія изогнутыя жерди, которыя связываются на высотѣ 5 — 6 аршинъ въ общій пукъ, съ замѣтнымъ уклономъ къ двери. Чтобы дать этой основѣ жилья необходимую устойчивость, она подпирается изъ середины столбомъ, вершка въ три толщиною, идущимъ отъ земли къ тому мѣсту, гдѣ кончаются ребра яранги, прямо вверхъ. Кромѣ того, 4—5 болѣе тонкихъ шестовъ, съ поперечными между собою планками вверху, въ наклонномъ направленіи подпираютъ ребра яранги изнутри, приблизительно на половинѣ ихъ высоты. Когда такая основа готова, ее обтягиваютъ спеціально сшитымъ пологомъ. Матеріалъ для полога берется различный. По восточному побережью Чукотскаго полуострова, гдѣ вліяніе привозныхъ американскихъ товаровъ сказалось болѣе сильно, онъ дѣлается изъ толстой парусины. Мѣстами, у бѣдныхъ айвановъ, которые не въ состояніи пріобрѣсти этого матеріала, я встрѣчалъ наружные пологи сшитыми изъ лахтачьихъ, нерпичьихъ, даже моржовыхъ шкуръ. А по побережью С.-Ледовитаго океана, гдѣ связь съ кочевниками оленеводами болѣе сильна, чѣмъ на востокѣ, полога шьются обыкновенно, изъ старыхъ, выношенныхъ, зимнихъ оленьихъ шкуръ (постелей). При дальнѣйшей носкѣ ихъ чинятъ, перешиваютъ, и

вы можете встрѣтить въ одномъ кожанномъ пологѣ смѣсь шкуръ всѣхъ перечисленныхъ животныхъ, старыхъ и новыхъ, дающихъ общему тону яранги неряшливый, заплатанный видъ. Покрышка пришивается прочно къ деревянной основѣ, а для большей устойчивости всей яранги, по верху ея протягивается рядъ толстыхъ ремней изъ моржовой кожи, на которые внизу навязываютъ тяжелые камни; нѣсколько такихъ же камней на ремняхъ висятъ внутри яранги.

Чукотскія женщины внутри зимняго жилья (въ іоронгѣ).

Приготовивъ такимъ образомъ ярангу, приступаютъ къ устройству внутри ея жилого помѣщенія, которое называютъ: іоронга.

Въ виду того, что іоронга дѣлается изъ оленьяго мѣха, ея величину разсчитываютъ экономно, и только у рѣдкихъ, богатыхъ семей, бываетъ нѣкоторый просторъ. Кромѣ дороговизны шкуръ на величину вліяетъ еще ея отопленіе, освѣщеніе: чѣмъ меньше іоронга, тѣмъ меньше потребуется лампъ и жира, а послѣдній представляетъ одинъ изъ самыхъ насущныхъ предметовъ для чукчи, и его приходится расходовать очень экономно, особенно въ томъ случаѣ, если охотничій сезонъ былъ не изъ удачныхъ. Поэтому при постройкѣ имѣется въ виду: дать возможность всѣмъ членамъ семьи свободно лечь спать и имѣть немного мѣста для необходимѣйшихъ предметовъ чукотскаго обихода: аакайпъ (лампа), айміочхинъ (сосудъ для воды), серіи ачульхеновъ (ночные сосуды) и нѣсколькихъ другихъ мелкихъ вещей. Самая маленькая іоронга, которую мнѣ приходилось видѣть, была 2 аршина длиною и $2^1/_2$ аршина шириною; у богатыхъ же, торгующихъ семей онѣ доходятъ до 8, даже 10 аршинъ длиною и трехъ шириною. Высота ихъ

колеблется отъ 2 до $2^1/_4$ аршинъ, и только въ очень немногихъ іоронгахъ на всемъ Чукотскомъ полуостровѣ я могъ стать, выпрямившись во весь ростъ.

Для устройства іоронги сначала готовятъ полъ. Внутри яранги (наружнаго шатра), какъ разъ противъ двери, у задней стѣнки, тщательно расчищаютъ землю, усыпаютъ ее сначала пескомъ, сверхъ котораго кладутъ вѣтви кустарника, если онъ есть поблизости, и сушеную траву, или просто одну траву. Послѣдняя хорошо приминается, чтобы образовать возможно ровный и невысокій, вершка въ два, помостъ на пространствѣ того четырехугольника, который предположенъ подъ іоронгу. По бокамъ и у задней стѣны четырехугольника вбиваются въ землю колья предположенной высоты помѣщенія на разстояніи, приблизительно аршина, другъ отъ друга. Вверху они связываются поперечными тонкими палками и, по этой основѣ изъ тонкихъ, оструганныхъ ножомъ, драницъ плетется клѣтка. Назначеніе этихъ драницъ не давать провисать оболочкѣ между кольями и держать ее ровно натянутой. Такимъ образомъ, надъ поломъ получается шалашъ, у котораго обозначены три стѣнки и потолокъ изъ рѣдко переплетеннаго между собою дерева. Ячеи плетенья приблизительно 6×8 вершковъ. Передняя стѣна остается свободною и только у большихъ іоронгъ, для поддержанія потолка, посрединѣ ея ставится подпорка для верхней балки. Дальше, остается натянуть на эту основу мѣхомъ наружу четырехугольный, сшитый по ней изъ зимнихъ оленьихъ кожъ, мѣшокъ, и іоронга вчернѣ готова. Три стороны этого мѣшка, по боковымъ и задней стѣнкамъ, плотно натягиваются и укрѣпляются внизу. Передняя же сторона, «чоургынъ», или пологъ по русски, свободно опускается на порогъ іоронги—«чуть-чуть»—представляющій собою гладкое, вершка въ 4—5 толщиною, бревно, служащее вмѣстѣ съ тѣмъ и изголовьемъ для спанья. Полъ іоронги устилается моржовыми кожами, а подъ потолкомъ ея, по сторонамъ, привязываются тонкіе шестики для вѣшанья на нихъ одежды. На потолокъ іоронги снаружи накладываютъ толстый слой сушеной травы. Иногда связанными пучками такой же травы обкладываются и стѣнки, за исключеніемъ передней, но это встрѣчается не часто.

Углы по обѣ стороны іоронги отгораживаются деревомъ, а чаще прямо моржовыми и лахтачьими кожами отъ остальнаго пространства яранги. Это амбары и кладовыя чукотскаго хозяйства. Здѣсь держатъ необходимые для немедленнаго потребленія запасы пищи, часть не такъ нужной одежды и вещей. Если я

прибавлю, что не во всѣхъ яранrахъ, но во многихъ, по сторонамъ можно встрѣтить деревянные помосты, на которые складываются нарты, товары, выносимыя на день изъ іоронги постели и пр. мелочь, то этимъ закончу описаніе жилища.

Яранга, деревянный остовъ разобранной лодки и рухлядь на козлахъ.

Почти у каждой яранги имѣется небольшая пристройка. Тамъ гдѣ есть дерево, ее дѣлаютъ изъ дерева, гдѣ его нѣтъ—изъ китовой кости, употребляя самыя длинные, челюстные. Пристройка есть

Собранная лодка и шкура бѣлаго медвѣдя на козлахъ.

не что иное, какъ длинныя и высокія козлы, а назначеніе ея—складывать всѣ ненужныя въ данный сезонъ и минуту вещи. Зимою тамъ лежатъ байдары, нарты, сушатся медвѣжьи шкуры; лѣтомъ—

опять нарты, разобранная яранга, узлы ненужной одежды. Дѣлаются козлы настолько высоко, чтобы положенныхъ на нихъ вещей не достали собаки. Дѣло въ томъ, что если лѣтомъ псы находятъ себѣ отличную поживу у берега моря, на тундрѣ, и вслѣдствіе этого сильно жирѣютъ, зимою, наоборотъ, они худы и голодны до того, что въ состояніи съѣсть все, съ чѣмъ только могутъ справиться ихъ крѣпкіе зубы. Первой жертвой ихъ голода становятся ремни и кожи; а такъ какъ чукчи гвоздей почти не употребляютъ, и всѣ свои подѣлки вяжутъ ремнями, то естественно заботятся о томъ, чтобы предохранить ихъ отъ собакъ. Случается, что отъ неприбранной нарты къ утру остается лишь груда палокъ, а у кожанной лодки окажется выѣденнымъ цѣлый бокъ.

Козлы для лодокъ изъ китовыхъ челюстныхъ костей.

Чукча, даже береговой, неимѣющій нужды постоянно мѣнять мѣста, не очень привязанъ къ своему жительству. Мало того, что часто по самому пустому поводу напр. изъ за ссоры съ сосѣдями, плохихъ примѣтъ, онъ разбираетъ свою ярангу и переселяется куда либо за десятокъ миль, каждую весну его зимняя яранга разбирается, связывается въ узлы, укладывается на козлы и строится лѣтнее жилье или на мѣстѣ стараго, или гдѣ либо въ окрестностяхъ, сообразно удобствамъ лѣтняго промысла. Иногда, какъ напр. колючинцы и жители деревни Опальхенъ, выселяются совсѣмъ далеко, чтобы поживъ тамъ какъ на дачѣ, къ зимѣ вернуться на прежнія мѣста.

Лѣтнее жилье еще менѣе замысловато, чѣмъ зимнее. Если есть паруспнная палатка, то ея вполнѣ довольно для неприхотливыхъ обитателей. Палатка — продуктъ послѣдняго времени, новшество, нерѣдкое уже на восточномъ берегу Чукотскаго полуострова, но

еще не пріобрѣвшее, правъ повсѣмѣстнаго гражданства. Истиннымъ типомъ лѣтняго жилья является шалашъ, сдѣланный изъ случайнаго дерева и накрытый кожами. Онъ гораздо меньше яранги, не имѣетъ такихъ выработанныхъ, освященныхъ традиціями формъ, а строится по первому капризу владѣльца, сообразно имѣющихся средствъ. Внутри его дѣлается іоронга, но гораздо меньше зимней. Она тоже не разсчитана на прочность, устойчивость и своимъ видомъ скорѣе напоминаетъ іоронги кочевниковъ, которыя могутъ быть поставлены и разобраны въ пять минутъ.

Замѣчательно, что даже тѣ чукчи, которые ставятъ лѣтнія жилища прямо на мѣстѣ зимнихъ, обязательно совершаютъ эту работу ежегодно. Чѣмъ она вызвана? Пережиткомъ ли это стараго кочеванія, инстинктивный ли вопросъ гигіены, экономическій ли вопросъ сохраненія зимняго жилья, когда въ немъ нѣтъ особой нужды — я не могу себѣ положительно отвѣтить.

Утварь чукотскаго обихода крайне примитивна и немногочисленна. Когда послѣ жестокаго мороза, собравшаго испаренія вашего тѣла на одеждѣ пней, или послѣ переѣзда въ буранную погоду, набившую снѣжную пыль между каждымъ волоскомъ мѣхового платья, вы входите въ ярангу, первая вещь, которую вамъ подаютъ — это «тивычхинъ» — дугообразно-изогнутый отростокъ оленьяго рога, разрѣзаннаго по длинѣ на двѣ части. Этимъ приборомъ вы должны колотить себя по рукамъ, ногамъ, груди, по всему тѣлу, часто съ помощью кого либо изъ хозяевъ, до тѣхъ поръ, пока вся, или большая часть снѣжной пыли не удалится изъ вашей одежды. Покончивъ съ этой операціей, вы приподнимаете пологъ іоронги и на четверенькахъ влѣзаете въ нее. Сначала въ чаду и спертомъ воздухѣ этого полумрачнаго помѣщенія вы не различаете ничего, кромѣ нѣсколькихъ тусклыхъ полосокъ свѣта по сторонамъ и передъ собою; но скоро глаза привыкаютъ и вы, начинаете оріентироваться. Кто либо изъ женской половины семьи помогаетъ вамъ освободиться отъ излишней одежды и обуви, которыя тутъ же на шестикахъ развѣшиваются подъ потолкомъ іоронги для просушки. У задней стѣнки, обыкновенно слѣва отъ огня, вамъ подстилаютъ оленью шкуру и приглашаютъ садиться. Первые предметы, на которые падаетъ ваше вниманіе—это источники свѣта и тепла, чукотскія лампы «аакайпы». Ихъ дѣлаютъ въ большинствѣ изъ глины, хотя встрѣчаются также и долбленныя изъ дерева. Аакайпа представляетъ изъ себя чашку полуовальной формы, вершковъ 6—8 длиною и 4 шириною. По всей длинѣ она

раздѣлена перегородкою съ небольшимъ углубленіемъ въ серединѣ на двѣ неравныя части, такъ чтобы жиръ, налитый въ большее отдѣленіе, могъ попадать свободно въ меньшее, предназначенное для фитиля. Но такъ какъ жиръ просачивается черезъ поры сосуда, то лампа ставится надъ одной, двумя пустыми чашками изъ того же матеріала, которыя собираютъ его, не позволяя капать на полъ Такимъ образомъ все сооруженіе: аакайпы и пустыя подъ ней чашки, поставленныя одна надъ другой, достигаетъ высоты до полуаршина надъ уровнемъ пола. Меньшее отдѣленіе аакайпы обращается ввутри іоронги, бо́льшее къ стѣнѣ. Въ первое насыпаютъ мелко истертый руками сушеный мохъ, во второй наливаютъ жиръ, который сейчасъ же переходитъ и въ первое отдѣленіе. Когда мохъ пропитается жиромъ, хозяйка, особой деревянной палочкой—(пиныня), обугленной съ одного конца отъ частаго употребленія, надвигаетъ часть моховой мякоти на край аакайпы, такъ чтобы она образовала длинную, тонкую, слегка приподнятую линію по всему, или большей части наружнаго края чашки, и зажигаетъ ее. Искусная женщина такъ уравняетъ мохъ. что онъ горитъ ровной свѣтовой полоской, почти не давая никакой копоти. Когда жиръ станетъ выгорать, свѣтъ начинаетъ увеличиваться, потому что огонь захватываетъ все большія и большія пространства моховой мякоти, переходя съ края аакайпы въ самую чашку. Пламя удлиняется, дѣлится на языки, начинаетъ коптить. Первый, замѣтившій это, кричитъ, что нужно поправить огонь. Кто либо изъ женщинъ вооружается пиныней, соскабливаетъ съ края аакайпы нагаръ, подгребаетъ изъ перваго отдѣленія мохъ, наклоняетъ чашку чтобы жиръ изъ второго отдѣленія больше прилилъ въ первое и уравниваетъ пламя. Такія поправки приходится дѣлать черезъ каждыя 15—20 минутъ, а такъ какъ въ средней величинѣ іоронги рѣдко бываетъ меньше 3-хъ аакайпъ, то значительное количество времени затрачивается на поддержаніе огня въ порядкѣ. Сосуды для храненія топленаго жира дѣлаются изъ моржеваго мочевого пузыря, у котораго верхъ срѣзанъ и окаймленъ ободкомъ изъ китоваго уса или твердой кожи, къ которому пришита ручка. Два|три такихъ сосуда, подвѣшанныхъ къ потолку — непремѣнная принадлежность каждой іоронги.

Послѣ привѣствія или небольшого разговора хозяева заботятся накормить и напоить гостя. Надъ каждой аакайпой имѣется желѣзный, деревянный или вырѣзанный изъ кости крючекъ, который виситъ на ремнѣ, спускающемся съ потолка. На него вѣшаютъ сосудъ, пред-

назначенный для варки пищи или чая; а такъ какъ чайники—котлы не одинаковой величины, то крючекъ на каждый случай перевязываютъ, наблюдая, чтобы дно сосуда было на 1—1$^1/_2$ вершка надъ огнемъ. По прибытіи новаго лица, если только въ хозяйствѣ имѣется кусокъ кирпичнаго чая, надъ огнемъ сейчасъ же вѣшаютъ чайникъ россійскаго или американскаго издѣлія. Первые, обыкновенно, мѣдные и въ большомъ почетѣ у чукчей; вторые — эмалированные. Но послѣ 2 — 3 мѣсяцевъ употребленія, любопытному приходится лишь угадывать матеріалъ посуды, такъ какъ хозяева нисколько не считаются съ копотью и грязью, которыя на ней осѣдаютъ съ теченіемъ времени.

Когда вода начнетъ согрѣваться, приносятъ легонькую передъ чаемъ закуску, состоящую изъ оленьяго, если оно есть, а то моржеваго или нерпичьяго мяса, которое молоткомъ разбито на мелкіе кусочки. Пища сервируется на длинномъ мелкомъ деревянномъ корытѣ (кааменга), выдолбленномъ изъ толстой доски. Оно совершенно плоско и имѣетъ только незначительно приподнятые края. Въ большихъ семьяхъ ихъ бываетъ нѣсколько различной величины отъ $^1/_2$ до 1$^1/_2$ аршина длины и отъ 1 до 2-хъ четвертей ширины.

Чукчи никогда, или очень рѣдко ждутъ, пока вода закипитъ; да это было бы черезъ-чуръ долго на аакайпахъ, поэтому, какъ только вода согрѣется настолько, что чайникъ начнетъ шумѣть, въ него засыпаютъ, накрошенный мелко кирпичный чай и дожидаются, пока онъ основательно проварится. На сцену вытаскиваются: кааменга, но уже перевернутая лицевой стороной внизъ, всѣ наличные деревянные кружечки и наконецъ семейная драгоцѣнность—ящикъ или корзиночка, въ которой лежатъ фарфоровыя чашки и блюдца, тщательно увернутыя въ тряпки. Отъ долгаго употребленія, въ чукотскомъ быту, рѣдкія изъ нихъ сохраняютъ первоначальный видъ. Но если даже одно изъ сокровищъ разбилось на пять—шесть мелкихъ кусочковъ, чукча съ неподражаемымъ терпѣніемъ и искусствомъ стянетъ ихъ узенькими жестяными полосками, нарѣзанными изъ первой коробки, давъ оправѣ возможно привлекательный и прочный видъ. Понятно, такая чашка, или блюдце первое время будутъ протекать, но это ничего: художникъ знаетъ, что грязь скоро сдѣлаетъ свое дѣло и затянетъ поры.

Такъ какъ къ чаепитію старается пристроиться каждый, имѣющій на него хотъ малѣйшее право, а чайники не такъ велики, то оно скорѣе является пріятнымъ развлеченіемъ, чѣмъ утоленіемъ

жажды и для послѣдней цѣли служитъ вода. Въ зимнюю пору въ этомъ краѣ можно доставать воду только въ немногихъ мѣстахъ, поэтому ее готовятъ изо льда, а еще чаще изъ снѣга. Въ углу іорранги привѣшивается или ставится на подставкахъ, деревянный боченокъ, банка изъ подъ керосина, или какой другой, подходящій по величинѣ семьи, сосудъ и въ него крошится ледъ или наминается руками снѣгъ. Такой сосудъ называютъ аймпочхинъ. Отъ теплоты жилья снѣгъ обращается въ воду, и ее пьютъ или ковшемъ (пуутынъ) или, чаще, прямо изъ бочки посредствомъ трубки (камчушинъ). Камчушинъ дѣлается изъ ножной оленьей кости съ обрѣзанными концами, изъ которой вынутъ мозгъ. Камчушинъ обыкновенно всегда лежитъ тутъ же на бочкѣ, или у бочки. Желающій пить беретъ одинъ его конецъ въ ротъ, а другой опускаетъ въ воду и тянетъ.

Послѣ чаепитія начинается настоящая ѣда. Она состоитъ изъ варенаго мороженаго мяса, если есть рыбы, жира и зелени. Варятъ пищу прибрежные жители въ желѣзныхъ и мѣдныхъ котлахъ, все на тѣхъ же лампахъ аакайпахъ. Попятно варится она медленно, часами, но временемъ здѣсь не дорожатъ, а если по вынутіи изъ котла мясо окажется свареннымъ только на половину, то это маленькое обстоятельство не остановитъ ничьего вниманія: ножи у каждаго есть, они помогутъ справиться съ твердой пищей. Для раздѣленія мяса на куски хозяйка вооружается особымъ ножемъ (пекуль). Онъ состоитъ изъ тонкой стальной пластины, въ формѣ трапеціи длиною до 4-хъ, шириною до 3-хъ вершковъ. Большая сторона трапеціи оттачивается, и слегка закругляется, а на противоположной сторонѣ укрѣплена деревянная ручка. Женщины очень искусно владѣютъ имъ и при столѣ, и при сниманіи съ животнаго кожи, и при разборкѣ туши на части. Для ѣды супа употребляются ложки, хотя нельзя сказать, чтобы онѣ имѣли большое примѣненіе, и, видимо, это нововведеніе позднѣйшаго времени. Онѣ встрѣчаются не во всякой ярангѣ, дѣлаются очень малыми и не для всѣхъ членовъ семьи, и, наконецъ, чукчи великолѣпно обходятся безъ нихъ, мокая въ опангу (густой супъ) четыре пальца до ладони и перенося ихъ затѣмъ непосредственно въ ротъ. Большинство ложекъ—привозныя металлическія изъ Америки, но иногда попадаются дѣланныя изъ дерева или кости.

Одной изъ самыхъ необходимыхъ принадлежностей яранги является серія «ачульхенъ». Это ночная посуда. Въ виду того, что чукчи смотрятъ очень просто на отправленіе всѣхъ естественныхъ потребностей человѣка и нисколько не стѣсняются присут-

ствіемъ посторонннхъ, ачульхенъ въ постоянномъ употребленіи какъ днемъ такъ и ночью. Ихъ всегда нѣсколько, и маленькія, для дневного употребленія, не что иное какъ обыкновенныя лубковыя коробки, большей частью круглой, рѣже овальной формы. Но къ ночи посреднѣ іоронги ставится большой боченокъ, обыкновенная параша, которая тоже зовется ачульхенъ, и въ нее сливаютъ все содержимое изъ маленькихъ. На день ее только отодвигаютъ въ уголъ, не всегда заботясь объ опорожненіи; когда же выдѣлываются перпичьи кожи, присутствіе въ ней человѣческихъ экскрементовъ по 3 — 4 дня вызывается даже необходимостью.

Наконецъ, каждая уважающая себя іоронга имѣетъ «ярарь»— чукотскій музыкальный инструментъ, внѣ употребленія подвѣшиваемый къ потолку. Ярарь — тотъ же русскій бубенъ, только большей величины и безъ позвонковъ. Онъ состоитъ изъ хорошо связаннаго деревяннаго обруча, къ которому придѣлана изъ того же матеріала ручка. На обручь натягивается вытянутая, основательно продѣланная и высушенная кожа моржеваго мочевого пузыря, края которой завернуты на другой большій по окружности но узенькій обручъ, прочно насаженный на первый, и удерживающій кожу въ постоянномъ натяженіи. Для ударовъ по бубну дѣлается изъ китоваго уса особый узенькій и длинный прутикъ, вершковъ 6 длиною— послѣдній — непремѣнная принадлежность каждаго ярара.

Описанные предметы составляютъ главную часть обстановки каждой іоронги. Въ чукотскомъ быту понятно много другихъ вещей, такъ или иначе связанныхъ съ жизнью и промыслами, но чтобы не сдѣлать перечисленіе скучнымъ, я буду касаться ихъ попутно при дальнѣйшемъ разсказѣ.

Вся чукотская зимняя одежда и обувь дѣлается изъ оленьихъ шкуръ и имѣетъ въ идеѣ дать двойную покрышку ровно по всему тѣлу. Такъ какъ зимой олень обростаетъ длинной шерстью, вслѣдствіе чего шкура становится тяжелой, то для одежды идутъ только осеннія и по преимуществу спятыя съ однолѣтнихъ оленей, битыхъ осенью, такъ называемыхъ «пыжиковъ» [1]).

Мужчины носятъ зимою двойные оленьи штаны—«кхонягыте»— при чемъ нижніе обращены шерстью къ тѣлу, а верхніе наружу. Покрой ихъ разнится отъ обыкновенныхъ штановъ тѣмъ, что они не идутъ до таліи, а достаютъ сзади только до самаго низа поясницы, спереди же завязываются непосредственно подъ животомъ.

[1]) «Пыжикъ» и «камошки»—мѣстно-русскія названія.

Шьютъ ихъ узкими, такъ что надѣтые, они обтягиваютъ ноги, какъ рейтузы. Въ іоронгѣ, при мелкихъ работахъ по дому, чукча носитъ одни штаны и только тогда, когда предполагаетъ оставаться долго наружи, то надѣваетъ верхніе. Для дальней дороги верхніе штаны шьютъ изъ «камошей» — шкурка, снятая съ нижней части оленьихъ ногъ.—Ихъ шерсть, болѣе жесткая и короткая, не такъ вбираетъ въ себя снѣжную пыль. Внизу штаны доходятъ до щиколокъ и имѣютъ ременныя завязки, которыми могутъ стягиваться.

Чукотская обувь, короткая, легкая, очень удачно приспособлена для защиты тѣла и ходьбы. Изъ тѣхъ же камошей строятся чулки «паміатъ» которыя носятся шерстью внутрь. Высота ихъ должна быть достаточной для того, чтобы, надвинувъ на нихъ нижніе штаны, стянуть завязки послѣднихъ поверхъ чулковъ лишь немного выше щиколки. Изъ камошей же, но шерстью наружу, дѣлаются и ботинки «плекытъ», которые отличаются отъ чулокъ лишь величиною, да тѣмъ, что ихъ подошва состоитъ или изъ прочной лахтачьей кожи, мездрою наружу, или изъ оленьихъ щетокъ. На пяткѣ олень имѣетъ грубую кожу, поросшую жесткими волосами. Ее снимаютъ, сшиваютъ вмѣстѣ и употребляютъ для подошвъ въ особенно холодное, зимнее время. Ботинки пригоняются такъ же какъ и чулки: ихъ надѣваютъ, слегка закатавъ верхніе штаны, и завязываютъ наверху завязками; а потомъ, поверхъ края ботинокъ надвигаются верхніе штаны и крѣпко затягиваются завязками. Поэтому вся нога, отъ ступни до бедра одѣта какъ бы въ одно цѣлое.

Туловище прикрывается двойной рубашкой «прань» длиною до колѣнъ. Прань шьется совершенно свободной, такъ что чукча, даже вполнѣ одѣтый, можетъ въ любой моментъ выбрать руки изъ рукавовъ во внутрь къ тѣлу. Она состоитъ изъ двухъ совершенно отдѣльныхъ рубахъ, вдѣтыхъ одна въ другую мездрой къ мездрѣ, Все украшеніе ея состоитъ въ томъ, что подолъ и рукава обшиваются россомашьимъ мѣхомъ, а на спинѣ и груди иногда нашиваютъ разноцвѣтные хвостики, сдѣланные изъ прибраннаго мѣха и красной шерсти. Вверху нѣтъ ни воротника, ни капюшона, прямо сдѣлано отверстіе, мало вырѣзанное сзади и глубже спереди, въ которое могла бы проходить голова, и это все. Разумѣется при такомъ устройствѣ вся шея и небольшая часть даже груди остается открытой. Для защиты послѣдней изъ мѣха шьютъ маленькій квадратный нагрудничекъ 5×6 вершковъ приблизительно. Назначеніе такихъ нагрудничковъ двоякое: защищать открытое мѣсто и

собирать иней отъ дыханія, который съ нихъ легче удалить чѣмъ съ прани. Два ремешка пришитые къ верхнимъ угламъ и завязанные на шеѣ, удерживаютъ его на мѣстѣ. Кромѣ того, русскій шарфъ, очень любимый чукчами, какой либо платокъ, или наконецъ особый ошейникъ, сдѣланный изъ бѣличьихъ хвостовъ или другого мѣха, закрываетъ самое горло. При подпоясываніи прань высоко поднимается и, когда стянута поясомъ, образуетъ напускъ надъ нимъ, давая такимъ образомъ полную свободу движеній рукамъ и тѣлу. Поясъ — «ричить» — состоитъ изъ прочнаго ремня съ какой либо пряжкой, сообразно фасону и вкусу владѣльца, но на немъ всегда находятся слѣдующіе предметы: ножъ «хуальхи» въ кожаной оправѣ, безъ котораго чукча никогда не обходится; «броткочхынъ»— маленькая коробочка, или кошелекъ изъ кожи, куда кладется щепоть табаку, пара гвоздей и тому подобная мелочь, и наконецъ маленькій брусокъ, просверленный на одномъ концѣ и на особомъ ремешкѣ привѣшиваемый къ поясу сзади. Голову чукча накрываетъ рѣдко. Онъ можетъ цѣлыми часами работать на морозѣ съ открытой шеей и головой; однако для дальней дороги имѣются шапки «кхели». Обыкновенно, чукча удовлетворяется маленькимъ треухомъ: шапочкой изъ тонкаго короткаго мѣха съ наушниками, которая покрываетъ ему голову ото лба до половины затылка, уши, часть щекъ и завязывается подъ подбородкомъ. Шапку часто расшиваютъ бисеромъ или шерстью. Иногда она вся шьется изъ подобранныхъ разноцвѣтныхъ мѣховъ, иногда въ ея составъ входитъ кожа съ красивымъ темно-зеленымъ опереньемъ, снятая съ утиныхъ шеекъ. Но для большой дороги всегда, или почти всегда, шапка дѣлается изъ оленьяго выпоротка. Кромѣ того на передкѣ каждой нарты вы найдете другую запасную шапку которая надѣвается въ жестокіе морозы или при буранѣ. Строится она изъ тяжелаго мѣха: лисьяго, оленьяго или нерпичьяго выпоротка. Эта шапка тоже съ наушниками, дѣлается глубокой, часто даже съ небольшимъ напускомъ сзади, а по переднему ея краю идетъ бобровая или россомашья опушка. Назначеніе этой шапки прикрывать всѣ слабо защищенныя мѣста затылка, шеи и даже лица, такъ что у надѣвшаго ее бываютъ видны только губы, носъ и глаза. Руки защищаются обыкновенными рукавицами, сдѣланными изъ камошей, и я никогда не видѣлъ, чтобы чукча надѣвалъ въ двѣ пары, Во время бурановъ и при поѣздкахъ, для предохраненія оленьяго мѣха отъ снѣга, изъ полотна, ситца или наконецъ ровдуги (выдѣланная и освобожденная отъ волосъ шкура оленя) дѣлается

особая верхняя рубаха, «утычхинъ», длиною до колѣнъ. Она надѣвается поверхъ всего платья и имѣетъ, въ отличіе отъ прани

Зимняя дорожная одежда.

капюшонъ. Въ весеннюю или лѣтнюю пору, когда становится сыро, ботинки и штаны приготовляются по тому же образцу, но только изъ нерпичьей кожи, которая лучше противостоитъ водѣ. Но прань

Нарта и чукчи въ пути.

всегда оленья, и въ теплую пору носятъ лишь одну ея нижнюю половину. Шапки, рукавицы, ошейники въ это время для чукчи не существуютъ; его голова, шея, руки всегда открыты, но для дождя готовится особая рубаха, сшитая изъ высушенныхъ и рас-

поротыхъ толстыхъ нерпичьихъ кишекъ. Она замѣняетъ чукчамъ наши резиновые плащи.

Женская одежда внутри іоронги состоитъ изъ маленькаго куска кожи, или матеріи, закрывающаго только наиболѣе нескромныя мѣста тѣла. Называется она «маккы» и очень похожа видомъ на поясъ акробатовъ, только еще уже его. Если представить себѣ мужскіе штаны, у которыхъ обѣ штанины срѣзаны какъ разъ по направленію паха, а сверху снято все до самаго низа поясницы и живота, то получится чукотская «маккы», которая ремешками, продѣтыми въ верхней ея части, затягивается и завязывается подъ животомъ.

Чукотскія женщины въ выходной одеждѣ.

Внутри жилья чукчанки ничего другого не носятъ. Но если надо ѣхать, или работать снаружи, то надѣвается болѣе основательная одежда. Она состоитъ изъ рубахи и штановъ соединенныхъ въ одно цѣлое. Штаны этого костюма, называемаго на мужскомъ языкѣ «керкеръ», а по женски «кеццы» [1]) — дѣлаются полными, совершенно свободными и доходятъ только до колѣнъ, гдѣ затягиваются завязками поверхъ сапогъ. Кверху они продолжаются до плечъ, переходя въ рубаху, такую же свободную съ широкими, какъ у нашего духовенства, рукавами, которые однако, пропущенными въ нихъ ремнями, могутъ стягиваться у кисти совершенно плотно. Для работы ихъ или закатываютъ, или, чаще, прямо освобождаютъ одну руку и плечо отъ одежды. Чтобы легче было производить послѣднюю операцію, керкеръ имѣетъ вверху глубокіе разрѣзы на груди и спинѣ, образуя двойное декольте. Оно

[1]) Чукотскія женщины замѣняютъ нѣкоторыя звуки другими, что образуетъ въ произношеніи крупную разницу, раздѣляя чукотскій языкъ на мужской и женскій.

обшивается кругомъ пушистымъ собачьимъ или россомашьимъ мѣхомъ и особыми ремешками можетъ завязываться, такъ что такимъ образомъ спина и грудь закрываются до самаго горла. Съ другой стороны, стоитъ только распустить эти верхнія завязки и керкеръ позволитъ обнажиться до пояса, любимое у женщинъ положеніе, когда имъ приходится то вскакивать въ теплую іоронгу, то снова выходить на трескучій морозъ; распустивъ нижнія завязки у колѣнъ и снявъ сапоги, онѣ могутъ спустить керкеръ совсѣмъ на земь, оставшись въ одной маккы. Керкеръ, также какъ и прань, состоитъ изъ двухъ совершенно отдѣльныхъ одеждъ, одѣтыхъ одна на другую, при чемъ мѣхъ одной обращенъ къ тѣлу, другой наружу. Въ теплое время женщины носятъ только одну половину (исподнюю).

Женская обувь отличается отъ мужской тѣмъ, что гораздо длиннѣе послѣдней и доходитъ до колѣнъ. Она состоитъ изъ мѣховыхъ чулковъ, сверху которыхъ надѣваются сапоги (плекеть). Зимой послѣдніе дѣлаются изъ мѣха съ подошвами лахтачьей кожи, а на верху у колѣнъ, гдѣ продѣвается стягивающій ихъ ремень, обыкновенно обшиваются вышивкой изъ бѣлой нерпичьей кожи, идущей кругомъ вершка на полтора. Въ сырое время женскіе плекеть строятся изъ выдѣланной нерпичьей кожи. Надѣвши керкеръ, женщина натягиваетъ чулки и сапоги, затягиваетъ ремни сапогъ сверхъ чулковъ у колѣнъ и у щиколокъ; затѣмъ припускаетъ штанины керкера и затягиваетъ ихъ завязки тоже у колѣнъ поверхъ сапогъ. Обыкновенно этимъ и заканчивается все одѣяніе, такъ какъ женщины зимою рѣдко куда выѣзжаютъ; но если имъ приходится отправиться въ путь, то онѣ также имѣютъ шапки, рукавицы и что либо на шеѣ. Всѣ эти вещи тождественны съ мужскими.

По берегу С. Ледовитаго океана мое вниматіе было остановлено особыми украшеніями, носимыми иногда чукчами на груди въ родѣ нашего креста; состоятъ онѣ изъ ремешка, доходящаго до середины груди, внизу котораго нашита узорновырѣзанная ременная бляха. На мои распросы, мнѣ сообщили, что это родъ траура. Когда кто-либо умретъ, одна изъ родственницъ дѣлаетъ такое украшеніе близкому къ умершему лицу. Разъ надѣтое, оно такъ и не снимается до тѣхъ поръ, пока не износится. Называютъ его «ныгытуль». Впрочемъ, этотъ трауръ не обязателенъ и не особенно распространенъ. Для храненія непрожеваннаго табаку, чукчи на особомъ же ремнѣ носятъ на груди маленькую сумочку, величиною въ квадратный дюймъ. Обычай хранить непрожеванный табакъ и класть его въ

ротъ вторично, иногда даже въ третій разъ, характеренъ только для побережья С. Ледовитаго Океана, такъ какъ въ другихъ мѣстахъ привозъ его настолько великъ, что надобности въ такой экономіи нѣтъ. Вообще чукчи любятъ кожанныя украшенія. Мужчины и женщины имѣютъ на шеѣ ожерелья изъ узенькаго ремешка иногда съ бахрамой, иногда безъ нея. Изъ такого же ремня они дѣлаютъ браслеты на руки и носятъ ихъ на верхней части руки и на ногахъ у щиколокъ. Зачастую къ нимъ пришпивается одна бусинка на особомъ ремешкѣ. Женщины большія охотницы до бусъ и всякихъ блестящихъ украшеній. Иная модница носитъ на голомъ тѣлѣ нѣсколько фунтовъ стекла! Онѣ дѣлаютъ изъ бусъ ожерелья, браслеты, носятъ въ видѣ перевязи черезъ плечо въ нѣсколько нитокъ. Кольца также въ большомъ ходу. Прическа женская состоитъ изъ пробора черезъ всю голову. Волосы, раздѣленные на двѣ равныя части заплетаются въ косы, которыя, начинаясь у ушей, на концѣ связываются другъ съ другомъ вплетенными ремешками и остаются въ такомъ, свободно опущенномъ положеніи за спиною. Очень часто въ косы вплетаются бусы или мѣдныя пуговицы. Какъ общее правило волосы у чукчанокъ не длинны и не густы, но иногда попадаются и роскошныя косы. Прическа мужчинъ сложнѣе и разнообразнѣе. Обыкновенно они бреютъ всю голову, оставляя только узенькую бахрому длинныхъ волосъ, которая, ровно подрѣзанная снизу, обрамляетъ всю голову. Иногда такой же второй ярусъ волосъ оставляется кружкомъ у самой макушки. Волосы его гораздо короче нижняго, но все-таки сильно выступаютъ надъ бритымъ мѣстомъ, выдѣляя рисунокъ. Иногда же нижній ярусъ сзади пускается въ небольшія косицы или заплетается маленькими косами. Манера носить волосы у мужчинъ зависитъ исключительно отъ ихъ вкуса; характерно только то, что во всякомъ случаѣ бо́льшая поверхность головы является бритой.

Къ числу женскихъ украшеній относится татупированіе. Оно дѣлается у дѣвочекъ лѣтъ съ 12-ти, первыми двумя полосками вдоль носа, распространяющимися и на лобъ. Мнѣ говорили, что будто бы эти полоски дѣлаются съ первой менструаціей, хотя я встрѣчалъ татупировку и въ болѣе раннемъ возрастѣ съ одной стороны, и съ другой, хотя рѣдко, ея полное отсутствіе у взрослыхъ женщинъ. Слѣдующей частью тѣла, наиболѣе подвергающейся татупировкѣ, является подбородокъ. На немъ накалываютъ продольныя полосы отъ губы книзу. Затѣмъ расписываются гораздо болѣе замысловатымъ узоромъ щеки; но это бываетъ далеко не всегда, и

большинство чукотскихъ женщинъ такъ и остается на всю жизнь только съ расписаннымъ носомъ и подбородкомъ. Наконецъ, уже совсѣмъ рѣдко, можно встрѣтить татупированныя руки. Мужчины не татупируются совсѣмъ.

Чтобы закончить описаніе костюма и украшеній взрослыхъ, мнѣ еще остается упомянуть нѣкоторыя особенныя части одежды, носимыя женщинами, недавно ставшими матерями. Это нагрудникъ сшитый изъ просушенныхъ нерпичьихъ кишекъ. Онъ облекаетъ груди женщины и удерживается на мѣстѣ двумя перекрещивающимися сзади ремнями, идущими каждый черезъ плечо и подмышку. Назначеніе нагрудника — собирать вытекающее молоко когда его много у женщины, которое она потомъ размазываетъ по своему тѣлу. Но, очевидно, онъ служитъ въ то же время какимъ-то символомъ, потому что тѣ, кто не страдаетъ непроизвольнымъ выдѣленіемъ молока, тоже носятъ нагрудники въ первыя недѣли послѣ родовъ, но совсѣмъ маленькіе, узенькіе, помѣщаемые между грудями, шитые изъ обыкновенной кожи и никакого практическаго значенія не имѣющіе. Затѣмъ не у всѣхъ, но у нѣкоторыхъ роженицъ я встрѣчалъ особые браслеты на запястьяхъ, шитые изъ широкой оленьей кожи и видомъ своимъ нисколько не напоминающіе обыкновенные браслеты для украшеній. Значеніе ихъ видимо тоже символическое.

Для маленькихъ дѣтей шьютъ спеціальную одежду съ разрѣзомъ на спинѣ, съ глухими мѣшочками для рукъ и ногъ и съ вырѣзомъ на промежности, который закрывается постоянно смѣняемыми мѣховыми тряпками—«маккы». Пока ребенокъ не спитъ и находится внутри іоронги, его, большею частью, держатъ голымъ. Но чукчи очень рано, съ первыхъ же дней рожденія начинаютъ выносить его на воздухъ. На этотъ случай, а также для спанья, ребенка вкладываютъ въ одежду и зашнуровываютъ. Когда онъ подростетъ и начнетъ ходить, то ему шьютъ одежду на подобіе женскаго керкера, только съ клапаномъ, а лѣтамъ къ 8—9 одежду, какъ взрослымъ, съ различіемъ, смотря по полу.

Кочевые чукчи.

Хотя кочевые чукчи представляютъ одно племя съ береговыми, однако другія условія жизни естественно вызываютъ и нѣкоторыя особенности ихъ быта. Кочевникъ не можетъ устраивать себѣ такого прочнаго жилья, какъ береговой, его утварь еще менѣе сложна,

а формы жизни проще, но руководящая идея остается во всемъ одна и та же.

Жилище оленевода весной.

Жилище оленевода также состоитъ изъ двухъ частей: наружнаго шатра—яранги и внутренняго—іоронги, по видомъ своимъ оно напоминаетъ конусъ, склоненный на одну сторону. Зависитъ это отъ

Внутри яранги оленевода.

того, что жилище не имѣетъ такого прочнаго основанія; его ребра не выгнуты, а оно укрѣплено просто на длинныхъ шестахъ, связанныхъ вверху въ одинъ общій пукъ и раздвинутыхъ по низу, какъ

козлы; по этому остову натянутъ сшитый изъ старыхъ оленьихъ, съ вытертымъ мѣхомъ, шкуръ, шатеръ. Пришитыми изнутри ремешками послѣдній прочно привязывается къ шестамъ, причемъ оставляетъ вверху небольшое дымовое отверстіе, а по землѣ, для большей устойчивости противъ вѣтра, шатеръ обкладывается тяжелыми камнями. Одна его сторона можетъ откидываться и замѣняетъ дверь. Въ этой сторонѣ общій склонъ шатра гораздо круче, чѣмъ въ противоположной. Вызвана такая несимметричность тѣмъ, чтобы вода, которая можетъ попадать въ ярангу сверху у связки кольевъ, не попадала на внутренюю іоронгу и не портила мѣха. Внутри яранги нѣтъ никакихъ приспособленій, ни отгородокъ, потому что прятать пожитки и мясо не отъ кого: если въ хозяйствѣ имѣются одна — двѣ собаки, онѣ всегда привязаны; а если для чего нибудь является необходимымъ помостъ, то онъ устраивается изъ нѣсколькихъ саней поставленныхъ другъ на друга и прикрытыхъ шкурой.

Оленные чукчи не такъ богаты жиромъ для отопленія и освѣщенія своихъ іоронгъ, какъ береговые. Во-первыхъ олень даетъ его гораздо меньше чѣмъ нерпа, а во вторыхъ и бить его приходится болѣе осмотрительно, такъ какъ это домашнее животное, составляющее все имущество хозяина. Это условіе отразилось прежде всего на приготовленіи пищи. Въ каждой ярангѣ кочевника, подъ дымовымъ отверстіемъ на ремнѣ, иногда на цѣпи, свѣшивается деревянный крючекъ; и въ какой бы мѣстности не кочевали, для варки чая и пищи члены семьи всегда добудутъ хворостняку по теченіямъ рѣкъ, корявыхъ корней и вѣтвей ползучаго кедра по ущельямъ горъ, для того, чтобы вскипятить котелъ.

Кочевая жизнь упростила и устройство іоронги. Въ задней сторонѣ яранги расчищаютъ слегка полъ, покрываютъ его зимними оленьими шкурами, а сверху навѣшиваютъ четырехугольный мѣшокъ, тоже изъ оленьихъ шкуръ, но мѣхомъ внутрь, который и образуетъ собою іоронгу. Въ іоронгѣ оленныхъ чукчей нѣтъ деревянной основы, какъ у береговыхъ. Только ея потолокъ имѣетъ снаружи деревянную раму, привязываемую къ шестамъ яранги, а спереди поддерживаемую наклонными палками. Три ея стороны, задняя и боковыя, внизу не прикрѣпляются ничѣмъ, а только подтыкаются подъ шкуры пола. Спереди же кладутся два мѣшка, наполненные мягкою рухлядью. Они образуютъ порогъ и изголовье «чуть-чуть» береговыхъ чукчей. Кочевники идутъ въ іоронгу только спать, день же проводятъ или внѣ дома, или въ наруж-

номъ шатрѣ; развѣ нестерпимый морозъ или буранъ загонитъ ихъ внутрь. Да іоронга и не даетъ большихъ удобствъ: она настолько мала, что позволяетъ только улечься, вытянувшись во весь ростъ, всѣмъ членамъ семьи; освѣщеніе скудно; обстановки никакой нѣтъ.

Утварь кочевниковъ-чукчей таже что и береговыхъ, только болѣе легкаго типа. Такъ, воду они держатъ въ лубковыхъ коробкахъ—родъ описаннаго выше ачульхена. Та же аакайпы, только гораздо меньшихъ размѣровъ; котлы, чайники, чашки и пр. имѣются въ каждомъ кочевьѣ, какъ и на берегу. Какъ особенность, замѣтилъ я кожаные шитые ачульхены съ ручкой. Типъ ихъ напоминаетъ обыкновенную русскую кружку, только бо́льшихъ размѣровъ: матеріалъ изъ котораго они сдѣланы — лахтачья кожа. Чукчи употребляютъ ихъ для пріученія и ловли ѣздовыхъ оленей. Олени вообще любятъ мочу и тѣхъ, которыхъ думаютъ пускать въ упряжь, поятъ изъ такой кружки, давая жидкость только тогда, когда робкое животное позволитъ наложить себѣ руку на шею. Потомъ, когда надо ловить ѣздовыхъ оленей, члены кочевья идутъ въ стадо, издавая горловые звуки, похожіе на крикъ самца, и махая надъ головой и передъ собой такими ачульхенами. Пріученныя животныя сбѣгаются на этотъ призывъ, получаютъ часть свѣжаго лакомства и заарканенныя послушно идутъ потомъ впрягаться въ нарты.

Оленные чукчи.

Въ одеждѣ береговыхъ жителей и кочевниковъ-чукчей я не уловилъ какихъ либо различій.

Жилища тѣхъ ламутовъ кочевниковъ, что я встрѣчалъ по р.р. Чауну и Анадырю, еще болѣе просты въ устройствѣ, чѣмъ чукотскія. Простые шалаши изъ освобожденной отъ шерсти оленины (ровдуга), натянутые на коническій пукъ жердей—и это все. По срединѣ жилья разводится огонь, который почти не прекращается. Дымъ выходитъ частью вверхъ въ дымовое отверстіе,

частью въ дверь шатра, но обыкновенно наполняетъ такъ жилище, что непривычные глаза не перестаютъ слезиться. Такъ какъ ламуты вообще держатся болѣе лѣсистыхъ мѣстъ, то недостатка въ топливѣ не испытываютъ. На поперечинѣ между двумя противоположными жердями жилища повѣшенъ одинъ, или нѣсколько, крюковъ, надъ костромъ для котловъ и чайниковъ. Полъ внутри весь выстланъ молодыми побѣгами деревьевъ или хворостникомъ, причемъ остается только небольшая полоска между нимъ и огнемъ. На полу сложена мѣховая одежда, мѣховыя одѣяла. Тѣ же — фарфоровыя чашки, тѣже мѣдные котлы, чайники — издѣлія русскихъ фабрикантовъ, зашедшія сюда черезъ Марково и Нижне-Колымскъ.

Костюмъ ламутовъ гораздо красивѣе, богаче вышивками, тщательнѣе въ работѣ, чѣмъ костюмъ чукчей, хотя я не думаю, чтобы онъ былъ удобнѣе и теплѣе. Ламутская женщина проявила въ костюмѣ гораздо больше вкуса, фантазіи; она съумѣла несложными средствами, часто ничего не стоющими желѣзными и мѣдными побрякушками, создать одинъ изъ самыхъ живописныхъ костюмовъ, видѣнныхъ мною среди разнообразныхъ инородческихъ племенъ. Верхняя ламутская одежда, какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ, представляетъ собою родъ фрака изъ оленьей кожи, мѣхомъ наружу, сшитаго аккуратно въ талію. Онъ можетъ застегиваться вверху, а книзу расходится фалдами, длиною до колѣнъ. Къ рукавамъ пришиты рукавицы, которыя можно имѣть надѣтыми, или болтающимися свободно, смотря по желанію. Отъ горла до колѣнъ идетъ родъ передника, богато вышитаго бисеромъ по подолу. У мужчинъ онъ болѣе простъ въ украшеніяхъ, женщины же кромѣ бисера, на него нашиваютъ колокольчики, бубеньчики, красиво разрѣзанные длинные ремешки, желѣзныя, мѣдныя бляхи. На ногахъ оба пола имѣютъ длинные чулки мѣхомъ внутрь, доходящіе до таза, и короткіе штаны, защищающіе только тазъ и верхнюю часть ногъ. Кожа чулокъ хорошо выдѣлана, бѣлаго цвѣта и иногда расшита красными нитками. Въ дальнюю дорогу на ноги одѣваются вторые чулки, составляющее съ ботинками одно цѣлое. На головѣ ламуты носятъ шапки, похожія на чукотскія, ламутки же почти всегда еще имѣютъ платокъ, повязанный кругомъ головы съ узломъ на затылкѣ.

Смѣшанное порубежное, осѣдлое населеніе по р.р. Колымѣ и Анадырю, состоящее частью изъ русскихъ, частью изъ обрусѣвшихъ инородцевъ разныхъ племенъ, живетъ въ рубленныхъ изъ бревенъ избахъ, которыя вообще мало чѣмъ отличаются отъ обыкновенныхъ

крестьянскихъ избъ, но не имѣютъ обычной крыши, и всѣ постройки по Колымѣ, за исключеніемъ церкви, производятъ поэтому впечатлѣніе неоконченныхъ. На потолокъ прямо насыпаютъ толстый слой земли, и это служитъ достаточнымъ предохраненіемъ отъ сырости и холода. Въ окна какъ по Колымѣ, такъ и по Анадырю въ большинствѣ случаевъ вставлены рыбья выдѣланная кожа, ровдуга, наконецъ просто хорошо отесанная льдина и очень рѣдко стекло. Внутри избъ, кругомъ стѣнъ идутъ скамьи изъ колотыхъ досокъ [1]). Изъ такихъ же досокъ сдѣланы: полъ, потолокъ и переборки, при чемъ послѣднія, обыкновенно дѣлящія избу на двѣ неравныя комнаты, не доходятъ до потолка, а заканчиваются на высотѣ роста человѣка. Назначеніе ихъ станетъ еще менѣе понятно, если добавлю, что двери изъ комнаты въ комнату за весьма рѣдкими исключеніями, не завѣшиваются ничѣмъ. Русскія печи встрѣчаются здѣсь рѣдко. Ихъ замѣняютъ чувалы — родъ камина. Надъ четырехугольнымъ очагомъ въ аршинъ — полтора высотою, выведена труба, широкая внизу и съуживающаяся кверху. Все сооруженіе состоитъ изъ тонкихъ жердей, обмазанныхъ глиной. Низъ трубы надъ печью какъ бы срѣзанъ на половину и позволяетъ вкладывать въ устье печи дрова. Полѣнья ставятъ стоймя Получается такимъ образомъ костеръ, съ одной выгодой, что дымъ не распространяется по жилью. Нельзя сказать, чтобы эта выдумка отличалась большимъ остроуміемъ, такъ какъ сильная тяга заставляетъ горѣть дрова такъ жарко, что къ чувалу нельзя подойти на пушечный выстрѣлъ, а для приготовленія на немъ пищи требуется предварительная тренировка и способность переносить этотъ жаръ. По окончаніи топки когда угли хорошо прогорятъ, надо взобраться снаружи на домъ и закрыть чѣмъ нибудь трубу сверху.

Утварь этихъ жилищъ не ушла дальше обыкновенной крестьянской утвари, съ тою только разницею, что въ виду трудной доставки привозныхъ товаровъ, лампы и свѣчи, особенно по Колымѣ, являются большой рѣдкостью. Для освѣщенія обыкновенно идетъ рыбій жиръ, снимаемый при варкѣ пищи. Его наливаютъ въ небольшія жестяночки, опускаютъ фитиль, и получается обыкновенный малороссійскій коганецъ.

---

[1]) Доски, не распиленныя при помощи пилъ, а вытесанныя топоромъ изъ цѣльнаго дерева, предварительно расколотаго пополамъ. Обыкновенно изъ одного дерева выходитъ двѣ доски.

Въ одеждѣ здѣшняго населенія существуетъ пестрая смѣсь европейскаго типа съ мѣстнымъ инородческимъ. Носятся русскія

Дѣвочки подростки и женщины въ полуевропейскомъ платьи.

ситцевыя рубахи-косоворотки, пиджаки, поддевки, по Колымѣ чукотскія парки, по Анадырю коряцкія кухлянки, (отличающіяся только

Чукчанка ѣдетъ на оленяхъ.

тѣмъ отъ парки, что имѣютъ капюшонъ) наряду съ мѣстнаго издѣлія камошовыми, ровдужными, чемоданными [1]) торбосами

[1]) Ровдуга—выдѣланная оленья шкура; если она прокопчена еще дымомъ, то называется дымленкой. Чемоданъ—колымское названіе выдѣланной нерпичьей кожи.

(сапоги), ровдужными, камошовыми, дымленными штанами, рубахами. Женщины носятъ сарафаны (по Колымѣ особенно) и платья съ широкими кофтами. Но особенно интересно посѣтить въ праздникъ церковь. Здѣсь женскіе костюмы переносятъ воображеніе зрителя въ эпоху глубокой старины: можно видѣть солопы съ круглыми сѣрыми воротниками, украшенными рядами хвостиковъ, повойники, кокошники. И тутъ же вы увидите мѣстную парку — женскую кухлянку, только нѣсколько длиннѣе — сдѣланную изъ хорошо прибраннаго чернаго выпоротка съ богатымъ шитьемъ по подолу, опушенную хорошимъ рѣчнымъ бобромъ.

Внутренній бытъ.

Если вспомнить, что чукчи долгое время считались однимъ изъ самыхъ воинственныхъ сѣверныхъ племенъ, оказывали русскимъ значительное сопротивленіе, а память о борьбѣ съ ними живетъ и до сихъ поръ въ этомъ краю, то надо придти къ заключенію, что такъ или иначе, они были въ Колымскомъ краю сорганизованы, имѣли или родовое, или общинное начало, ибо не отдѣльныя же семьи вызывали походы маіора Павлуцкаго и ту рѣзню, памятники которой мы находимъ кругомъ Нижне-Колымска. Однако теперь я ничего кромѣ первичной формы семейнаго быта не встрѣтилъ между ними. Каждая семья живетъ отдѣльной, вполнѣ самостоятельной и независимой жизнью. Ихъ взаимныя связи скорѣе выражаются въ формѣ товарищества: это мы наблюдаемъ какъ у береговыхъ чукчей и айвановъ при ихъ охотахъ на крупнаго звѣря, при пользованіи байдарами, ботами, при раздѣлѣ добычи, такъ и между кочевниками. У послѣднихъ я встрѣчалъ такія явленія: отецъ, выдѣлившій взрослыхъ дѣтей со стадами въ отдѣльныя кочевья, не всегда соединяется съ ними для лѣтнихъ и зимнихъ кочевокъ, даже если они живутъ въ сосѣдствѣ, а беретъ въ товарищи совершенно чужихъ ему людей, обыкновенно бѣдняковъ, имѣющихъ только упряжныхъ оленей. Выдѣленныя дѣти вполнѣ самостоятельны въ своемъ хозяйствѣ, во всемъ образѣ жизни. Правда, отецъ, мать, вообще старики въ большомъ почетѣ между всѣми чукчами, но это скорѣе относится къ принятому обычаю, чѣмъ признанію воли старшаго въ родѣ. Съ другой стороны, я не встрѣчалъ кочевьевъ, состоящихъ болѣе чѣмъ, изъ 4 ярангъ. Средняя величина берего-

вого поселка за исключеніемъ нѣкоторыхъ торговыхъ айванскихъ, тоже 4—5 ярангъ, что врядъ ли подходитъ подъ понятіе общины. А главное, между ихъ обитателями нѣтъ старшинства. Каждый глава семьи—самодовлѣющій хозяинъ, живущій по своему собственному желанію тамъ или здѣсь, работающій въ товариществѣ, или самостоятельно, соотвѣтственно его вкусамъ и обстоятельствамъ. Еще у кочевыхъ старшинство и подчиненіе выражается нѣсколько замѣтнѣе: обыкновенно одинъ на стойбищѣ имѣетъ всѣхъ, или большинство (янда-кааратъ) свободныхъ, необученныхъ для ѣзды, предназначенныхъ въ пищу, оленей. Являясь такимъ образомъ хозяиномъ нѣкотораго имущества, отъ котораго зависятъ его товарищи по стойбищу, владѣлецъ неминуемо пріобрѣтаетъ главенствующую роль во всѣхъ теченіяхъ обыденной жизни. Сообразно характеру доминирующаго лица, подчиненіе въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ выражается въ большей или меньшей степени, при чемъ для главенствующей роли требуется не непремѣнно мужчина: женщины за малолѣтствомъ дѣтей наслѣдуютъ иногда опекунскую роль и умѣютъ держать зависимый людъ въ хорошей субординаціи. Я не забуду, какъ убивался молодой парень работникъ, когда мои собаки разорвали довѣреннаго его попеченію оленя, любимца владѣлицы стойбища. Но опять таки, это скорѣе отдѣльные случаи домашняго деспотизма, нисколько не вліяющіе на независимыхъ сосѣдей и даже самостоятельно кочующихъ дѣтей и родственниковъ. Слѣды такой зависимости не могутъ существовать между береговыми чукчами уже по одному тому, что ихъ богатство иного, совершенно случайнаго, характера; если былъ въ данной мѣстности хорошій ходъ моржей, если держатся тамъ этой зимой стада нерпъ—всѣ они богаты и обезпечены, въ противномъ же случаѣ одинаково голодаютъ. Въ послѣднее время на востокѣ, подъ вліяніемъ торговли съ американцами, начинаетъ вырабатываться классъ купцовъ, которые, являясь распредѣлителями ружей, патроновъ, чая, табака и другихъ насущныхъ предметовъ между своими соплеменниками, естественно пріобрѣтаютъ между ними и большее или меньшее вліяніе. Но это уже чисто торговая форма зависимости, которая также не пошла дальше первыхъ стадій. Купецъ не выдѣлился еще въ особый классъ, онъ прежде всего тотъ же промышленникъ и посвящаетъ торговлѣ только свободныя минуты. Нѣкоторый намекъ на общину можно видѣть въ обычаѣ береговыхъ чукчей дѣлиться между собою плодами добычи. Однако этотъ обычай распространяется только на

мясо, а не на мѣха, кожи, усъ, привозные товары, и носитъ скорѣе характеръ угощенія, чѣмъ обязательнаго дѣлежа. Онъ обязателенъ въ смыслѣ совѣсти, а не матеріальнаго расчета; долженъ быть отнесенъ на счетъ добраго сердца, а не практическаго ума.

Такимъ образомъ, если я опишу возможно ближе бытъ семьи, я скажу все, или почти все о бытѣ племени.

Подрастающія дѣти живутъ съ семьей, женятся и выходятъ замужъ въ своихъ ярангахъ, или уходятъ въ чужія въ зависимости отъ условій. Дочери въ большинствѣ случаевъ идутъ въ чужія семьи, но если рабочихъ рукъ у отца мало, то онъ старается изъ бѣдняковъ найти зятя, который бы жилъ съ ними и помогалъ въ хозяйствѣ. Мнѣ не приходилось наблюдать брачныхъ церемоній; изъ разговоровъ я вынесъ впечатлѣніе, что онѣ очень просты и состоятъ по преимуществу въ добровольномъ соглашеніи. Женихъ, ищущій невѣсту, идетъ къ старикамъ родителямъ и откровенно говоритъ имъ о своемъ намѣреніи. Отецъ или мать спрашиваютъ согласія дочери и въ положительномъ случаѣ принимаютъ молодого человѣка какъ зятя. Въ выборѣ мужа женщина почти независима, и я знаю такихъ полярныхъ Тамаръ, которыя отвергали женіховъ десятками. Женихъ не платитъ никакого вѣна, но обязанъ по обычаю отработать за жену извѣстный срокъ въ ярангѣ тестя. Срокъ этотъ колеблется отъ нѣсколькихъ недѣль до нѣсколькихъ лѣтъ. Если семья невѣсты богата рабочими руками, то отрабатываніе скорѣе носитъ характеръ формы: зять живетъ въ ярангѣ тестя недѣли двѣ—три и потомъ увозитъ жену въ свою ярангу. Но мнѣ приходилось наблюдать случай, когда бѣдный зять былъ работникомъ три года, имѣлъ уже дѣтей, а старикъ тесть все еще не давалъ своего согласія на уходъ дочери, пока она не сбѣжала вопреки его воли. Иногда родители, сообразно съ остаткомъ, задолго начинаютъ заботиться объ устройствѣ своихъ дѣтей. Я встрѣчалъ въ нѣкоторыхъ семьяхъ дѣвочекъ, лѣтъ 5—7, взятыхъ у бѣдняковъ на воспитаніе, какъ будущія жены подрастающихъ сыновей, и мальчиковъ, усыновленныхъ для роли зятя. Дѣти ростутъ вмѣстѣ, считаясь мужемъ и женою задолго до наступленія половой зрѣлости. Вообще, принятіе ребенка чужой семьей—явленіе обычное среди чукчей. Въ ихъ примитивной жизни дѣти не служатъ обремененіемъ. Какъ общее явленіе, бракъ наступаетъ вслѣдъ за первымъ пробужденіемъ полового чувства, лѣтъ въ 17—20, хотя мнѣ приходилось видѣть бобылей лѣтъ до 30, которыхъ отвергали дѣвушки,

потому что они были бѣдны, лѣнивы, калѣки, считались неспособными дать семьѣ сколько нибудь обезпеченное существованіе. Встрѣчалъ также и женщинъ, обойденныхъ узами Гименея. Въ послѣднемъ случаѣ онѣ отдавались капризу мимолетныхъ связей со свободными молодыми людьми, съ шалящими мужьями перезрѣлыхъ женъ. Если въ результатѣ бываютъ дѣти, они остаются въ ярангахъ отцовъ гетеръ и воспитываются съ нѣжностью, характерною для всего чукотскаго племени. Проституціи въ европейскомъ смыслѣ слова между чукчами нѣтъ, нѣтъ и ревности, потому что на половое чувство они смотрятъ совсѣмъ особыми глазами: оно по ихъ понятіямъ есть не что иное, какъ простое удовлетвореніе естественныхъ потребностей человѣка, а тѣсная жизнь іоронги, гдѣ часто на пространствѣ нѣсколькихъ квадратныхъ аршинъ ютятся два — три супружества, выработала почти беззастѣнчивое къ нему отношеніе. По склонности своего характера, чукчи моногамисты и если не рѣдкость встрѣтить между ними двоеженство [1]), то оно въ подкладкѣ имѣетъ всегда какую—нибудь вѣскую причину: или бездѣтность первой жены, или ея болѣзнь, желаніе имѣть сыновей или наконецъ экономическія соображенія. Какъ я уже упоминалъ, иногда чукча ведетъ два хозяйства: морское и оленеводное; тогда у него два дома и двѣ жены, которыя ведутъ каждая свою отрасль. Но созданіе отдѣльнаго жилья совсѣмъ не обязательно въ случаяхъ двоеженства, такъ какъ супруги отлично уживаются другъ съ другомъ. Старшей въ большинствѣ случаевъ считается первая жена, хоть я видѣлъ и такую семью, гдѣ первая, бездѣтная, являлась подчиненной младшей, имѣвшей дѣтей и потому обезпечившей себѣ любовь мужа. Съ проявленіемъ чувства любви въ нашемъ понятіи этого слова я встрѣчался довольно часто. Молодые супруги обыкновенно нѣжны другъ съ другомъ; постоянно садятся рядомъ, бесѣдуютъ въ полголоса, обнимаются, нюхаются. Поцѣлуй замѣняется обычаемъ нюханья: также какъ и у насъ, человѣкъ, желающій поцѣловать какую-нибудь часть тѣла другого, прикладываетъ къ ней свое лицо, преимущественно, носъ и втягиваетъ громко воздухъ.

Случаи когда мужья прогоняютъ женъ или оставляютъ послѣднихъ, сравнительно рѣдки. Даже если мужъ беретъ другую жену

---

[1]) Бо́льшаго количества женъ, за исключеніемъ у одного айвана, имѣвшаго ихъ пять, я не встрѣчалъ на полуостровѣ.

и совершенно охладѣваетъ къ первой, онъ не лишаетъ ее крова, пищи и покровительства. Она продолжаетъ оставаться членомъ семьи, а если у нея есть дѣти, то ея положеніе болѣе чѣмъ прочно. Какъ любопытную особенность брака, мы встрѣчаемъ смѣнное товарищество по женамъ. Два мужчины, особенно привязанные другъ къ другу, обмѣниваются женами на время. Если они живутъ въ разныхъ поселкахъ, то сначала одинъ живетъ съ женой другого, а потомъ, при случаѣ, первый отплачиваетъ второму той же любезностью. Такія узы очень прочны; ихъ дѣти считаются общими, и товарищъ по женѣ всегда можетъ разсчитывать на всякую поддержку со стороны другого. Но особую любовь и нѣжность проявляютъ чукчи къ дѣтямъ, особенно къ маленькимъ. Они готовы играть съ ними часами, давать нѣжныя, не всегда приличныя, названія; всякій ребенокъ для нихъ прежде всего ребенокъ, и я видѣлъ слѣпого отъ рожденія мальчика, дѣлившаго вмѣстѣ съ другими его братьями нѣжность родителей. Новое рожденіе знаменуетъ семейную радость. Огонь, на которомъ согрѣвалась первая вода для обмыванія младенца, считается священнымъ, и пока ребенокъ не подростетъ, имъ не позволяютъ пользоваться чужому человѣку. Ни разу я не замѣчалъ, чтобы родители били ребенка. Во взаимныхъ ихъ сношеніяхъ ссоры также рѣдки и большею частію возникаютъ подъ вліяніемъ охмѣленія, но уже тогда доходятъ до кровавыхъ развязокъ. Я знаю три такихъ убійства, при чемъ обычай кровавой мести не чуждъ чукотскому характеру. Но онъ не захватываетъ отдаленнаго родства и дальше сына, брата, на сколько я знаю, не идетъ. Вообще же, въ своихъ взаимныхъ сношеніяхъ чукчи очень миролюбивы, уживчивы, покладисты. Флегматичная сѣверная природа наложила свою печать на ихъ характеръ, поэтому всѣ они спокойные флегматики. Случаи семейнаго деспотизма крайне рѣдки, я даже не знаю ихъ. Наоборотъ, какъ выдающуюся черту могу отмѣтить большой либерализмъ. Чукча не считаетъ ниже своего достоинства въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ торговыхъ сдѣлокъ, при перекочевкахъ, при каждомъ выдающемся явленіи его жизни, гдѣ онъ долженъ принять то или другое рѣшеніе, посовѣтоваться со всѣми членами своей семьи. Женщины при этомъ не исключаются; наоборотъ, часто жена, не говоря уже про мать, пользуется большимъ вліяніемъ. Я видѣлъ примѣры, когда старикъ отецъ совѣтовался съ 14 — 15 лѣтнимъ сыномъ, слово котораго имѣло крупный вѣсъ. За то и послѣдніе платятъ старикамъ такимъ уваженіемъ, такою любовью, примѣровъ которой

не часто встрѣтишь въ культурной жизни. Она не проявляется, какъ на востокѣ, въ наружномъ уваженіи, напр. вставаніи при входѣ старшихъ. Чукча апатиченъ вообще; онъ едва подвинется, чтобы только уступить мѣсто у огня. Зато сколько внутренней красы во взаимныхъ отношеніяхъ возрастовъ! Если судьба столкнула старика и молодого вмѣстѣ, то хотя бы они были совсѣмъ чужіе другъ другу, послѣдній непремѣнно приметъ на себя всѣ работы, весь уходъ за первымъ. И даже я, несмотря на мое экстраординарное и привилегированное положеніе, избавлялъ отъ лишней работы моего проводника, когда онъ оказывался старикомъ, только въ силу того, что я былъ сравнительно молодой человѣкъ,— «туръ-кляулъ». Путешественникъ можетъ дѣлать всякіе промахи въ мѣстномъ этикетѣ, но обойти своимъ вниманіемъ стариковъ онъ не долженъ, если заботится оставить по себѣ доброе мнѣніе. А между самими чукчами лучшее мѣсто, лучшій кусокъ пищи, принадлежитъ старшему возрасту. Молодежь, особенно въ оленномъ быту, питается Богъ знаетъ чѣмъ, бѣгая цѣлый день при стадѣ, проводя безсонныя ночи, предоставляя весь комфортъ жизни своимъ отцамъ и неся на своихъ плечахъ всю тяжесть обязанностей. Я не забуду одного подслушаннаго разговора: мой проводникъ, старикъ Анчимъ, совѣтовался съ однимъ, оставшимся еще при немъ, младшимъ сыномъ, парнемъ лѣтъ 14: что взять съ меня за труды по проводу черезъ тундру? Между прочими перечисленными вещами, онъ съ виноватымъ видомъ сознался сыну, что спросилъ еще «ліе-щай» (байховый чай) и «кыргыль-таакъ» (волокнистый табакъ) для себя. Анчимъ раньше торговалъ, бывалъ на Колымѣ, Анадырѣ и видимо, пріобрѣвъ тамъ утонченный вкусъ, желалъ побаловать себя на старости еще разъ. Теперь онъ сознавался сыну и косвенно спрашивалъ его одобренія. Какъ живое, вижу я серьезное лицо мальчишки, который, видимо взвѣшивая всѣ «pro» и «contra» сдѣлки, на послѣднее замѣчаніе съ тою же положительностью отвѣтилъ: «мачинань, гыть имнинаскынь!» (что же такого, ты старикъ)! Нужно знать ихъ бытъ и отношенія, чтобы понять всю красоту отвѣта!

Въ кажущемся противорѣчіи съ любовью къ старикамъ лежитъ обычай убивать ихъ, когда жизнь начинаетъ становиться имъ въ тягость. Но прежде всего, это обычай героической смерти по иниціативѣ самихъ стариковъ. Никогда предложеніе умереть не исходитъ отъ остальныхъ членовъ семьи; всегда рѣшившій покончить свои земные счеты, проситъ смерти у сыновей, или ближайшихъ

родственниковъ, самъ по собственному убѣжденію. Я знаю три такихъ случая. Въ каждомъ изъ нихъ родственники отговаривали самоубійцу, упрашивали продолжать жить съ ними, доходили до ссоры и только послѣ того, какъ убѣждались, что это безповоротное рѣшеніе, убивали его. Въ двухъ случаяхъ смертъ была черезъ удушеніе ремнемъ, при чемъ жена держала голову на колѣняхъ, а сыновья тянули за концы петли. Третій случай подъ этотъ обычай нѣсколько не подходитъ: это было убійство больной жены, которую мужъ застрѣлилъ изъ ружья. Она была больна нѣсколько лѣтъ одною изъ женскихъ болѣзней и постоянно просила мужа прекратить ея страданія. Тотъ долго крѣпился, наконецъ сдался, застрѣлилъ ее изъ новокупленнаго ружья, отвезъ трупъ въ поле, оставилъ тамъ вмѣстѣ съ орудіемъ смерти и долго потомъ тосковалъ по погибшей.

Женщина, какъ я писалъ, во многихъ отношеніяхъ чукотскаго быта, почти равноправна мужчинѣ, и если нѣтъ старика въ домѣ, или онъ отсутствуетъ, доминирующую роль занимаетъ старуха-мать. Обыкновенно старики не мѣшаются во внутренній порядокъ жизни молодежи, разъ они сдали ей хозяйство. Взрослые сыновья ведутъ промыслы, торговлю, ихъ жены хозяйство, но даже выдѣленные и живущіе вполнѣ самостоятельно дѣти считаютъ своею обязанностью сообщить старикамъ о всѣхъ совершенныхъ операціяхъ, часто не для одобренія, а только потому, что это вошло въ силу ихъ привычки.

Обязанности хозяйки очень многосложны и отвѣтственны: все веденіе дома лежитъ на ея плечахъ, поэтому не мудрено, что она занимаетъ очень почтенную роль въ семьѣ. Постараюсь описать ея день возможно ближе.

Береговые чукчи.

Чукчи, обыкновенно, ложатся спать рано. Покончивъ съ вечерней трапезой и убравъ посуду, женская половина приступаетъ къ устройству іоронги на ночь. Одна изъ нихъ, старшая дочь, младшая жена, или просто живущая со стороны женщина, которая весь день оставалась наружи для разныхъ работъ, вноситъ въ іоронгу кучу оленьихъ зимнихъ шкуръ, которыя на мѣстномъ русскомъ нарѣчіи такъ и называются постели. Другія женщины къ этому времени уже успѣваютъ подмести полъ, употребляя просто ладони рукъ и

стараясь убрать крошки пищи, траву и волосъ съ поверхности почернѣлой отъ времени моржевой кожи. Всѣ раздѣваются: мужчины остаются въ однихъ штанахъ, а если очень тепло, то и совсѣмъ безъ нихъ, прикрывши нижнюю часть живота какой-нибудь тряпкой, и въ лѣнивомъ полулежачемъ состояніи курятъ трубки. Женщины, въ однихъ маккахъ, хлопотливо возятся по своимъ обязанностямъ: одна мететъ полъ, другая заправляетъ на ночь аакайпы, оставляя небольшіе, вершка въ $1^1/_2$ полоски свѣта на каждой, чтобы они горѣли возможно экономнѣе и долѣе; третья развѣшиваетъ на шестахъ подъ потолкомъ лишнюю одежду, очищая такимъ образомъ возможно большую площадь для спанья..... Покончивъ съ предварительными работами, онѣ разстилаютъ по полу оленьи постели, одна тѣсно къ другой, стараясь прикрыть хорошо чуть-чуть— порогъ іоронги, который служитъ изголовьемъ, подтыкая подъ постели пологъ чоургынъ, чтобы изолировать спальню отъ сообщенія съ наружнымъ воздухомъ и морозомъ. Иногда въ іоронгѣ имѣется отдушина для провѣтриванія внутренняго помѣщенія; но на ночь затыкаютъ и ее. На середину іоронги вытаскиваются изъ угловъ и приносятся снаружи ачульхены: большой, прикрытый, обыкновенно, кускомъ кожи и маленькіе. Сдѣлавъ всѣ необходимыя ко сну приготовленія, семья постепенно укладывается спать. Старики всегда имѣютъ свой уголъ у правой или лѣвой стѣны, на который даже гости не посягаютъ. Молодежь спитъ на остальномъ пространствѣ, одинъ около другого, прикрывшись чѣмъ придется, а если очень тепло, что бываетъ часто, то и совсѣмъ безъ одѣялъ. Ночью женщины встаютъ нѣсколько разъ чтобы поправить огонь капризной аакайпы, который, по выгораніи масла, начинаетъ уменьшаться, дѣлиться на языки, коптить, и хоть его заботливо стараются поддерживать всю ночь, къ утру въ іоронгѣ становится чувствительно холодно. Каждый тащитъ тогда съ верхнихъ шестовъ принадлежности ночнаго платья; кто ирань, кто керкеръ, чтобы прикрыть голыя плечи и ноги. Воздухъ въ это время стоитъ такой, что описать его невозможно. Вентиляціи нѣтъ; всѣ отправленія организмовъ дѣлаются тутъ же.....

Первыми встаютъ поутру опять таки женщины. Съ заспаннымъ лицомъ, ежась отъ холода, набросивъ на плечи какую нибудь мѣховую тряпку, хозяйка прежде всего садится у аакайпы и разводитъ яркій, во всю длину края лампы огонь. Жизнь тѣсной іоронги, въ которой съ нѣкоторымъ удобствомъ можно только сидѣть и въ

которой, въ силу сложившихся условій, женщины проводятъ большую часть своего времени, выработала въ нихъ особую посадку, которой не обладаютъ даже мужчины-чукчи. Представьте себѣ человѣка, стоящаго со слегка разставленными ногами; заставьте его затѣмъ опуститься и сѣсть на полъ въ спокойную непринужденную позу, но такъ, чтобы его ступни не сдвинулись ни на іоту, вся нога до колѣна оставалась въ прежнемъ перпендикулярномъ положеніи, сидѣніе помѣщалось между ступнями, а колѣни по обѣ стороны груди. Другими словами, заставьте человѣка свернуться въ три складки возможно плотно, такъ чтобы одна вплотную прилегала къ другой—это будетъ фигура сидячей чукотской женщины; и въ такой позѣ, онѣ могутъ оставаться по долгу безъ замѣтнаго напряженія.

Скоро іоронга подъ вліяніемъ хорошо заправленной аакайпы нагрѣвается, надъ огнемъ виситъ чайникъ, если чай имѣется въ обиходѣ, а наружная женщина уже стучитъ каменнымъ молоткомъ по такому же каменному отъ мороза мясу, дробя его на мелкіе, удобные для прожевыванія, кусочки.

Для всѣхъ наружныхъ по дому работъ, одна изъ женщинъ семьи одѣвается, какъ слѣдуетъ, въ двойной керкеръ, чулки и сапоги и остается въ наружномъ большомъ шатрѣ—ярангѣ, цѣлый день. Ея обязанности состоятъ въ приготовленіи пищи. Тамъ, гдѣ есть дрова, она даже варитъ ее и чай или въ наружномъ шатрѣ, или совсѣмъ за шатромъ, на маленькомъ кострѣ. Затѣмъ, очень кропотливое и сложное дѣло—поддерживать мѣхъ іоронги въ порядкѣ. Отъ внутренней теплоты и испареній, на оленьемъ мѣхѣ снаружи осѣдаетъ иней, который, если только запустить, скоро обратится въ ледъ и испортитъ кожи. Поэтому добрая часть дня уходитъ у наружной женщины на выколачиваніе инея. Вооружившись тивычхиномъ, она обходитъ всю іоронгу, немилосердно колотя мѣхъ, тщательно осматривая всѣ складочки, гдѣ иней можетъ остаться незамѣченнымъ. Сѣно, положенное на потолокъ, а иногда и по бокамъ іоронги, тоже, хоть разъ въ недѣлю, снимается, перебивается тѣми же тивычхинами, тщательно перебирается и снова укладывается на мѣсто. Та же женщина подаетъ всѣ нужныя въ данную минуту вещи въ іоронгу и принимаетъ оттуда тѣ, нужда въ которыхъ миновала, и которыя вслѣдствіе экономіи въ мѣстѣ должны оставаться снаружи. Вообще ея обязанности многочисленны и хлопотливы: ей приходится то выскакивать наружу: очистить ачульхены, принести снѣгу для воды; то цѣлыми часами оставаться въ

наружномъ шатрѣ, исполняя какую либо работу, для которой нѣтъ мѣста въ іоронгѣ; то, наконецъ влѣзть въ теплую іоронгу поѣсть, выпить чашку чая, помочь въ чемъ-либо тѣмъ женщинамъ, которыя остаются тамъ, наконецъ, погрѣть окоченѣвшее на морозѣ тѣло. И въ этомъ отношеніи ея керкеръ незамѣнимъ: при кропотливой работѣ наружи, она закрыта имъ вся; если же приходится какой либо рукой дѣлать сильные взмахи, то она вынимается изъ рукава и нестѣсненная одеждой, работаетъ легко. Что при этомъ плечо и часть груди остаются открытыми, часто при морозѣ въ 30—40 градусовъ—это не имѣетъ большого значенія для чукотской женщины, а когда она, разрумяненная движеніемъ и морозомъ, съ бѣлой бахрамой инея, осѣвшаго на выбившихся изъ прически волосахъ, войдетъ въ іоронгу, то ей стоитъ только спустить керкеръ по поясъ, и главныя части ея тѣла снова находятся въ равновѣсіи съ температурой.

Остальныя женщины семьи въ это время сидятъ внутри въ костюмѣ Евы, тоже занятыя какой-либо работой: сучатъ нитки, чинятъ, шьютъ одежду, выдѣлываютъ кожу, разбираютъ на части продукты охоты, нахонецъ, возятся съ дѣтворой. Иногда онѣ выходятъ помочь наружной женщинѣ, смѣнить ее, сдѣлать визиты сосѣдкамъ, но большую часть зимняго періода онѣ проводятъ все-таки, сидя въ іоронгѣ.

Приготовленіе пищи, несмотря на всю несложность чукотской кухни, беретъ много времени. Пища состоитъ изъ мороженаго, варенаго мяса, рыбы, жира и травяныхъ блюдъ. Зимою мороженое мясо нерпъ, моржей, китовъ, оленей составляетъ главную составную часть пищи. Его предварительно дробятъ каменнымъ молоткомъ, такъ какъ подъ вліяніемъ мороза оно только крошится подъ ножемъ. Моржевое мясо вмѣстѣ съ слоемъ жира ѣдятъ также и нарѣзаннымъ тоненькими ломтиками, но для этого его вносятъ на нѣкоторое время во внутреннее помѣщеніе, чтобы оно отошло. При разборкѣ всякой крупной туши звѣря, мягкія части и жиръ снимаются отдѣльными полосами, которыя потомъ ѣдятъ въ мороженномъ видѣ; костяки же, а также мелкихъ звѣрей: зайцевъ, лисицъ, добытую птицу, предварительно варятъ на аакайпахъ, для болѣе удобнаго отдѣленія мяса отъ костей. Но его не проваривaютъ до такой степени, какъ дѣлаемъ мы, и оно остается твердымъ и сочнымъ. Вареное мясо для трапезы дѣлится на большіе куски, по суставамъ костей: позвонокъ, ребро, лопатку. Вооружившись такимъ кускомъ, чукча захваты-

ваетъ зубами мякоть и ножомъ ловко отрѣзаетъ у самыхъ губъ количество, удобное для проглатыванія. При варкѣ, воды въ котелъ наливаютъ столько, чтобы мясо только не пригорало, поэтому бульонъ получается очень густой. Въ тепломъ видѣ его почти не употребляютъ. Рѣдко увидишь какого-нибудь любителя съ ложкой у котла. Но экономныя хозяйки не выбрасываютъ его, а замораживаютъ кружками, на манеръ сибирскихъ щей. Потомъ съ нимъ варятъ растительныя блюда, а иногда и просто дробятъ на маленькіе кусочки и ѣдятъ какъ сухари. Рыбу также варятъ, но чаще ѣдятъ въ замороженномъ видѣ, какъ строганину, съ тою только разницею, что ее не строгаютъ, а взявши цѣлую или кусокъ, сообразно величинѣ и апетиту, пускаютъ въ ходъ крѣпкіе зубы. Но состоитъ ли пища изъ мяса во всякихъ его видахъ, или рыбы, чукчи непремѣнно приправляютъ ее жиромъ. Въ громадномъ большинствѣ идетъ замороженный нерпичій жиръ, не потому что онъ вкуснѣе всякаго другого, а потому, что его вообще больше въ чукотскомъ обиходѣ. Жиръ или крошатъ тонкими маленькими кусочками, или разбиваютъ молоткомъ въ общую массу. Лѣтній жиръ нерпы считается вкуснѣе зимняго. Онъ и на видъ рѣзко отличается, будучи бѣлымъ, тогда какъ послѣдній имѣетъ розовый цвѣтъ. Хорошія хозяйки заготовляютъ его въ прокъ, вытапливая и храня въ пузыряхъ иногда до глубокой зимы. Моржевый и китовый жиры ѣдятъ и какъ особое блюдо, нарѣзанными тонкими пластинками вмѣстѣ съ кожей. Любимѣйшими кушаньями считаются: нерпичьи кишки, которыя очищаются и потомъ просушиваются надъ аакайпой, а также нерпичьи и лахтачьи ласты, которые предварительно вѣшаютъ надъ огнемъ, чтобы они слегка загнили, и тогда ихъ кожа очищается легко, какъ шелуха. Я не забуду, какъ одинъ любезный хозяинъ уговаривалъ меня только попробовать ихъ хоть одинъ разъ. Онъ былъ увѣренъ, что послѣ того я буду ихъ ѣсть постоянно, такъ какъ, по его выраженію, они были такъ же сладки, какъ сахаръ. Нерпичій или лахтачій желудокъ, сваренный со своимъ содержимымъ, занимаетъ также не послѣднее мѣсто среди вкусныхъ блюдъ, потому что всегда дается старикамъ. Наконецъ, сюда надо отнести китовую кожу, бѣлыя хрящеватыя основанія китоваго уса, оленье мясо, которое вообще по вкусовымъ качествамъ ставится выше другихъ, и особенно оленій костный мозгъ и недоразвитые зародыши телятъ.

Какъ необходимую составную часть стола, чукчи вводятъ въ свою пищу много растеній. У женщинъ и дѣтей все лѣто

уходитъ на ихъ заготовленіе. У однихъ видовъ собираются листья со стеблями, у другихъ—плоды—ягоды, у третьихъ—корни—клубни, Послѣдніе чаще всего добываются изъ норъ полевыхъ грызуновъ. Осенью, найдя жилище домовитаго звѣрька, разрываютъ его и безжалостно похищаютъ заготовленные на зиму запасы. Къ моему удивленію, морская капуста, которую море обильно выбрасываетъ по берегамъ бухтъ, не нашла большого примѣненія въ чукотской кухнѣ. Хотя чукчи ее тоже ѣдятъ, но сравнительно меньше, чѣмъ полевыя растенія, несмотря на то, что добыча послѣднихъ гораздо труднѣе. Я знаю до 20 видовъ различныхъ растеній, употребляемыхъ чукчами въ пищу. Вотъ ихъ названія: юнгеутъ, коконгать, пальхкондалхенъ, вечутальхенъ, маоляльхенъ, увеутыльхинъ, тораутыльхинъ, рельхканалхенъ, мытькачеальхенъ, утьхуыть, попокальхенъ, камчехальхенъ, увелюльхильхинъ, экельхинъ, кычопальхенъ, алятекальхенъ, лямкольхенъ, мытальхенъ, алаколькальхенъ, акыльколькенъ. Особенно употребительны первые четыре. Рѣдкая яранга не дѣлаетъ изъ нихъ большихъ запасовъ на зиму. Изъ нихъ варится «опанга»—густой супъ изъ растеній, крови, жира и бульона; мелко изрубленныя, они подаются какъ приправа къ мясу, наконецъ, изрубленыя и смѣшанныя съ толченымъ нерпичьимъ жиромъ, составляютъ самостоятельное блюдо.

Сервировка чукотскаго стола крайне не сложна: натолокши мяса, жира, накрошивъ растеній, хозяйка накладываетъ ихъ тремя отдѣльными кучками на кааменгу—деревянное корыто, которое ставится на полъ по серединѣ іорранги. Закусывающіе садятся вокругъ во всякихъ позахъ, отъ сидячей до лежачей, и если есть ложки, ѣдятъ ими, а то просто пятью пальцами, беря отъ каждой кучки по своему вкусу: мясо, жиръ и зелень. Опанга тоже наливается въ кааменгу, обыкновенно, послѣ того какъ мясо уже уничтожено. За неимѣніемъ ложекъ, въ нее по просту окунаютъ 4 пальца правой руки и приставшую густую массу переносятъ въ ротъ. Впрочемъ опанга сравнительно рѣдкое блюдо и далеко не всякій день сопровождаетъ чукотскій столъ. Если есть моржевое, китовое мясо, кожа съ жиромъ, то ихъ подаютъ въ цѣломъ кускѣ. Хозяйка, или старшая дочь беретъ пекуль (полукруглый ножъ), садится у корыта и начинаетъ крошить его тонкими пластинками, пододвигая трапезующимъ, не забывая и себя между дѣломъ. Оленье мясо не часто бываетъ въ обиходѣ береговыхъ чукчей и считается ими выше другихъ сортовъ пищи, потому его больше подаютъ какъ закуску передъ чаемъ, если таковой имѣется;

чай пьется не послѣ ѣды, а передъ нею. Такимъ образомъ порядокъ стола зажиточнаго чукчи будетъ слѣдующій: толченое оленье мясо, чай и послѣ него главная трапеза. Старики, если они есть въ ярангѣ, всегда выдѣляются: пища имъ, прежде всего, сервируется на отдѣльной маленькой кааменгѣ, куда хозяйка накладываетъ лучшіе куски и въ бо́льшемъ количествѣ, чѣмъ приходится на долю остальныхъ членовъ семьи. Во время чаепитія имъ подаются лучшія чашки съ блюдцами, тогда такъ остальные довольствуются черепками. Вообще, лучшее мѣсто и лучшая и болѣе обильная пища принадлежитъ старикамъ.

Береговые чукчи, разъ у нихъ есть запасъ пищи, ѣдятъ часто, раза 4 — 5 въ день. Ихъ жизненный идеалъ не ушёлъ пока дальше сытнаго стола, и имѣть достаточный запасъ провизіи считается верхомъ благополучія. Какъ новинка послѣдняго времени, на востокѣ все больше и больше начинаетъ входить въ употребленіе американская мука. Чукчи ее очень любятъ. Я находилъ ее мѣстами по берегу океана до самаго Сѣвернаго мыса. Приготовленіе ея въ пищу я видѣлъ въ двухъ видахъ: въ первомъ случаѣ ее жидко разводятъ водою, подогрѣваютъ на огнѣ и ѣдятъ какъ опангу; во второмъ, примѣшивая воду дѣлаютъ тѣсто, изъ котораго пекутъ въ перпичьемъ жиру оладьи, или лепешки, употребляя для этой цѣли котлы. Но съ чѣмъ изъ необходимѣйшихъ нашихъ приправъ не могутъ мириться чукчи—это соль. Даже простое присутствіе ея въ тѣстѣ, въ кушаньѣ остро ощущается ими и дѣлаетъ имъ пищу непріятной на вкусъ. Признаюсь, что когда во время путешествій мои запасы приходили къ концу, и мнѣ предстояла перспектива перехода на чукотскую кухню, я къ своимъ кушаньямъ прибавлялъ побольше соли и тѣмъ спасалъ ихъ отъ вожделѣній моихъ хозяевъ. Въ чукотскомъ обиходѣ соли не существуетъ вообще и только тѣ лица, которыя годами жили среди европейцевъ, могутъ переносить ее. Это тѣмъ болѣе странно, что ихъ сосѣди, ламуты, ужасно любятъ соль и въ нѣкоторыхъ случаяхъ предпочитаютъ ее сахару. Самую искреннюю благодарность я выслушалъ отъ ламутовъ, когда позволялъ имъ брать изъ моего скуднаго запаса соли и примѣшивать ее къ чаю, который они потомъ пили съ сахаромъ въ прикуску.

Уходъ за дѣтьми, несмотря на всю нѣжность, не отнимаетъ особенно много времени у женщинъ. Ребенокъ съ самаго рожденія и до тѣхъ поръ пока подростетъ, постоянно находится непосредственно близко, подъ руками, а общая любовь къ дѣтямъ нахо-

дитъ много добровольныхъ нянекъ. Въ первые же дни его начинаютъ выносить на воздухъ въ наружный холодный шатеръ, не стѣсняясь морозовъ. А то просто, положивъ на порогъ іоронги и приподнявъ пологъ, выставляютъ маленкое нѣжное тѣльце на свѣжій морозный воздухъ. Кормятъ чукчанки грудью очень долго. Я видѣлъ дѣтей лѣтъ 7—8, которыя сосали грудь. Не рѣдкость встрѣтить и такія явленія, что мать одновременно кормитъ двухъ дѣтей: старшаго и младшаго. Когда ребенокъ начинаетъ ходить, то ему дѣлаютъ соотвѣтственную одежду, и онъ большую часть времени проводитъ наружи, забавляясь сообразно своимъ вкусамъ. Внутри жилища дѣти обоихъ половъ ходятъ голыми лѣтъ до 10, но съ этого времени для дѣвочекъ дѣлаются маккы, съ которыми онѣ потомъ уже не разстаются всю жизнь.

Но иногда женщины, помимо мелкихъ домашнихъ работъ дѣлятъ съ мужчинами и ихъ трудъ. Когда мало рабочихъ рукъ, онѣ берутся въ качествѣ гребцовъ на байдары для промысла, и я даже встрѣчалъ такихъ, которыя съ ружьемъ и уколомъ вели всѣ промыслы самостоятельно, начиная отъ охоты на бѣлаго медвѣдя. Случаются такія явленія, преимущественно, въ семьяхъ престарѣлыхъ родителей, у которыхъ не оказалось сыновай.

День мужчины, большею частью, проводятъ на морѣ на промыслахъ. Въ зимнюю пору, еще задолго до разсвѣта, чукча уже поѣлъ, одѣлся, запрегъ свою нарту и ѣдетъ осматривать сѣти, или съ ружьемъ на открытыя полыньи караулить нерпъ. Для этого ему надо преодолѣть путь черезъ сплошной ледъ въ нѣсколько часовъ ѣзды. Уѣзжать и пріѣзжать приходится большую часть времени затемно, потому онъ сообразуется съ погодой. Постоянныя наблюденія и сильная зависимость отъ природы выработали въ немъ извѣстный навыкъ угадывать погоду; чукча великолѣпно знаетъ страны свѣта, какой и откуда вѣтеръ несетъ сырой и сухой буранъ, какъ онъ бываетъ продолжителенъ и насколько опасенъ. Но хорошая приспособленность натуры и одежды, дѣйствительно очень теплой, легкой и удобной, сдѣлали то, что за два года моей тамъ жизни, я ни разу не наблюдалъ и не слышалъ въ разсказахъ о случаяхъ замерзанія, хотя я знаю примѣры, что буранъ, захватившій путниковъ въ полѣ, не позволялъ имъ двинутся съ мѣста по 6—8 сутокъ. Мнѣ самому приходилось недѣлями жить глубокой зимою безъ крова въ тундрѣ и все это безъ замѣтнаго вреда для здоровья, что я отношу къ вообще здоровому климату сѣвера и оленьей одеждѣ. Въ буранистую погоду чукчи сидятъ въ

своихъ теплыхъ іоронгахъ, не показываясь на воздухъ цѣлыми сутками. Тутъ они или мастерятъ что-либо: разрѣзаютъ ремни, чинятъ сѣти, строгаютъ изъ дерева или кости различныя подѣлки домашняго обихода, а то просто апатично лежатъ посасывая трубку. Лѣтомъ, разъ вѣтра нѣтъ, чукчи цѣлыми днями плаваютъ по морю, стрѣляя утокъ, нерпъ, промышляя моржей, рыбу; но какъ только потянетъ болѣе или менѣе крѣпкій вѣтерокъ, они сейчасъ же причаливаютъ къ берегу.

Оленные чукчи.

Оленные чукчи въ своемъ внутреннемъ быту почти тождественны съ береговыми, и разница замѣчается только тамъ, гдѣ дѣло касается ухода за оленями и пищи. Уходъ за стадомъ въ зимнее время не вызываетъ большихъ хлопотъ, такъ какъ животныя, ничѣмъ не безпокоемыя и затрудненныя въ своихъ движеніяхъ, часто, глубокимъ снѣгомъ, пасутся смирно на тѣхъ мѣстахъ, куда ихъ пригналъ пастухъ. Присматривать приходится только за волками, которые наносятъ сильный ущербъ оленеводству. Удивительно, что несмотря на весь вредъ, жители какъ то обходятъ охоту на волковъ и больше преслѣдуютъ песца, лисицу, медвѣдя, чѣмъ ихъ. Объясняется это можетъ быть тѣмъ, что волки, болѣе хитрыя и увертливыя животныя, не такъ легко достаются въ добычу и только случайный изъ нихъ попадаетъ подъ пулю. Обезпеченные дикимъ оленемъ, за стадами которыхъ они бродятъ неотступно, волки не щадятъ понятно и домашнихъ, но только тогда, когда ихъ вынудитъ къ этому или голодъ, или они чувствуютъ, что могутъ похозяйничать въ стадѣ безъ большого для себя риска. Поэтому въ зимній періодъ оленеводу предстоитъ только уберечь свое стадо отъ волковъ, которые не только могутъ перерѣзать изрядное количество оленей, но и поразогнать ихъ. Сѣверные волки не такъ велики, какъ въ средней Россіи, и о случаяхъ нападенія ихъ на людей я не слыхалъ. Чукчи, по крайней мѣрѣ, совсѣмъ не считаются съ ними, и достаточно при стадѣ имѣть одного подростка, чтобы оно было въ безопасности. Однако это не всегда дѣлается: вслѣдствіе той или другой нужды (обыкновенно въ топливѣ) стадо часто остается безъ надзора, и волки имѣютъ возможность поживиться за его счетъ. На ночь стадо всегда подгоняется къ кочевью вплотную, гдѣ олени, погрызши снѣга, пропитаннаго вылитой человѣческой мочей, залегаютъ на цѣлую ночь,

пока рано утромъ пастухъ не спугнетъ ихъ и отогнавъ на моховище, не заставитъ бродить по нему.

Добываніе дровъ отнимаетъ у кочевниковъ очень много времени, поэтому, кто побогаче оленями, кто можетъ позволить себѣ такую роскошь, какъ питаться исключительно за счетъ своего стада, тотъ на зиму откочевываетъ внутрь страны, поближе къ лѣсамъ, въ горныя ущелья, гдѣ по рѣкамъ пріютился тальникъ, добыча котораго изъ подъ снѣга отнимаетъ зачастую весь короткій зимній день. Оленные чукчи не такъ богаты жиромъ, какъ береговые, потому что олень вообще не имѣетъ столько жира, какъ нерпа, да и бить его приходится осмотрительно. Поэтому готовить пищу на аакайпахъ оленеводы избѣгаютъ и употребляютъ всѣ усилія, чтобы достать дерева для кипяченья воды въ чайникахъ, приготовленія, опанги, вытапливанія костяного жира. Эта же причина вызываетъ и то, что на день теплая іоронга кочевниковъ обыкновенно убирается, и вся семья въ тепломъ платьѣ проводитъ время въ наружномъ шатрѣ. Развѣ только въ особенно сильные холода и бураны дѣлается отступленіе отъ общаго правила. Но на ночь, какъ бы бѣдна ни была семья, у нея найдется немного жиру, чтобы освѣтить и обогрѣть небольшое пространство внутри теплаго мѣхового шатра. Тѣ, кто побѣднѣе оленями, на зиму далеко отъ океана не откочевываютъ. На берегу у нихъ имѣются родственники, знакомые, которые въ глухое время тяжелой нужды помогутъ, кто кускомъ мяса, кто кускомъ жира. Наконецъ въ досужее время оленеводъ и самъ сходитъ съ ружьемъ на море, въ надеждѣ на добычу. Этой мелкотѣ добыча топлива, дается еще труднѣе, такъ какъ на прибрежьѣ его, вообще говоря, мало.

Въ силу какихъ причинъ — не знаю, но только все ботатое оленеводство края сгруппировалось къ западу отъ линіи Сѣверный мысъ и залива Св. Креста; и только въ этой полосѣ чукчи дѣйствительно кочуютъ, т. е. дѣлаютъ болѣе или менѣе дальнія передвиженія. На лѣто, можно съ увѣренностью сказать, что три четверти оленеводовъ выкочевываютъ къ берегамъ океановъ, преимущественно С. Ледовитаго. Вызывается это желаніемъ предохранить стадо отъ насѣкомыхъ, которыя не такъ назойливы въ прибрежной полосѣ, какъ внутри страны, и тѣмъ еще, что море въ это время даетъ обильную и разнообразную пищу для человѣка, начиная отъ рыбы и кончая звѣремъ. Тѣ, кто остается внутри страны, забираются со стадами въ горы, гдѣ на вершинахъ укрываютъ ихъ отъ зноя и оводовъ. Если стадо болѣе или менѣе большое, то при близ-

кихъ передвиженіяхъ, въ цѣляхъ пастьбы исключительно, кочевье не всегда слѣдуетъ за нимъ, а обыкновенно только пастухи, которые лѣтомъ проводятъ истинно каторжное время. Олени въ это время беспокойны и спасаясь отъ укусовъ насѣкомыхъ, готовы бѣжать куда глаза глядятъ. Въ знойные, ясные дни, когда солнце свѣтитъ почти круглые 24 часа, пастухи не спятъ сутками, бѣгая съ горы на гору, сгоняя стадо, удерживая ошалѣвшихъ животныхъ. Впрочемъ время это держится не долго, не больше мѣсяца, и первые морозы приносятъ облегченіе пастуху. Откочевавшіе къ океану ведутъ болѣе спокойную жизнь. На обдуваемыхъ съ моря мѣстахъ насѣкомыя не такъ надоѣдливы, стадо не требуетъ особенно тщательнаго присмотра, и оленеводы не только имѣютъ возможность присмотрѣть за нимъ, но даже и съѣздить на промыселъ рыбы и звѣря. Когда я ѣхалъ по берегу Сѣв. Ледовитаго океана, то каждый день наталкивался на 2—3 ставки, состоявшія изъ лодокъ, саней, иногда старой шкурной рухляди. Это было имущество оленеводовъ, которые, придя сюда съ наступленіемъ лѣта, пользуются имъ, а на зиму снова оставляютъ, складывая на подсошки отъ звѣря, будучи увѣрены вполнѣ въ томъ, что человѣкъ не тронетъ. Оленеводы стоятъ у берега до глубокой осени, и когда только станетъ образовываться новый ледъ, трогаются въ обратный путь. Мелкіе изъ нихъ, имѣющіе десятокъ—два оленей, если не пристроились къ крупнымъ кочевникамъ, не удаляются отъ океана дальше какъ на одинъ—два дня пути, гдѣ имѣютъ сравнительно небольшой районъ кочеванья; стадо ихъ не велико и не требуетъ поэтому большихъ моховыхъ пространствъ. Но болѣе зажиточные идутъ далеко: къ анадырскимъ, колымскимъ лѣсамъ, въ ущелья Станового хребта. Идутъ они медленно, останавливаясь на берегахъ большихъ рѣкъ и озеръ недѣлями, гдѣ промышляютъ рыбу до тѣхъ поръ, пока олени не вытопчутъ окрестныхъ моховищъ. Но даже мелкій оленеводъ, какъ бы онъ ни былъ тѣсно связанъ съ моремъ, ко времени рожденія телятъ долженъ уйти съ открытыхъ мѣстъ въ горы, гдѣ выбираетъ для своего стада долинку, закрытую отъ холодныхъ вѣтровъ.

Вся эта жизнь, полная хотя не большихъ, но постоянныхъ передвиженій, вѣчныхъ заботъ и бѣготни при стадѣ, выработала изъ оленнаго чукчи удивительно крѣпкій, выносливый типъ. Еще старики ведутъ сравнительно уравновѣшенный и спокойный образъ жизни, но для молодежи не ѣсть не спать сутками, бѣгать сотни верстъ, считается какъ бы даже обязанностью. На долю женщины, въ этой полной труда жизни, падаетъ едва ли не тяже-

лѣйшая роль. Дѣвочкой — она принимаетъ участіе въ охраненіи стада наравнѣ съ подростками мужского пола; а если она не находится при стадѣ, и не занята сборомъ топлива зимою, пищевыхъ растеній лѣтомъ, то возится внутри яранги въ качествѣ няньки, и исполняетъ разныя другія обязанности внутри и снаружи жилища. Съ выходомъ замужъ на нее ложится вся тяжесть обязанности хозяйки. Я не видѣлъ, чтобы жены ходили при стадѣ; развѣ только тогда, когда идетъ поимка оленей для убоя или упряжи. Когда стадо подогнано къ кочевью, и всѣ принимаютъ участіе въ работѣ, тогда и женщины тоже выходятъ. Но разборка и постановка шатровъ, укладка саней, веденіе обоза въ пути, ложатся почти исключительно на ихъ отвѣтственность. А разъ кочевье на мѣстѣ, онѣ шьютъ, чинятъ, сушатъ одежду, готовятъ пищу.

Оленья запряжка.

Вотъ длинный караванъ состоящій изъ саней, растянувшихся другъ за другомъ, и изъ стада свободныхъ оленей, пришелъ на мѣсто, гдѣ уже стоятъ маленькія ѣздовыя саночки хозяина стойбища, запряженныя парой бѣговыхъ оленей. Онъ пріѣхалъ задолго впередъ, облюбовалъ мѣсто для стойбища, вокругъ котораго есть моховище и топливо. Для шатровъ онъ выбралъ склонъ хребта, или перегибъ, обдутый вѣтромъ отъ снѣга, и сидитъ въ ожиданіи прибытія обоза. Какъ только послѣднія сани подтянулись, олени выпрягаются и пускаются пастись въ общее стадо, а женщины и дѣти хлопотливо возятся кругомъ: одинъ очищаетъ мѣсто подъ ярангу, другой подтаскиваетъ сани и ставитъ ихъ въ кругъ; женщины, тащутъ жерди, начи-

наютъ вязать пологъ... Черезъ часъ стойбище готово: шатры разбиты, посерединѣ ихъ горятъ костры, надъ которыми подвѣшены чайники, котелки... Если есть старое мясо, варятъ его, если

Подмораживаніе партъ въ пути.

нѣтъ—пастухъ беретъ длинный арканъ и идетъ къ стаду; къ нему пристраиваются 3 — 4 человѣка для перегонки оленей, и черезъ нѣсколько минутъ, прыгая и брыкаясь во всѣ стороны, новая жертва, захлестнутая крѣпкимъ ремнемъ за рога, ведется къ стойбищу. Здѣсь ее валятъ и тонкимъ узкимъ ножемъ колятъ въ сердце, не проливая почти ни капли крови. Женщины, вооружившись ножами, снимаютъ кожу и раздѣляютъ тушу на части, не рубя ни одной кости. Сначала отдѣляютъ сухожилья; затѣмъ ихъ очищаютъ отъ мускуловъ и подвѣшиваютъ сушиться для нитокъ. Ножныя кости даютъ обгладывать въ сыромъ видѣ, обыкновенно старикамъ, или тому, кто попочетнѣе, и они при помощи ножа и зубовъ такъ тщательно снимаютъ всѣ пленки и хрящики, что кости остаются послѣ такой операціи какъ отполированныя. Изъ брюшной полости вынимаютъ сначала кишки, брюшину и зародышевый мѣшекъ у самки. Кишки очищаютъ простымъ выдавливаніемъ внутренняго содержимаго. Полупереваренная пища животнаго изъ брюшины, а также жидкость изъ зародышеваго мѣшка сливаются въ одинъ сосудъ. Кто нибудь изъ хозяекъ съ помощью травяной мочалы отдѣляетъ изъ нея не вполнѣ переваренный мохъ, который выбрасывается, а оставшійся зеленоватый густой сокъ идетъ на приготовленіе опанги. Кровь изъ сердца, печени, лег-

кихъ, отжимается во внутрь туши и потомъ тщательно собирается въ особый сосудъ. Затѣмъ отъ костяка отдѣляютъ всѣ мягкія части, и самъ онъ разбирается по суставамъ. Изъ кожи вылущиваютъ всѣ личинки овода, которыя вмѣстѣ съ другимъ видомъ личинокъ вынимаемыхъ изъ горла, служатъ лакомствомъ и ѣдятся въ сыромъ видѣ

Покончивъ съ разборкой туши, хозяйки приступаютъ къ приготовленію пищи. Надъ огнемъ подвѣшиваютъ большой котелъ, куда накладываютъ костей мяса, только что разобраннаго оленя, и поужинавъ, всѣ укладываются спать. Если на завтра предстоитъ дальнѣйшее передвиженіе, то рано утромъ готовится та же пища, а иногда трогаются въ путь и закусивъ только остатками вчерашняго варенаго или сырого мяса.

Оленные чукчи очень не прихотливы. Даже чай и табакъ между ними не въ такомъ большомъ распространеніи, какъ среди береговыхъ. Я встрѣчалъ между ними многихъ лицъ, которыя совсѣмъ не пьютъ чаю и очень экономны въ обращеніи съ табакомъ. Это впрочемъ не удивительно, если вспомнить какъ трудно, черезъ сколько рукъ, должны дойти къ нимъ эти товары. Кусокъ мяса утромъ, кусокъ мяса вечеромъ — вотъ все, что надо оленному чукчѣ. Одно, что онъ требуетъ отъ своей пищи, это, чтобы она была жирная; поэтому самый лакомой частью у оленя считаются бока, которые почти сплошь состоятъ изъ жира. И это не только среди чукчей, но даже обрусѣвшее и русское населеніе тѣхъ мѣстъ считаетъ ихъ лучшей частью. Когда же такого наружнаго жира нѣтъ, то его для чукчи замѣняетъ костяной. Всѣ сваренныя и тщательно обглоданныя кости не выбрасываются, а собираются въ отдѣльный мѣшокъ. Когда ихъ накопится порядочное количество, женщины дробятъ ихъ молотками на мелкіе кусочки, которые потомъ ссыпаютъ въ котелъ, наливаютъ водой, ставятъ на огонь и подвергаютъ кипѣнью такое количество времени, которое будетъ считаться необходимымъ для полнаго выдѣленія костнаго жира. Послѣ этого кипящую жидкость охлаждаютъ, прибавляя въ нее снѣгу, и всплывшій на верхъ жиръ ложками снимаютъ въ особый сосудъ. Тамъ онъ остываетъ окончательно, превращаясь въ хрупкую бѣлую массу, похожую видомъ на стеаринъ. Если мясо не достаточно жирно само по себѣ, то чукчи его всегда приправляютъ костнымъ жиромъ. Мозгъ изъ ножныхъ костей, а также изъ головы, ѣдятъ въ сыромъ видѣ. Это тоже относится къ лакомству, поэтому когда туша окончательно разобрана, а ножныя кости обглоданы, хозяйка осторожно раскалываетъ ихъ, стараясь не дробить на мелкіе

куски, достаетъ мозгъ и дѣлитъ между членами семьи, сообразно достоинству каждаго. Изъ желудочнаго содержимаго съ прибавкой кореньевъ, жира, крови варится густая опанга, которая замѣняетъ мясо. Оленные чукчи, вопреки береговымъ, не готовятъ за разъ больше одного блюда. Какъ дорожный консервъ не могу обойти молчаніемъ еще одного блюда—«преремъ», которое русскіе почему то зовутъ его саломатомъ. Готовится преремъ слѣдующимъ образомъ: мягкія части оленя варятся, студятся, потомъ молотками разбиваются въ мелкія крошки и перетираются въ рукахъ до почти порошкообразнаго состоянія. Когда масса готова, къ ней примѣшиваютъ растопленный костный жиръ, которымъ образуютъ густое тѣсто. Затѣмъ его дѣлятъ на части, студятъ, жиръ схватываетъ мясо, и преремъ, въ видѣ небольшихъ круглыхъ лепешекъ, готовъ. Если есть нерпичій жиръ, то его также добавляютъ въ тѣсто для вкуса, хотя этотъ, именно, послѣдній придатокъ и отталкиваетъ меня отъ этого блюда. Преремъ всегда готовятъ въ дальнюю дорогу, какъ оленные, такъ и береговые чукчи. Онъ занимаетъ немного мѣста и очень питателенъ.

Религіозные обряды, обычаи, повѣрья, развлеченія.

Ни у чукчей, ни у айвановъ я не уловилъ чего-нибудь цѣльнаго въ области религіозныхъ ихъ вѣрованій. Можетъ быть виновато въ этомъ мое недостаточное знакомство съ языкомъ и внутреннимъ духомъ племенъ, а можетъ быть ихъ вѣрованія не вылились, не сгруппировались въ опредѣленный культъ и въ дѣйствительности есть то, что рисуется мнѣ теперь: сборъ повѣрій и предразсудковъ безъ всякой связи и послѣдовательности, пріемственныхъ въ одной семьѣ и не признаваемыхъ въ другой.

Въ этой области наиболѣе сказалось рознь между чукчами и айванами. У послѣднихъ я нашелъ обоготвореніе двухъ началъ: добраго «Камакъ» и злого — «Пинчаткона». Камакъ постоянно заботится о людяхъ, старается ихъ оградить отъ Пинчаткона, который вредитъ имъ, и съ которымъ Камакъ въ постоянной борьбѣ и враждѣ. Каждый человѣкъ имѣетъ своего Камака, который ему сопутствуетъ вездѣ. Айваны вырѣзаютъ фигурки божковъ изъ дерева и кости: Камакъ—подобіе человѣка, чаще одно человѣческое лицо; Пинчатконъ—овальный обрубокъ дерева съ собачьей головой. Но ни особаго почитанія, ни спеціальнаго служенія имъ я не на-

шелъ. Только во время праздниковъ человѣческія лица рѣжутся изъ дерева десятками, вѣшаются кругомъ яранга, на поясахъ у каждаго, принимающаго участи въ праздникѣ. Но ихъ праздники не регулярны, зависятъ больше отъ удачныхъ охотъ, свободнаго времени и желанія каждаго, устраивающаго ихъ. На югѣ, около бухтѣ Провидѣнія, я наблюдалъ одинъ изъ такихъ праздниковъ. айванъ, ′рѣшившій, что въ извѣстный день, который впрочемъ былъ потомъ изъ за погоды отложенъ, ему надо устроить праздникъ, объявилъ объ этомъ окрестнымъ жителямъ и мнѣ въ томъ числѣ. Съ утра уже изъ его яранги начали раздаваться звуки бубна и завываніе пѣнія. Я, понятно, поспѣшилъ на церемонію, захвативъ подарки, о которыхъ былъ предусмотрительно предупрежденъ. Въ наружномъ шатрѣ было прибрано, расчищено возможно больше мѣста; по столбамъ висѣли разныя человѣческія фигурки, подъ которыми находились связки ремней, нерпичьи, лахтачьи кожи, шкурки лѣтнихъ малоцѣнныхъ песцовъ, приготовленные хозяиномъ для отдариванія. Самъ онъ съ парикомъ изъ волчьяго мѣха на головѣ, съ перьями въ волосахъ, съ вымазаннымъ графитомъ и мукою лицомъ, ходилъ вокругъ главнаго столба, мѣрно ударяя въ бубенъ въ тактъ шага. Остальные члены его семьи мужчины, женщины и дѣти, шли за нимъ, держась руками одинъ за талію другого и образуя такимъ образомъ полный кругъ, родъ нашего хоровода. Всѣ они тянули однообразный тягучій, съ дикими завываніями напѣвъ, попадая въ тонъ главѣ семейства. Пѣніе продолжалось около $^1/_4$ часа. За нимъ слѣдовалъ короткій отдыхъ съ бесѣдой на совсѣмъ отвлеченныя темы, а затѣмъ начались танцы. Открылъ ихъ хозяинъ яранги. Бубенъ перешелъ въ руки сына, который ударяя мѣрно въ него, издавалъ горловые звуки для ободренія танцующаго, а послѣдній, то присѣдая слегка, то выпрямляясь, топтался на мѣстѣ, дѣлая движеніе руками и туловищемъ, исполняя нѣчто въ родѣ танца живота. По окончаніи своего номера, онъ снималъ какую-нибудь изъ принадлежностей своихъ подарковъ— ремень, кожу, лисицу, клалъ ее на середину пола, и приглашалъ танцовать того, кому предназначался подарокъ. Тотъ выступалъ въ свою очередь, продѣлывалъ тѣ же движенія и клалъ на середину свой подарокъ, за который танцовалъ или самъ хозяинъ, или кто-либо изъ его семьи, не исключая женщинъ и дѣтей. За танцами шелъ опять отдыхъ, а по прибытіи новыхъ гостей, вся церемонія повторялась сначала. Совсѣмъ иного вида пришлось мнѣ наблюдать праздникъ на другой годъ на сѣверѣ у

м. Дежнева. Тамъ онъ еще менѣе носилъ религіозный характеръ и состоялъ главнымъ образомъ изъ состязаній. Въ назначенный день, къ мѣсту состязаній стали собираться нарты собакъ изъ мѣстной и окрестныхъ деревень. Люди зажиточные принесли съ собой кто лисицу, кто ремни, чай, табакъ, ситецъ и проч. Кто побѣднѣе, вносилъ свою лепту кускомъ мяса, китовой кожи и др. съѣстными продуктами. На столбахъ опять развѣсили рѣзныя фигурки Камака, имъ же украсились поясные ремни почти всѣхъ присутствующихъ. Предполагались гонки на собакахъ, бѣгъ взапуски мужчинъ и женщинъ. Бѣгуны-мужчины, одѣтые въ легкую одежду и съ легкими посохами, на нижнихъ концахъ которыхъ былъ укрѣпленъ маленькій кружокъ изъ гнутой кости съ переплетомъ изъ жилъ для того, чтобы препятствовать палкѣ глубоко проникать въ снѣгъ, нетерпѣливо переминались на мѣстѣ. Первыми отправились они къ мѣсту, лежащему миляхъ въ двухъ по прибрежной бичевѣ, отъ котораго начинался бѣгъ. За ними пошли собачьи запряжки, заложенныя въ легенькія оленьи гоночныя нарточки. У опредѣленнаго камня всѣ они должны были собраться и начать гонку и бѣга къ мѣсту, гдѣ находились зрители и подарки. Первыми показались нарты, а за ними шли бѣгуны, вытянувшись въ длинную линію одинъ за другимъ. Прибывшіе первыми не схватывали призовъ, которые въ общей кучѣ лежали еще не раздѣленными, а спокойно присоединялись къ толпѣ, оживленно бесѣдуя о событіяхъ дня. Когда послѣдніе изъ бѣгуновъ подошли, въ видѣ потѣхи устроили состязаніе и для женщинъ. Приняли участіе только молодыя. Дистанція имъ была дана маленькая, шаговъ въ двѣсти, и ихъ бѣгъ въ неуклюжей широкой одеждѣ возбудилъ большой смѣхъ и остроты зрителей. По окончаніи всѣхъ состязаній, одна изъ старухъ стала приносить жертву. Отъ каждой вещи, отъ каждаго куска пищи брался миніатюрный кусочекъ. Если (какъ напр. мѣхъ лисицы) отдѣленіемъ куска вещь могла оказаться испорченной, то отъ нея отрѣзывалось только нѣсколько волосковъ. Собравъ жертвенные предметы: кусочки мяса, сахара, табака, чаю въ одну общую массу, старуха повернулась лицомъ къ востоку, прочитала про себя какія то заклинанія, и продолжая еще шептать ихъ, стала разбрасывать кусочки по всѣмъ направленіямъ Присутствующіе въ это время продолжали болтать, смѣяться между собою и не обращали на обрядъ никакого вниманія. Когда съ жертвой было покончено, приступили къ дѣлежу призовъ. Пришедшимъ первыми на собакахъ и пѣшкомъ достались лучшія вещи, но и остальные, принимавшіе участіе въ состязаніи,

получили каждый что-нибудь: четверть кирпича чая, нѣсколько кусковъ сахару, кусокъ мяса и проч. Этимъ закончился праздникъ.

У чукчей я не встрѣчалъ рѣзныхъ фигурокъ, не натыкался также на признаніе двухъ началъ, добраго и злого, но какъ у нихъ, такъ и у айноновъ въ каждой семьѣ есть много предметовъ, получившихъ священное значеніе, ставшихъ семейными пенатами. Къ такимъ прежде всего относится болванка для добыванія огня. Одинъ ея конецъ обдѣлывается въ видѣ головы человѣка и иногда на ней бываютъ вырѣзаны черты лица. По всему восточному побережью Чукотскаго полуострова, гдѣ спички вошли во всеобщее употребленіе, такая болванка имѣетъ теперь чисто символическое значеніе и ее часто можно найти въ общей связкѣ съ остальными пенатами. Но глубже въ тундрѣ, особенно между кочевниками, добываніе огня при помощи тренія еще и теперь въ полномъ ходу. Для болѣе быстраго вращательнаго движенія, деревянное сверло, которымъ добываютъ огонь обматывается струной особаго лучка, сдѣланнаго изъ оленьяго рога, а чтобы на первое было удобнѣе нажимать, употребляютъ щиколочную кость оленя, въ которой заточено небольшое углубленіе. Что болванка, дающая огонь, стала священнымъ предметомъ, это вполнѣ объяснимо, но почитаніе ея вылилось въ странную форму: чукча ее только не отдастъ и не продастъ, пользоваться же ею могутъ и посторонніе люди. Я самъ нѣсколько разъ добывалъ огонь, и обращеніе съ ней хозяевъ скорѣе напоминаетъ обращеніе съ обыкновенной домашней вещью, чѣмъ со священнымъ предметомъ. Не въ большемъ почетѣ находятся и остальные пенаты. Если попросить чукчу показать ихъ, онъ достанетъ откуда нибудь изъ дальняго угла яранги, гдѣ у него сложены самыя ненужныя вещи, связку грязныхъ, высохшихъ, почернѣлыхъ предметовъ, между которыми вы найдете: клювъ птицы, зубъ медвѣдя, высохшую голову медвѣдя, ухо лисицы, коготь нерпы, лоскутки кожи и прочія самые неожиданные для васъ предметы. На всѣ мои вопросы, почему именно эти вещи считаются священными, я всегда получалъ одинъ отвѣтъ: «кхо!»— междометіе незнанія. Иногда цѣлые предметы становятся пенатами; такъ въ одной айнанской ярангѣ я встрѣтилъ шкурку совсѣмъ темной лисицы, похожей на голубого песца. Удивленный ея видомъ, я началъ разспрашивать и узналъ, что это былъ бѣлый песецъ, ставшій пенатомъ. Но онъ такъ много лѣтъ висѣлъ и коптился въ ярангѣ, что его бѣлый мѣхъ обратился въ темный. Хозяинъ, смѣясь

и похлопывая его рукою, самъ утверждалъ, что если бы только захотѣть, онъ могъ бы продать его за голубого песца.

Къ слѣдующимъ священнымъ предметамъ относится огонь яранги. Почитаніе его принято между айванами и чукчами одинаково. Но тутъ я наткнулся на такое разнообразіе въ понятіяхъ, что вынести какое-нибудь цѣлое представленіе для меня оказалось невозможнымъ. Въ то время какъ въ однѣхъ ярангахъ его строго охраняютъ отъ пришельца, въ другихъ позволяютъ пользоваться совершенно свободно и смѣются, когда указываешь, что въ такомъ то мѣстѣ отказали въ огнѣ. Главное, почитаніе домашняго огня и отрицаніе его священныхъ свойствъ не захватываетъ извѣстной области, даже деревень, а въ одной ярангѣ деревни вамъ откажутъ въ огнѣ, тогда какъ въ слѣдующей вы можете пользоваться имъ свободно. На восточномъ побережьѣ, подъ вліяніемъ сношеній съ американцами, понятіе о священномъ домашнемъ огнѣ все болѣе и болѣе теряетъ свое значеніе. Но и по берегу С. Ледовитаго океана, и въ глуши центральной тундры въ однѣхъ ярангахъ мнѣ было позволено варить на аакайпахъ, закуривать, вносить свой собственный огонь (машинку Примусъ), тогда какъ въ другихъ разрѣшали только готовить на моемъ собственномъ огнѣ, а въ третьихъ, къ счастью рѣдкихъ, не только я не смѣлъ касаться къ ихъ огню, но даже имѣть свой, даже вносить въ жилье мою посуду, и принужденъ былъ ѣсть и пить то, что приготовитъ мнѣ хозяйка изъ моихъ продуктовъ, но на ея огнѣ, въ ея посудѣ, ея руками. Если есть въ домѣ больной, или новорожденный ребенокъ, чукчи особенно ревниво относятся къ своему огню. Даже въ тѣхъ ярангахъ, гдѣ вамъ позволяютъ пользоваться аакайпами, та изъ нихъ, на которой согрѣвалось первая вода для новорожденнаго, является для чужого запрещенной.

Къ числу особо цѣнимыхъ фетишей относятся медвѣжьи головы. Почти въ каждой ярангѣ можно найти ихъ, рѣже, высохшими вмѣстѣ съ кожей и гораздо чаще безъ нея, но всегда въ неразобранномъ видѣ. Я однажды принималъ участіе въ охотѣ на бѣлаго медвѣдя. Такъ какъ по мѣстному обычаю шкура принадлежитъ не тому, кто убилъ, а кто первый увидѣлъ звѣря и обратилъ вниманіе охотниковъ, то сама по себѣ охота въ общей облавѣ была для меня не интересна, и я больше работалъ фотографической камерой. Убитый медвѣдь былъ рѣдкимъ по величинѣ экземпляромъ, около 11 футовъ длиною и имѣлъ самые громадные клыки, какіе только мнѣ приходилось видѣть. Они остановили мое вниманіе, и я попросилъ

дать или продать мнѣ голову. Мнѣ холодно отказали. Тогда я сталъ просить, чтобы вырѣзали мнѣ хоть одинъ клыкъ. Опять холодный отказъ. Они мнѣ обѣщали принести десятки клыковъ, но отъ другихъ головъ, такъ какъ эта, въ неразобранномъ (за исключеніемъ снятой шкуры) видѣ, должна лежать въ домѣ убившаго до тѣхъ поръ, пока мускулы не выгніютъ окончательно.

Не вездѣ принятъ и не одинаково соблюдается также обычай расписывать лицо. Мѣстами чукчи расписываютъ себѣ лицо графитомъ, или кровью убитыхъ животныхъ, или просто разведенной красной глиной. Мазки, большею частію въ видѣ крестовъ, дѣлаются прямо пальцемъ и какой—либо правильности я въ нихъ не уловилъ. Они могутъ быть на всѣхъ частяхъ лица: сегодня на лбу и щекахъ, завтра на носу и подбородкѣ. Значенія этихъ помазаній я не знаю, но замѣтилъ, что ими украшаютъ дѣтей преимущественно, а взрослыхъ во время праздниковъ и передъ отправленіемъ въ дальнюю дорогу. Я неоднократно наблюдалъ такую сценку: когда нарты уже уложены, а запряженныя собаки рвутся въ лямкахъ и нетерпѣливо завываютъ, старуха спѣшно достаетъ кровь, графитъ или просто сажу отъ аакайпы, разводитъ наскоро слюною и начинаетъ расписывать лицо сына, или мужа, снаряженнаго въ дальній путь. Затѣмъ почти всегда слѣдуетъ жертва. Она состоитъ въ томъ, что въ маленькій ачульхенъ, чашку или какую другую посуду, крошится мелкими кусками мясо всѣхъ имѣющихся сортовъ и жиръ; ѣдущій идетъ впереди въ своей упряжкѣ, садится тамъ на корточки лицомъ въ сторону направленія движенія, шепчетъ заклинанія и потомъ разбрасываетъ жертву передъ собою, по сторонамъ и назадъ. Одинъ разъ мнѣ удалось подслушать слова. Случилось это въ то время, когда мы, пересѣкая тундру отъ океана къ океану, заблудились въ горахъ. Послѣ нѣсколькихъ дней безцѣльнаго блужданія въ туманѣ и хлопьяхъ рыхлаго снѣга, когда измученные псы совсѣмъ отказывались идти и мы, продвинувшись нѣсколько десятковъ саженъ впередъ, останавливались отдыхать, въ сотый разъ обсуждая со старикомъ Анчимомъ наше тяжелое положеніе, онъ, однажды, молча развязалъ свою нарту, гдѣ шли наши скудные запасы и началъ отбирать всего по немножку: чаю, сахару, табаку, рису, сухарей, мяса. Я сразу замѣтилъ, что дѣло идетъ о жертвѣ и съ любопытствомъ присѣлъ на передокъ, наблюдая весь ходъ. Анчимъ, положимъ, на этотъ разъ и не думалъ укрываться. Съ серьезной торжественностью присѣлъ онъ на корточки и заговорилъ полушепо-

томъ: «земля, вотъ ѣдетъ чужой человѣкъ. Онъ даетъ тебѣ чаю, табаку, сахару, мяса и мучной пищи; приведи его благополучно въ его страну; не посылай больше тумана, снѣга, вѣтра; за себя же я тебѣ дамъ дары по возвращеніи домой». Послѣ того онъ обычно разбросалъ жертву.

Жертвы приносятся также и послѣ удачной охоты, но не тотчасъ же какъ звѣрь убитъ, а тогда, когда его разбираютъ на части. Только крупные звѣри: медвѣдь и китъ разбираются на мѣстѣ, всѣ же остальные, какъ нерпа, лахтакъ, по большей части привозятся или приносятся цѣликомъ и лежатъ въ наружномъ шатрѣ до болѣе свободнаго времени. Потомъ, для того, чтобы оттаять, туши вносятъ въ іоронгу и въ нѣкоторыхъ семьяхъ имъ прикрываютъ морду тряпкой. Когда я поинтересовался, зачѣмъ они это дѣлаютъ, мнѣ отвѣтили, что нехорошо, если мертвый звѣрь смотритъ на домашній огонь. Съ первымъ ударомъ ножа тряпка снимается. Разборка идетъ на спеціальной, служащей для этой цѣли, кожѣ и когда закончена, то отъ сердца отрѣзается маленькій кусочекъ. Онъ крошится вмѣстѣ съ жиромъ въ ложку и кто-либо изъ семьи, обыкновенно мальчикъ, бѣжитъ приносить жертву. Выйдя на берегъ океана, онъ ударомъ ноги дѣлаетъ въ снѣгу ямку, высыпаетъ въ нее половину содержимаго въ ложкѣ, а съ другой отправляется нѣсколько шаговъ на самый ледъ и повторяетъ процедуру. Мнѣ думается, что этимъ приносится жертва землѣ и водѣ.

Изъ развлеченій полурелигіознаго характера на первомъ мѣстѣ я поставлю пѣніе и пляски съ бубномъ и шаманство. Первыя я видѣлъ среди айвановъ. Нужно замѣтить, что хотя бубенъ принятъ обоими племенами, манера игры на немъ не одинакова. Чукчи для удара по бубну употребляютъ тонкій прутикъ изъ китоваго уса. Держа его въ правой рукѣ, они сначала дѣлаютъ ударъ кулакомъ въ деревянную раму бубна, послѣ чего гибкій прутикъ по инерціи бьетъ по самой кожѣ. Оттого въ ихъ игрѣ получается двойной звукъ: сначала глухой, а потомъ рѣзкій. Айваны же бьютъ въ бубенъ тонкими деревянными палочками, нѣсколько длиннѣе діаметра бубна. Взявъ палочку за середину или за конецъ, они наносятъ ударъ по всему бубну сразу, и звукъ отъ этого получается однородный глуходребезжащій.

Среди айвановъ я видѣлъ также такое примѣненіе бубна: когда пріѣзжаютъ гости, или вообще есть потребность развлеченія, 3—4 мужчины собираются въ одну іоронгу, приносятъ свои бубны, становятся въ рядъ и начинаютъ пѣніе, сопровождаемое ударами

бубна. Одновременно они дѣлаютъ нѣкоторыя тѣлодвиженія, соединяя такимъ образомъ музыку, пѣніе и пляску въ одно цѣлое. Какъ видно было изъ описанія праздниковъ, бубенъ употребляютъ также въ качествѣ музыкальнаго инструмента. Ничего подобнаго не встрѣчалъ я среди чукчей. Тамъ этотъ инструментъ служитъ только; для шаманства по крайней мѣрѣ я видѣлъ его исключительно въ этомъ примѣненіи. Съ другой стороны, несмотря на большую зависимость и вліяніе, которое оказало чукотское племя на айвановъ во всемъ ихъ бытовомъ укладѣ, я не находилъ между послѣдними шамановъ, не натыкался никогда и на случаи шаманства, хотя долго жилъ среди нихъ. Мнѣ думается, что оно есть чистый продуктъ чукотскаго племени, отраженіе его духовнаго міра. До жизни на Чукотскомъ полуостровѣ мнѣ представлялось, что шаманство есть религіозное служеніе, а шаманы — родъ очень вліятельнаго духовенства. Можетъ оно такъ и было раньше, теперь же взгляды измѣнились, и хотя во всемъ явно сквозитъ религіозная подкладка, въ настоящее время чукчи смотрятъ на шаманство скорѣе какъ на развлеченіе. Прежде всего, шаманы не обособленная каста. На нихъ смотрятъ теперь какъ на хорошихъ сказочниковъ, пѣвцовъ, баяновъ. Особенно по побережью С. Ледовитаго океана! Тамъ шаманитъ почти всякій, и всѣ повторяютъ тѣ немудрые фокусы, о которыхъ разскажу потомъ. Отношеніе къ нимъ публики довольно прохладное, хотя многіе, съ которыми я разговаривалъ по данному вопросу, говорили мнѣ, что есть великіе шаманы, очень большой силы, которые могутъ втыкать въ себя ножи, стрѣлять изъ ружей и оставаться въ живыхъ. Но они всегда оказывались живущими гдѣ то далеко, вблизи же или не было совсѣмъ шамановъ, или жили очень слабые, которые ничего изъ ряда выходящаго не могли показать. Впрочемъ, одинъ шарлатанъ увѣрялъ меня, что онъ можетъ прострѣлить себя пулей безъ вреда для здоровья, а когда я предложилъ сдѣлать ему это, то онъ уклонился подъ благовиднымъ предлогомъ. Шаманами могутъ быть какъ мужчины, такъ и женщины. Имъ приписывается общеніе съ духами, при помощи которыхъ они могутъ творить чудеса, вліять на судьбу окружающихъ людей, даже на природу, хотя теперь мало кто въ это вѣритъ, или по крайней мѣрѣ вѣритъ по отношенію къ окрестнымъ шаманомъ. Но особенно странной формой шаманства являются мужчины-шаманы, отказавшіеся отъ принадлежности къ своему полу. Такихъ шамановъ, одѣтыхъ женщинами, я встрѣчалъ довольно часто во время своихъ

поѣздокъ; и вотъ какъ чукчи сами объясняютъ это явленіе: духи, будто бы, начиная говорить съ юношей и готовя его къ роли шамана, приказываютъ ему перемѣнить свой полъ и стать женщиной. Тогда такой молодой человѣкъ одѣваетъ женскую одежду, отпускаетъ косы, берется только за женскую работу, не ходитъ уже на промыселъ звѣря, сторонится общества мужчинъ и становится по характеру совершенно женщиной. Такіе женоодѣтые шаманы потомъ выходятъ замужъ, т. е. сожительствуютъ съ мужчиной, играя въ этомъ странномъ бракѣ пассивную роль. Супружество образуетъ отдѣльное хозяйство, часто они нѣжны другъ съ другомъ, при чемъ женоодѣтый исполняетъ по дому всѣ женскія работы. Около мыса Сердце-Камень мнѣ однажды пришлось прожить три дня въ одной ярангѣ съ такимъ шаманомъ. Несмотря на свой крупный ростъ и явно мужское сложеніе, онъ проявлялъ всѣ черты женскаго характера: былъ робокъ и застѣнчивъ со мною, судачилъ всегда въ кругу женщинъ о какихъ-либо пустякахъ, высказывалъ большую любознательность и интересъ къ вышивкамъ, украшеніямъ, любилъ рядиться въ бусы, кольца, цвѣтныя ленточки и былъ несказанно обрадованъ, когда я, въ ряду съ прочими женщинами, далъ и ему нѣсколько блестящихъ бездѣлушекъ. Женская среда, хотя охотно его принимала и какъ бы считала за своего члена, за глаза подсмѣивалась надъ нимъ, и одна изъ женщинъ, съ которой я больше другихъ сошелся, съ нескрываемой прозѣй разсказывала мнѣ интимныя тайны этого страннаго супружества. Женщинъ-шаманокъ мнѣ тоже приходилось встрѣчать довольно часто, но ни разу не случалось наткнуться на шаманку въ мужскомъ костюмѣ, играющую мужскую роль.

Объѣзжая все чукотское племя, я очень интересовался шаманами и хотѣлъ видѣть наиболѣе сильныхъ и искусныхъ изъ нихъ. Но всѣ распросы, обыкновенно, кончались увѣреніями, что въ этой округѣ сильныхъ шамановъ нѣтъ, а ихъ можно найти только дальше на западъ къ р. Колымѣ. Впрочемъ еще у Колючина я узналъ, что на моей дорогѣ будетъ очень сильный шаманъ — «Атерго», живущій на р. Тенкиртунтъ, и потому поставилъ себѣ цѣлью посѣтить его и послушать. Когда я подъѣзжалъ къ одинокой ярангѣ Атерго, то, что представилось моимъ глазамъ, не говорило о силѣ и вліяніи. Это была одна изъ самыхъ маленькихъ и бѣдныхъ ярангъ, видѣнныхъ мною за два года. Когда мы съ Уакоемъ (мой проводникъ), спасаясь отъ бурана, вошли подъ ея кровъ, то узнали, что хозяина нѣтъ, а дома только его жена-старуха, да калѣка-сынъ. Какъ выяснилось, знаменитаго шамана посѣтилъ голодъ, и онъ

ушелъ въ сосѣднюю деревню выпросить себѣ съ семьей пищи. Старуха была тоже шаманка, но уклонилась отъ шаманства, а когда я замѣтилъ ей, что заѣхалъ къ нимъ только для того, чтобы послушать ея мужа, славящагося на всю округу, какъ очень сильнаго шамана—она добродушно созналась: «энгенгылинъ, каметьхуа унига!»—(шаманъ, а ѣсть нечего!). Фраза эта, подхваченная Уакоемъ и разсказываемая потомъ въ каждой попутной деревнѣ, производила неистощимый источникъ шутокъ и смѣха. Чтобы понять ее, надо замѣтить, что шаманы въ идеѣ считаются одаренными силою сообщаться съ міромъ сильныхъ духомъ (кели), которыхъ черезъ пѣніе они могутъ вызывать и заставлять служить себѣ. Эти духи, находящіеся въ ихъ распоряженіи, и дѣлаютъ шамановъ неуязвимыми для ранъ, порчи, болѣзней, даютъ имъ возможность вредить, или цѣлить другихъ, приносятъ вдохновеннымъ богатство и власть. Не мудрено поэтому, что фраза «ѣсть нечего» являлась горькой ироніей для силы шамана. На другой день, въ слѣдующей деревнѣ, я встрѣтилъ и самого Атерго. Онъ былъ человѣкомъ, уже перешедшимъ за средній возрастъ, высокимъ, худымъ, съ нервнымъ лицомъ, но увѣренными, съ сознаніемъ собственнаго достоинства, манерами. Желая ему польстить, я сказалъ, что много слышалъ о немъ и пріѣхалъ теперь послушать его шаманство. Это видимо ему понравилось.

Шаманство, насколько я знаю, всегда производится вечеромъ, во время отхода ко сну. Дѣло въ томъ, что главнымъ его условіемъ является отсутствіе въ іоронгѣ огня, а это можно имѣть безъ вреда для домашнихъ работъ только тогда, когда всѣ дневныя заботы будутъ покончены, и семья ляжетъ спать. Такъ было и на этотъ разъ. Послѣ ужина и чая постлали постели, и всѣ, сдѣлавъ послѣднія ночныя приготовленія, улеглись по своимъ мѣстамъ на ночь. Мое мѣсто пришлось по срединѣ іоронги между Уакоемъ и однимъ изъ хозяевъ. Атерго сидѣлъ у нашихъ ногъ, нѣсколько вправо отъ меня, у противоположной стѣны. Долго непоправляемый огонь мерцалъ слабо, освѣщая тусклымъ полусвѣтомъ давно знакомую обстановку: аакайпы, кучи платья подъ потолкомъ, вытянутыя полуголыя фигуры на полу, рядъ ачульхеновъ по серединѣ, іарарь (бубенъ) въ углу... Всѣ успокоились и лежали молча; только младшая жена хозяина еще возилась въ углу съ котлами, да шаманъ въ полусидячемъ положеніи докуривалъ трубку. Покончивъ съ посудой, женщина сняла іарарь, намочила его кожу изъ ачульхена, положила около Атерго и затѣмъ потушила всѣ огни. Въ іоронгѣ

образовалась абсолютная темнота. Шаманъ началъ слабыми, глухими ударами по бубну, и звукъ унылый, монотонный, благодаря акустикѣ маленькой кожаной коробки, въ которую были заключены мы, шелъ казалось неизвѣстно откуда. Скоро къ нему присоединилось пѣніе, но такое слабое, что его приходилось болѣе угадывать, чѣмъ слышать. Мало по малу бубенъ и пѣніе начали усиляться. Теперь уже можно было разобрать напѣвъ, все тотъ же однообразный, грустный, съ массой горловыхъ переливовъ, который я слышалъ и у другихъ шамановъ. Атерго видимо воодушевлялся. Хозяинъ съ своего мѣста, или старуха-мать, поощряли его время отъ времени восклицаніями «эп! эп!». Затѣмъ послѣдовалъ небольшой перерывъ и во время его разговоръ, или скорѣе разсказъ, который велъ шаманъ, а хозяинъ, или старуха поддерживали его только односложными восклицаніями вродѣ: «кайгуа!» (правда!), «кха-кха» (междометіе радостнаго удивленія), «како!» (междометіе обыкновеннаго удивленія). Къ сожалѣнію, я не могъ слѣдить за разсказомъ, потому что онъ велся не въ формѣ обыкновенной рѣчи, а на манеръ сказокъ съ длинными періодами, нанизанными одинъ на другой, когда голосъ разсказчика то поднимается въ высокій речитативъ, то опускается до полушепота. Я понималъ, что онъ касался моего съ Уакоемъ пріѣзда и въ особенности меня. Мнѣ думается, что разсказчикъ просто реагировалъ на тему дня. Послѣ него снова послѣдовало пѣніе, но уже нѣсколькими тонами выше. Въ немъ нельзя было уловить словъ; оно просто состояло изъ нѣсколькихъ звуковъ. А, а, а... юка, юка, юка, и, и, и... тянулъ шаманъ свое пѣніе, и голосъ его то повышался, до крикливыхъ нотъ, то низводился до едва слышныхъ вибрацій, то замиралъ совсѣмъ. А бубенъ не переставалъ въ это время гремѣть, тоже усиливаясь и ослабѣвая наполняя все помѣщеніе звуками, исходящими, казалось, со всѣхъ сторонъ. Тутъ моихъ ногъ что-то коснулось, но такъ легко, что я готовъ былъ принять это за воображеніе, за игру нервовъ, если бы въ то же время оно не было такъ реально. Мои сосѣди были неподвижны; да это и не было прикосновеніемъ тѣла, а какого то болѣе нѣжнаго предмета. Всѣ лежали спокойно, тихо и только отъ времени до времени раздавались поощрительное «эп! эп!» со стороны старухи, или хозяина. Но вотъ въ одинъ изъ моментовъ замиранія пѣнія, я слышу вдругъ далекій, далекій голосъ, идущій откуда то снаружи яранги, что то сильно кричащій, но въ то же время едва слышный изъ-за разстоянія. Бубенъ продолжаетъ гремѣть, теперь громко назойливо, покрывая все

своимъ звукомъ, рвущимся со всѣхъ сторонъ и странно взвинчивающимъ нервы слушателя. Ему аккомпанируетъ то пѣніе шамана, то голосъ снаружи, приближающійся, скоро становящійся громкимъ, различимымъ и въ то же время глухимъ, какъ бы отдѣленный отъ слушателя стѣною. Онъ что то кричитъ повелительно, видимо понятное окружающимъ, потому что всѣ затихли, не слышно ни ворочанья, ни одобрительныхъ «эп». Затѣмъ бубенъ снова замолкъ—и начался разговоръ шамана съ окружающими. Мнѣ кажется, что онъ состоялъ изъ поясненія и развитія фразъ, шедшихъ снаружи и бывшихъ, понятно, достояніемъ самого шамана, тѣмъ, что извѣстно подъ именемъ чревовѣщанія. Бубенъ съ чревовѣщаніемъ и пѣніемъ смѣнялся разсказомъ, и такъ повторилось раза три. Одинъ разъ даже слышалъ два голоса, разговаривавшихъ между собою о чемъ то снаружи. Въ послѣднемъ разсказѣ шамана стали фигурировать слова: «пеньіолхенъ» и «кукенгы»—(костеръ и котлы). Ясно было, что дѣло шло о моемъ примусѣ и котелкахъ, которыхъ мнѣ передъ тѣмъ даже не позволили внести въ ярангу и, признаться, я началъ побаиваться за дальнѣйшее ихъ существованіе, тѣмъ болѣе, что шаманъ вошелъ въ ражъ, а его пѣніе временами переходило въ дикій и грозный вой. Теперь въ односложныхъ напѣвахъ чукотской мелодіи я сталъ улавливать слово «пеньолхенъ», неясное, страшно растянутое и нѣсколько искаженное. Вдругъ въ абсолютной темнотѣ мои глаза начали различать фосфорическій свѣтъ, одну точку, слабо замѣтную, медленно плававшую въ воздухѣ. Я сначала думалъ, что ее создало мое воображеніе, разстроенное воемъ шамана, трескомъ и громомъ бубна; но лежавшій рядомъ Уакой толкнулъ меня локтемъ и прошепталъ: «смотри, смотри!». Свѣтъ постепенно усиливался, сталъ вполнѣ замѣтной точкой, ничего не освѣщавшей, но блестѣвшей въ воздухѣ. Онъ пересталъ теперь плавать, занялъ опредѣленное положеніе, очевидно на рукѣ шамана, потому что слегка пошевеливался въ тактъ бубна. На зрителей этотъ фокусъ видимо производилъ сильное впечатлѣніе. Свѣтъ скоро погасъ, но пѣніе продолжалось съ тою только разницей, что оно теперь чередовалось съ пѣніемъ другого, наружнаго, голоса, тянувшаго ту же мелодію. Шаманъ уже нѣсколько разъ говорилъ «аттаигау» (довольно), но слушатели просили еще и еще. Наружный пѣвецъ не очень баловалъ насъ и только изрѣдка подхватывалъ оборвавшуюся пѣсню. Наконецъ шаманъ провелъ рукою по умолкнувшему бубну и сказалъ, чтобы зажгли огонь. Младшая жена заправила аакайну и взяла бубенъ. Шаманъ сидѣлъ на своемъ мѣстѣ согнувшись,

тяжело опустившись всѣмъ тѣломъ на локти, видимо сильно усталый. Когда на другой день я разспрашивалъ о наружномъ голосѣ Уакоя, онъ мнѣ прямо сказалъ, что это приходилъ кели, который разговаривалъ съ шаманомъ, а на вопросъ, о чемъ разговаривалъ кели—Уакой не далъ мнѣ положительнаго отвѣта.

Недалеко отъ м. Средне-Камень мнѣ пришлось слышать шамана, одѣтаго въ женскую одежду. Въ его шаманствѣ отсутствовало чревовѣщаніе и фокусъ съ фосфоромъ. Это было просто пѣніе съ бубномъ, прерываемое разсказомъ, который видимо составлялъ всю суть игры. Надо замѣтить, что онъ считался однимъ изъ лучшихъ сказочниковъ въ округѣ.

Чтобы дать возможно полное представленіе о шаманствѣ, я остановлюсь еще на одномъ шаманѣ, слышанномъ мною у Шелагскаго мыса. Захваченные бураномъ, мы уже четвертыя сутки сидѣли въ яранге молодого шамана, пережидая непогоду. На пространствѣ нѣсколькихъ квадратныхъ аршинъ, помимо семьи хозяина помѣщались съ полдюжины его больныхъ, частью на половину, частью совсѣмъ облѣзлыхъ собакъ, и я съ двумя своими проводниками. Хозяину, очевидно, надоѣли гости, и онъ рѣшился пошаманить, чтобы прекратить вѣтеръ, а можетъ быть славл Атерго, про чудеса котораго я разсказалъ, не давала ему спать. Меня предупредили, и я поторопился закончить свои записи, затушилъ свѣчу и сталъ ждать. Шаманство велось тѣми же пріемами, которые я описалъ у Атерго. Сперва шаманъ видимо стѣснялся, его бубенъ звучалъ неувѣренно, а голосъ былъ едва слышенъ. Но послѣ нѣсколькихъ «эп.-эп!», которыя выкрикивалъ Номылинъ, мой старшій проводникъ, онъ сталъ воодушевляться. Въ его разсказахъ отсутствовалъ тотъ колоритъ серьезности и убѣжденности, которыя были характерны для первыхъ двухъ шамановъ. Они состояли изъ ничего не значащихъ фразъ вродѣ:—«темно», «іарарь звучитъ плохо»,—«завтра вы вѣроятно поѣдете» и т. п. Иногда они сопровождались шутливыми замѣчаніями шамана, или кого либо изъ окружающихъ, и тогда онъ смѣялся, но коротко обрывалъ себя и затянувъ свое и, и, и, ... юка, юка, ... принимался снова за бубенъ. Въ самомъ началѣ шаманства появился фосфорическій свѣтъ, не около шамана, а въ противоположномъ углу, гдѣ лежала его жена. Но манипуляціи ея были такъ грубы, что не оставляли никакой иллюзіи. Это не то, что у Атерго, во всѣхъ пріемахъ котораго виденъ былъ шарлатанъ-артистъ. Скоро мнѣ надоѣла игра съ фосфоромъ; я полѣзъ себѣ подъ голову, нащупалъ въ шароварахъ спичку,

натеръ ею одинъ палецъ и произвелъ болѣе искусныя манипуляціи, чѣмъ очевидно смутилъ жену шамана, такъ какъ свѣтъ на долго прекратился. Послѣ долгой прелюдіи начались чревовѣщанія, но опять грубыя. Я лежалъ рядомъ съ шаманомъ, отдѣленный только аакайпой и въ темнотѣ ясно чувствовалъ, что во время усиленія темпа бубна, онъ куда то наклоняется, измѣняетъ голосъ и чѣмъ то глушитъ его. Въ его пѣніе вошло потомъ подражаніе реву различныхъ звѣрей. Вся церемонія длилась $2^1/_2$ часа. Когда зажгли огонь, то я увидѣлъ, что кожа, покрывавшая ачульхенъ, около котораго сидѣлъ шаманъ, была вдавлена, и слѣдъ его лица такъ и остался на ней замѣтенъ. Это объяснило мнѣ способъ его чревовѣщанія.

Изъ прочихъ чукотскихъ развлеченій я могу отмѣтить: сказки, которыя разсказываются преимущественно длинными зимними вечерами, особенно если есть гости. Дѣвушки, молодыя женщины танцуютъ подъ несложное пѣніе, или подъ особые звуки, издаваемые горломъ. Танцы ихъ примитивны и очень откровеннаго характера. Мужчины—большіе спортсмэны: гонки на собакахъ, оленяхъ чередуются съ бѣгомъ; послѣдній особенно развитъ и любимъ. Путникъ, приближаясь къ жилищу, очень часто можетъ застать вереницу молодыхъ парней, бѣгущихъ размашистымъ рѣдкимъ шагомъ, опираясь при этомъ на длинные тонкіе посохи. Въ хорошую погоду, особенно съ января мѣсяца, когда солнце снова начинаетъ улыбаться печальной странѣ, и потому все живое выползаетъ наружу, молодежь любитъ выказать свою силу и ловкость въ борьбѣ. Сбросивъ парки и предоставляя полярному морозу холодить голое тѣло, они схватываются, катаются въ снѣгу, снова вскакиваютъ на ноги, въ воодушевленіи забывая все. Зимою я не видѣлъ бѣгающихъ женщинъ, развѣ по праздникамъ и на очень короткія разстоянія, но лѣтомъ онѣ ведутъ между собою серьезныя состязанія, бѣгая по нѣсколько верстъ, прыгая черезъ препятствія на высоту своего роста. Вообще чукотскія дѣвушки — хорошія гимнастки, чему онѣ, вѣроятно, обязаны часто удивительно гармоничнымъ, красивымъ сложеніемъ. Изъ особенно любимыхъ игръ можно отмѣтить: игру въ мячъ, которой забавляются оба пола какъ зимою, такъ и лѣтомъ. Въ послѣднее время все больше и больше начинаютъ входить въ употребленіе карты, привозимыя въ изобиліи американцами. Въ большинствѣ случаевъ онѣ служатъ невиннымъ развлеченіемъ, состоящемъ въ раскладываніи пасьянса, Богъ знаетъ откуда и кѣмъ занесеннаго на Чукотскій полуостровъ; въ круп-

ныхъ селахъ на востокѣ — Чаплинѣ, Дежневѣ — уже понгрываютъ и на товары. Чукотскія дѣти забавляются вырѣзываніемъ всевозможныхъ фигурокъ изъ дерева и кости, знаютъ массу комбинацій съ безконечной ниткой на пальцахъ, играютъ въ кости — родъ нашихъ бабокъ — изъ плечевого сустава нерпы.

Орудія промысловъ.

Вся жизнь береговыхъ чукчей и айвановъ тѣсно связана съ моремъ, дающимъ имъ источникъ существованія, поэтому и главныя ихъ орудія выработались подъ условіемъ морскихъ промысловъ. Какъ бы ни была мала, бѣдна яранга, она не можетъ обойтись безъ лодки, или по крайней мѣрѣ безъ участія во владѣніи лодкой. На востокѣ Чукотскаго полуострова, гдѣ сосѣдство съ Америкой сказалось наиболѣе сильно, привозные вельботы начинаютъ все болѣе и болѣе вытѣснять кожаную байдару. Американскіе китобои, возвращаясь осенью съ промысла, идутъ вдоль нашихъ береговъ съ цѣлью высадить нанятыхъ на лѣто работниковъ и поторговать. Тутъ они стараются пристроить отслужившіе вельботы, оставшіеся отъ промысла бомбы, гарпуны, китовыя ружья и проч., распродавая ихъ не только за наличную расплату, но и въ долгъ. Такимъ образомъ, теперь отъ м. Беринга и до м. Сердце-Камень, въ каждомъ почти селеніи имѣется деревянный вельботъ — два, а въ такомъ напр. большомъ селѣ какъ Чаплинъ, я насчиталъ ихъ 15. Деревянные вельботы по своимъ мореходнымъ качествамъ, прочности, долголѣтію службы, далеко превосходятъ байдару, поэтому, будь возможность пріобрѣтенія ихъ въ каждомъ мѣстѣ болѣе легкой, я думаю, все побережье имѣло бы ихъ. Но китобои не заходятъ въ С. Ледовитомъ океанѣ западнѣе м. Сердце-Камня, изрѣдка Колючинской губы. Между тѣмъ вельботы, очень удобные для промысла всякаго морского звѣря вообще, не замѣнимы при охотѣ на китовъ, откуда и получили свое названіе. Легкіе, быстрые подъ парусомъ, послушные дуновенію малѣйшаго вѣтерка, силу котораго можно примѣнять въ любомъ направленіи при помощи выдвижного киля, несравненно болѣе прочные и устойчивые въ борьбѣ съ сильнымъ звѣремъ — они только и могутъ обезпечить успѣхъ охоты. Безъ вельботовъ китовый промыселъ всегда будетъ носить случайный характеръ. Но даже и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ вельботъ имѣетъ наибольшее примѣненіе, чукчи не обходятся безъ байдаръ, у которыхъ есть свои положительныя качества.

*

Дѣло въ томъ, что для правильнаго обслуживанія вельбота требуется 8 — 10 человѣкъ. Самъ онъ и весла сдѣланы изъ массивнаго дерева и потому при спускѣ на воду, греблѣ, вытаскиваніи на берегъ требуется значительная затрата силъ, слѣдовательно, необходимо кооперативное пользованіе. Въ то время какъ легкая байдара, большей частью построенная въ извѣстномъ соотношеніи съ рабочими руками семьи, позволяетъ пользоваться ею каждую минуту.

Байдара есть продуктъ чукотскаго генія. Она состоитъ изъ двухъ частей: основы и покрышки. Основа—деревянная, связанная ремнями изъ тонкихъ дранцъ сухого лѣса, плетенка и своей фигурой напоминаетъ обыкновенную плоскодонную лодку, у которой корма и носъ одинаково остры. Затѣмъ, изъ выдѣланной, расщепленной по толщинѣ надвое, моржовой кожи, шьется покрышка, представляющая собою чехолъ на основу. Покрышка плотно привязывается къ бортамъ основы также ремнями, и байдара готова. Для шитья кожи употребляются оленьи сухожилья, которыя, разбухая въ водѣ, прочно закрываютъ дыры отъ проколовъ и дѣлаютъ ихъ водонепроницаемыми. Байдары строятся различной величины: отъ грузоподъемности одного только человѣка до 20 — 30 людей. По бокамъ привязываются уключины, сдѣланныя изъ деревянныхъ рогулекъ, или, рѣже, изъ развѣтвленій оленьяго рога. Внутри устраиваются узенькія скамейки — дощечки, приспособленіе для мачты въ видѣ дыры въ одной изъ переднихъ скамеекъ и колодки съ дырой, привязываемой на днѣ. Весла выстругиваются короткія, легкія, и вся байдара настолько легка, что 4 — 5 человѣкъ могутъ переносить съ мѣста на мѣсто самыя большія байдары. Байдара легка, послушна на водѣ рулю и веслямъ, устойчива на волнахъ но не имѣя киля, можетъ ходить подъ парусомъ только съ попутнымъ вѣтромъ. На зиму покрышку большей частью снимаютъ, такъ какъ, говорятъ, вѣтеръ и морозъ портятъ моржевую кожу, хотя я встрѣчалъ байдары, которыя зимовали и въ неразобранномъ видѣ. Соленая вода моря скоро портитъ кожу. Считаютъ, что обыкновенный срокъ службы ея 2, самое большое 3 сезона, если за ней ухаживаютъ болѣе аккуратно и чаще промазываютъ нерпичьимъ жиромъ.

Для боя китовъ раньше употреблялись обыкновенные гарпуны. Еще и теперь можно мѣстами находить ихъ среди ненужнаго хлама яранги, даже сдѣланными изъ моржевой кости. Къ такому гарпуну, насаженному на длинномъ шестѣ, прикрѣплялся ремень, продѣтый

въ его середину, а на ремнѣ, длиною въ нѣсколько десятковъ саженъ, навязывались черезъ извѣстные промежутки наполненные воздухомъ бурдюки изъ цѣльно-снятой нерпичьей кожи. Когда гарпунъ вонзался въ тѣло животнаго и застревалъ тамъ, китъ начиналъ нырять. Но бурдюки тянули его на верхъ и обезсиливали: при этомъ еще до выхода кита на поверхность, они указывали его положеніе и направленіе хода; затѣмъ когда животное выплывало на поверхнотть, бросали все новые и новые гарпуны, пока китъ не обезсиливалъ въ борьбѣ отъ потери крови. Теперь все это отошло въ область преданій, хотя и недалекихъ, на памяти еще живущаго поколѣнія. Старики мнѣ разсказывали, что они сами въ молодости, не имѣя ружей употребляли стрѣлы, копья. Каменный вѣкъ для чукчей — не далекое прошлое. Еще теперь часть орудій домашняго обихода дѣлается изъ камня, какъ, напр., молотокъ для дробленія мерзлаго мяса и костей, или скребокъ для выдѣлки кожъ, а путникъ при желаніи можетъ набрать порядочную коллекцію каменныхъ ножей, наконечниковъ стрѣлъ, копій, долотъ. Тѣмъ не менѣе, въ настоящее время такіе примитивные способы охоты, какъ я описалъ раньше, уже не практикуются и тамъ, гдѣ промышляютъ кита, жители запасаются болѣе усовершенствованными снарядами: разрывными бомбами съ желѣзными гарпунами для ручного укола, китобойными ружьями для стрѣльбы на разстояніе и хорошими манильскими канатами, вмѣсто ремня.

Для охоты на болѣе мелкаго звѣря употребляются привозные *американскіе винчестера*. Преобладающіе калибры 44,45×70 и 30×30. Ихъ ежегодно ввозится на восточное побережье Чукотскаго полуострова отъ 300 до 500, и отсюда они расходятся по всему краю *до Колымы и Анадыря включительно*. Соленая вода, неряшливое обращеніе, а также и то, что въ этотъ отдаленный край ввозится, понятно, самый низшій, дешевый сортъ, дѣлаютъ ихъ службу недолговѣчной. Въ два три года береговой чукча изнашиваетъ свое оружіе и заботится о пріобрѣтеніи новаго, а старое, съ испорченными замками, расколотыми ложами, поржавленными стволами, сбывается на русскіе пароходы мелкимъ торговцамъ, пассажирамъ третьяго класса, которые везутъ его въ бухту барона Корфа, Уку, Карагу, Петропавловскъ и даже во Владивостокъ. По сѣверному побережью, внутри страны, куда новые товары доходятъ не такъ легко, съ ружьями обращаются довольно осторожно, и тамъ можно часто встрѣтить винчестеръ, составленный изъ кусочковъ, скованныхъ между собой желѣзками, перевязанными ремешками.

Какъ особенность края можно отмѣтить, что для зимняго промысла нерпъ, когда приходится стрѣлять сидя со льда, береговые чукчи придѣлываютъ къ винчестерамъ тонкія деревянныя рогатки приблизительно въ одинъ аршинъ высотою. На зимній сезонъ они пригоняются къ ружью наглухо и могутъ складываться вдоль цѣвья, а при нуждѣ снова отгибаться. По берегу С. Ледовитаго океана, гдѣ винчестера не въ такомъ изобиліи, какъ на восточномъ побережьи, еще и теперь встрѣчаются въ употребленіи копья—«пойгынъ»—съ обыкновеннымъ желѣзнымъ наконечникомъ, очень напоминающимъ наши казачьи. Ихъ форма явно говоритъ за то, что они русскаго происхожденія. Теперь копье почти вышло изъ употребленія и развѣ круглая бѣднота, да тѣ, кто ѣдетъ въ дальнюю дорогу, привяжутъ его къ нартѣ на всякій случай. Но я встрѣчалъ еще далеко не старыхъ людей, ходившихъ на бѣлыхъ медвѣдей съ копьемъ.

Въ гораздо меньшемъ употребленіи дробовыя ружья. Это объясняется тѣмъ, что птица не имѣетъ такого крупнаго значенія въ жизни прибрежнаго жителя, какъ звѣрь. Въ обращеніи опять американскія безкурковыя и курковыя двустволки и одностволки центральнаго боя. Очень, очень рѣдко, гдѣ попадется ружье, заряжающееся съ дула, произведеніе тульскаго кустаря, или какого либо менѣе извѣстнаго русскаго механика, случайно забредшее изъ Колымскихъ и Анадырскихъ лѣсовъ, гдѣ русскія ружья въ большемъ ходу, не вслѣдствіе ихъ качествъ, а потому что американскія попадаютъ туда съ большимъ трудомъ.

Далѣе слѣдуетъ мѣстный приборъ, безъ котораго чукча не выходитъ на морскую охоту ни лѣтомъ, ни зимою. Къ моему глубокому сожалѣнію, одинъ изъ моихъ дневниковъ погибъ въ огнѣ отеля, и теперь я не въ состояніи возстановить нѣкоторыхъ названій; знаю что русскіе называютъ его «уколъ». Онъ состоитъ изъ деревяннаго, тонкаго, $1^1/_2$ дюйма діаметромъ, шеста, аршина $2^1/_2$—3 длиною. На одинъ изъ его концовъ наглухо насаживается наконечникъ моржевой кости, оканчивающійся тупымъ конусомъ. Затѣмъ отдѣльно вытачивается остріе—родъ маленькаго гарпунчика. Болѣе древніе изъ нихъ дѣлались или цѣликомъ изъ кости, или съ каменнымъ наконечникомъ; теперь же въ общемъ употребленіи костяной гарпунчикъ со стальнымъ наконечникомъ. Идея его очень проста: костяная палочка, въ $1^1/_2$ вершка длиною, заканчивается на одномъ концѣ зарѣзомъ, куда плотно вставленъ трехгранный стальной наконечникъ. На другомъ же ея концѣ высверлено углубленіе и заточенъ, уклоняющійся въ сторону, зубъ. Посреднѣ гар-

пуна прорѣзано небольшое отверстіе, въ которое пропущенъ ремень. Теперь, если насадить гарпунчикъ на костяной наконечникъ шеста, и притянуть его ремнемъ съ обѣихъ сторонъ черезъ противоположный конецъ шеста, то онъ будетъ сидѣть достаточно прочно, чтобы не свернуться при ударѣ звѣря. Но стоитъ бросить палку и потянуть за связку ремня, который захлестнутъ за шестъ только скользящей петлей, и рогъ гарпуна начинаетъ въѣдаться въ тѣло, измѣняя положеніе снаряда изъ вертикальнаго въ горизонтальное. Гарпунъ соскакиваетъ съ шеста, прочно застреваетъ подъ кожей, и ремень привязываетъ звѣря къ рукѣ охотника.

Кошку для вылавливанія убитой дичи, сѣти для нерпъ и приборъ для ловли утокъ я опишу попутно въ слѣдующей главѣ.

Хотя въ безлѣсныхъ мѣстахъ Чукотскаго полуострова вѣтеръ быстро трамбуетъ снѣгъ, и потому почти всю зиму держится убой, позволяющій ходить по тундрѣ и льду безъ особыхъ приспособленій, однако для весенняго времени и тѣхъ перерывовъ зимы, когда снѣжный покровъ мягокъ, чукчи дѣлаютъ лыжи.

Ихъ лыжи не разсчитаны для быстраго бѣга; ихъ назначеніе— дать ногѣ опору въ мягкомъ снѣгѣ и только. На нихъ нельзя скользить, надо прямо переступать, какъ при обыкновенной ходьбѣ. Они широки, неуклюжи и тяжелы. Каждая лыжа состоитъ изъ двухъ, надлежаще изогнутыхъ, палокъ, дюйма $1^1/_2$ толщиною и до одного аршина длиной, которыя прочно скрѣпляются зарѣзками и ремнями на своихъ концахъ. Между ними натягиваются хорошо вытянутые ремни, образующіе сѣтку, въ продольномъ и поперечномъ направленіяхъ. Посерединѣ изъ ремня же дѣлается путалище для ноги, достаточно длинное для того, чтобы можно было, обогнувъ ногу у щиколоки, завязать его крестъ на крестъ надъ носкомъ ботинка. Надѣваніе лыжи очень простое: пропускаютъ въ путалище ногу въ направленіи носкомъ назадъ, затѣмъ переворачиваются, обнося ступню надъ путалищемъ и сбоку подсовываютъ носокъ подъ скрещеніе. Такимъ образомъ пятка совершенно свободна въ движеніяхъ, и лыжа держится при ходьбѣ на носкѣ ноги.

Когда, наоборотъ, стоитъ очень твердый убой, или по осени, снѣгъ еще не выпалъ, а ледъ уже образовался, словомъ, когда нога можетъ скользить, чукчи употребляютъ другого рода приспособленія для устойчивости ноги: это пластинка изъ моржевой кости въ 1 вершокъ шириною и около $2^1/_2$ длиною, слегка выгнутая, у которой по наружной сторонѣ нарѣзаны зубы, а по кон-

цамъ просверлины дырки для ремня. Такія пластинки подвязываютъ поперекъ подъ ступню по срединѣ подошвы.

Наконецъ, охотникъ, снарядившійся для зимняго промысла на море, если не ѣдетъ на нартѣ съ собаками, то почти всегда везетъ маленькія ручныя салазки. Это просто два полоза, сколоченные между собою поперечными брусками, иногда съ настилкой, иногда безъ нея.

Береговые чукчи не промышляютъ почти нигдѣ рыбу въ большихъ количествахъ. Рыбное богатство пока служитъ для нихъ только подспорьемъ, а не главнымъ промысломъ, поэтому я не встрѣчалъ въ ихъ жильяхъ большихъ, правильно построенныхъ сѣтей. Все, что я видѣлъ въ этомъ направленіи, были конусообразной формы саки, сдѣланные изъ тонкаго ремня, рѣже изъ оленьихъ сученыхъ сухожилій и еще рѣже, зашедшіе, очевидно, случайно, изъ обыкновенной пряжи. Надо замѣтить, что пряжа вообще поступаетъ на анадырскій и колымскій рынки лишь въ ограниченномъ количествѣ, сообразно съ мѣстной потребностью населенія, и на долю чукчей достается ее немного. На Чукотскомъ полуостровѣ русской торговли до послѣдняго времени не существовало; американцы же почему-то обошли этотъ товаръ, можетъ быть вслѣдствіе малаго на него спроса, а можетъ быть и потому, что его нѣтъ на Аляскѣ, служащей главной посредницей въ торговлѣ Америки съ нашимъ побережьемъ, гдѣ хотя и существуетъ крупное рыболовство, но, очевидно, снарядами, привезенными въ готовомъ уже видѣ. Зато въ каждой ярангѣ путникъ найдетъ нѣсколько удочекъ. Чукчи дѣлаютъ ихъ преимущественно изъ китоваго уса, который щепится тонкими ровными полосками и вяжется въ лесу. Она наматывается на маленькую, зарѣзанную съ двухъ сторонъ, дощечку и въ такомъ видѣ хранится. Къ одному изъ концовъ лесы привязывается одинъ, два крючка, загнутыхъ и выточенныхъ руками изъ куска стали, черенка ножа, гвоздя и другого случайно подвернувшагося матеріала. Чукчи удивительно хорошо умѣютъ использовать каждый, неимѣющій на первый взглядъ никакого значенія, предметъ для своихъ маленькихъ нуждъ, и ихъ терпѣніе въ кропотливой работѣ поразительно.

Надъ крючками на лесу навязывается блесна (кусочекъ бѣлой жести, бѣлая, красная тряпочка) небольшое грузило, и приборъ готовъ. Ловятъ имъ рыбу какъ лѣтомъ съ лодки, такъ особенно зимою черезъ ледъ. Леса опускается такъ, чтобы немного только не касаться крючками дна, и промышленникъ легкими, но отры-

быстрыми движеніями руки дергаетъ ее все время кверху. Когда почувствуетъ, что лесу тянетъ, быстро вытаскиваетъ ее и вмѣстѣ съ ней рыбу.

Удивительно, что даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ море даетъ богатыя отложенія плавника, я нигдѣ не встрѣчалъ среди чукчей обычая строить изъ него самодѣльные капканы, самострѣлы, западни для ловли пушного звѣря, все то, чѣмъ такъ богаты ихъ сосѣди по Калымѣ и Анадырю. Я видѣлъ только силки для ловли сусликовъ, можетъ быть, и горностаевъ, сученые изъ оленьяго сухожилья. Но это скорѣе дѣтская забава, чѣмъ промыселъ. Между тѣмъ ловля капканомъ лисицъ и песцовъ существуетъ по побережью повсемѣстно, но капканомъ, привезеннымъ изъ Америки или Россіи.

Для всѣхъ домашнихъ подѣлокъ отъ лодки до удочки, отъ нарты до дѣтской игрушки, главнымъ инструментомъ для чукчи служитъ ножъ. Они бываютъ самой разнообразной формы: для разрѣзыванія мяса—«пекуль»—я уже описалъ. Женскіе ножи для кройки платья, обуви имѣютъ широкое длинное лезвіе съ закругленнымъ концемъ, вродѣ нашего кухоннаго. Мужскіе для повседневнаго обихода, — съ толстымъ обухомъ и узкимъ лезвіемъ, постепенно сходящимъ къ острому, какъ игла концу. Чукчи держатъ ихъ постоянно остро отточенными и потому быстро изнашиваютъ. Сильно сточенный, обыкновенно, старый ножъ, у котораго лезвія осталось не больше какъ на вершокъ, выгибается полудугой и служитъ для всякихъ подѣлокъ изъ дерева и кости, какъ рубанокъ и рѣзецъ одновременно. Владѣютъ они имъ въ совершенствѣ, вытесывая часами изъ корявой палки какую-либо вещь домашняго обихода. Но отдавая ножу предпочтеніе, они имѣютъ и другіе несложные инструменты, такъ что каждая яранга представляетъ изъ себя маленькую мастерскую. Вы найдете у нихъ коловороты, буравчики, отвертки, клещи, напильники молотки и топоры, изрѣдка рубанки и ручныя пилы—все это бываетъ сложено вмѣстѣ въ одинъ ящикъ со старыми жестянками, гвоздями, винтами и прочимъ желѣзнымъ хламомъ, безъ котораго не обходится ни одна яранга.

На чукотской женщинѣ лежитъ большая часть работъ не только по устройству жилья и мелкаго домашняго хозяйства, но она же является главной помощницей мужчины въ оборудованіи промысловъ, а тамъ гдѣ существуетъ спросъ на ея издѣлья, она сумѣла создать родъ кустарной промышленности. Одной изъ главныхъ женскихъ

обязанностей является приготовленіе одежды. Но прежде чѣмъ ее сшить, надо выдѣлать кожи и заготовить нитки.

Оленью кожу, предназначенную для этой цѣли, сначала слегка мочатъ людской мочей и разминаютъ руками и ногами. Затѣмъ съ внутренней ея поверхности требуется удалить жиръ и часть мездры. Орудіемъ для этого служитъ кусокъ обыкновенной доски (аршина $1^1/_2$ длиною) и полукруглый, тупой желѣзный скребокъ, вдѣланный въ средину слегка выгнутой палки. Доска ставится наклонно на одинъ изъ ея концовъ, поверху разстилается кожа: мастерица, упершись животомъ въ верхній конецъ доски и придавивъ тяжестью тѣла кожу, чтобы она не скользила, беретъ въ обѣ руки скребокъ и движеніями сверху внизъ счищаетъ съ поверхности жиръ съ частью мездры, который большей частью тутъ же съѣдаетъ. Затѣмъ, для приданія кожѣ большей мягкости, ее натираютъ оленьимъ пометомъ и оставляютъ лежать такъ около сутокъ. На другой день пометъ счищается, но уже скребкомъ, у котораго вмѣсто желѣзной пластинки вставлена каменная, очень тупая, служащая болѣе для разминанія, чѣмъ для отдѣленія мездры. Послѣ этого процесса кожу мнутъ цѣлыми часами при помощи рукъ и ногъ, стараясь дать ей возможную эластичность и вытянуть во всѣхъ направленіяхъ. Въ большинствѣ случаевъ ее еще красятъ настоемъ въ мочѣ какой то коры кустарника, породы котораго я опредѣлить не могъ; тогда мездра принимаетъ очень красивый розовато-красный оттѣнокъ, иногда же, особенно на штаны, употребляютъ некрашенную кожу. Камоши на перчатки и ботинки выдѣлываются простымъ скобленіемъ и разминаньемъ.

Нерпичья кожа выдѣлывается двоякимъ образомъ: съ шерстью и безъ шерсти. Въ первомъ случаѣ ее только скоблятъ по мездрѣ и мнутъ, когда хотятъ шить весеннія ботинки и штаны. Когда же желаютъ удалить съ нея шерсть, то ее кладутъ на 3 — 4 дня въ ачульхенъ, гдѣ она мокнетъ въ мочѣ, и волосъ отпадаетъ самъ собою. Въ такомъ видѣ кожа идетъ преимущественно на ремни. Если такую кожу тотчасъ же по вынутіи изъ ачульхена, вывѣсить на вѣтеръ и морозъ, то она выбѣлится подъ ихъ вліяніемъ въ ярко бѣлый цвѣтъ, очень любимый женщинами для различныхъ ихъ вышивокъ и украшеній. Наконецъ, преимущественно для отпускной торговли: русскимъ на Колыму и Анадырь (чемоданы), американцамъ въ видѣ сапогъ и немного для своей нужды—на лѣтніе ботинки, чукчи готовятъ черную прожиренную кожу, съ которой волосъ сби-

вается прямо ножами. Когда матеріалъ на платье готовъ, начинаютъ дѣлать нитки. Ихъ сучатъ изъ волоконъ сухожилій оленя, которыя, при разборкѣ убитой туши, тщательно вынимаются, очищаются отъ мяса и сушатся. Для приготовленія нитокъ, сухожилья расщепляютъ на тонкіе волоски при помощи ногтей и зубовъ, хорошо очищаютъ ихъ отъ всякихъ узелковъ, засучивая одинъ конецъ и оставляя распущеннымъ другой. Когда ихъ соберется достаточное количество, они представляютъ собою хорошо расчесанную куделю, очень похожую на обыкновенную льняную, только еще болѣе бѣлую. Изъ этихъ волосковъ потомъ обыкновеннымъ порядкомъ, на колѣнѣ, женщины сучатъ нитки, каждая приблизительно въ одинъ аршинъ длиною. Эти нитки великолѣпны по своей прочности и особенно незамѣнимы для обуви, дѣлая ее непромокаемою по швамъ. Кожи для платья кроятъ длинными, широкими женскими ножами, а шьютъ особыми иголками мануфактурнаго производства, но не съ круглымъ, а трехграннымъ концемъ.

На восточномъ берегу Чукотскаго полуострова, гдѣ существуютъ болѣе или менѣе регулярныя сношенія съ Америкой, выработались небольшіе промыслы особаго рода. Китобои, идущіе по веснѣ въ С. Ледовитый океанъ, нуждаются въ легкой непромокаемой обуви, и айваны этой мѣстности и чукчи готовятъ сотни паръ нерпичьихъ сапогъ изъ черной прожиренной кожи. Форма ихъ нѣсколько отличается отъ зимней чукотской обуви тѣмъ, что подошвы не имѣютъ вида ровной пластины, ограничивающей обувь снизу, а загнуты еще по краямъ, приблизительно, на 1 дюймъ вышиною, образуя коробку изъ однороднаго толстаго матеріала, собраннаго въ сборки на носкѣ и пяткѣ. Сверху на эту коробку нашивается голенище съ передомъ, и сапогъ готовъ. Голенища дѣлаются высокими до колѣнъ, гдѣ стягиваются ремнями. По послѣдней формѣ дѣлается вся чукотская лѣтняя обувь, какъ я замѣтилъ до самой Чукотской губы, съ тою только разницею, что для собственнаго обихода чукчи не строятъ высокихъ голенищъ, а, какъ у зимней, голенища не превышаютъ 4 верш. отъ подошвы. Явились ли высокія голенища отвѣтомъ на спросъ покупателей, или удержаны айванами какъ особенность ихъ прежняго американскаго костюма—я затрудняюсь въ настоящее время сказать. Кромѣ сапогъ, рукодѣльницы этой мѣстности готовятъ въ теченіе долгой зимы много ковриковъ разнообразной величины изъ бѣлой и разноцвѣтной нерпичьей кожи, вырѣзанной разнообразными фигурами, съ опушкой изъ

какого-либо мѣха; вышитыхъ сумочекъ, поясовъ, ружейныхъ чехловъ, патронташей, и проч. мелочи, которыя хотя и не отличаются ни особенной художественностью вышивокъ, ни тщательностью работы, одноко довольно охотно покупаются заѣзжимъ людомъ. На ряду съ женщинами, мужчины рѣжутъ изъ кости неазтѣйливыя цѣпочки, ножи для бумаги, мундштуки, трубки, пуговицы, модели пароходовъ и шкунъ, просто полируютъ красивые моржовые клыки. Нѣкоторые достигаютъ въ своихъ работахъ большого изящества, пріобрѣтаютъ въ Америкѣ спеціально для этой цѣли токарные станки, но, къ сожалѣнію, такихъ лицъ можно пересчитать по пальцамъ, и дальше восточнаго побережья этотъ промыселъ не распространяется.

Кожа моржей, идущая на лодки, толстые ремни, на подстилку въ іоронгѣ и для торговли, по снятіи со звѣря, обязательно, расщепляется ножами по толщинѣ на двѣ, такъ какъ въ своемъ оригинальномъ видѣ она слишкомъ толста и неудобна въ обращеніи. Затѣмъ часть, покрытую волосами, свертываютъ и кладутъ въ теплое мѣсто, гдѣ-либо вблизи огня, чтобы волосъ отопрѣлъ самъ собою. Послѣ этого обѣ части на распоркахъ, большею частью на тѣхъ станкахъ, гдѣ складываются нарты и лодки, растягиваются ремнями, продѣтыми въ спеціально сдѣланные по краямъ каждой изъ нихъ прорѣзы, и оставляются въ такомъ видѣ до тѣхъ поръ, пока не просохнутъ. Шкуры пушныхъ звѣрей, идущія преимущественно для торговли, не доставляютъ особыхъ хлопотъ по обработкѣ. Ихъ только просушиваютъ на особыхъ распоркахъ, не давая такимъ образомъ съеживаться. Нѣсколько больше хлопотъ со шкурами бѣлыхъ медвѣдей: ихъ мѣхъ сначала моютъ снѣгомъ, или водою, смотря по времени года, чтобы смыть кровь и случайно попавшій жиръ; затѣмъ медвѣжью шкуру, какъ и моржевую, растягиваютъ ремнями для первоначальной просушки, а потомъ, когда уже ремни будутъ сняты, вѣшаютъ обыкновенно на цѣлую зиму, пока вѣтеръ и морозъ не выбѣлятъ ея волосъ, не удалятъ изъ нея окончательно всѣ влажныя тяжелыя вещества.

Оленные чукчи имѣютъ тѣ же инструменты для лова и охоты, какъ и береговые до лодокъ и уколовъ включительно. Объясняется это тѣмъ, что, за малыми исключеніями, къ лѣту почти всѣ они прикочевываютъ со стадами на берега океана, гдѣ занимаются тѣми же промыслами, что и береговые. Само собою разумѣется, что они не имѣютъ вельботовъ, не бьютъ китовъ, потому что охота на нихъ вещь довольно сложная для маленькаго обихода кочевника

и помимо спеціальныхъ орудій требуетъ еще навыка и особой сноровки. Когда зимою ѣдешь вдоль берега С. Ледовитаго океана, то повсемѣстно наталкиваешься на «оставки»: на козлахъ, вдали отъ всякаго жилья, сложена основа байдары, тутъ же въ узлахъ лежитъ ея покрышка, весла, уколы. Мѣстами байдары зимуютъ въ неразобранномъ видѣ вмѣстѣ съ грудами саней, основами ярангъ; черезъ каждый десятокъ—два верстъ можно видѣть мѣста лѣтнихъ кочевокъ, примѣтныя по землянымъ валикамъ, по сложенному дереву. Все это показываетъ, что лѣтомъ кочевники такіе же рьяные промышленники за рыбой и морскимъ звѣремъ, какъ и остальные инородцы края. Если по осени бываетъ много добычи, то они по примѣру береговыхъ чукчей вырубаютъ въ мерзлой землѣ ямы, складываютъ туда запасы, закрываютъ ихъ сверху бревнами, китовыми костями, землею отъ хищнаго звѣря.

Будучи на зиму обезпечены своими стадами, оленные чукчи могутъ больше удѣлять времени для промысла пушного звѣря, и они являются главными поставщиками песца и лисицы, бѣлый же медвѣдь очень рѣдко попадается имъ на встрѣчу. Я встрѣчалъ въ тундрѣ кочевниковъ, которые убивали изъ ружья и ловили капканомъ до 80 песцовъ въ зиму,

Относительно орудій лова и охоты другихъ инородцевъ я мало могу что сказать, потому что не жилъ между ними, а только проѣзжалъ и не могъ такъ подробно разузнать ихъ стороны быта.

Русская берданка — главное орудіе промысла ламута, которые великолѣпные стрѣлки, природные охотники, посѣщающіе самые глухіе уголки, начинающейся въ ихъ мѣстахъ, тайги. Они не стоятъ долго на одномъ мѣстѣ, поэтому можетъ быть, насколько я замѣтилъ, предпочитаютъ пулю всякой другой ловушкѣ и бьютъ ею даже куропатокъ. Охота на медвѣдей, дикихъ оленей, бѣлокъ, лисицъ, россомахъ, волковъ, лѣтомъ на перелетныхъ птицъ, даетъ сильную поддержку при некрупномъ оленеводствѣ. Другое ихъ орудіе—удочка. Лишившись оленей, ламуты осѣли мѣстами по берегамъ многоводныхъ, богатыхъ рыбою рѣкъ, и изо дня въ день ловятъ ее, находя въ этомъ главный источникъ своего существованія.

Русское и обрусѣвшее населеніе Колымы и Анадыря живетъ, какъ я уже говорилъ, преимущественно, рыбой поэтому главнымъ орудіемъ промысловъ здѣсь является сѣть и неводъ. Въ виду того, что моржей здѣсь не бьютъ, а лѣса даютъ достаточный строительный матеріалъ, чукотская байдара замѣняется карбасомъ.

Карбасъ—большая лодка сдѣланная изъ длинныхъ деревянныхъ досокъ, тесанныхъ изъ цѣльнаго дерева и сшитыхъ между собою крученымъ тальникомъ. Они бываютъ различной, иногда очень большой, величины и предназначаются преимущественно для плаванія по рѣкѣ. Устройство ихъ довольно оригинально: къ узкому, длинному, плоскому дну придѣлываются высокіе, до 2-хъ аршинъ, сильно выгнутые и потому наклонно упирающіеся къ верху бока. Носъ и корма также остры какъ у байдары. Я мало плавалъ на нихъ, но мнѣ кажется, что карбасъ менѣе устойчивъ на водѣ и менѣе подвиженъ чѣмъ байдара.

Для небольшихъ мѣстныхъ передвиженій, а также для охоты, жители по рѣкамъ употребляютъ такъ называемые каюки и вѣтки. Это обыкновенные челны съ тою только разницею, что первые долблены изъ цѣльнаго дерева, а вторые шиты изъ досокъ.

Для звѣроваго лова порѣчане строятъ изъ дерева всевозможныя ловушки, капканы, самострѣлы, и охота съ ружьемъ еще не имѣетъ большого между ними распространенія. Да и ружей собственно нѣтъ. Есть всякій сбродъ и хламъ, завезенный или съ востока отъ американцевъ, или изъ Россіи. Только въ послѣднее время начали поступать и расходиться берданки въ замѣтномъ числѣ, высылаемыя правительствомъ мѣстной администраціи для дешевой продажи населенію.

Природныя богатства края, промыслы и орудія промысловъ.

Край далекаго сѣвера, три четверти года затертый льдами, съ суровымъ измѣнчивымъ климатомъ, скудной растительностью, рѣдкимъ, бѣднымъ населеніемъ, край вѣтровъ, снѣговъ и морозовъ на первый взглядъ не даетъ широкихъ темъ для описанія его природныхъ богатствъ. Случайному зрителю ихъ кажется такъ мало! Природа, будто разсорившись на другихъ странахъ, урѣзала здѣсь человѣка во всемъ. Но это не такъ. Она тутъ только благоразумная хозяйка. Она не сдѣлала изъ своихъ богатствъ блестящей, яркой выставки, а расходуетъ ихъ экономно. Она требуетъ отъ человѣка большей затраты ума, знаній, силъ, энергіи, но какъ знать, можетъ и вознаградитъ его за это съ большей щедростью. Мы ее не спрашивали. Нашъ индустріальный опытъ въ этомъ краѣ равняется нулю, а на такихъ данныхъ основывать какіе либо выводы

было бы слишкомъ смѣло. Тѣмъ болѣе смѣло, что мы уже имѣемъ въ прошломъ одинъ поучительный примѣръ: нашу продажу Аляски. Американцы говорятъ, что сдѣлали тамъ только первыя царапины прогресса, и онѣ имъ дали за послѣдніе тридцать лѣтъ 641.149,534 рублей дохода, при чемъ въ такой пропорціи, что шесть седьмыхъ этой суммы падаетъ только на послѣднія десять лѣтъ. А почему же нашъ крайній сѣверо-востокъ не можетъ быть Аляской? Наоборотъ, уже тѣ небольшіе показатели, которые мы имѣемъ теперь, говорятъ за то, что онъ долженъ быть Аляской, если не богаче ея. Наши горы полны самыхъ разнообразныхъ металловъ, и аляскинскіе предприниматели знаютъ, что дѣлаютъ, если рвутся сюда. Откройте имъ только двери. Завтра же половина ихъ переберется на нашу сторону, полѣзетъ по ущельямъ, заглянетъ въ самые глухіе уголки, найдетъ источники продуктивной работы, сдѣлаетъ тѣ первыя царапины, которыми такъ гордится теперь Аляска. Наши берега не бѣднѣе американскихъ рыбой; наши лѣса отъ Колымы и Анадыря тянутся на тысячи миль; наше оленеводство создало американское, нашею пушниною питается ихъ рынокъ до послѣдняго времени. Дайте только человѣку условія, въ которыхъ онъ могъ бы работать — онъ придетъ сюда и создастъ здѣсь жизнь.

Во главѣ природныхъ богатствъ страны я поставилъ горныя не потому, что знаю о нихъ болѣе, чѣмъ о другихъ, но они мнѣ кажутся наиболѣе важнымъ факторомъ въ дѣлѣ прогресса такихъ пустынныхъ странъ, какъ нашъ Сѣверо-Востокъ. Возьмемъ хоть ту же Аляску. И въ русскихъ и американскихъ рукахъ она оставалась пустыней до тѣхъ поръ, пока тамъ не найдено было золото, которое дало первый толчекъ горной промышленности. За золотомъ начинаются разработки: серебра, мѣди, олова, угля, мрамора и гипса. Все это вызываетъ спросъ на рабочія руки, а онѣ требуютъ для себя жизненныхъ удобствъ: создаютъ сообщенія, постройки, агрикультуру, пробуждаютъ къ жизни массу побочныхъ промысловъ создаютъ мѣстные интересы, мѣстную жизнь во всей ея полнотѣ.

Что горной, а не какой либо иной промышленности суждено сыграть доминирующую роль въ прогрессѣ и нашего края, это такъ очевидно, что говоритъ само за себя. Въ самомъ дѣлѣ, въ такія мѣста никто не пойдетъ жить ради собственнаго удовольствія, и мало того, чтобы создать здѣсь условія болѣе или менѣе сноснаго существованія для культурнаго человѣка, требуется затрата крупныхъ средствъ. А это можетъ сдѣлать только капиталъ и крупныя

капиталистическія предпріятія. Но на чемъ будутъ они основываться? Продукты охоты и лова, оленеводства и торга — удѣлъ мелкаго промышленника, а онъ обойдется и безъ телеграфа, желѣзныхъ дорогъ, срочныхъ рейсовъ и дорогихъ построекъ. Только крупныя предпріятія могутъ позволить себѣ такія дорогія новинки прогресса, и только горное дѣло дастъ здѣсь приложеніе крупному капиталу. Онъ долженъ пойти піонеромъ въ эти угрюмыя дебри, расчистить путь для мелкаго предпринимателя, создать ему среду, гдѣ бы послѣдній могъ существовать.

Что же у насъ есть, или вѣрнѣе, что мы знаемъ о горныхъ богатствахъ Сѣверо-Востока? знаемъ пока немного, но мы и не дѣлали почти попытокъ знать больше. Нѣсколько геологическихъ экспедицій, снаряженныхъ Сѣверо-Восточнымъ Сибирскимъ обществомъ, экспедицій плохо оборудованныхъ, случайнаго характера, не углублявшихся дальше береговой линіи—и это все. По крайней мѣрѣ все, что я знаю. Припоминая теперь безо всякихъ пособій экспедиціи профессора Богдановича, ученаго агронома Иванова, горнаго инженера Корзухина, Тульчинскаго и Пфафіуса, я довольно отлично устанавливаю районы ихъ наиболѣе видныхъ работъ. Проф. Богдановичемъ обслѣдованы окрестности бухты Провидѣнія, восточное и въ особенности сѣверное побережья до Колючинской губы. Агрономъ Ивановъ работалъ исключительно на восточномъ побережьѣ. Горн. инж. Корзухинъ большую часть своей командировки провелъ въ окрестностяхъ Лаврентьевской бухты и какъ наиболѣе капитальный трудъ оставилъ геологическую карту района Мечигинской и Лаврентьевской бухтъ. Инженеръ Тульчинскій велъ преимущественно ревизіонную часть дѣлъ Сѣв.-Вост. Сибирскаго общества, и изъ его работъ я вспоминаю изслѣдованіе свинцово-серебрянаго мѣсторожденія у Сердце-Камня. Инженеръ Пфафіусъ, насколько помню, не публиковалъ своихъ работъ. Кромѣ этихъ русскихъ лицъ, я знаю еще геологическую поѣздку американскаго горнаго инженера Вандерлипа, но его геологическіе труды мнѣ не попадались. Я читалъ его записки лишь какъ путешественника.

Вотъ это и все. Всѣ эти лица проѣзжали у береговъ, не заходя въ страну дальше 10 — 15 миль.

Въ заслугу Сѣв.-Вост. Сибирскаго общества надо поставить то, что все-таки мы благодаря ему кое что теперь знаемъ о краѣ. И если ничего цѣннаго до сихъ поръ не найдено,—кое-какія работы были сдѣланы, и мы съ увѣренностью имѣемъ право говорить,

что горы нашего Сѣверо-Востока богаты металлами и минералами. Найдено и золото, не Сѣв.-Вост. Сибирскимъ обществомъ, а отдѣльной сепаративной американской компаніей, подъ названіемъ «Development Co», не очень богатое, но въ томъ мѣстѣ, гдѣ годъ тому назадъ велись работы, оно дало 1,68 зол. на 100 пудовъ песку. Кромѣ этого Анадырскаго мѣсторожденія, присутствіе золота въ разныхъ мѣстахъ береговой полосы обнаружено профессоромъ Богдановичемъ во время его экспедиціи.

Миляхъ въ 12-ти отъ бухты Св. Лаврентія къ сѣверу, какъ разъ надъ озеромъ, изслѣдованнымъ инж. Корзухинымъ, одинъ изъ американскихъ проспекторовъ нашелъ кварцевую жилу со включеніями какого-то роднаго минерала. Проспекторъ, на основаніи Омскихъ анализовъ увѣряетъ, что это теллуристое золото, но горный инженеръ Борисовъ, посѣтившій мѣсторожденіе и сдѣлавшій простѣйшія изслѣдованія, сомнѣвается въ присутствіи въ рудѣ теллура. Все, что онъ былъ въ состояніи въ ней найти — это сурьма и мышьякъ.

Свинцово-серебряныя мѣсторожденія на Чукотскомъ полуостровѣ обнаружены въ двухъ мѣстахъ: одно у деревни Паутынъ, другое на мысѣ Сердце-Камень. Въ области ихъ нахожденія оба они были изслѣдованы только поверхностно.

Миляхъ въ 5 къ сѣверо-западу отъ Паутынскаго свинцово-серебрянаго мѣсторожденія найденъ выходъ графитовой жилы съ очень богатымъ содержаніемъ. Ее начали было разрабатывать, но потомъ почему то прекратили работы. Графита вообще много на полуостровѣ, и во время моихъ поѣздокъ я его находилъ въ обращеніи у жителей на м. Сердце-Камень и Сѣверномъ. По ихъ разсказамъ, они его брали недалеко отъ своихъ жилищъ. Желѣзныхъ рудъ много на Чукотскомъ полуостровѣ повсемѣстно.

Каменный уголь обнаруженъ въ окрестностяхъ Мечигинской губы, на р. Анадырѣ, въ Угольной бухтѣ, дальше въ бухтѣ Барона Корфа и мнѣ думается, что все Великоокеанское побережье богато имъ. Между Большой Рѣкой, впадающей въ С. Ледовитый океанъ недалеко отъ Чаунской бухты, и мысомъ Большой Барановъ мои проводники показывали мнѣ гору, изъ которой вытекаетъ «вода, которая горитъ». Можно полагать, что тамъ находятся выходы нефти.

У рѣки Амгуэмы жители заинтересовались случайно оказавшимся у меня хризопразомъ и разсказали, что по ихъ рѣкѣ, а также и по Ванкаремѣ, ближе къ горамъ, много такого камня, какъ мой.

Понятно, тамъ не хризопразы разсыпаны въ глыбахъ, но кто знаетъ—можетъ быть, что либо цѣнное.

Я, какъ человѣкъ совершенно въ геологіи не свѣдующій, кромѣ общей картины ничего въ этой области дать не могу. Однако, послѣ моихъ двухъ лѣтъ жизни въ этомъ краѣ, я вполнѣ увѣренъ, что спеціалистъ, посвятившій свое время и трудъ на изслѣдованія горъ, не остался бы невознагражденнымъ.

Рыбныя богатства края огромны, но еще меньше изслѣдованы, чѣмъ горныя, потому что по послѣднимъ мы имѣемъ хоть трудъ проф. Богдановича, по первымъ же я рѣшительно не знаю на кого указать. Бывшій начальникъ Анадырскаго уѣзда Н. П. Сокольниковъ интересовался этимъ дѣломъ и собралъ рыбную коллекцію, но насколько я знаю, еще не опубликовалъ своихъ трудовъ. Еще въ порубежныхъ мѣстахъ на р.р. Анадырѣ и Колымѣ установить породы, ходъ рыбы и приблизительное количество улововъ будетъ не такъ трудно: стоитъ только взять отчеты изъ мѣстныхъ управленій; тамъ населеніе живетъ почти исключительно рыбой. Но на самомъ Чукотскомъ полуостровѣ это является не легкой задачей. Чукчи почти не тронули рыбныхъ богатствъ своего побережья. Обезпеченные морскимъ звѣремъ, который, хотя и значительно уменьшается со времени ввоза американцами скорострѣльныхъ ружей, но все-таки до послѣднихъ дней еще даетъ имъ возможность существованія, они не охотно переходятъ къ рыбѣ, потому что для этого промысла у нихъ нѣтъ ни опыта, ни приборовъ, ни умѣнья заготовлять ее въ прокъ.

Какъ обрусѣвшее населеніе Маркова и окрестныхъ поселковъ, такъ и немногіе изъ семей чукчей, осѣвшихъ по Анадырю, находятъ въ рыбѣ главный источникъ своего существованія. Промыселъ ея бываетъ лѣтнимъ и зимнимъ. Лѣтній промыселъ главный, а зимній служитъ ему подспорьемъ.

Лишь только рѣка очистится совершенно ото льда, что совпадаетъ обыкновенно съ 20-ми числами іюня мѣсяца, Ново-Маріинскіе козаки, нѣсколько семей пришлаго люда и окрестные чукчи, которые къ этому времени уже прикочевали къ рѣкѣ, начинаютъ съ нетерпѣніемъ поглядывать на ея воды, ожидая перваго хода рыбы. Какъ извѣстно всякому, кто сколько-нибудь интересовался этимъ вопросомъ, лососевыя породы рыбъ, проводя большую часть жизни въ морѣ, съ наступленіемъ извѣстнаго возраста идутъ въ рѣки метать икру. Икрометаніе совершается ими разъ въ жизни; при этомъ онѣ стараются проникнуть возможно дальше въ верховья

рѣкъ, вѣроятно потому, что тамъ ихъ потомство бываетъ болѣе обезпечено отъ хищниковъ и различныхъ случайностей. Выбившись изъ силъ въ борьбѣ съ теченіемъ, въ преодолѣніи мелкихъ перекатовъ, безъ пищи, изцарапавшись, избившись о камни и исхудавъ, онѣ совершаютъ послѣдній въ ихъ жизни великій актъ природы—размноженіе, выбирая для этого наиболѣе удобныя песчаныя мѣста, и тутъ же погибаютъ. Рѣчное теченіе несетъ обратно уже ихъ трупы, отлагая по берегамъ на многія версты богатую пищу для всякаго рода земныхъ и воздушныхъ хищниковъ. А ихъ молодякъ живетъ и развивается нѣкоторое время въ прѣсной водѣ, до тѣхъ поръ, пока природа и инстинктъ не заставятъ перемѣнить ее на соленыя глубины моря. Не доказано научно, но существуетъ мнѣніе, что рыба идетъ метать икру въ тѣ рѣки, откуда она вышла молодякомъ. И если это вѣрно, то чѣмъ больше будетъ уничтожено ее во время ходовъ, до икрометанія, тѣмъ бѣднѣе станетъ данная мѣстность. Къ счастью на крайнемъ нашемъ Сѣверо-Востокѣ промышленное рыболовство еще въ самомъ зачаточномъ состояніи, и есть время для урегулированія этого вопроса. Собственно, промышленнаго рыболовства здѣсь не существуетъ: всего только два года воды Анадыря начинаютъ посѣщаться рыболовными судами; лѣтомъ 1908 года былъ тамъ одинъ пароходъ, а въ 1909 году—два. Жители, какъ я уже говорилъ, налавливаютъ рыбу и обезпечиваютъ себя ею на круглый годъ. Ловятъ неводами, а кто не въ состояніи позволить себѣ такой роскоши, употребляетъ небольшія сѣти, которыя выталкиваются съ берега въ воду длинными деревянными шестами. Нижняя ихъ сторона подъ тяжестью грузилъ опускается, въ то время какъ поплавки поддерживаютъ сѣть на уровнѣ водной поверхности. Рыба идетъ въ такомъ количествѣ, что даже такими примитивными приборами ее успѣваютъ наловить столько, чтобы завѣсить всѣ вѣшала и наложить ямы. Но послѣднее относится уже къ способамъ заготовленія ея въ прокъ. За недостаткомъ соли, жители привыкли обходиться безъ нея и пойманную рыбу преимущественно вялятъ. Этой работой во время улова бываютъ заняты всѣ свободныя руки. Ножами снимаютъ съ боковъ рыбы всю мякоть, образуя двѣ пластины, соединенныя въ хвостѣ. Ихъ потомъ подвѣшиваютъ на деревянныя рамы, сдѣланныя изъ жердей, прямо тутъ же на берегу, на мѣстѣ, доступномъ вѣтру и солнцу, которымъ предоставляютъ всю дальнѣйшую работу по заготовленію консервовъ. Нельзя сказать, чтобы весь этотъ процессъ представлялъ собою аппетитное зрѣлище: вѣтеръ несетъ песокъ; мухи роями носятся надъ

подвѣшенной рыбой, отлагая свои яички въ свѣже-снятомъ мясѣ, потомъ выводятся черви, которые тутъ же обсыпаются, образуя на землѣ небольшія бѣлыя кучки, служащія добычей пернатымъ. Воздухъ около этихъ мѣстъ зараженъ на далекое пространство, и только привычный носъ обитателя можетъ спокойно переносить этотъ запахъ. Но вотъ розовое мясо стало совсѣмъ краснымъ, потомъ побурѣло, растрескалось, начало дѣлиться питями, пластины свернулись разнообразными изгибами, и юкола готова. Она дѣлится по сортамъ, какъ по качеству рыбы, такъ и по способу приготовленія. Мясо лучшихъ сортовъ, передъ тѣмъ какъ повѣсить его вялиться, надрѣзаютъ поперекъ пластины до кожи, давая такимъ образомъ доступъ воздуху внутрь, что облегчаетъ вяленье и освобождаетъ такую юколу отъ нѣкотораго привкуса гнилости, который всегда немного ощущается при обыкновенномъ способѣ приготовленія—безъ поперечной надрѣзки. Оставшаяся голова рыбы со становой костью и ребрами тоже сушится подобно юколѣ, при чемъ головы связываютъ попарно молодыми побѣгами кустарника и такъ подвѣшиваютъ на вѣшала. Это кормъ для собакъ. Но такъ какъ питаясь одними костями онѣ не въ состояніи были бы выполнить ту тяжелую работу, что выпадаетъ на ихъ долю въ длинную зиму, то для нихъ готовятъ также спеціальную юколу, которая требуетъ еще меньше времени на приготовленіе: рыбу просто освобождаютъ отъ внутренностей и разсѣкаютъ пополамъ. Если есть вѣшала, то ее подвѣшиваютъ для просушки, а если ихъ нѣтъ, то просто раскладываютъ на прибрежномъ пескѣ. И это все. Такая юкола, понятно, сильно загниваетъ, прежде чѣмъ просохнетъ. Въ Анадырскомъ бассейнѣ въ пищу собакамъ идетъ большое количество икры, которая тоже просушивается.

Заготовляютъ рыбу въ прокъ также посредствомъ закапыванія ея въ ямы. Способъ этотъ еще болѣе примитивенъ. Недалеко отъ берега выкапываютъ ямы аршина $1^1/_2$ діаметромъ и $2—2^1/_2$ арш. глубиною, куда складывается пойманная рыба, которая быстро засыпается. Благодаря мерзлотѣ почвы, предупреждается ея разложеніе, и на видъ она остается такою же и по вынутіи изъ ямъ, но частичное гніеніе, понятно, есть, или, какъ для этого существуетъ спеціальный терминъ, рыба «задыхается». Въ спертомъ помѣщеніи ямы вся она пропитывается такимъ сильнымъ, необычайно острымъ запахомъ, что достаточно небольшого куска такой, называемой на мѣстномъ нарѣчіи, «кислой» рыбы, чтобы свѣжему человѣку на пространствѣ нѣсколькихъ саженъ отъ нея почувствовать приступъ дурноты.

Въ послѣднее время начинаютъ все болѣе и болѣе входить въ употребленіе болѣе раціональные способы консервированія: соленье и копченье. Препятствіемъ для нихъ служитъ какъ недостатокъ и высокая цѣна на соль, такъ и неумѣніе приготовлять деревянную посуду. Однако теперь почти въ каждой семьѣ по Анадырю можно найти соленые и копченые «пупки» — рыбьи брюшки, срѣзанныя у того мѣста, гдѣ кончаются ребра. Ихъ жирное, нѣжное мясо считается особенно лакомымъ блюдомъ на всемъ сѣверо-востокѣ Сибири. Солятъ и рыбу, но не помногу.

Лѣтній промыселъ почти исключительно сосредоточенъ на ловлѣ кеты и горбуши. Промышляютъ также и сельдь, но ею здѣсь какъ то мало интересуются.

Ловля рыбы зимою подо льдомъ составляетъ большое подспорье для мѣстныхъ жителей и могла бы имѣть еще большее значеніе, если бы не недостатокъ волоса. Дѣло въ томъ, что зимній промыселъ требуетъ волосяныхъ сѣтей, а волоса въ краѣ такъ мало, онъ поступаетъ въ такомъ ограниченномъ количествѣ, что цѣнится жителями прямо на вѣсъ золота. Существуютъ ли для этого особыя трудныя условія, или прямо по обычной русской халатности, но мѣстные купцы, ввозящіе въ край большія партіи чаю, сахару, табаку и прочихъ товаровъ, почему то не торгуютъ волосомъ, и онъ получается только по спеціальному заказу начальника уѣзда, а это выполняется не всегда аккуратно. Зимою ловятъ такъ называемую «бѣлую рыбу» и ѣдятъ преимущественно въ сыромъ замороженномъ видѣ, подъ названіемъ «строганины». Лучшій сортъ послѣдней приготовляется изъ нельмы, которая ловится въ среднемъ теченіи Анадыря.

Побережные жители Чукотскаго полуострова еще мало интересуются рыбой, хотя и тамъ уже замѣтенъ переходъ къ этому источнику довольствія, который въ будущемъ, по истребленіи звѣря, долженъ и для нихъ стать главнымъ. Причина этого кроется по моему въ недостаткѣ сѣтей и матеріала для нихъ, а также и въ неумѣніи использовать свои рыбныя богатства. Чукчи всѣ, какъ прибрежные, такъ и кочевые, охотно питаются рыбой тамъ, гдѣ ее легко достать.

На островѣ Мечикенѣ въ февралѣ мѣсяцѣ я видѣлъ довольно порядочные запасы небольшой рыбки, величиною и видомъ похожей на наши копчюшки. Жители мнѣ разсказывали, что во время сильныхъ осеннихъ штормовъ, ее иногда выбрасываетъ на берегъ ихъ острова массами, и имъ ничего не остается больше, дѣлать

какъ собирать рыбу и уносить въ жилище. Тамъ же противъ острога, въ рѣкѣ Курымунъ и дальше, въ рѣкахъ Чеутаканъ и Рергуемъ, есть лѣтній ходъ кеты, но жители мало занимаются ею, и къ веснѣ уже ни у кого рыбы лѣтняго улова нѣтъ. Въ селахъ Атунь, Ликкулянъ, на тѣхъ двухъ озерахъ — заливахъ, что я описалъ раньше, и въ с. Петунь, на рѣкѣ Курубкѣ, кета лѣтняго улова еще имѣлась даже въ февралѣ мѣсяцѣ. Мнѣ разсказывали, что въ Курубкѣ бываетъ особенно большой и хорошій уловъ рыбы лѣтомъ. У мыса Лысая Голова ловится крупная, до аршина длиной, треска.

Проѣхавъ побережье отъ Владивостока до Чукотскаго полуострова, я нигдѣ не встрѣчалъ чтобы этимъ сортомъ рыбы сколько нибудь интересовались. А мой небольшой опытъ даетъ нѣкоторое основаніе полагать, что банки этого побережья не менѣе богаты треской, чѣмь знаменитый Мурманскій берегъ. Я самъ ловилъ эту рыбу на Командорскихъ островахъ, у мыса Холюскина и видѣлъ у мыса Лысая Голова. Но мои знанія чисто случайнаго характера, и сколько навѣрное есть мѣстъ, гдѣ треска только ждетъ промышленника? Американцы, которые начали уже работать въ этомъ направленіи, высчитываютъ, что кругомъ Аляски, въ Берингговомъ морѣ и С. Ледовитомъ океанѣ, они имѣютъ 30.000 кв. миль тресковыхъ банокъ. Если такова эта цифра для Аляски, сколькими тысячами кв. миль выразятся тресковыя банки на нашихъ побережьяхъ Великаго и С. Ледовитаго океановъ?

Жители Чаплина осенью и въ началѣ зимы ловятъ много форели по горнымъ рѣчкамъ.

Н. П. Сокольниковъ разсказывалъ мнѣ, что во время его зимней поѣздки онъ нашелъ много рыбы-кеты у жителей острова Итыгранъ, которую будто бы они ловили по бухтамъ противъ острова. Я тамъ проѣзжалъ нѣсколько разъ и лично этой рыбы не видѣлъ, не потому, чтобы ея въ тѣхъ водахъ не было, а я просто думаю, что жители этимъ промысломъ не занимаются. Повсемѣстно, однако, начиная отъ Чаплина, за м. Дежнева и до самаго Сѣвернаго мыса, я встрѣтилъ зимній промыселъ небольшой рыбы — родъ нашего бычка — съ крупной головой и неуклюжимъ, толстымъ у брюха туловищемъ, которое внезапно сильно съуживается къ хвосту. Ее ловятъ подо льдомъ у береговъ на блесну. Этимъ преимущественно занимаются подростки, женщины и старики.

Въ деревнѣ Чеутунь путникъ всегда можетъ достать для себя нѣсколько форелекъ.

Изъ окрестностей Колючинской губы на Дежневскую станцію привозили кету и великолѣпную крупную нельму. Самъ я нашелъ у Колючинцевъ три сорта рыбы: «Учулучъ» (похожа на сельдь), «кулеутъ» (похожа на кету) и «кычау». Послѣдній сортъ опредѣлить не могъ: величиною она въ поларшина, имѣетъ розоватое тѣло и очень нѣжна на вкусъ. Колючинцы ловятъ рыбу на материкѣ, на западной сторонѣ Колючинской губы, въ маленькой рѣчкѣ Кымынекъ, оставляя безъ вниманія большую рѣку Коменай, вѣроятно потому, что съ ихъ несложными приборами удобнѣе оперировать въ первой. На такое же явленіе я наткнулся въ дер. Опальхенъ, расположенной въ окрестностяхъ рѣки Амгуемы. Для ловли рыбы ея жители съ наступленіемъ лѣта выселяются къ рѣкѣ Тенкиргвыхъ.

Я не знаю, на сколько богаты рыбой, и какіе именно сорта идутъ въ такія большія рѣки, какъ Ванкарема, Амгуема и Верконъ, но разъ ея ходъ существуетъ по Колючинской губѣ съ одной стороны, и по Чаунской съ другой, она неминуемо должна заходить и въ эти рѣки.

На Шелагскомъ же полуостровѣ жители мнѣ разсказывали, что вдоль ихъ береговъ по направленію въ глубину бухты, рыба идетъ сплошной стѣной, и имъ ничего не стоитъ наловить ее какое угодно количество, если только не мѣшаютъ льды. Я могу себѣ представить, какъ великъ бываетъ ея ходъ въ рѣкахъ Чаунской губы и какъ ея вообще тамъ много, если тѣ нѣсколько ламутскихъ семей, что я видѣлъ осѣвшими по р. Чаунъ, не дѣлаютъ себѣ никакихъ запасовъ, и кромѣ обыкновеннаго крючка не имѣютъ другихъ приборовъ лова. А между тѣмъ рыба—единственный источникъ ихъ существованія, и они даже ухитряются снабжать ею кочевниковъ, обмѣнивая на оленье мясо. Зимою я видѣлъ на Чаунѣ гольца и нельму; какая рыба идетъ лѣтомъ, не могу сказать. Въ устьяхъ рѣкъ: Чауна, Тауепмемы, Большой Рѣки раньше были русскія или обрусѣвшихъ инородцевъ поселенія. И теперь видны слѣды ихъ построекъ, а на Большой Рѣкѣ онѣ даже хорошо сохранились. Тамъ же стоитъ много шалашей изъ плавника, очевидно, позднѣйшаго времени, служащихъ и въ настоящее время лѣтнимъ пріютомъ для кочевниковъ. Положеніе всѣхъ этихъ построекъ въ устьяхъ большихъ рѣкъ говоритъ за то, что раньше рыба тамъ промышлялась регулярно. Преданія о томъ времени, живутъ и по настоящее время среди окрестныхъ чукчей. Вотъ что я записалъ объ этомъ въ своемъ дневникѣ:

«По словамъ Анчима на устьяхъ Чауна и Тауенмема были «большія русскія поселенія. И теперь тамъ видны развалины «построекъ, которыя лучше сохранились на рѣкѣ Тауенмемѣ. Ихъ «жители промышляли рыбу, какъ теперь Колымскіе, ловили лисицъ, «песцовъ, охотились на гусей, утокъ, лебедей, которыхъ по тѣмъ «мѣстамъ было такъ много, что во время линки, охотники били ихъ «палками. Съ наступленіемъ зимы шелъ бойкій торгъ: туда наѣзжали «купцы изъ Колымы, а мѣстные обыватели, кромѣ той пушнины, «что добывали своимъ промысломъ, ѣхали въ тундру и намѣнивали «ее на чай и табакъ у кочевниковъ. Все это было давно, когда «онъ былъ еще маленькій и въ дальнюю дорогу не ѣздилъ, хотя «на его памяти (ему теперь лѣтъ 60). Но мельги-таньги (русскіе «или обрусѣлые инородцы, говорящіе русскимъ языкомъ) не пола- «дили изъ за чего то съ кочевниками, перестали ихъ принимать «у себя, давать подарки, и одинъ чукотскій родъ истребилъ почти «всѣхъ русскихъ поселенцевъ. Немногіе уцѣлѣвшіе выселились «въ Колыму. Потомъ, когда онъ подросъ и сталъ торговать самъ, «онъ встрѣчалъ въ Нижне-Колымскѣ одного—двухъ изъ старыхъ «жителей Чаунскаго побережья».

Нижне-Колымскій округъ—край рыбы и собакъ. Первая служитъ не только главнымъ пищевымъ продуктомъ всего населенія, но позволяетъ также выкармливать одинъ изъ главныхъ отпускныхъ товаровъ этой мѣстности—собакъ. Хотя населеніе самого Нижне- и Средне-Колымска съ заимками не велико, но нужно принять въ вниманіе, что Средне и Верхне-Колымскіе округа питаются также за счетъ рыбныхъ богатствъ этой огромной рѣки. Можно представить себѣ, какъ велико количество идущей по ней рыбы, если средній хозяинъ, держащій всего одну нарту собакъ съ молодняком, помимо сухого корму, долженъ заготовить для нихъ на годъ тысячъ 10—15 одной сельдятки (рыбы похожей на селедку). По Колымѣ уже нѣтъ кеты. Идетъ такъ называемая бѣлая рыба, главные сорта которой: нельма, омуль, муксунъ, чиръ и сельдятка. Ловятъ ее нижне-колымцы весной и лѣтомъ по протокамъ, верстахъ въ 100—150 отъ устьевъ, а на осень перекочевываютъ къ самому устью, гдѣ у нихъ для этой цѣли выстроена деревня Сухарная и нѣсколько заимокъ, въ другое время года пустующихъ. Зимой ловятъ подо льдомъ тѣми же волосяными сѣтями, и волосъ здѣсь также дорогъ и къ несчастью его также мало, какъ и по Анадырю. По крайней мѣрѣ, распредѣленіе волоса изъ правительственнаго склада было при мнѣ главной темой разговоровъ, и вопросъ о томъ, на чью

долю и сколько его достанется, являлся наиболѣе животрепещущимъ.

Заготовленіе рыбы въ прокъ здѣсь гораздо лучше, чѣмъ въ Анадырскомъ округѣ, да и сорта ея несомнѣнно выше и вкуснѣе кеты и горбуши. Прежде всего всю, или почти всю, рыбу осенняго и зимняго улова колымцы хранятъ свѣжей, въ чемъ помогаютъ имъ сильные и ранніе морозы, и ѣдятъ ее потомъ въ вареномъ, жареномъ, или сыромъ видѣ, подъ названіемъ строганины. Послѣднее блюдо приготовляется такъ, что сырую рыбу, подвергнутую предварительно дѣйствію хорошаго мороза, очищаютъ ножемъ отъ кожи и затѣмъ строгаютъ въ длину, начиная отъ головы, длинными, тонкими, кудрявыми стружками, которыя искусная хозяйка накладываетъ на тарелку живописной, бѣлорозоватой, очень аппетитной на видъ, горкой. Ѣдятъ съ прибавкою соли, если таковая имѣется подъ рукой, но Колымцы могутъ легко обходиться и безъ нея. Нужно отдать справедливость, что ихъ муксунъ, нельма и въ особенности омуль—такая нѣжная, такая деликатная на вкусъ рыба, что свѣжій человѣкъ, разъ преодолѣвшій первое предубѣжденіе, становится скоро горячимъ поклонникомъ строганины. Рыбій жиръ идетъ на освѣщеніе и замѣняетъ масло при приготовленіи нѣкоторыхъ блюдъ. Кожа и пузырь налима—колымское стекло въ окнахъ; икру они не отдаютъ на кормъ собакамъ, а изъ нея, съ добавленіемъ рыбы и жира, готовятъ очень питательный дорожный консервъ. Колымцы также солятъ, коптятъ брюшки, готовятъ юколу и для себя и для собакъ, но только для ѣды она у нихъ обязательно рѣзанная, а не состоитъ изъ невзрачной на видъ и не аппетитной пластины. Не видѣлъ я тутъ нигдѣ и не слышалъ про существованіе кислой рыбы. Вообще мнѣ кажется, что колымцы проявили больше искусства въ использованіи своихъ рыбныхъ богатствъ, чѣмъ анадырцы.

Морское звѣроловство.

Изъ морскихъ звѣрей этого края промышленное значеніе имѣютъ: китъ, моржъ, тюлень и бѣлуха.

С. Ледовитый океанъ служитъ родиной Гренландскаго кита и большинство убиваемыхъ въ водахъ этого края китовъ даютъ цѣнный усъ [1]). Лѣтомъ, когда ѣдешь на пароходѣ, ихъ красивые фонтаны

[1]) Какъ извѣстно не всѣ киты обладаютъ большимъ усомъ (до 4 саж. длины), какъ это наблюдается у Гренландскаго кита.

виднѣются часто на горизонтѣ; а жители поселковъ побережья С. Ледовитаго океана на вопросы о китахъ отвѣчаютъ, что каждое лѣто они держатся у нихъ на виду. Чѣмъ дальше къ западу, тѣмъ ихъ больше. Явленіе это станетъ вполнѣ понятнымъ, если принять во вниманіе 8—10 американскихъ китобойныхъ пароходовъ, что ежегодно отправлялись въ С. Ледовитый океанъ и охотились тамъ на полной свободѣ, не считаясь ни съ чьими территоріальными водами. Замѣчено, что всѣ ли, или часть, или наконецъ нѣкоторыя породы сѣвернаго кита, подобно перелетнымъ птицамъ, дѣлаютъ осеннія и весеннія передвиженія. Глубокой осенью, въ концѣ октября и въ началѣ ноября, когда бухты уже покрылись льдомъ, а къ открытымъ берегамъ океана то приноситъ, то уноситъ ледъ, киты черезъ Беринговъ проливъ уплываютъ изъ С. Ледовитаго океана, идя вдоль восточныхъ береговъ Чукотскаго полуострова. Возвращаются они той же дорогой въ концѣ апрѣля и въ маѣ мѣсяцахъ. Ихъ движеніе легко прослѣдить по свѣдѣніямъ тѣхъ селъ нашего побережья, гдѣ жители занимаются китовымъ промысломъ. Такихъ селъ немного: только айванскія селенія, да немогія изъ чукотскихъ имѣютъ для этого орудія и нужный опытъ. Можно сказать вообще, что онъ существуетъ, начиная отъ мыса Сердце-Камень и до Мечигинской губы, затѣмъ отъ мыса Чаплина и до мыса Беринга. Ко времени прохода китовъ, въ этихъ районахъ идутъ тщательныя приготовленія: чинятся, исправляются боты, спасти, весла, гарпуны; на каждый годный къ промыслу ботъ набираются команды изъ болѣе опытныхъ гребцовъ, рулевыхъ, гарпунщиковъ (предпочитаются понятно тѣ, кто плавалъ на китобойныхъ пароходахъ и имѣлъ предварительный опытъ). Уславливаются, какую часть добычи получитъ первая лодка, убившая кита, вторая и третья, пришедшія къ ней на помощь. А по прибрежнымъ скаламъ уже цѣлыми часами проспживаютъ подростки со зрительными трубами и биноклями (если они есть), а то просто пользуясь своимъ острымъ зрѣніемъ; не покажется ли гдѣ фонтанъ воды! Для охоты нужна также и соотвѣтствующая погода: небольшой вѣтеръ, позволяющій идти подъ парусомъ, такъ какъ китъ обладаетъ хорошимъ слухомъ, и малѣйшій стукъ можетъ вспугнуть его. Поэтому при штилѣ охотники употребляютъ особыя короткія весла, которыми гребутъ безъ уключинъ и потому безъ шума. Въ свѣжую погоду совсѣмъ не выходятъ въ море.

Киты у побережья заходятъ обыкновенно въ излюбленныя мѣста, которыя давно изучены жителями; въ этихъ именно мѣстахъ ихъ и караулятъ. Какъ только китъ показался, сейчасъ же всѣ лодки

спускаются на воду и плывутъ къ этому мѣсту, держась на довольно далекомъ разстояніи другъ отъ друга. Съ той лодки, около которой китъ выйдетъ, бьютъ его, остальныя идутъ на помощь. Мясо считается общимъ достояніемъ, усъ же дѣлится между первыми тремя лодками. Но убить кита, далеко еще не вся работа. Самое трудное—это прибуксировать его къ берегу. Ледъ или уже образовавшійся у береговъ, или еще не взломанный вешнимъ вѣтромъ, усложняетъ работу; а такъ какъ у чукчей, кромѣ собственной мускульной силы, нѣтъ никакихъ приспособленій, китъ же вѣситъ сотни пудовъ, то часто случается, что его теряютъ: непадежные канаты при сильномъ волненіи не выдерживаютъ, и китъ опускается на дно. Тогда ждутъ, не вынесетъ ли благодѣтельное море его куда-нибудь на косу, часто за нѣсколько десятковъ миль. Въ такомъ случаѣ нашедшіе воспользуются львиной долей добычи, но если поспѣть во время, то и убившимъ кое-что перепадетъ. Убить кита для владѣльца первой лодки значитъ пріобрѣсти состояніе, для остальныхъ охотниковъ — получить хорошія средства торговли, а для жителей цѣлой деревни—быть обезпеченными провизіей на годъ, потому что какъ-бы ни были плохи остальные промыслы, мяса, жира, кожи отъ убитаго кита хватитъ на долго. Можно представить себѣ его величину, если челюстныя кости доходятъ до 8 — 9 аршинъ длиною каждая, а ребро хорошаго кита до двухъ съ половиной, иногда до трехъ аршинъ. Китовое мясо считается самымъ вкуснымъ изъ всѣхъ морскихъ звѣрей, но особенно цѣнится кожа, въ одинъ дюймъ толщиною, черная, мягкая, эластичная, легко проницаемая, какъ бы сдѣланная изъ резины. Она съ небольшимъ слоемъ розоватаго жира служитъ однимъ изъ самыхъ лакомыхъ блюдъ чукчей.

Охоту на китовъ нужно развивать и поддерживать среди нашихъ инородцевъ, давъ для этого имъ средства, потому что своего промысла мы, русскіе люди, тутъ не имѣемъ, и нашимъ достояніемъ въ значительной мѣрѣ пополняется и безъ того тугой кошелекъ американцевъ. Каждую весну изъ Санъ-Франциско отправляются нѣсколько спеціальныхъ китобойныхъ пароходовъ: сначала въ воды Берингова моря, гдѣ они ожидаютъ хода китовъ, а потомъ слѣдуютъ за ними въ С. Ледовитый океанъ. Тамъ они курсируютъ вездѣ, и у Американскихъ береговъ, и у нашего Колючина, и у острова Врангеля. Проведя въ С. Ледовитомъ океанѣ лѣто и нагрузившись какъ слѣдуетъ, поздней осенью вслѣдъ за китами и китобои тянутъ въ болѣе теплыя воды, но случается временами, что и зимуютъ гдѣ-либо у сѣвернаго побережья Аляски или Канады.

Моржи, такъ же какъ и киты на зиму уплываютъ изъ С. Ледовитаго океана и сѣверныхъ широтъ Берингова моря; по крайней мѣрѣ въ это время ихъ у береговъ Чукотскаго полуострова не видно, и промысла на нихъ не существуетъ. Но какъ только потянетъ первымъ тепломъ, и у краевъ материковаго льда появятся туманы, моржи вмѣстѣ съ китами являются вѣстниками весны. Идутъ они всегда стадами, и гдѣ появился одинъ, тамъ надо всегда ожидать нѣсколько другихъ. Обыкновенный способъ охоты на моржей съ винчестерами; только охотники стараются попасть ему не въ голову, а въ спину, такъ какъ моржъ, убитый на повалъ, скоро тонетъ, и лодка не всегда успѣваетъ подойти къ нему и взять на уколъ, что дѣлается такъ: раненное животное начинаетъ нырять, выходя часто на поверхность перевести дыханіе; въ это время лодка съ охотниками слѣдитъ за движеніями звѣря и старается подойти такъ близко, чтобы, когда моржъ снова покажется наружу, вонзить въ него уколъ, къ соскакивающему наконечнику котораго прикрѣпленъ ремень. То искусство, съ которымъ слѣдятъ за раненымъ животнымъ, всегда возбуждало мое удивленіе: казалось бы, что разъ звѣрь нырнулъ и скрылся съ поверхности, опредѣлить слѣдующее мѣсто его появленія почти невозможно. Но это нисколько не затруднительно для чукчи! Очевидно подъ водой моржъ имѣетъ свои законы движенія, потому что вслѣдъ за удачной пулей, байдара, руководимая опытнымъ рулевымъ, который обыкновенно не стрѣляетъ, быстро и увѣренно направляется къ опредѣленному мѣсту и ожидаетъ, пока звѣрь не покажется снова, и какъ только онъ показывается на поверхность воды, его колятъ. Разъ гарпунъ вонзился въ тѣло, ремень быстро распускается, и моржъ буксируетъ лодку до полнаго своего истощенія и смерти. Иногда, если лодка слаба, или показываются вблизи еще моржи, къ ремню прикрѣпляютъ одинъ—два бурдюка изъ цѣльно-снятой нерпичьей кожи, надутой воздухомъ. Тогда вся эта снасть выбрасывается за бортъ, и бурдюки не позволяютъ звѣрю ни далеко уйти, ни утонуть.

Но случается, что въ данной округѣ вдругъ появятся большія стада моржей. Тогда старики поселковъ запрещаютъ стрѣльбу изъ ружей, чтобы не отпугнуть ихъ отъ того мѣста, гдѣ они появились, и вся охота ведется исключительно уколомъ. Первый ударъ предназначается только для того, чтобы зацѣпить животное хотя бы даже неглубоко. Прикрѣпленный на длинномъ ремнѣ къ лодкѣ или къ бурдюкамъ застрявшимъ въ тѣлѣ гарпунчикомъ, моржъ скоро утомляется, и тутъ его добиваютъ.

Въ теплую солнечную погоду моржи любятъ поспать на солнцѣ, взбираясь весною на плавающія льдины, а лѣтомъ на прибрежныя скалы. Обыкновенно, по побережью у нихъ есть нѣсколько излюбленныхъ мѣстъ, которыя жители данной мѣстности великолѣпно знаютъ. Замѣтивъ издали массивныя неуклюжія туши моржей, нѣжащихся на солнцепекѣ, охотники тихо подплываютъ къ нимъ, и скрадываютъ и убиваютъ столько, сколько бываютъ въ состояніи, стараясь первымъ долгомъ отрѣзать стадо отъ сообщенія съ водою.

Моржи держатся лѣтомъ у всего нашего побережья. Ихъ присутствіе я прослѣдилъ отъ залива Св. Креста до самой Чаунской губы, хотя чаунцы мнѣ разсказывали, что имъ приходится ѣздить на промыселъ моржей куда-то далеко. Въ Нижне-Колымскомъ округѣ я не слыхалъ, чтобы добывали моржей, но колымцы вообще не мореходы и все лѣто заняты ловлей рыбы. Моржъ—необходимое въ чукотскомъ обиходѣ животное: его мясо, его бѣлый, похожій на свиной, но только гораздо болѣе твердый, жиръ, идутъ въ пищу; безъ его толстой, расщепленный ножами на двѣ части, кожи жители не имѣли бы лодокъ, пола въ ярангахъ; его клыки идутъ на мелкія подѣлки и охотно покупаются шхунами и всѣми вообще мѣстными торговцами.

Бѣлуха тоже принадлежитъ къ кочующимъ животнымъ нашихъ сѣверныхъ водъ, но особеннаго значенія въ жизни края не имѣетъ, такъ какъ на нее нѣтъ спеціальнаго промысла. Охотникъ конечно не замедлитъ пустить пулю, если увидитъ ея черный хребетъ вблизи лодки, но попасть въ бѣлуху бываетъ трудно, такъ какъ этотъ звѣрь показывается надъ водою только для того, чтобы выпустить тяжелое со стономъ дыханіе и красивымъ плавнымъ изгибомъ снова погрузить свое массивное тѣло въ воду. Бѣлухи всегда слѣдуютъ за ходомъ рыбы, и въ устьяхъ такихъ большихъ рѣкъ, какъ Анадырь, ночами часто на далекое разстояніе слышатся ихъ глухіе вздохи. А когда бухты станутъ замерзать, небольшія стада бѣлухи циркулируютъ у краевъ льда, соблазняя своей близостью караулящаго нерпъ охотника. Съ наступленіемъ настоящей зимы онѣ исчезаютъ, уплывая въ болѣе теплыя мѣста. Мясо ихъ тоже идетъ въ пищу, какъ и всякаго вообще добытаго здѣсь звѣря.

Тюлень—мѣстный звѣрь, звѣрь здѣшнихъ водъ, проводящій въ нихъ всю свою жизнь. Въ просторѣчіи, на всемъ нашемъ сѣверовостокѣ болѣе мелкую его породу называютъ «нерпой», болѣе крупную — «лахтакомъ». Нерпа встрѣчается гораздо чаще, чѣмъ

лахтакъ, и промыселъ на нее служитъ основою жизни берегового населенія отъ рѣкъ Анадыря и Колымы къ востоку. Какъ звѣри, питающіеся рыбой, нерпы всюду слѣдуютъ за нею, и когда въ рѣкахъ начинается ходъ рыбы, въ устьяхъ ихъ появляются цѣлыя стада нерпъ. Повсюду, то тамъ, то сямъ, выскакиваютъ изъ воды любопытныя, подслѣповатыя обезьяньи мордочки, высунувшіяся подышать свѣжимъ воздухомъ, чтобы сдѣлавъ прыжокъ и взбуравивъ воду, снова погрузиться въ родную стихію. По осени, когда изъ океана принесетъ льды, нерпы перекочевываютъ на ледяныя поля. Тутъ имъ полное раздолье: на льдинахъ снизу намерзаетъ мелкая рыбешка, слѣдовательно есть готовая пища, а въ перерывахъ между этимъ занятіемъ, пуская въ ходъ неуклюжіе съ виду ласты, могутъ выползти на бѣлую поверхность льда, ползать, поспать, покупаться въ лучахъ негорячаго солнца, будучи вполнѣ увѣреннымъ, что, за исключеніемъ рѣдкаго охотника, никто не потревожитъ ихъ лѣнивой нѣги. Въ бухтахъ къ этому времени большая часть поверхности воды уже подернулась тонкимъ синимъ непрозрачнымъ льдомъ, но по мѣстамъ остались еще полыньи, да на устьяхъ неспокойная океанская волна не поддается крѣпкому морозу. Нерпа любитъ такія сочетанія воды и льда; очевидно и пищи здѣсь много, да пора уже заботиться и о зимнемъ сообщеніи съ воздухомъ. Но она знаетъ, что здѣсь-то и ждетъ ее наибольшая опасность: на самомъ краѣ тонкаго, зыбучаго, поднимаемаго волнами, ледяного помоста сидятъ бурыя фигурки съ ружьемъ на подсошкѣ, а то просто съ уколомъ. И нерпа тутъ осторожна: развѣ очень молодая, еще не пуганная, высунется въ пяти—десяти шагахъ отъ такой подозрительной фигуры и уставится на охотника глупыми, немигающими глазами. Тѣ же, надъ головой которыхъ хоть разъ свиспула пуля, становятся «лукавы», по мѣстно русско-инородческой терминологіи. И я самъ наблюдалъ нѣсколько случаевъ, когда такія «лукавыя» нерпы, прижавшись къ свѣжему тонкому льду, не выдерживающему еще никакой тяжести, высовывали наружу не всю голову, которая представляетъ хорошую цѣль, а только самый кончикъ носа.

Но вотъ морозъ скоро начнетъ съ каждымъ днемъ отвоевывать у моря все больше и больше пространства, выпадетъ снѣгъ, и нерпѣ предстоитъ новая работа: ей нужно держаться у береговъ, въ мѣстахъ гдѣ водится ея пища, кромѣ того ей нужно также дышать воздухомъ, отдѣленнымъ отъ нея ледянымъ покровомъ. Теплотою своего дыханія она протапваетъ отверстія во льду, которыя заботливо

поддерживаетъ, и въ то время какъ холодъ все болѣе и болѣе удаляетъ открытую воду отъ берега, нерпа работаетъ въ обратномъ направленіи и рядомъ отверстій идетъ къ берегу. Скоро снѣгъ прикроетъ сдѣланныя нерпою отверстія, она устроитъ въ немъ гнѣзда, какъ разъ надъ отверстіемъ, чтобы поспать въ перерывахъ зимней охоты, вывести дѣтенышей и быть въ то же время въ постоянномъ сообщеніи съ моремъ. Эти снѣжныя гнѣзда устраиваются такъ искусно, что никакой опытный глазъ ихъ не различитъ; одинъ только собачій носъ можетъ ихъ учуять и тогда нерпѣ ничего не остается дѣлать, какъ бултыхнуться въ воду и никогда больше сюда не возвращаться, потому что, въ большинствѣ случаевъ ее здѣсь будетъ караулить сѣть. Зимою работа нерпъ не производитъ впечатлѣнія, потому что не замѣтна, но по веснѣ, когда снѣгъ обтаетъ, и на зеленоватомъ полѣ льда сдѣлаются рельефными темныя пятна отверстій, тогда можно себѣ представить, сколько труда было затрачено, чтобы продуть ихъ и постоянно поддерживать при сильномъ морозѣ. Весной, когда въ солнечный день проѣзжаешь по бухтамъ, тамъ и сямъ виднѣются черныя продолговатыя туловища: это нерпы вышли понѣжиться на припекѣ. Онѣ не очень пугливы и шаговъ на 150 пускаютъ свободно, даже если не спятъ, но держатся постоянно на готовѣ и лежатъ не иначе какъ головою надъ отверстіемъ. Не обладая очень хорошимъ зрѣніемъ и слухомъ, онѣ имѣютъ чуткое обоняніе, и охотники подкрадываются къ нимъ не иначе какъ противъ вѣтра.

Лѣтомъ, когда бухты очистятся совершенно отъ льда, промысла на нерпъ почти не существуетъ, такъ какъ и бить ее съ лодки трудно, и она тогда не такая жирная какъ зимой, и поэтому скоро тонетъ, иногда тотчасъ же за выстрѣломъ. Съ осени же, когда съ первыми морозами на нерпѣ отлагается масса подкожнаго жиру, начинается и охота. Вплоть до самой весны охотники выходятъ или выѣзжаютъ къ краю льда, садятся у него, ставятъ передъ собою на подсошки винчестеръ и ожидаютъ, не покажется ли гдѣ-нибудь невдалекѣ голова нерпы. Хорошо направленная пуля приканчиваетъ звѣря, но благодаря 2-хъ вершковому жиру туша держится на водѣ долгое время. Охотникъ, не торопясь, распускаетъ тонкій ремень, къ концу котораго привязанъ деревянный, въ $^1/_4$ арш. длины поплавокъ, съ вбитыми въ него хорошо отточенными желѣзными крючками. Стараясь перебросить черезъ плавающій трупъ этотъ приборъ, напоминающій обыкновенную кошку, охотникъ начинаетъ осторожно тащить его къ себѣ пока одинъ изъ крючковъ не зацѣпитъ за тѣло звѣря.

По С. Ледовитому океану, у Сѣвернаго мыса и дальше къ Чаунской губѣ, гдѣ патроны и ружья встрѣчаются не такъ часто, и вслѣдствіе этого звѣря больше, еще сохранился старый способъ охоты уколомъ: охотникъ стоитъ у конца льдины и ожидаетъ, не выплыветъ ли вблизи нерпа. Какъ только покажется звѣрь изъ воды, онъ мечетъ въ него уколъ, или, если нерпа выплыветъ очень близко, прямо колетъ копьемъ. Наконечникъ послѣдняго устроенъ такъ, что сейчасъ же по ударѣ соскакиваетъ и застреваетъ въ тѣлѣ; черезъ середину же наконечника идетъ тонкій длинный ремень, противоположный конецъ котораго находится въ рукахъ у охотника. Раненый звѣрь сейчасъ же ныряетъ, но тонкая нить ремня повсюду слѣдуетъ за нимъ, и минуты звѣря сочтены.

Къ способамъ зимней охоты принадлежитъ ловля нерпъ сѣтями. Сѣть вяжется изъ тонкаго ремня, нарѣзаннаго изъ выдѣланной нерпичьей кожи. Въ растянутомъ состояніи, сѣть представляетъ изъ себя трехсторонній мѣшокъ, сходящій къ низу; стороны ея у основанія аршина по 3 длиною каждая и такая же ихъ высота, словомъ получается равносторонняя пирамида, съ камнемъ внизу для отвѣса. Для охоты съ сѣтью надо предварительно найти одно изъ отверстій, продѣланныхъ нерпой во льду. У промышленника на этотъ случай имѣются 1 — 2 пса съ хорошимъ обоняніемъ. Закладывая свою легкую нарту онъ ставитъ этихъ собакъ передовыми и выѣзжаетъ на взморье, на то мѣсто, гдѣ онъ знаетъ, что должны быть отдушины. Передовые псы идутъ послушные его голосу до тѣхъ поръ, пока не «хватятъ духъ», не почуятъ звѣря. Въ послѣднемъ случаѣ никакія увѣщеванія на нихъ не дѣйствуютъ, и они летятъ прямо къ мѣсту, гдѣ учуютъ нерпу, которая, понятно, уходитъ, но охотнику и не нужно ея сейчасъ. Онъ расчищаетъ снѣгъ, рубитъ необходимыя отверстія для укрѣпленія сѣти, опускаетъ ее въ отдушину, ремнями, пропущенными черезъ ледъ въ трехъ мѣстахъ, расправляетъ ее подо льдомъ на такой глубинѣ, чтобы дать звѣрю вполнѣ свободный выходъ наружу. Нерпа, подплывая къ отдушинѣ въ спокойномъ состояніи сбоку, легко обходитъ сѣть; но когда ей потомъ приходится со льда нырять въ воду, она неминуемо принимаетъ вертикальное внизъ направленіе и попадаетъ въ ловушку. Ячеи сѣти вершковъ по 6 въ квадратѣ, такъ что голова и передніе ласты свободно въ нихъ проходятъ, но дальше звѣрь застреваетъ, начинаетъ биться и путаться еще больше, пока не замучится на смерть. Сѣти осматриваются черезъ день—два и не переста-

вляются непремѣнно послѣ удачнаго лова, такъ какъ нерпы не имѣютъ своихъ опредѣленныхъ отдушинъ, и гдѣ вошла одна, тамъ могутъ выйти за ней нѣсколько. Такой способъ лова я встрѣтилъ по С. Ледовитому океану; въ Беринговомъ же морѣ мнѣ пришлось видѣть другого рода сѣти, ставящіяся совсѣмъ близко отъ берега, именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ жители обыкновенно ловятъ на блесну мелкую рыбешку—родъ бычка. Сѣти плетутся ровной полосой, аршинъ 10 длиною и 3—4 шириною; одна изъ сторонъ оттягивается грузилами, другая держится на поплавкахъ. На длинномъ, безконечномъ ремнѣ, пропущенномъ черезъ двѣ проруби, сѣть устанавливается подо льдомъ, а для осмотра ее вытаскиваютъ на томъ же ремнѣ черезъ одну изъ прорубей. Нерпа, въ погонѣ за рыбой, случайно наталкивается на разставленную сѣть и запутывается. Къ весеннимъ охотамъ относится подкрадываніе къ нерпѣ, когда она грѣется на вешнемъ солнцѣ. Въ это время, разнѣженная теплом, нерпа иногда засыпаетъ такъ крѣпко, что охотнику удается не только подкрасться на близкій выстрѣлъ, но даже просто убить животное прикладомъ.

Все сказанное по отношенію къ нерпѣ, относится и къ лахтакамъ, только послѣдніе вдвое крупнѣе и встрѣчаются гораздо рѣже первыхъ. Оба эти животныя незамѣнимы для чукотскаго берегового обихода. Ихъ жиромъ отопляютъ и освѣщаютъ іорангу, мясо — главное блюдо чукотскаго стола, ласты — лакомство, кожа, въ разнообразныхъ выдѣлкахъ, идетъ на приготовленіе обуви и шароваръ и на мелкія подѣлки женскаго туалета; изъ нея кроятъ ремни, плетутъ сѣти; наконецъ она составляетъ одинъ изъ главныхъ отпускныхъ товаровъ Чукотскаго полуострова.

Пушные звѣри.

Бѣлый медвѣдь — постоянный житель побережья С. Ледовитаго океана, и по своимъ привычкамъ можетъ быть скорѣе отнесенъ къ морскимъ, чѣмъ къ сухопутнымъ животнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, на землю онъ попадаетъ случайно, когда его занесутъ туда льдины, и ему поневолѣ приходится выходить на сушу. Обыкновенно же всю свою жизнь онъ проводитъ въ водѣ, на льдинахъ, питаясь рыбой, промышляя нерпу и моржа. Иногда въ пустынномъ мѣстѣ, въ большихъ сугробахъ снѣга подъ крутымъ берегомъ, онъ подобно своему бурому собрату дѣлаетъ для себя берлогу. Я встрѣтилъ одну

такую берлогу невдалекѣ отъ Большого Баранова мыса; но это бываетъ рѣдко; обыкновенное же его пристанище—плавающіе или вмерзшіе въ общее береговое поле ледяные холмы. Составленные изъ множества мелкихъ льдинъ, нагроможденныхъ другъ на друга въ самомъ хаотическомъ безпорядкѣ, спаянные морозомъ въ одну массу, покрытые снѣгомъ, ледяные холмы содержатъ такъ много пещеръ, пещерокъ, закоулковъ, что угрюмому животному не приходится долго ломать голову и затрачивать силы на устройство себѣ временнаго жилья. Весну и лѣто медвѣди совсѣмъ не бываютъ видны у береговъ. Съ первыми отломавшимися отъ берега льдинами медвѣди уплываютъ въ океанъ и путешествуютъ тамъ себѣ на свободѣ, не считаясь ни съ какой опасностью. Но вотъ, когда небо снова нахмурится, а пронзительный сѣверный вѣтеръ погонитъ ихъ природные корабли къ берегамъ, имъ приходится подумывать и о безопасности шкуры. Пока море не замерзло на десятки миль, опасность еще не очень велика: бѣлый медвѣдь плаваетъ и ныряетъ, какъ нерпа, а разъ добрался до воды — онъ пропалъ для охотника. Гораздо хуже слагаются обстоятельства глубокой зимой. Обходя мысы, отыскивая новыя мѣста для поживы, медвѣди бродятъ по сплошному ледяному полю, а тутъ нѣтъ-нѣтъ, да и проѣдетъ человѣкъ, или за промысломъ нерпы, или въ расчетѣ, не почуютъ ли его собаки бѣлую шкуру, и разъ вдали тявкнула собака, медвѣдь понимаетъ, что его дѣла обстоятъ плохо: до воды далеко, а въ скачкахъ онъ никогда не тренировался. Однако, не теряя драгоцѣннаго времени, онъ прячетъ всю свою сановитость и пускается на утекъ. Но и псы, въ какомъ бы состояніи они не были, какъ бы ихъ не одолѣвалъ голодъ, усталость, непосильная работа, забываютъ все въ охотничьемъ экстазѣ; забываютъ упряжь, нарту, хозяина, его приказанія; они видятъ только одну цѣль впереди: настичь быстро уходящаго звѣря. Съ легкимъ «аханьемъ» они сворачиваютъ на него и летятъ такъ быстро, что замираетъ духъ. Но упряжь стѣсняетъ ихъ, нарта давитъ на плечи, по пути же то и дѣло попадаются кокорья льда, ямы въ снѣгу, трещины, провалы. Нарта какъ перо летитъ съ ухаба на ухабъ; ея обладатель почти не садится, онъ то выдергиваетъ ее изъ ямы, то поддерживаетъ на раскатѣ, то отводитъ отъ остраго кокора. Звѣрь напрягаетъ всѣ силы; онъ чувствуетъ, что это его послѣдняя борьба за жизнь; вся его фигура говоритъ: только бы до воды! Одинъ моментъ, двѣ лямки отстегнуты отъ общаго потяга, двѣ собаки, почуявъ свободу, быстро уносятся впередъ и настигаютъ медвѣдя. Что могутъ сдѣлать двѣ собаки ему—

царю ледяной пустыни? Онѣ безсильны! Но онѣ заставляютъ страдать его самолюбіе, предательски хватая за заднія ноги, заскакивая сбоку, мелькая передъ носомъ.... И звѣрь останавливается. Замѣтивъ его грозную осанку, надоѣдливые псы немедленно проникаются уваженіемъ и отпрыгиваютъ на почтительную дистанцію. Онъ снова свободенъ. Путь къ водѣ открытъ. Но стоитъ ему выказать малѣйшее малодушіе, и псы снова висятъ на немъ. Медвѣдь свирѣпѣетъ, пытаясь то уйти отъ псовъ, то отогнать ихъ. А слѣдующая за передовыми псами нарта, все приближается, и ея передовыя собаки также вцѣпляются въ медвѣдя. Потерявшій голову звѣрь сосредоточиваетъ всю ярость на этихъ надоѣдливыхъ животныхъ, только заботится поймать одну изъ собакъ, и если это ему удается, онъ ударомъ лапы отводитъ свою душу. Но охотникъ уже стоитъ съ винчестеромъ на готовѣ и, стрѣляя прямо въ голову, укладываетъ медвѣдя одной пулей.

Особенно не любятъ зимою бѣлые медвѣди южнаго вѣтра. Въ эту пору они имѣютъ обыкновеніе спускаться въ Берингово море, и какъ только завернетъ теплая сырая погодка, съ мокрой снѣжной пылью, медвѣди поворачиваются къ вѣтру спиной и маршируютъ прямо черезъ материкъ по направленію къ болѣе прохладнымъ мѣстамъ. Въ такія то погоды ихъ больше всего и караулятъ жители восточнаго и южнаго береговъ Чукотскаго полуострова. Впрочемъ, далеко къ югу они не забираются, и уже на устьѣ рѣки Анадыря бѣлый медвѣдь большая рѣдкость. По побережью же С. Ледовитаго океана я ихъ прослѣдилъ до самой Колымы.

Медвѣди бурые и черные—лишь случайные гости тундровыхъ и гористыхъ пространствъ Чукотскаго полуострова. Ихъ настоящее обиталище—истоки рѣкъ Колымскаго и Анадырскаго бассейна, гдѣ начинается лѣсная поросль, но лѣтомъ они встрѣчаются и въ тундрѣ. Осенью 1906 года два такихъ медвѣдя были убиты даже въ окрестности бухты Провидѣнія.

Далѣе идутъ песцы, представляющіе разновидность лисицы; они водятся на всемъ сѣверо-востокѣ Азіи. Шкура ихъ зимой бѣлая, лѣтомъ сѣро-грязноватая. Я ихъ встрѣчалъ какъ на Чукотскомъ полуостровѣ по побережью, такъ и внутри материка по рѣкамъ Колымѣ и Анадырю. Это неприхотливое животное съ пушистымъ дорогимъ мѣхомъ можетъ примѣняться ко всякимъ условіямъ, питаясь въ лѣсу птицами, въ тундрѣ—мелкими грызунами, по берегу океана—дарами моря: ракушками, выброшенной мертвой рыбой и звѣрями. Песцовый промыселъ составляетъ существенную поддержку насе-

ленія; онъ очень не сложенъ: песцовъ стрѣляютъ изъ ружей, но больше ловятъ капканами и пастями. Прибрежныя чукчи лѣтомъ, когда у нихъ много мяса, зарываютъ часть добычи гдѣ-нибудь на уединенной косѣ; песцы не тронутъ ее въ эту пору, потому что раковины, яицы и молодякъ водяной птицы даютъ имъ и безъ того обильную пищу. Но когда морозъ скуетъ побережье, и на немъ останутся одни рѣдкіе вороны, гнѣздящіеся по разщелинамъ такихъ же черныхъ утесовъ, тогда песцы приходятъ на приманку сначала осторожно, боязливо изслѣдуя каждый шагъ, а потомъ болѣе смѣло. А тутъ уже ихъ ждетъ капканъ съ кусочкомъ мяса, искусно припорошенный сверху снѣгомъ. Въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ, гдѣ дерево не является цѣнностью,— въ Анадырскомъ и Колымскомъ районахъ для ловли песцовъ устраиваютъ т. н. пасти. Пасть представляетъ собою длинный, аршинъ 5 въ длину, ящикъ изъ бревенъ, три стѣны котораго, въ $^3/_4$ аршина высотой, укрѣплены прочно; верхняя же крышка, состоящая изъ одного толстаго или двухъ скрѣпленныхъ между собою бревенъ, можетъ свободно проваливаться въ него. Одинъ конецъ такой крышки лежитъ на днѣ ящика, а противоположный поднятъ вверхъ и поддерживается немудрымъ приспособленіемъ, такъ чтобы лисица или песецъ могли въ него влѣзть. Внутри положено мясо, привязанное къ приподнятой крышкѣ. Какъ только звѣрь войдетъ и потянетъ приманку, приподнятый конецъ крышки падаетъ и душитъ его своею тяжестью.

Лисицъ красныхъ на Чукотскомъ полуостровѣ гораздо меньше, чѣмъ песцовъ. Онѣ держатся ближе къ лѣсистой области, въ бассейнахъ рѣкъ Колымы и Анадыря. Тамъ же водится болѣе дорогая порода голубыхъ лисицъ и изрѣдка попадаются чернобурыя. Ловятся они также, какъ и песцы.

Волки — постоянные спутники стадъ какъ домашнихъ, такъ и дикихъ оленей. Поэтому съ тѣхъ поръ, какъ восточная часть Чукотскаго полуострова опустѣла отъ падежей и отъ того, что оленеводы частью откочевали, и волки стали тамъ рѣдки. Но ихъ много еще дальше на западъ, гдѣ они причиняютъ большіе уроны оленеводству, и странно, что жители не ведутъ съ ними систематической борьбы. Развѣ изрѣдка и случайно подвернется волкъ подъ пулю, и только ламуты — эти неутомимые охотники, не щадящіе ничего живого, еще промышляютъ ихъ въ изрядномъ количествѣ.

Россомахъ я встрѣчалъ отъ губы Чаунской до залива Св. Креста. Онѣ водятся какъ на тундрѣ, такъ и по лѣсамъ, при чемъ тундровая россомаха цѣнится жителями выше, такъ

какъ ея мѣхъ пушистѣй и не вытертъ о деревья. Ихъ шкурки въ большомъ спросѣ не только у нашихъ, но и у американскихъ инородцевъ: онѣ идутъ на оторочку платьевъ; поэтому ихъ мѣхъ жесткій, разноцвѣтный и непривлекательный съ точки зрѣнія европейца, никогда здѣсь не падаетъ въ цѣнѣ.

Выдръ въ этомъ краѣ немного, и онѣ попадаются только въ западной части по большимъ рѣкамъ. Самъ я видѣлъ всего одну выдру на рѣкѣ Анадырѣ.

Горностаи есть какъ въ гористыхъ мѣстностяхъ Чукотскаго полуострова, такъ и въ лѣсахъ. Но первые мелки, покупаются неохотно и не составляютъ существеннаго промысла жителей, тогда какъ по Колымѣ и Анадырю на нихъ много охотятся.

Бѣлки добывается очень много въ лѣсистыхъ мѣстахъ, и она составляетъ одинъ изъ главныхъ мѣховыхъ товаровъ Маркова и Нижне-Колымска. Охотятся на нее главнымъ образомъ ламуты — самые подвижные, мнѣ думается, изъ всѣхъ бродячихъ инородцевъ.

Зайцы водятся повсемѣстно, но ихъ больше по берегу С. Ледовитаго, чѣмъ Великаго океана. Колымскіе и анадырскіе жители стрѣляютъ ихъ изъ ружей, ловятъ капканами, силками. Ихъ нѣжно-бѣлый, пушистый, очень красивый мѣхъ идетъ только для домашней одежды и почему то не имѣетъ сбыта на внѣшнемъ рынкѣ, можетъ быть благодаря непрочности.

Горные бараны рѣдки на востокѣ Чукотскаго полуострова, хотя зимой 1907 года я видѣлъ одного, убитаго невдалекѣ отъ мыса Сердце Камень. Но горы западнѣе, особенно отъ линіи Чаунская губа — устье рѣки Анадыря, полны ими. Тутъ инородцы систематически охотятся на нихъ, исключительно почти ради мяса, такъ какъ ихъ длинный, жесткій, густой и очень непрочный мѣхъ не идетъ ни на какія подѣлки, кромѣ подстилки для спанья.

Существуетъ очень распространенное мнѣніе, что стада дикихъ оленей съ наступленіемъ осени идутъ отъ береговъ С. Ледовитаго океана на югъ къ побережью Великаго, а весною возвращаются обратно, спасаясь отъ комаровъ, оводовъ и прочихъ прелестей болѣе южной тундры. Я знаю, что марковцами, при сліяніи рѣки Майнъ съ Анадыремъ даже выстроена особая заимка изъ 8 поваренъ, спеціально для охоты на это животное. Они спускаются туда по веснѣ на легкихъ челнахъ (вѣткахъ) и караулятъ стада дикаго оленя, который въ этомъ мѣстѣ имѣетъ свой излюбленный ходъ.

Насколько справедливо это мнѣніе, и насколько можно сдѣлать общіе выводы о жизни животнаго по наблюденію въ одномъ мѣстѣ, я представляю рѣшать самому читателю, но у меня имѣется нѣсколько фактовъ, которыхъ никакъ нельзя подогнать подъ вышеуказанное мнѣніе. Прежде всего, никѣмъ не доказано, что насѣкомыя сѣверной тундры сколько-нибудь сноснѣе чѣмъ южной. Ихъ, мнѣ думается, одинаково много какъ въ Нижне-Колымскѣ' Марковѣ, такъ и около поста Ново-Маріинскаго, и олени одинаково отъ нихъ страдаютъ какъ на побережьѣ С. Ледовитаго океана, такъ и Великаго. По крайней мѣрѣ по всему краю олени имѣютъ тѣхъ же подкожныхъ и горлоныхъ личинокъ. Далѣе, лѣтомъ, когда олени должны быть на сѣверѣ, мой казакъ убилъ двухъ у бухты Провидѣнія, а въ маѣ мѣсяцѣ, еще далеко до наступленія теплаго времени, я видѣлъ дикихъ оленей у Чаунской губы. Что ихъ много въ бассейнѣ рѣки Анадыря, что они тамъ совершаютъ мѣстныя передвиженія, переходя рѣку и по льду, и вплавь, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Третьяго апрѣля, именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ ихъ всегда караулятъ марковцы, т. е. около устьевъ рѣкъ Майны и Бѣлой, я встрѣтилъ въ одинъ день четыре стада; но у меня есть нѣкоторыя данныя полагать, что если дикій олень и совершаетъ регулярныя передвиженія, то къ зимѣ во внутреннія пространства тундры, а лѣтомъ въ прибрежныя, безразлично какого океана, гдѣ спасается отъ насѣкомыхъ на обдуваемыхъ вѣтромъ мѣстахъ. Дикій олень — очень полезное животное, и промыселъ на него мѣстами даетъ очень существенную поддержку населенію. Жалко только, что его истребляютъ, не считаясь съ законами размноженія. Охотятся на него во всѣ времена года; а если по веснѣ охотники на легкихъ вѣткахъ ворвутся въ переправляющееся черезъ рѣку стадо, то колятъ оленей направо, налѣво, не принимая во вниманіе ни своей потребности, ни того, что станется съ молодняком, лишеннымъ матокъ. Другое зло у дикаго оленя—это волки, къ борьбѣ съ которыми жители относятся очень пассивно. Дикій олень отличается отъ домашняго только тѣмъ, что крупнѣе послѣдняго; его мясо, хотя естественно менѣе жирное, одинаково вкусно, а шкура находитъ такое же примѣненіе:

Птицы.

Птицами, имѣющими для края промышленное значеніе, являются: гуси, лебеди, журавли, утки и сѣверныя куропатки.

Отъ залива Св. Креста къ востоку гусей немного. Мѣстность тутъ гористая, тундровыхъ рѣкъ мало, и потому весною изрѣдка только пролетитъ стадо гуменниковъ или чернаго гуся, зато въ равнинахъ Анадырскаго бассейна и, какъ разсказываютъ, по Чауну и Колымѣ ихъ такъ много, что жители набиваютъ значительные запасы, заготовляя въ прокъ. Здѣсь къ названнымъ двумъ породамъ присоединяется еще двѣ, такъ называемыя: казарки и имперскій гусь. При весеннемъ летѣ, гдѣ-либо на пустынной рѣчкѣ, за 2—3 часа хорошій охотникъ можетъ убить штукъ 30 гусей; но охота съ ружьемъ особенно на сѣверѣ не очень распространена, потому что какъ ружья, такъ и аммуниція доходятъ туда съ большимъ трудомъ, и жители предпочитаютъ бить гусей во время линки. На озерѣ, или на протокѣ рѣки на легкихъ вѣткахъ загоняютъ птицу, лишенную возможности летать, въ одинъ уголъ, прижимаютъ ее къ берегу, гдѣ тоже стоятъ люди, и затѣмъ бьютъ ее палками.

Изъ промысловой птицы первыми являются по веснѣ лебеди. Ихъ даже въ этихъ краяхъ не очень много; и не такъ много, чтобы дѣлать запасы, хотя мѣстами имѣется сравнительно хорошій летъ. Съ убитой птицы ощипываютъ одни перья, затѣмъ снимаютъ цѣликомъ кожу, которая, покрытая бѣлымъ нѣжнымъ пухомъ, имѣетъ хорошую цѣну на внѣшнемъ рынкѣ.

Журавли держатся въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ гуси и лебеди, т. е. на ровной тундрѣ. Иногда они собираются въ очень большія стада.

Утокъ всевозможныхъ породъ, начиная отъ мелкихъ каменушекъ и савокъ до крупныхъ гагъ, большое количество повсемѣстно, но особенно много по заливамъ и бухтамъ восточной части Чукотскаго полуострова и по берегу С. Ледовитаго океана. Весною прилетаютъ такія большія стада этихъ птицъ, что чукчи для ловли употребляютъ слѣдующій несложный приборъ: шесть-семь ремешковъ по аршину длиною связываются на одномъ концѣ съ пучкомъ перьевъ въ общій узелъ, а на противоположные ихъ концы навязываются небольшіе шарики-отвѣсы изъ камня или кости. Вооруженный такимъ снарядомъ (еплякатъ), чукча садится гдѣ-нибудь на косѣ, поджидая летящее стадо. Какъ только утки поровняются съ нимъ, онъ ловко пускаетъ въ нихъ свою снасть, при чемъ искусство состоитъ въ томъ, чтобы отвѣсы не летѣли кучею а разбрасывались отдѣльными шариками. Какъ только одинъ изъ ремешковъ коснется утки и будетъ задержанъ ею въ полетѣ, остальные немедленно

обматываются вокругъ нея, какъ бы связывая ее такимъ образомъ, и птица падаетъ на землю. Утки вмѣстѣ съ гагарами, пеликанами, топорками, арами и прочей морской птицей до чаекъ включительно, съ момента прилета и до отлета ихъ, составляютъ видное подспорье въ пищевомъ запасѣ чукчей.

Куропатокъ немного въ южной части Чукотскаго полуострова, ихъ гораздо больше по берегу С. Ледовитаго океана и особенно много въ верховьяхъ Анадырскаго бассейна. Въ лѣсистыхъ частяхъ рѣки Пилидона ихъ громадныя стаи образуютъ изъ себя цѣлыя бѣлыя облака. Мѣстами лѣсные островки бываютъ покрыты ими какъ комьями снѣга; и при томъ онѣ тамъ такія непуганныя, что спокойно ходятъ въ 4—5 шагахъ отъ человѣка. Прямо совѣстно стрѣлять! Жители Колымскаго и въ особенности Анадырскаго бассейновъ уничтожаютъ ихъ тысячами, стрѣляя изъ ружей, ловя силками, пастями. Пасти для нихъ дѣлаются по тому же образцу, что и на лисицъ, только меньше и вмѣсто мяса приманкой въ нихъ кладется пучекъ молодыхъ древесныхъ побѣговъ.

Скотоводство.

У жителей этого края имѣется только два вида домашнихъ животныхъ: собака и олень. Въ Нижне-Колымскѣ, правда, водятся еще коровы и лошади, но очень немного, и далеко не у всѣхъ, составляя скорѣе роскошь жизни, чѣмъ необходимость. Еще практическое значеніе коровы съ ея мясомъ и молокомъ вполнѣ понятно. Но лошади мало пригодны при лѣтнихъ топяхъ, среди которыхъ малочисленное населеніе не въ состояніи проложить дорогъ, при глубокихъ рыхлыхъ зимнихъ снѣгахъ, въ которые грузное животное проваливается и вязнетъ; они имѣются только у очень зажиточныхъ и то выращиваются больше на продажу въ Средне-Колымскъ, чѣмъ для собственной нужды. Марково, несмотря на то, что туда были завезены коровы и свиньи, сумѣло отстоять свою пуританскую простоту жизни и съ упорствомъ, достойнымъ лучшей участи, продолжаетъ разводить одинъ родъ «скотинки»— собакъ. Итакъ, остаются собака да олень. Первая—исключительно для ѣзды, второй—для пищи и ѣзды.

Собаководство и оленеводство.

Область собаки—побережья океановъ и большія рѣчныя системы; область оленя—внутритундровое пространство. Каждая сидячая семья этого края, будь то чукчи, айваны, ламуты или русскіе, имѣетъ столько собакъ, сколько въ состояніи содержать; если не цѣлую упряжку, то хоть нѣсколько штукъ: привезти убитую нерпу, вязанку плавника, съѣздить въ сосѣднее селеніе. Въ русскихъ поселеніяхъ по рѣкамъ Колымѣ и Анадырю, гдѣ жизнь развернулась въ болѣе широкія формы, собака возитъ всѣ тяжести и почту на многія сотни верстъ; лѣтомъ она поднимаетъ по рѣкамъ тяжело груженныя лодки, а что не успѣетъ перевезти за лѣто, потомъ таскаетъ всю морозную и буранную здѣшнюю зиму. Можно сказать положительно, что на каждую заварку чая, на каждый листокъ табаку, что жуетъ или куритъ мѣстный житель, затрачена извѣстная доля собачьей силы. Олень употребляется только для кочеванья, торговля же держится исключительно на собакахъ. Я не стану теперь останавливаться болѣе подробно на цѣнности этого животнаго и работѣ, которую оно исполняетъ, это будетъ видно изъ другихъ мѣстъ книги, скажу только нѣсколько словъ о породахъ, разведеніи и содержаніи собакъ.

Лучшія собаки, которыхъ мнѣ здѣсь приходилось видѣть, были колымскія. Недаромъ тамошняя собака въ такой славѣ, что даже русскіе марковцы цѣнятъ ее выше своей. Зато и заботятся и ухаживаютъ за ними. Про чукчей уже и говорить нечего! Колымская собака составляетъ его гордость, и многіе десятки ихъ ежегодно вывозятся на Чукотскій полуостровъ. Я не могу сказать, чтобы колымцы создали свою особую породу. Ихъ собаки по наружному виду не отличаются отъ другихъ и представляютъ въ крови самую разнообразную смѣсь. На ряду съ длинношерстыми, вы тамъ встрѣчаете короткошерстыхъ, маленькихъ и большихъ, поджарыхъ и легкихъ на ряду съ тяжелыми. Видимо, что тщательнаго подбора, правильнаго скрещиванія они не дѣлаютъ. Но они заботливо выхаживаютъ щенковъ, тренируютъ въ постоянной ѣздѣ и не очень наваливаютъ на молодыхъ непосильную работу. И такая малая доза знанія съ внимательнымъ отношеніемъ сказались уже благотворно на колымской собакѣ: громадное большинство изъ нихъ хорошо и правильно сложены, съ сильно развитой грудью, задомъ, ножными мускулами. Какъ отличительные признаки можно указать, что всѣ онѣ съ короткими стоячими ушами

и очень многія съ бѣлыми глазами. Каждый колымецъ — хорошій знатокъ, любитель и спортсменъ въ своемъ дѣлѣ. Нужно послушать съ какимъ интересомъ, съ какимъ глубокимъ пониманіемъ говорятъ онъ о выращиваніи щенковъ, о тренировкѣ; тамъ даже есть что-то вродѣ пословицы: «каковъ ѣздокъ, таковы и собаки», потому что опытный каюръ знаетъ, что можно потребовать отъ каждаго пса его нарты. Хоть я и сказалъ, что у нихъ нѣтъ подбора, понимая это въ смыслѣ правильнаго скрещиванія, въ цѣляхъ полученія желаемой породы, нѣкоторая тѣнь его все таки существуетъ въ томъ, что колымецъ немедленно сбываетъ чукчамъ щенковъ, не обѣщающихъ развиться въ хорошихъ ѣздовыхъ собакъ. Для себя, для своего хозяйства и собаководства онъ всегда бережетъ лучшихъ. Затѣмъ, на кровь вліяетъ то, что за исключеніемъ мелкихъ домашнихъ поѣздокъ, они никогда не закладываютъ въ дальнюю дорогу суку, не выматывая такимъ образомъ ея силъ въ цѣляхъ будущаго приплода, и то еще, что на всей Колымѣ нельзя встрѣтить некастрированнаго кобеля старше двухъ лѣтъ. Когда щенки отсосали и начинаютъ переходить на твердую пищу, имъ варятъ рыбу. И даже для ѣздовыхъ собакъ, если нѣтъ работы, предпочитаютъ также давать вареную пищу, такъ какъ это выгоднѣе и полезнѣе для здоровья, хотя, какъ говорятъ колымцы, собаки отъ вареной пищи ослабѣваютъ, и потому при трудной работѣ, дальней дорогѣ, ихъ питаютъ сушенымъ и мороженымъ кормомъ. Мѣсяцевъ съ 6 — 7 щенковъ начинаютъ закладывать гдѣ-либо впереди потяга, около передовыхъ собакъ, не для работы, а только для того, чтобы пріучить къ упряжкѣ и повиновенію. Большая часть молодыхъ собакъ, поступаетъ въ распоряженіе дѣтишекъ, которые имѣя игрушечныя нарты, учатъ щенковъ ѣздѣ, а сами учатся управленію. До года кобелей не холостятъ, а лучшихъ даже до двухъ, хотя послѣднее бываетъ рѣдко. Это позволяетъ имъ развиться вполнѣ и дать хорошее потомство, потому что собаки до холощенія въ серьезную работу не берутся, — «не мучаются», какъ говорятъ колымцы. Послѣ надлежащей наѣздки, собаки болѣе или менѣе сортируются по достоинствамъ. Легкія и болѣе быстрыя изъ нихъ считаются дороже и скупаются любителями исключительно для гоночныхъ нартъ: прокатиться къ обѣднѣ, поѣхать въ гости, принять участіе въ состязаніи и т. п. Каждый гордится быстротой своихъ собакъ и не прочь при первомъ же случаѣ потягаться съ сосѣдомъ. Болѣе тяжелыя и массивныя отбираются для тяжелой работы. Я говорю, понятно, про зажиточныхъ,

имѣющихъ нѣсколько нартъ, но даже и бѣднота знаетъ, цѣнитъ, любитъ собаку, и ради ея благополучія готова на большія жертвы. Когда я, отсиживаясь отъ бурана въ пустой деревнѣ Сухарной въ устьѣ р. Колымы, спросилъ одного старика, почему жители не живутъ въ ней зимою, а построили для этой цѣли заимки въ 50 — 70 верстахъ выше, если и для промысла рыбы и морского звѣря здѣсь казалось бы ближе, лучше, вольнѣе? «Оно конечно», отвѣтилъ онъ, «ближе, лучше и вольнѣе! Каждую осень мучимся мы, сплывая на низъ для промысла, а затѣмъ вверхъ домой. Кто успѣваетъ, а кто и нѣтъ вывезти рыбу по водѣ. Иной годъ такъ ее и покидаемъ, а потомъ возимъ зимою. Раньше тутъ мы и жили. Вотъ моя изба! Да скотинки не можно было развести! Изъ-за того и ушли. Купишь собачку—захиряетъ, помретъ. Своихъ щенковъ дождешься, только выкормишь изъ малыхъ—пропадутъ, не живутъ. Такъ и ушли! Мѣсто тутъ дюже холодное: не терпитъ собачка! Какъ поднимется вотъ такой, какъ теперь, прямо съ моря, недѣлями держитъ. Укрыться ей тутъ гдѣ? А тамъ у насъ за лѣсомъ тепло, вольготно».

«Но для собакъ можно выстроить отдѣльные сарайчики, гдѣ онѣ укрывались бы отъ непогоды», убѣждалъ я. «Вѣдь лѣсу то у васъ много?»

— «Когда не много? Кругомъ лѣсъ! Да нѣтъ, не строимъ мы. Нѣтъ такого заведенія, чтобы собакѣ строить. Наружи она у насъ съ рожденія! Опять же поѣду я на море, или къ чукчамъ за чемоданомъ, сарая съ собой не увезу»!

Въ самомъ дѣлѣ, если вспомнить, что колымцу иногда нужно съ собаками по недѣлямъ оставаться на открытомъ воздухѣ, не взирая на погоду, то станетъ понятно, почему они не строятъ сарая для своей «скотинки». Все, что позволяется для защиты отъ холодовъ, это мѣховой сапожокъ на лапу, если она окажется обмороженной или пораненной и въ особенно свирѣпый буранъ такой же поясъ на пахахъ у тѣхъ собакъ, которыя недостаточно защищены своею шерстью. Поэтому-то въ тѣхъ мѣстахъ предпочитаются длинношерстые псы, хотя у нихъ есть свои недостатки: обыкновенно, они не бываютъ такъ легки на бѣгу и въ вешнее время, когда днемъ начинаетъ становиться тепло, распариваются въ своей густой шерсти и идутъ вяло. Въ холодахъ, можетъ быть, и лежитъ главное объясненіе, почему чукчи С. Ледовитаго океана такъ бѣдны собаками, несмотря на то, что затрачиваютъ на покупку ихъ у колымцевъ крупныя средства. Стоимость средней собаки тамъ —

15 рублей, или два песца, или одинъ хорошій рѣчной боберъ, или наконецъ, шкура одного лахтака. Лучшія цѣнятся 20, 25 и 30 рублей за голову. Лучшій рабочій возрастъ собаки считается съ 3 до 7 лѣтъ. Сообразно уходу, собаки могутъ служить и дольше, до 12, даже 15 лѣтъ. Но у нихъ скоро портятся зубы, начинаютъ плохо разгрызать мерзлый и сухой кормъ и для дальней дороги онѣ не хороши: быстро худѣютъ и падаютъ.

Береговые чукчи не удѣляютъ собакамъ столько вниманія и заботы, и потому онѣ у нихъ въ совсѣмъ жалкомъ состояніи, въ особенности зимою. Холодъ, ѣзда, отсутствіе сколько-нибудь правильнаго питанія, дѣлаютъ то, что къ веснѣ собаки ходятъ какъ тѣни. Нельзя сказать, чтобы дѣлалось это изъ лѣни или небрежности; нѣтъ, чукчи заботятся насколько могутъ о нихъ; собаки держатся въ наружномъ шатрѣ, укрытыя отъ вѣтра, а малошерстыя, больныя берутся даже въ іоронгу, хотя мнѣ кажется, что послѣднее дѣйствуетъ наиболѣе губительно на нихъ: въ самомъ дѣлѣ, изъ 20—25-градусной температуры выше нуля животное попадаетъ сразу на 40-градусный морозъ, и даже собачье здоровье такой перемѣны не выдержитъ. Но помимо того, что чукча дѣлится съ собакой жильемъ, что онъ можетъ дать ей еще, если въ это время самъ періодически голодаетъ? Рѣдкій, рѣдкій годъ выпадетъ такой, что или съ осени набьютъ много моржа, или всю зиму около того мѣста держатся нерпы, ну тогда и собаки сыты. Обыкновенно же ихъ питаютъ нерпичьимъ жиромъ, который скоро такъ пріѣдается, что онѣ на него и не смотрятъ, да изрѣдка тѣмъ же жиромъ, снятымъ вмѣстѣ съ кожей, что собаки ѣдятъ уже охотнѣй. И это все, такъ какъ отъ чукотскаго стола въ періоды недоѣданія не остается ничего, а тѣ части животнаго, какъ кишки, желудокъ, содержимое желудка, которыя по нашимъ понятіямъ служатъ отбросами—у чукчей лакомыя блюда и понятно не достаются на долю собакъ. Все это сводится къ тому, что, даже вывезенныя изъ Колыма и Анадыря, собаки въ чукотскихъ рукахъ мельчаютъ, вырождаются и гибнутъ, гибнутъ какъ мухи. Особенно тяжело положеніе по берегу С. Ледовитаго океана. Безсобачье тамъ хроническое, безнадежное. А между тѣмъ, вѣдь это единственное перевозочное средство, и безъ собаки чукча пропадетъ самъ, такъ какъ ему не на чѣмъ будетъ выѣхать зимою даже на море для промысла. И пока они живутъ такимъ ненадежнымъ источникомъ, какъ морской звѣрь, пока не перешли на рыбу, которая имѣетъ правильный и постоянный ходъ, я не вижу средствъ къ исправленію зла.

Зато съ наступленіемъ теплаго времени, лишь только обтаютъ первые бугорки, а изъ норы вылѣзетъ и засвиститъ «еврашка», чукотскія собаки, извѣрившись въ заботливость хозяина, отправляются на промыселъ сами. Тутъ, если хотятъ ими пользоваться какъ перевозочною силою, улучаютъ моментъ, когда онѣ изрѣдка навѣдываются домой и сажаютъ на привязь; а если нужды нѣтъ, то такъ и отпускаютъ на собственное попеченіе. И надо отдать справедливость, природа ихъ не обездоливаетъ въ это время. Помимо полевыхъ звѣрьковъ, масса водяной птицы по берегамъ вьетъ гнѣзда и пробавляетъ голодныхъ псовъ сначала яйцами, а потомъ молоднякомъ. Море съ своей стороны несетъ имъ посильную жертву въ видѣ рыбы и неосторожно уснувшей на камняхъ подъ теплыми лучами солнца нерпы. Зато и отъѣдаются же въ это время псы! Безъ всякой работы, на привольной пищѣ, они такъ жирѣютъ, что нѣкоторые становятся круглыми какъ шаръ, словно, чувствуя, что, съ наступленіемъ первыхъ серьезныхъ морозовъ, снова придется сѣсть на скудныя порціи, которыя заготовитъ имъ нерачительный ихъ хозяинъ.

Чукчи въ дѣлѣ разведенія собакъ не признаютъ никакой системы и предоставляютъ имъ множиться или вымирать самостоятельно. Самки впрягаются въ работу наравнѣ съ самцами, послѣдніе холостятся рѣдко. У измученной суки, которую часто не выпускаютъ изъ лямки до послѣднихъ дней беременности, родится измученное, вырождающееся потомство, и если это зимній пометъ, то большею частію онъ пропадаетъ отъ безкормицы и отсутствія у матери молока. Только двѣ семьи я встрѣтилъ на полуостровѣ между чукчей, гдѣ хозяева любили собакъ какъ спортсмэны, интересовались ими, покупая только дорогихъ псовъ и выращивая у себя хорошихъ.

Роль снабженія собаками, которую по отношенію къ сѣверному побережью заняли колымцы, на южномъ исполняютъ марковцы, хотя не въ такой степени уже потому, что здѣсь у самихъ чукчей о собакахъ заботятся больше. Я видѣлъ тамъ хорошихъ ѣздовыхъ псовъ, хотя и марковской крови, но рожденныхъ и выращенныхъ въ ярангѣ. Марковская собака хотя считается хуже колымской, все же стоитъ далеко впереди чукотской. Тамъ все-таки существуетъ нѣкоторая система въ разведеніи, нѣкоторый отборъ, наконецъ, уходъ и питаніе гораздо лучше, хотя работа, которую марковцы взваливаютъ на своихъ псовъ, поистинѣ каторжная. Дальше чита-

тель познакомится съ тѣмъ, какъ маркозская собака снабжаетъ тундру товарами.

Теперь мнѣ остается сказать нѣсколько словъ о болѣзняхъ, которыя вырываютъ собакъ сотнями, потому что населеніе не умѣетъ бороться съ ними, никакой ветеринарной помощи здѣсь не существуетъ, и никто серьезно не изслѣдовалъ мѣстной эпизоотіи.

Чума, какъ и вездѣ, уноситъ значительное количество щенковъ, и мнѣ кажется, что здѣсь даже меньше, чѣмъ въ другихъ странахъ. По крайней мѣрѣ я самъ на востокѣ Чукотскаго полуострова выходилъ 4 потомства и не имѣлъ ни одного чумнаго случая. Дальше идетъ бѣшенство. При мнѣ случаи бѣшенства были въ Нижне-Колымскѣ, на посту Ново-Маріинскомъ и въ Чаплинѣ, гдѣ эта болѣзнь унесла бо́льшую часть собакъ. И русскіе, и инородцы знаютъ эту болѣзнь, слѣдятъ за ней строго и при первыхъ признакахъ убиваютъ больныхъ собакъ, хотя чукчи и айваны, болѣе халатные во всемъ, что касается болѣзней, иногда позволяютъ развиться ей очень широко. Замѣчательно, что я не наблюдалъ и не слыхалъ за это время ни одного случая укуса людей бѣшеной собакой. Объясняется ли это строгимъ надзоромъ надъ заболѣваніями, или тѣмъ, что мѣстная собака очень кротка по отношенію къ людямъ, не лаетъ, не бросается на чужихъ, знаетъ хорошо своего хозяина, но относится также очень дружелюбно и къ посторонннимъ—я не могу рѣшить.

Затѣмъ слѣдуютъ накожныя болѣзни экзематознаго характера. Ихъ нѣсколько, и опредѣлять ихъ научно я не берусь. Эти болѣзни лишаютъ собаку шерсти и дѣлаютъ ее зимой, когда она особенно нужна, безполезнымъ бременемъ. Среди русскихъ поселеній я какъ то меньше наблюдалъ развитіе этихъ болѣзней—вслѣдствіе, понятно, лучшаго ухода, но среди чукчей, въ зимнее время, это какое то сплошное бѣдствіе: и сами они всѣ экзамотозные, чесоточные и псы ихъ такіе же. Спасая отъ замерзанія потерявшихъ шерсть собакъ, они берутъ ихъ въ іоронги, спятъ съ ними рядомъ на томъ же полу, больныя собаки лижутъ хозяйскую посуду, и Богъ знаетъ, кто изъ нихъ кого заражаетъ!

Кромѣ этихъ инфекціонныхъ болѣзней, существуетъ еще много простудныхъ, которыя въ связи съ голодомъ, истощеніемъ, надрывомъ непосильной работой дѣлаютъ то, что собачій вопросъ является одной изъ самыхъ больныхъ сторонъ мѣстной жизни.

Собаки и олень—два друга здѣшняго человѣка—находятся между собою въ постоянномъ антагонизмѣ. Первая слишкомъ ревниво охраняетъ свою дружбу и отказывается дѣлить ее съ кѣмъ-либо, видя въ каждомъ постороннемъ животномъ прежде всего предметъ охоты. Такъ было съ коровами и свиньями въ Марковѣ и даже съ лошадьми на Чукотскомъ полуостровѣ. Когда ихъ туда привезло Сѣв. Вост. Сибирское О-во для работъ по добыванію графита, то псы окрестныхъ поселковъ, думая, что онѣ могутъ стать такой же легкой жертвой ихъ голодныхъ желудковъ, какъ олени, пробовали первое время нападать и на лошадей, пока нѣсколько внушительныхъ толчковъ со стороны послѣднихъ не заставили ихъ проникнуться должнымъ уваженіемъ. Въ томъ же Нижне-Колымскѣ я видѣлъ лошадей и коровъ, свободно бродящихъ по улицамъ рядомъ съ собаками, хотя телятъ и тамъ собаки рвутъ немилосердно. По отношенію же оленей нужно принимать особыя мѣры предосторожности, такъ какъ довольно собакамъ только почуять ихъ, чтобы придти въ неописуемое возбужденіе. Оленеводы тоже имѣютъ одну двѣ собаки въ кочевьяхъ, но практическое ихъ значеніе я отказываюсь указать: стадъ они не охраняютъ, и если не рвутъ старыхъ оленей, то опасны для телятъ и потому сидятъ все время на привязи въ наружномъ шатрѣ; въ перевозкѣ не участвуютъ, да и какая помощь отъ одной собаки! Впрочемъ и среди береговыхъ жителей я замѣтилъ склонность къ маленькимъ комнатнымъ съ короткой шерстью собачкамъ, въ родѣ лавретокъ. Чукча охотно вымѣняетъ это безполезное животное на хорошаго ѣздового пса и будетъ держать въ іоронгѣ, питая его гораздо лучше своихъ истинныхъ помощниковъ. За исключеніемъ отдѣльныхъ экземпляровъ, можно сказать смѣло, что царство тундры свободно отъ собаки. Содержаніе ихъ дорого: чтобы накормить упряжку, надо имъ дать цѣлаго оленя. А главное, это не вызывается нуждою, такъ какъ если передвиженіе на оленяхъ медленнѣе (на бѣговыхъ оленяхъ можно быстро переѣзжать только короткія разстоянія, на дальнія же надо кочевать), то удобнѣе въ томъ отношеніи, что не приходится заботиться объ ихъ пищѣ, а въ кочевомъ поѣздѣ можно везти такіе предметы удобства, какъ цѣлое жилище, о чемъ и помышлять не приходится при ѣздѣ на собакахъ. Временемъ же никто въ этомъ краѣ очень не дорожитъ. Измѣряется ли оно часами или мѣсяцами—для чукчи это вопросъ второстепенный.

Если вѣрить разсказамъ старожиловъ, раньше населеніе тундры было больше, да и олень лучше велся, стада были многочисленнѣе.

Есть ли тутъ извѣстная доля правды, или это обычная ссылка людей преклоннаго возраста, которымъ, при воспоминаніи объ ихъ лучшихъ лѣтахъ жизни, все связанное съ ними рисуется въ болѣе свѣтломъ колоритѣ—рѣшать не берусь; однако считаю не лишнимъ привести оригинальное объясненіе нашей послѣдней войны, услышанное мною въ самомъ сердцѣ тундры, въ горахъ Станового хребта. Когда послѣ ряда дней непогоды, задержавшей меня въ пути и приведшей мои дорожные запасы къ концу, я наткнулся случайно на кочевье въ окрестностяхъ озера Тетлюутырытьхинъ, то первымъ дѣломъ поднялся вопросъ: достану ли я оленей для себя и моихъ голодныхъ псовъ. Дѣло въ томъ, что у меня почти не было «хвыль-хвыль» — (покупного средства), такъ какъ на собакахъ много чаю и табаку черезъ тундру не увезешь, загрузивши нарту кормомъ. А деньги, онѣ у меня были, но деньги—звукъ пустой въ тундрѣ. Мой проводникъ, самъ оленеводъ, пустился въ дипломатію и объяснилъ хозяину кочевья, что я «коммиссаръ Тыркъ-Эрима» (Солнечнаго Владыки). Такъ чукчи называютъ *Государя*. Это дало толчекъ разговорамъ на политическія темы, и тутъ я услышалъ слѣдующее: Тыркъ-Эримъ живетъ гдѣ-то далеко. Чукчи его никогда не видятъ; тѣмъ не менѣе онъ постоянно заботится о нихъ. Все доброе, что съ ними происходитъ, относится къ попечительству Тыркъ-Эрима, и потому онъ ихъ отецъ. Въ послѣдніе годы плавающіе люди стали покупать у нихъ оленей. Разсудительные чукчи, понятно, не продавали. Но не мало нашлось и такихъ, которые, соблазнившись на хорошій хвыль-хвыль, а больше на злую воду (водка), начали продавать своихъ оленей, которыхъ плавающіе люди грузили на корабли, собирали мохъ съ ихъ земли для корма и увозили неизвѣстно куда. Божество разгнѣвалось и стало посылать одинъ годъ хуже другого. То среди жестокихъ морозовъ вдругъ завернетъ тепло съ дождемъ и обратитъ снѣгъ въ ледъ, о который олени рѣжутъ себѣ ноги, въ тщетной надеждѣ добыть изъ-подъ него мху; то весной, по рожденіи телятъ, когда, готовясь къ теплому времени, оленеводъ кочуетъ къ океану, его по дорогѣ застигнетъ настоящій зимній буранъ и убьетъ весь приплодъ, такъ что въ стадѣ не останется ни одного теленка; то, наконецъ, лѣтомъ, безъ всякой видимой причины, начинаютъ пухнуть ноги у оленей и ихъ надо скорѣе убивать, потому что все равно высохнутъ, пропадутъ, а болѣзнь захватитъ все стадо. Совсѣмъ плохо стало чукчамъ. Богатые оленеводы, стада которыхъ были раньше какъ лѣсъ, обнищали совсѣмъ, остались только съ упряжными оленями. И народъ поэтому умень-

шился. Бывало за одинъ день посѣтишь 3—4 кочевья, а теперь отъ кочевья къ кочевью надо ѣхать 2—3 дня. Когда о дѣлахъ на тундрѣ узналъ Тыркъ-Эрпмъ, онъ сейчасъ же началъ жестоко драться съ плавающими людьми и заставилъ ихъ прекратить покупку чукотскихъ оленей и вывозъ чукотской травы. И съ тѣхъ поръ опять стало лучше. Вотъ уже подъ рядъ стоятъ нѣсколько хорошихъ зимъ, и олень множится замѣтно. Поэтому, разъ я оказывался человѣкомъ Тыркъ-Эрпма, вопросъ о снабженіи меня мясомъ рѣшался просто.

Населеніе тундры дѣйствительно гораздо рѣже, чѣмъ можно было бы предполагать. Въ одномъ мѣстѣ я ѣхалъ 12 дней и не встрѣтилъ на своемъ пути даже слѣдовъ человѣческаго существованія. Положимъ, кочевье часто трудно бываетъ разыскать, даже зная, гдѣ оно находится, потому что, въ зависимости отъ обстоятельствъ, шатры переносятся, и Богъ знаетъ въ какой именно долинѣ въ горахъ данной мѣстности вздумалось основать оленеводу его временное жилье.

Тѣмъ не менѣе я могу теперь сказать съ увѣренностью, что оленеводство въ этомъ краѣ существуетъ повсемѣстно, и нѣтъ такого пункта на побережьи, гдѣ въ 1—2-хъ дняхъ пути не было бы оленей. Правда, въ прибрежной полосѣ держатся постоянно только мелкіе оленеводы, стада которыхъ не превышаютъ 100—150 штукъ. Не надѣясь на свое стадо и будучи въ сильной зависимости отъ моря и береговыхъ родственниковъ, которые помогутъ въ минуту зимней нужды, они не откочевываютъ далеко отъ береговой полосы; крупные же оленеводы приходятъ туда только на лѣто. Въ это время года они не дѣлаютъ большихъ передвиженій. Одни только пастухи налегкѣ бѣгаютъ со стадомъ, перегоняя его съ пастбища на пастбище, удерживая шалѣющихъ отъ укуса насѣкомыхъ оленей. Я видѣлъ только личинки этихъ насѣкомыхъ. Одинъ изъ нихъ развиваются въ горлѣ животнаго, другія подъ кожей. Первыя, длиною въ полдюйма, очень напоминаютъ своимъ видомъ червей сорныхъ ямъ. Онѣ располагаются въ горлѣ у самаго основанія языка, въ особыхъ ячеяхъ и укрѣплены тамъ на тонкихъ присоскахъ. Въ горлѣ одного оленя я нашелъ двѣ такихъ ячеи, каждая въ 20 червей приблизительно. Съ наступленіемъ теплаго времени животное отфыркиваетъ ихъ на землю и изъ личинокъ выходятъ мухи для того, чтобы, отживъ короткое лѣто, забраться въ свою очередь черезъ ноздри въ горло оленя и отложить тамъ яички. Другой видъ насѣкомыхъ для своего потомства прокалываетъ предварительно кожу

животнаго и въ образовавшуюся ранку кладетъ яички. Они тамъ развиваются въ коконъ овальной формы до дюйма длиною. По веснѣ насѣкомое оставляетъ свою зимнюю теплицу.

Въ лѣтнее время, кромѣ тяжести охраненія стадъ, на пастуховъ ложится еще обязанность выдапванія самокъ. Чукчи любятъ молоко, какъ въ его прямомъ видѣ, такъ и свернутымъ въ сыръ, и лѣтомъ каждый оленеводъ имѣетъ молочные продукты. Для выдапванія оленя ловятъ арканомъ, валятъ и производятъ операцію ртомъ, сливая высосанное молоко въ «теющхинъ» (пузырь). Для приготовленія сыра, теющхинъ крѣпко завязываютъ, кладутъ въ котелъ съ водою и кипятятъ, свертывая такимъ образомъ бѣлковыя и маслянистыя вещества. Ежедневно выдапваются не всѣ олени, а извѣстная ихъ часть, чтобы не обезсиливать приплода. Къ зимѣ доеніе прекращается и я слышалъ только про одного богатаго оленевода, который и въ это время года имѣлъ часть дойныхъ самокъ для личной потребности.

Затѣмъ пастухи должны зорко слѣдить, не появляется ли въ стадѣ копытица—ножная болѣзнь, отъ которой конечности животнаго сначала опухаютъ, а потомъ покрываются ранами. Она считается заразительной, и потому при первыхъ же признакахъ оленя убиваютъ.

Въ началѣ осени — самки оплодотворяются. Быки въ это время не спокойны, дерутся между собою и даже иногда бросаются на человѣка. Носитъ олень около девяти мѣсяцевъ и преимущественно въ апрѣлѣ, даетъ приплодъ, который первый годъ называется «каіо». На второй годъ самокъ называютъ «ванкаскоръ», а самцовъ «пенвель» Ванкаскоръ иногда уже имѣетъ приплодъ, но очень рѣдко, и чукчи такими особенно дорожатъ. Мои собаки по несчастью разорвали одну тельную ванкаскоръ, и когда я хотѣлъ купить ее, хозяинъ отказался продать, именно потому, что она оказалась тельною, такъ какъ такая по обычаю не можетъ быть ни отдана, ни продана изъ стада. Олень на третій годъ жизни называется «каременто», на четвертый «таащементо», на пятый—«пиракаулинъ». Дальше спеціальныхъ названій не существуетъ. Самцы холостятся по веснѣ съ первой водой, на третьемъ, рѣдко, только въ большихъ стадахъ, на четвертомъ году жизни и съ этой поры у нихъ, а такъ же у неплодныхъ самокъ, рога бываютъ покрыты круглый годъ шерстью, что даетъ имъ грубый непривлекательный видъ. Быки же и плодныя самки осенью обдираютъ кожицу и зимою рога остаются у нихъ голыми, отполированными.

Весною, въ мартѣ приблизительно, всѣ олени сбрасываютъ рога, а въ апрѣлѣ уже на старомъ мѣстѣ выходятъ толстые, черные пеньки, которые потомъ разовьются въ новые рога.

Олень живетъ около 15 лѣтъ, но къ этому времени онъ изнашиваетъ зубы, худѣетъ и начинаетъ плохо бѣгать. Чтобы семьѣ сносно существовать оленеводствомъ, надо имѣть около 100 оленей.

Средства сообщенія и торговля.

Въ этой странѣ съ суровыми климатическими условіями, гдѣ на пространствѣ полмилліона квадратныхъ верстъ живетъ около десятка тысячъ жителей, населеніе оказалось слишкомъ малочисленнымъ и неразвитымъ, чтобы сдѣлать какія-либо улучшенія въ тѣхъ средствахъ сообщенія, что представляетъ мать-природа. Поэтому здѣсь нечего ожидать чего-либо похожаго даже на наши захолустнѣйшія зимнія и лѣтнія дороги. Лѣтомъ сообщеній по сушѣ, кромѣ случайной пѣшеходной тропы, нѣтъ совсѣмъ. Всѣ жители группируются или у береговъ моря, или по большимъ рѣчнымъ системамъ и сообщаются между собою на лодкахъ. А зимою, когда морозы и ежедневные бураны покроютъ однородной пеленой и землю, и море, когда снѣгъ, раздробленный вѣтромъ на мельчайшіе частицы, ляжетъ твердымъ убоемъ — дорога есть всюдѣ для привычныхъ домашнихъ животныхъ инородца — собаки и оленя, куда только ни направитъ ихъ воля хозяина.

Что такое чукотская байдара, читатель уже знаетъ, и мнѣ остается только добавить теперь, что это несложное изобрѣтеніе перевозитъ владѣльцевъ на сотни миль вдоль береговъ и даже, въ другую часть свѣта. Карбазъ и каюкъ исполняютъ ту же службу на рѣчныхъ системахъ.

Но я еще совсѣмъ не касался зимнихъ средствъ передвиженій. Съ первымъ снѣгомъ, береговой чукча начинаетъ чинить и ладить свою нарту «оргуръ». Собачья нарта—легкія деревянныя сани, нѣсколько напоминающія русскія дровни. Длина ея въ среднемъ 3 аршина; бываютъ больше и меньше, въ зависимости отъ цѣли и наличнаго числа собакъ, но ширина всегда одинакова: около $^3/_4$ аршина. Устройство ея очень не сложно: въ заднихъ половинахъ двухъ нетолстыхъ, вершка въ $1^1/_2$ шириною, деревянныхъ полозьевъ вдолблены и привязаны ремнями 3—4 копыла до $^3/_4$ арш. высотою

каждый. На серединѣ своей высоты они просверлены и скрѣплены деревянными поперечными связками, стянутыми тоже ремнями, которые соединяютъ ихъ попарно. Къ переднимъ концамъ полозьевъ, сдѣланнымъ болѣе тонкими по сравненію съ остальной своей частью, привязывается деревянная дуга, рога которой притянуты къ первой парѣ копыловъ. На поперечныхъ связкахъ лежитъ настилка изъ тонкихъ продольныхъ дощечекъ, которая проходитъ далеко впередъ за копылы и опирается своимъ концемъ на рога дуги. По самому верху копыловъ, кругомъ всей нарты, до передняго конца настилки, идетъ тоненькій, но крѣпкій оболокъ-грядка изъ расщепленнаго молодого деревца. Обвязанный и переплетенный ремнями съ краемъ настилки, онъ образуетъ родъ ящика, облегчающаго нагрузку нарты. Не всегда, но въ большинствѣ случаевъ, для лучшаго управленія нартой, надъ передними ея копылами навязывается другая дуга, стоящая вертикально и служащая для отдергиванія нарты отъ встрѣчающихся камней, ухабовъ, для поддерживанія и переворачиванія ея. Какъ видно изъ описанія, задняя половина нарты, покоющаяся на крѣпкихъ копылахъ, представляетъ собой довольно прочное сооруженіе, тогда какъ передъ, не имѣющій ни одной подпорки, долженъ естественно быть слабъ. Онъ нарочно дѣлается такимъ; ѣздить приходится безъ дорогъ, а вѣтеръ въ твердомъ убоѣ дѣлаетъ такія острыя, рѣзко очерченныя, заструги, что только эластичный, изгибающійся по всѣмъ направленіямъ, передъ нарты можетъ бороться съ ними. Потягъ — длинный крѣпкій ремень, къ которому пристегиваются собаки, привязывается или къ дугѣ нарты, или, чаще, къ передней связкѣ копыловъ. Собачья упряжь состоитъ изъ ременной шлейки, которая, надѣтая черезъ голову, ложится на грудь и плечи, застегивается кругомъ тѣла поперечнымъ ремнемъ и кончается назади небольшимъ скрученнымъ ремнемъ, концы котораго связаны съ концами шлейки, а на середину прикрѣплена небольшая костяная или деревянная палочка-клямка. Потягъ черезъ каждые два аршина имѣетъ петли, въ которыя продѣваются клямки собачьей упряжи, и въ этомъ состоитъ вся запряжка.

Собаки, обыкновенно, застегиваются по двѣ, съ правой и лѣвой стороны потяга, и количество ихъ соразмѣряется съ тяжестью нарты, съ длиною и состояніемъ пути, и состояніемъ самихъ собакъ. При хорошихъ условіяхъ, десять собакъ легко везутъ десять пудовъ груза и сѣдока на сотни верстъ. Для большей легкости на ходу, полозья подмораживаютъ водой. Для этой цѣли каюръ (кучеръ) всегда имѣетъ бутылку съ водой, которую держитъ

за пазухою, чтобы теплотою тѣла предупредить замерзаніе. Черезъ каждые полчаса, часъ ѣзды, онъ останавливается, опрокидываетъ нарту, набираетъ въ ротъ воды и, поливая ее на небольшую мѣховую тряпку, наводитъ на полозья новый налетъ льда; а чтобы послѣдній лучше держался, полозья какъ лѣтомъ, такъ и зимою стараются предохранить отъ окончательнаго высыханія, кладя ихъ въ воду, или засыпая снѣгомъ, смотря по времени года. Въ теплое же время, когда на снѣгу образуется наст, подъ полозья подбиваютъ или желѣзо, или тонкія костяныя пластинки, выпиленныя изъ китовыхъ реберъ.

Собаки, какъ ѣздовыя животныя, должны удовлетворять разнообразнымъ условіямъ и въ зависимости отъ послѣднихъ различно расцѣниваются. Кромѣ правильности сложенія и роста, обезпечивающихъ силу, выносливость и быстроту бѣга, на оцѣнку очень сильно вліяетъ и характеръ животнаго. Иныя изъ нихъ апатичны, лѣнивы, везутъ изъ-подъ кнута; другія старательныя, сознательныя работницы, тянутъ ровно весь долгій путь, а третьи горячи, везутъ изъ послѣднихъ силъ, хрипя и надрываясь до того, что кровь начинаетъ выдѣляться черезъ половые органы. Ѣздокъ долженъ знать не только общій нравъ собаки, но также и слѣдить за ея состояніемъ во время пути. Идти въ переднихъ парахъ запряжки гораздо легче, чѣмъ въ корневыхъ, поэтому на передъ запрягаютъ болѣе рѣзвыхъ, горячихъ, везущихъ добровольно, безъ всякихъ побужденій. Иногда случается, что та собака, которая утромъ рвалась въ упряжи и потому попала на передъ, къ вечеру, понерасходовавъ силы, начинаетъ прилѣниваться, идти съ опущенной лямкой; другая, наоборотъ, была запряжена ближе къ корню, потому что неохотно шла съ ночлега, а потомъ, поразмявшись, потянула какъ слѣдуетъ. Замѣтивъ это ѣздокъ долженъ немедленно помѣнять ихъ мѣстами, чтобы имѣть возможно ровное приложеніе силъ всѣхъ своихъ животныхъ. Житель здѣшнихъ мѣстъ, всю свою жизнь проводящій съ собакой, знаетъ ея нравъ въ совершенствѣ и замѣчательно чутокъ: черезъ каждые полчаса, часъ, иногда чаще, онъ останавливается и перестегиваетъ своихъ псовъ съ одного мѣста на другое, давая отдыхъ впереди болѣе прилежнымъ, заставляя работать въ предѣлахъ его активнаго контроля болѣе лѣнивыхъ. Рѣже мѣняются корневыя и передовыя собаки. Въ корню работа тяжелѣе: нарта то накатывается, то тормозится сугробами, поэтому рветъ плечи и, раскатываясь въ сторону, толкаетъ потягомъ корневиковъ въ бока. Поэтому сюда

впрягаютъ старыхъ, крѣпкихъ сильныхъ и лѣнивыхъ псовъ, которые не очень бы считались съ толчками нарты и ударами, что порою отпускаетъ на ихъ долю хозяинъ. Средняго качества псы идутъ въ серединѣ запряжки, при чемъ молоднякъ и болѣе горячіе ближе къ переду. И наконецъ на самый передъ запрягаются лучшіе псы—гордость ѣздока. Въ передовыя собаки хозяинъ выбираетъ не только старательныхъ, ровныхъ въ работѣ, послушныхъ его голосу, получившихъ нѣкоторую дрессировку, но такихъ, которыя съ человѣческой почти чуткостью могли бы реагировать на его настроеніе: усилить бѣгъ, обогнать передовую нарту, свернуть въ сторону съ общаго пути. Интересно наблюдать, какъ умное животное, съ озабоченнымъ видомъ, ровно натянувъ потягъ и легши всей грудью на лямку, ведетъ всю стаю въ указанномъ направленіи, изрѣдка оглядываясь на хозяина своими выразительными глазами: не прикажетъ ли онъ измѣнить курсъ? Для поворотовъ направо и налѣво существуютъ различные звуки, но преобладаютъ по всему краю: «поть» — или вѣрнѣе «wet» — направо, и горловой звукъ «кхр» — родъ вороньяго карканья — налѣво. Но даже самые лучшіе изъ псовъ обнаруживаютъ всѣ свои положительныя качества только въ рукахъ хозяина, у посторонняго же человѣка они мало послушны, лѣнивы, не дружны, пока не привыкнутъ къ нему; поэтому каждый хозяинъ старается ѣздить на нихъ только самъ, и если даетъ въ чужія руки, то по большой нуждѣ, не лучшихъ псовъ и не охотно. Въ русскихъ поселеніяхъ по Колымѣ и Анадырю зажиточныя семьи даже для отдѣльныхъ своихъ мужскихъ членовъ стараются держать отдѣльныхъ собакъ.

Собаками, какъ средствомъ сообщенія, пользуются береговые чукчи съ айванами и осѣдлые жители по Колымѣ и Анадырю, — кочевники же для этой цѣли употребляютъ оленей. Оленная нарта по своему устройству отличается отъ собачьей. Ихъ бываютъ три типа: для легкой ѣзды, для перевозки тяжестей и для коченанья дѣтей, больныхъ и стариковъ. Первый типъ—не что иное, какъ легонькія короткія саночки, удобныя только для одного сѣдока. Они дѣлаются изъ тщательно выструганнаго, очень легкаго лѣса, имѣютъ хрупкій, воздушный видъ, хотя ремни, скрѣпляющіе ихъ по всѣмъ направленіямъ, даютъ имъ необходимую прочность. Въ ихъ конструкціи каждый полозъ образуетъ отдѣльно изогнутое вполнѣ самостоятельное цѣлое, не скрѣпленное спереди съ другимъ. Поперечныя связки, 4—5—6, смотря по величинѣ санокъ, онѣ же и копылья, начинаются почти на половинѣ полозьевъ, какъ у собачьей нарты и состоятъ изъ

дугъ, выстроганныхъ изъ особо подобраннаго лѣса: сучьевъ, корень-евъ, имѣющихъ природный выгибъ. Изголовье каждаго полоза переходитъ въ верхнюю наклепку, опирающуюся на поперечныя связки.

Нѣсколько собачьихъ запряжекъ.

Пространство между ними, заполненное ременнымъ переплетомъ иногда сдѣланнымъ изъ вѣтвей, образуетъ сидѣнье. Сзади, изъ тонкихъ драничекъ сдѣлана невысокая, 4 — 5 вершковъ высоты, полукруглая спинка, дающая нѣкоторую опору при быстрой ѣздѣ. Сани для возки тяжестей дѣлаются подобно первымъ, но только они болѣе грубой, прочной работы и безъ спинки. Величина ихъ бываетъ различной отъ $1^1/_2$ и до 3 аршинъ длиною. Самыя короткія изъ нихъ, предназначенные для перевозки дровъ, кольевъ и другихъ наиболѣе незатѣйливыхъ вещей, строятся даже безъ полукруглаго спереди изгиба полозьевъ и формой очень напоминаютъ наши салазки для возки зимою бревенъ. Наконецъ, третій типъ есть не что иное, какъ примитивно устроенный возокъ. Къ большимъ грузовымъ санямъ привязываются четыре вертикальныхъ шеста: два по заднимъ угламъ и два съ боковъ саней по серединѣ. Шесты по верху соединяются поперечинами, образуя основу потолка. Затѣмъ, все это сооруженіе надъ санями покрывается сшитыми оленьими шкурами, и возокъ готовъ.

Оленья упряжь еще проще собачьей: изъ широкаго ремня моржевой или лахтачьей кожи дѣлается свободная лямка, которая надѣвается на шею оленя и проводится черезъ плечо и грудь между передними ногами, а отъ лямки идетъ прочный потягъ, застегнутый къ санямъ у ихъ поперечной связки. Въ ѣздовыя санки всегда запрягаютъ пару оленей, при чемъ, насколько я

замѣтилъ, правый изъ нихъ всегда старшаго возраста, больше и лучше тренированъ. Отъ уздъ оленей идутъ возжи, которыя сѣдокъ петлями надѣваетъ себѣ на руки. Непремѣнная принадлежность ѣзды на оленяхъ—это длинный тонкій посохъ, на верхнемъ концѣ котораго насаженъ наконечникъ изъ оленьей кости или рога. Наконечникъ часто имѣетъ зубъ и служитъ для удара при понужденіи оленя къ болѣе быстрому бѣгу. Для перевозки тяжестей въ сани почти всегда запрягаютъ одного оленя, который привязывается къ идущей впереди партѣ, составляя часть обоза, вытянутаго въ одну линію.

Вотъ нѣкоторыя подробности, которыя наблюдаются при перекочевкахъ семействъ чукчей.

Женщины разбираютъ, грузъ яранги, въ то время какъ мужчины ловятъ упряжныхъ оленей, собираютъ свободное, недрессированное стадо «яндакарать», запрягаютъ нарты. Глава стойбища, обыкновенно, совершаетъ быстрый переѣздъ до слѣдующей остановки, гдѣ выбираетъ новое мѣсто, тогда какъ остальные члены семьи двигаются медленно съ обозомъ. Когда онъ подойдетъ, мужчины отгоняютъ стадо, ловятъ, бьютъ новаго оленя, если нѣтъ запаса стараго мяса, помогаютъ женщинамъ въ разборкѣ нартъ, устройствѣ ярангъ... Женщины ставятъ яранги, разбираютъ свѣже убитую тушу, варятъ пищу, исполняютъ мелкія обыденныя работы. Иногда кочеванье вызывается не цѣлью перемѣнить мѣсто стойбища, а торговыми соображеніями. Тогда стада съ младшими членами семей остаются на мѣстѣ, а ихъ главы, соединившись въ одно кочевье, взявъ съ собой 1—2 яранги, часть ѣздовыхъ оленей и немного свободныхъ для убоя на пищу, налегкѣ кочуютъ къ торговымъ центрамъ. Оленные чукчи имѣютъ также и собакъ, но не по многу: одна, двѣ въ кочевьѣ. Назначеніе ихъ довольно неопредѣленное: къ стаду ихъ не пускаютъ, въ перевозкѣ тяжестей онѣ не участвуютъ; развѣ когда молодой парень пѣшкомъ отправится за чѣмъ-либо въ сосѣднее кочевье, или въ яранги береговыхъ жителей, привезти оттуда нерпичьяго жиру для аакайпъ, кусокъ нерпичьяго или моржевого мяса, то заготовивъ лыжи и маленькую бѣговую нарту съ лямкой для себя, онъ пристегнетъ еще и собаку помогать ему въ путешествіи.

Чукчи, особенно оленные, замѣчательные ходоки. Это прямо какіе-то стальные люди въ преодолѣніи усталости, голода, безсонницы и всѣхъ невзгодъ полярной жизни, особенно въ ихъ молодые годы.

Съ Шелагскаго мыса на Нижне-Колымскую ярмарку къ моему поѣзду пристроилось нѣсколько чукчей на собакахъ и между ними молодой парень, лѣтъ 22-хъ. Онъ не имѣлъ другихъ средствъ передвиженія кромѣ своихъ крѣпкихъ ногъ и бѣжалъ съ нами все шестисотъ-верстное разстояніе, помогая въ моменты остановокъ распутывать собакъ, подмораживать сани и оказывать массу другихъ мелкихъ услугъ той нартѣ, которая везла его нѣсколькихъ лисицъ и теплую ирань. На томъ безплодномъ пространствѣ мы всѣ питались скудно, и скуднѣе всѣхъ этотъ пѣшеходъ, потому что у него не было своихъ запасовъ, а ѣлъ онъ что ему удѣляли другіе, ночуя послѣ длиннаго утомительнаго перехода, когда даже отъ ѣзды разламывало все тѣло, подъ открытымъ небомъ среди зимы, морозовъ и бурановъ 70-градуса сѣв. широты. Другой молодой подростокъ лѣтъ 15 въ 4 сутокъ сдѣлалъ, по самому скромному подсчету, 400 верстъ, ночуя за это время только дважды. Очень обычную картину можно встрѣтить, особенно на сѣв. побережьѣ, когда чукча, застегнувъ черезъ плечо легонькую нарту, гдѣ у него лежитъ ирань, «велхуемъ (лыжи)» и кусокъ мерзлаго мяса, отправляется пѣшкомъ за нѣсколько сотъ верстъ, часто, по самому пустому поводу: достать четверть кирпича чаю, нѣсколько листочковъ табаку.

Торговля этого края сложилась подъ двумя вліяніями: американскимъ и русскимъ. Первое господствуетъ на всемъ Чукотскомъ полуостровѣ и начинаетъ завоевывать уже Анадырскій край, издавна знавшій только русскіе товары, второе дошло до рубежа Колыма-Анадырь и тамъ остановилось. Въ послѣднее время замѣтны робкія попытки проникновенія русской торговли въ область, захваченную американскимъ купцомъ, но привьется ли она тамъ, съумѣетъ ли выдержать иностранную конкурренцію—отвѣтить трудно; я склоненъ даже думать, что при настоящихъ условіяхъ этого не случится. Не разбирая даже того вопроса, что въ нѣкоторыхъ производствахъ Россія далеко отстала отъ Америки, что охотничье оружіе, патроны, многія желѣзныя издѣлія послѣдней заполняютъ даже нашъ внутренній рынокъ, прикинемъ только разстоянія, которыя должны преодолѣвать конкуррирующіе товары. Главнѣйшій портъ отправленія для русскихъ—г. Владивостокъ, приблизительно, въ 2700 миляхъ разстоянія отъ Чукотскаго полуострова. Но Владивостокъ самъ по себѣ ничего не выдѣлываетъ, и за нимъ лежитъ 8000 в.

Сибири, или длинный морской путь. Американскій же товаръ для всего сѣвернаго рынка идетъ главнымъ образомъ изъ г. Сіаттля, отстоящаго отъ Чукотскаго полуострова на 2300—2400 миль, при чемъ какъ самый Штатъ Вашингтонъ, такъ и его окрестные сосѣди—одни изъ промышленныхъ центровъ Сѣв. Америки. Отсюда она снабжаетъ всю свою Аляску, а черезъ нее и наше сосѣднее побережье. Какъ проводниковъ своихъ товаровъ Америка выдвинула на нашемъ Сѣв. Востокѣ три фактора: китобоевъ, торговыя шкуны и торгующія компаніи.

Китобойныя суда отправляются на промыселъ изъ Санъ-Франциско приблизительно съ 1-го апрѣля новаго стиля. Такъ какъ всѣ они принадлежатъ одному синдикату, который контролируетъ поступленіе на рынокъ китоваго уса, то, сообразно его количеству, имѣющемуся на складахъ синдиката, а также и рыночной цѣнѣ, ежегодно выпускается на промыселъ не одинаковое число судовъ. Иногда ихъ выходитъ 5, иногда 8, а то и всего три, какъ прошлый годъ. Въ послѣднее время цѣна на усъ значительно пала, и американскій рынокъ переполненъ имъ. Китобойныя суда можно различить съ перваго взгляда; всѣ они деревянныя, трехмачтовыя, съ «пѣтушинымъ гнѣздомъ» на средней мачтѣ для наблюденія за льдами и китами. Они имѣютъ паровыя машины, но малой силы и не развиваютъ болѣе 4 — 5 узловъ хода, такъ какъ торопиться имъ некуда. Съ углемъ китобои обращаются очень осторожно и предпочитаютъ всячески утилизировать свои паруса. Такъ какъ кромѣ провизіи, угля да снарядовъ лова имъ по пути въ С. Ледовитый океанъ брать ничего не приходится, то они заполняютъ остатокъ своихъ трюмовъ товарами, имѣющими спросъ у различныхъ сѣверныхъ инородцевъ. Китобои всегда соединяли промысловыя операціи съ торговлей, и десять лѣтъ тому назадъ, до открытія золота на Сьюардскомъ полуостровѣ, когда сѣверъ Аляски былъ такою же пустыней, какъ нашъ Чукотскій полуостровъ въ настоящее время, когда вмѣсто трехъ крупныхъ пароходныхъ компаній и массы мелкихъ шкунъ, бороздящихъ теперь воды Берингова моря, они одни были его хозяева, когда по ихъ слѣдамъ не шли надоѣдливые таможенные крейсера, отъ которыхъ не стало спасенья даже въ С. Ледовитомъ океанѣ, когда ихъ трюмы были полны бочекъ алкоголя—они дѣлали блестящія торговыя операціи. То золотое время прошло и, надѣюсь, безвозвратно. Однако по старой традиціи они еще и въ настоящее время продолжаютъ торговать по берегамъ обоихъ континентовъ, ограничивающихъ въ этомъ мѣстѣ

Берингово море и С. Ледовитый океанъ. Есть еще и другая причина посѣщенія китобоями нашего побережья: имъ нужны дешевыя рабочія руки. Вся команда плавающихъ здѣсь китобоевъ, начиная съ капитана и до помощника повара, служитъ не за жалованье, а за проценты съ добычи. Служба же на этихъ судахъ и вообще все плаваніе въ С. Ледовитомъ океанѣ—вещь очень тяжелая, оплачивающаяся хорошо при удачѣ, а при неудачѣ дающая гроши. Иной годъ пароходъ за одинъ сезонъ убьетъ 8—10 китовъ, но я знаю и такой случай, что одинъ изъ нихъ три года зимовалъ въ океанѣ, добывъ за все время только трехъ китовъ. Наконецъ, преданія недавняго прошлаго, когда съ выходомъ въ океанъ капитанъ становился неограниченнымъ властелиномъ, не знающимъ никакихъ законовъ, кромѣ его собственной воли, когда пьянство, распутство на берегу, увозъ цвѣтныхъ женщинъ на цѣлый сезонъ плаванія чередовались съ суровѣйшей дисциплиной, не останавливающейся передъ пытками инквизиціи и даже убійствомъ, когда вся организація промысла клала на корабль скорѣе пиратскій отпечатокъ, чѣмъ легально—промышленный,—сдѣлали службу на такихъ судахъ крайне непопулярной въ глазахъ американскаго общественнаго мнѣнія. Быть не только рядовымъ матросомъ, но даже офицеромъ и капитаномъ на китобоѣ не составляетъ большой чести для американца, и потому наборъ команды на эти суда—вещь очень сложная. Помимо газетныхъ рекламъ и объявленій, разсказываютъ, что вербовщики ходятъ по питейнымъ притонамъ и если находятъ пропившагося матроса, немедленно заключаютъ съ нимъ контрактъ. Но даже и такими средствами набрать полный комплектъ съ мѣста не всегда удается, т. к. команда должна быть большая. На каждомъ суднѣ для охоты надо спустить отъ 4 до 6 вельботовъ по 8 человѣкъ каждый, да и на пароходѣ надо оставить съ капитаномъ никакъ не менѣе 7 человѣкъ. Итого минимумъ команды—40 человѣкъ. Отсюда прямой выводъ: добирать недостающее количество матросовъ изъ инородцевъ, они къ тому же болѣе дешевые и безотвѣтные работники, съ ними можно совсѣмъ не церемониться. Но китовый промыселъ—дѣло тяжелое и опасное, поэтому брать на него новичковъ не приходится; наши же айваны и чукчи восточнаго побережья Чукотскаго полуострова исконни занимаются этими промыслами. Почему именно китобои обращаются за пополненіемъ ихъ командъ къ нашимъ, а не своимъ инородцамъ, я сказать положительно не рѣшаюсь. Можетъ быть послѣдніе менѣе ловки въ работѣ, а можетъ быть и потому, что правительство Соед. Штатовъ препятствуетъ такому набору инородцевъ. Досто-

вѣрно извѣстно только то, что китобои, снарядившись какъ слѣдуетъ, идутъ сначала въ Уналяшку—портъ на одномъ изъ Алеутскихъ острововъ, гдѣ выжидаютъ благопріятнаго состоянія льдовъ въ Беринговомъ морѣ, а потомъ направляются въ послѣднее. Вмѣстѣ со льдами они продвигаются все сѣвернѣе и сѣвернѣе, пока не дойдутъ до о-ва Св. Лаврентія. Отсюда собственно начинается серьезная охота. Но первымъ дѣломъ они идутъ въ нашъ Чаплинъ и окрестные поселки, торгуютъ немного, добираютъ недостающій комплектъ работниковъ, ищутъ китовъ въ Анадырскомъ заливѣ, проходятъ вдоль побережья до Дежнева, снова возвращаются назадъ, то охотясь за китами, то приставая почти къ каждому селенію для торговли. Китобои приходятъ къ Чаплину въ началѣ мая, держатся у нашего побережья недѣли двѣ и къ 20-мъ числамъ бываютъ въ состояніи попасть въ Номъ, а оттуда въ С. Ледовитый океанъ. Позднею осенью, обыкновенно въ октябрѣ, китобои снова посѣщаютъ наше побережье для высадки нанятыхъ чукчей и идутъ на зиму въ С.-Франциско; но бываютъ случаи, что и зимуютъ въ С. Ледовитомъ океанѣ около устья Мекензіевой рѣки, гдѣ, какъ говорятъ, у нихъ есть небольшой складъ запасовъ и угля.

Товары, которые они везутъ намъ, состоятъ изъ: чая, сахара, табака, муки, галетъ, мануфактуры, ружей, патроновъ, принадлежностей китового боя и пр. Раньше они были главными поставщиками спирта, но теперь американское правительство запретило имѣть на борту парохода неограниченное количество спирта въ бочкахъ, и таможня, выпуская пароходъ, строго слѣдитъ за тѣмъ, чтобы на немъ было только разрѣшенное количество бутылокъ по числу команды. Американцы заботятся, понятно, только о своихъ инородцахъ, но отъ этого получилась польза и для нашихъ, т. к. хотя китобои продолжаютъ и теперь продавать спиртъ бутылками, все же это единичные случаи, и массового ввоза нѣтъ. Есть еще и другое зло, приносимое посѣщеніями нашихъ береговъ китобоями. Команды ихъ, набранныя изъ подонковъ общества, не церемонились съ простодушными дикарями и понизили нравственный уровень до того, что всѣ женщины восточнаго побережья Чукотскаго полуострова стали продажнымъ товаромъ, а это въ свою очередь вызвало зараженіе венерическими болѣзнями. Подвыпившій чукча продастъ что угодно, до жены и дочери включительно. Пользуясь этимъ, весь пріѣзжавшій сюда сбродъ не только безчинствовалъ во время заходовъ по побережью, но набиралъ себѣ цѣлые гаремы на весь сезонъ плаванія. Для послѣдней цѣли китобои выбирали время передъ

самымъ выходомъ въ С. Ледовитый океанъ, гдѣ надзоръ за ними американскихъ таможенныхъ крейсеровъ все же значительно слабѣе, поэтому женщины брались не съ южной части полуострова, а въ деревняхъ отъ губы Св. Лаврентія къ сѣверу.

Заходъ каждаго парохода производитъ въ монотонной жизни чукчей цѣлую эпоху, тѣмъ болѣе что китобои являются при томъ первыми вѣстниками наступающаго лѣта. Хотя въ маѣ мѣсяцѣ солнце уже свѣтитъ почти цѣлыя сутки, ледъ еще стоитъ у береговъ не тронутый, не взломанный на далекое пространство, и сообщеніе по нему на собакахъ идетъ во-всю. Когда на горизонтѣ покажутся три мачты съ «пѣтушинымъ гнѣздомъ», все населеніе деревни выбѣгаетъ изъ ярангъ: кто готовитъ собакъ, кто лыжи, и еще пароходъ не успѣетъ дойти до материковаго льда, какъ у края его ожидаетъ толпа народа различнаго пола и возраста. Всѣ привозятъ и приносятъ съ собой что нибудь для продажи: одинъ держитъ связку лисицъ, у того на партѣ лежитъ шкура бѣлаго медвѣдя, другой ограничился парой перпичныхъ шкуръ, связкой ремней, нѣсколькими фунтами китоваго уса, моржевого клыка; женщины несутъ сапоги своего издѣлья, шитые коврики, сумочки, другія бездѣлушки... Съ парохода немедленно бросаютъ концы; веселая, суетливая толпа притягиваетъ его плотно ко льду и быстро карабкается на палубу. А здѣсь уже ждутъ и угощаютъ гостей; если предвидится большой торгъ, то рюмкой спирта, а то просто чаемъ, табакомъ, кускомъ сахару. Когда же намѣриваются набрать женщинъ, то просто напаиваютъ пьяными. Чукчѣ не много нужно: отъ 2 — 3 рюмокъ онъ уже раскисъ, подпоить требуется только вліятельныхъ членовъ семействъ. Давъ имъ по мѣшку муки, или какой либо другой пустякъ, китобои сбрасываютъ лишнюю публику на ледъ, оставляютъ облюбованныхъ женщинъ и благополучно уходятъ въ С. Ледовитый океанъ. Тамъ невольныя подруги ихъ безалаберно-грязной жизни дѣлятъ съ ними всѣ превратности судьбы, а осенью при возвращеніи домой, ихъ сбрасываютъ на берегъ у тѣхъ же деревень, заплативъ кулькомъ муки, да отрѣзкомъ ситца на платье въ придачу къ безплатному сифилису и беременности. И все это не «дѣла давно минувшихъ дней», а практиковалось лишь два года тому назадъ! Да чего же лучше, если какой-то пройдоха Беберъ, одинъ изъ самыхъ темныхъ геніевъ нашего беззащитнаго сѣвера, владѣя шкупой, вывезъ съ нашего побережья цѣлую деревню, таскалъ ее по всѣмъ Соед. Штатамъ и показывалъ за деньги на Сіатльской выставкѣ.

Гораздо позднѣе китобоевъ появляются у нашихъ береговъ торговыя американскія шкуны. Своей базой онѣ имѣютъ г. Номъ, самый значительный портъ на сѣверѣ Аляски. Такъ какъ г. Номъ самъ питается изъ г. Сіаттля, съ которымъ связанъ правильными пароходными рейсами, и другого сообщенія, кромѣ водянаго не имѣетъ, то шкуны естественно должны выжидать тамъ прибытія первыхъ пароходовъ, привозящихъ и пополняющихъ всѣ запасы, истощенные девятимѣсячной зимой. Къ этому времени шкуны, вытащенныя осенью на берегъ, спускаются на воду, исправляются, снабжаются газолиновыми моторами и, словомъ, готовятся къ компаніи. Числахъ въ десятыхъ іюня новаго стиля сообщеніе Нома съ Сіаттлемъ обыкновенно уже устанавливается, и шкуны, нагрузившись, разсыпаются по Американскому и Азіатскому берегамъ во всѣхъ направленіяхъ. Область ихъ вліянія на нашей сторонѣ начинается отъ Колючинской губы и идетъ по южному побережью до бухты Барона Корфа. Маленькое, большею частію, двухмачтовое суденышко въ 40 — 50 футовъ длиною и грузоподъемностью 7 — 10—12 тоннъ, шкуна не набираетъ много груза за одинъ разъ, да это и не требуется обстоятельствами, потому что районъ ея плаванія небольшой, и оборудованіе торговли стоитъ сравнительно гроши. Очень рѣдко можно встрѣтить, что бы владѣлецъ шкуны торговалъ на ней самъ. Обыкновенно же болѣе или менѣе крупныя торговыя фирмы въ Номѣ пріобрѣтаютъ шкуну, снабжаютъ ее своими товарами и сдаютъ на коммисію одному-двумъ довѣреннымъ морякамъ, какъ правило, за 50% чистаго барыша. Команда, они же и торговцы, состоитъ изъ двухъ, рѣдко трехъ человѣкъ, при чемъ одинъ изъ нихъ называетъ себя капитаномъ, другой инженеромъ, а если есть третій, то онъ присваиваетъ себѣ громкое названіе ревизора. «Капитанъ», всѣ инструменты котораго состоятъ изъ карты и компаса, стоитъ на рулѣ, правитъ парусами, слѣдитъ за газолиновой машинкой, величиною чуть побольше хорошаго купеческаго самовара, въ то время какъ «инженеръ» отдыхаетъ, набираясь силъ, чтобы смѣнить «капитана». Такимъ образомъ они пересѣкаютъ Беринговo море при попутномъ вѣтрѣ въ два, а то въ три дня, выбирая хорошую погоду, потому что разъ они добрались до береговъ, уже никакая погода имъ не страшна: при осадкѣ шкуны около 4-хъ въ среднемъ футовъ, она найдетъ укрытіе въ первой рѣчкѣ, за первымъ изгибомъ берега. Вслѣдствіе частыхъ сношеній, обѣ стороны научились понимать другъ друга; «капитаны» знаютъ нѣсколько необходимѣйшихъ чукотскихъ словъ,

а чукчи и айваны восточного побережья могутъ объясняться на искаженномъ англійскомъ языкѣ. Передъ началомъ торговли, гдѣ бы она не производилась, купцы берутъ-одного двухъ переводчиковъ изъ чукчей, говорящихъ по англійски, которые въ то же время исполняютъ всѣ черныя работы и разъѣзжаютъ съ ними по берегу. Товары у нихъ тѣ же, что и у китобоевъ. На распродажу 5—8 тонъ груза не надо много времени и шкуны за короткое здѣшнее лѣто успѣваютъ раза по три посѣтить наше побережье. Они тоже не гнушаются какъ торговлей спиртомъ, такъ и куплей женщинъ, хотя первое начинаетъ уже быть рѣдкимъ явленіемъ. Связи у нихъ съ чукчами старыя, многолѣтнія; нѣкоторые изъ «капитановъ» и «инженеровъ» имѣютъ на Чукотскомъ полуостровѣ побочныя семьи, которыя они стараются поддерживать по мѣрѣ силъ матеріально. Случается часто, что такое товарищество: «инженеръ» съ «капитаномъ берутъ въ самый поздній сезонъ шкуну съ товаромъ, переѣзжаютъ на нашу сторону, вытаскиваютъ на берегъ свое судно, якобы затертое здѣсь льдомъ, и зимуютъ со своими нелегальными женами, а по веснѣ, съ первой водой, отправляются торговать.

Изъ американскихъ компаній раньше торговало на нашемъ побережьи «Сѣверо-Восточное Сибирское Общество». Хотя оно имѣло организацію и представительство въ С.-Петербургѣ, а директора и акціонеры носили русскія фамиліи, тѣмъ не менѣе къ русскимъ компаніямъ, торговавшимъ въ этомъ краѣ, его никакъ отнести нельзя. Въ самомъ дѣлѣ, если активную свою контору оно имѣетъ въ Америкѣ, всѣ товары высылаетъ изъ Америки, всѣ его активные агенты — американцы, вся торговля и отчетность по ней ведутся на англійскомъ языкѣ, то какое я имѣлъ бы право отнести его къ русскимъ обществамъ только потому, что въ его интересы входитъ называть себя русскимъ? Девять лѣтъ тому назадъ С. В. С. О-во выстроило на восточномъ берегу Чукотскаго полуострова три факторіи, или, какъ больше ихъ принято называть, «станціи»: Михайловскую на мысѣ Дежнева, Николаевскую въ бухтѣ Св. Лаврентія и Владимірскую въ бухтѣ Провидѣнія. Назначеніе ихъ было двоякое: служить отправными пунктами и складами запасовъ для горнаго дѣла и быть магазинами для торговли съ инородцами. Сообразно этимъ двумъ функціямъ онѣ имѣли и различный служебный персоналъ. Торговыми операціями завѣдывалъ на каждой станціи агентъ съ помощникомъ; они же являлись отвѣтственными приходорасходчиками имущества, но въ область горнаго дѣла не мѣшались. Для послѣдней цѣли на станціяхъ жили американскіе

проспекторы на особыхъ условіяхъ, такъ наз. «grub stake». «Grub stake»-омъ называется все необходимое для развѣдки: платье, палатки, провизія, инструменты, оружіе, лѣсъ для построекъ, утварь,—все обезпечивающее жизнь и работу проспектора въ пустынныхъ мѣстахъ. Это общепринятая въ Америкѣ система горной развѣдки. Тамъ существуетъ особый классъ людей, проспекторы, которые всю свою жизнь проводятъ на лонѣ природы. Послѣ работъ на нѣсколькихъ рудникахъ, познакомившись на практикѣ съ минералогіей, кое-что вычитавъ изъ книгъ, они идутъ въ пустынныя, мало извѣстныя мѣста въ надеждѣ найти для себя какую-либо руду, заслуживающую разработки. Но такъ какъ все это народъ бѣдный, у которыхъ кромѣ пары здоровыхъ рукъ и ногъ ничего нѣтъ, то они или стараются работой на рудникахъ скопить достаточно средствъ, чтобы потомъ въ компаніи съ двумя-тремя такими же товарищами, купить собственный grub stake и начать самостоятельные пріиски, или заинтересовать капиталиста-горнопромышленника, который за выговоренные % (обыкновенно 50%) со всѣхъ находокъ, снабжаетъ ихъ безплатнымъ grub stake'омъ. Обезпеченные провизіей и незатѣйливымъ имуществомъ, проспекторы съ ружьемъ, лопатой и котомкой за спиной углубляются въ самыя дикія дебри, живутъ мѣсяцами, не видя европейскаго лица, не имѣя ничего для защиты отъ непогоды, кромѣ палатки, питаясь больше «чѣмъ Богъ пошлетъ» отъ коробки консервовъ до пойманной рыбы, убитаго звѣря. По закону, принятому въ Америкѣ, во время работы они имѣютъ право охоты на всякую дичь и во всякое время года. Нѣкоторые, болѣе удачливые, находятъ что-либо и обогащаются. Сами проспекторы рѣдко разрабатываютъ свою находку, а чаще или продаютъ за хорошія деньги свое право капиталисту, или организуютъ компанію, которая беретъ на себя постановку дѣла, выплачивая владѣльцу опредѣленный процентъ. Если же проспекторъ работаетъ на чужомъ grub stake'ѣ, то, по заключенному условію, находки разрабатываетъ капиталистъ, снабжавшій его въ развѣдкѣ средствами, съ выплатою только опредѣленнаго процента отъ чистаго барыша. Израсходовавъ одинъ grub stake, они снова идутъ въ рудники копить деньги, или ищутъ новое лицо, которое въ состояніи было бы имъ для него дать необходимыя средства, и такъ всю жизнь. Даже тѣ изъ нихъ, которые обогатились отъ удачныхъ находокъ, рѣдко порываютъ съ этой, полной труда и приключеній, вольной жизнью, и даже у насъ, на Чукотскомъ полуостровѣ, я встрѣчалъ въ проспекторской блузѣ лицъ, имѣвшихъ многіе десятки тысячъ собственнаго капитала.

Вотъ такихъ проспекторовъ и имѣло С. В. С. О-во по станціямъ для горнаго дѣла. Въ первые годы концессіи Общество содержало ихъ, и станціи были въ то же время складами grub stake'a, но года 4 тому назадъ система эта была прекращена, и на полуостровъ допускались только проспекторы, привозившіе собственное имущество. Для общаго наблюденія за торговлей и горнымъ дѣломъ въ началѣ имѣлся главноуправляющій Подгурскій, который, впрочемъ, большую часть времени жилъ въ Америкѣ, а послѣ его смерти, въ 1906 году, эта должность была упразднена, и каждый агентъ на станціи являлся самостоятельнымъ хозяиномъ. Нерацiональная постановка дѣла, отсутствіе контрольнаго хозяйскаго глаза сдѣлали то, что дѣла общества ухудшались изъ года въ годъ. Сначала сказалось это на проспекторахъ, штатъ которыхъ сократился до того, что послѣдніе два года концессіи на grub stake'ѣ не оставалось ни одного человѣка, а потомъ и на торговлѣ. Въ 1905 году закрывается Николаевская станція, двѣ остальныя еще продолжаютъ существовать два года, но въ 1908 году ихъ оказалось нечѣмъ снабдить, и товары были получены на комиссію отъ другой американской компаніи, а послѣдній годъ концессіи закрываются и остальныя двѣ станціи. Всѣ, какіе были на полуостровѣ, служащіе отзываются домой, и дѣло существуетъ только на бумагѣ. Пополненіе станцій товаромъ, провизіей, углемъ производилось всегда позднею осенью съ послѣдними рейсами. Въ первые годы Общество имѣло для этой цѣли пароходъ «Мануэлзе», переименованный въ «Надежду», затѣмъ шкуну «Барбара Генстеръ», но ихъ какъ-то преслѣдовалъ злой рокъ, и они терпѣли крушенія одно за другимъ. Позднѣе, общество находило болѣе удобнымъ фрахтовать одну-двѣ американскихъ шкуны въ Номѣ, которыя развозили товары, доставлявшіеся туда изъ Сіаттля обычнымъ пароходнымъ путемъ. Для закупки товаровъ и организаціи всѣхъ дѣлъ Общества, какъ торговыхъ, такъ и горныхъ, имѣлись конторы: главная въ г. Сіаттлѣ, и ея отдѣленіе въ г. Номѣ. Всѣ агенты, всѣ сколько-нибудь значительные служащіе на полуостровѣ, кромѣ одного лица, которое играло только подставную роль, высылались также изъ Америки.

Подборъ товаровъ по станціямъ былъ полный, соотвѣтственный мѣстному спросу и потребностямъ; агенты были люди опытные, знавшіе пушное дѣло, съ хорошими окладами, что, впрочемъ, не избавляло общество отъ злоупотребленій съ ихъ стороны за отсутствіемъ контроля. Въ моемъ годовомъ отчетѣ за 1907/8 годъ я далъ под-

робное перечисленіе товаровъ по станціямъ, поэтому теперь приводить ихъ не буду. Торговыя операціи разсчитывались на зимній сезонъ, когда въ краѣ не оставалось конкурентовъ, и хотя объ этомъ постоянно говорилось, но я не знаю, собиралось ли Общество когда-либо серьезно конкурировать со шкунами и китобоями. По разгрузкѣ и разцѣнкѣ товаровъ, какъ только бухты покрылись льдомъ, и открывался первый снѣжный путь, съ окрестныхъ поселковъ начинали прибывать чукчи, привозя свои незамысловатые товары; но главный торгъ шелъ во вторую половину зимы, съ января мѣсяца, когда на каждую станцію нарты пріѣзжали иногда десятками. Гостей поили чаемъ съ галетами, вечеромъ заводили для нихъ грамофонъ, а на другое утро открывался торгъ.

Чукча далеко не всегда ѣдетъ съ опредѣленнымъ намѣреніемъ купить тѣхъ или иныхъ вещей. Онъ знаетъ, что ему необходимо нѣсколько кирпичей чаю и папушъ табаку, а дальше возьметъ то, что больше бросится въ глаза: гармонику, и если у него есть китовый усъ или медвѣжья шкура, то грамофонъ, швейную машину, газолиновую или керосиновую кухню и т. п. вещи, часто совсѣмъ ненужныя въ его обиходѣ. Къ веснѣ, обыкновенно, всѣ главные товары по станціямъ оказывались распроданными, и агенты занимались упаковкой вымѣненнаго сырья. Съ первой водой приходили опять шкуна-двѣ, забирали связки кожъ, мѣховъ, уса, кости и везли въ Номъ, гдѣ ихъ принимала Номская контора и отправляла въ г. Сіаттль на аукціонъ. Лѣтомъ станціи почти не работали. Въ среднемъ, черезъ двѣ станціи ежегодно ввозилось на полуостровъ товаровъ на сумму отъ 35 до 40 тысячъ рублей, которые приносили валового дохода не менѣе 100%, т. е. давали вымѣненнаго сырья на 70 — 80 тысячъ рублей.

Подъ вліяніемъ географическихъ условій, которыя сдѣлали восточное побережье Чукотскаго полуострова наиболѣе близкимъ и доступнымъ мѣстомъ ввоза товаровъ культурнаго производства, тамъ начинаетъ вырабатываться классъ посредниковъ—мѣстныхъ купцовъ, въ товарообмѣнѣ съ глубокой тундрой. Въ этомъ отношеніи айваны оказались гораздо предпріимчивѣе чукчей, и ихъ два поселка, одинъ на м. Чаплинѣ, другой на м. Дежневѣ обѣщаютъ развиться въ бойкіе торговые пункты. Мечта каждаго жителя восточнаго побережья выстроить деревянную лавку — признакъ его зажиточности, достатка. Это просто небольшіе амбарчики 8×8 приблизительно аршинъ, сколоченные по американскому образцу изъ брусьевъ и досокъ, съ 1 — 2 окнами, поломъ и потолкомъ.

Лавка, продуктъ позднѣйшаго нововведенія, дѣйствительно очень полезна для берегового жителя, имѣющаго постоянную осѣдлость, такъ какъ не только выполняетъ свое прямое назначеніе, но и служитъ въ то же время и мастерской и складомъ для всей его рухляди, пріучая къ опрятности и бережливому отношенію съ вещами. Въ настоящее время такихъ лавокъ на восточномъ побережьѣ нѣсколько десятковъ. И общество, и торгующіе посредствомъ шкунъ Номскія фирмы постоянно имѣли и имѣютъ на складѣ лѣсъ для построекъ, потому что первое, что спрашиваетъ убившій кита и потому сразу обогатившійся чукча или айванъ, это лавку, а затѣмъ товару въ нее настолько, насколько хватитъ у него покупныхъ средствъ. Тогда его мечта о привольной жизни зимою становится осуществимой: въ легкую нарту онъ накладываетъ товару столько, сколько найдетъ нужнымъ по своему состоянію, состоянію покупателей, и ѣдетъ по знакомымъ поселкамъ, останавливаясь у того, съ кѣмъ у него существуютъ торговыя связи. Такія торговыя зимнія поѣздки являются непрерывнымъ праздникомъ: торопиться чукчѣ некуда, и если только погода чуть хмурится, онъ живетъ въ пріютившей его юрангѣ день, три, пять. Ему рады, потому что онъ даетъ кирпичъ чаю, папушу табаку.... Его и его собакъ будутъ кормить лучшимъ кормомъ, не ставя этого въ счетъ, за товары ему заплатятъ лисицей, оленьей шкурой, выпороткомъ, а если покупныхъ средствъ въ настоящую минуту нѣтъ, то торговецъ повѣритъ въ долгъ. Онъ ѣздитъ отъ поселка къ поселку, пока не останется пустая нарта съ оленьей постелей да вымѣненной пушниной. Даже если такой купецъ не торгуетъ въ данномъ мѣстѣ, а застигнутый ночью или непогодой въ пути случайно остановиться переночевать, его съ собаками будутъ кормить одинаково хорошо, а онъ, согласно съ обычаемъ, даетъ членамъ юранги по листику табаку или чаю на заварку. Пользуясь такимъ широкимъ гостепріимствомъ, чукчи могутъ совершать громадныя передвиженія, не обременяя своихъ нартъ лишней кладью, и потому каждый торгующій не только поддерживаетъ связь съ окрестными кочевьями, но ѣдетъ далеко по берегу, развозя культурные товары.

Чаплинцы, по преимуществу, обслуживаютъ такимъ образомъ все южное побережье, развозя американскіе товары до самого Анадыря. Обыкновенно, въ февралѣ мѣсяцѣ собирается нѣсколько нартъ чаплинскихъ и амтунскихъ чукчей, соединяясь въ товарищества для дальней дороги, и ѣдутъ дней двадцать, двадцать пять,

пока заселенными и пустынными мѣстами не доберутся до устьевъ р. Анадыря, гдѣ на посту Ново-Маріинскомъ живутъ посредники марковскихъ купцовъ. Имъ чукчи везутъ винчестера, дробовики, патроны, мануфактуру, песцовъ, перпичьи, лахтачьи шкуры и вымѣниваютъ на собакъ, оленьи шкуры, мѣдную посуду, русскіе папуши табаку и проч. Въ лѣтнюю пору тотъ же путь проходится на байдарахъ. Въ началѣ іюля байдары тянутъ вдоль берега полуострова по направленію къ Анадырю, причемъ пользуются парусами при попутномъ вѣтрѣ, и веслами, когда вѣтра нѣтъ. Ѣдутъ недѣлями, охотясь по дорогѣ, приставая къ берегу варить пищу, ночевать, въ случаѣ дурной погоды. Вытащенная на берегъ и опрокинутая байдара, съ помощью немудрыхъ приспособленій изъ веселъ и паруса, образуетъ укрытіе отъ дождя, а на удобныхъ косахъ всегда имѣются въ запасѣ нѣсколько плавника для небольшого костра. Выждавъ на посту Ново-Маріинскомъ прибытія русскаго парохода, поторговавъ съ марковскими купцами, съѣздивъ въ различныя мѣста окрестнаго побережья и вверхъ по рѣкѣ Анадырю къ оленнымъ чукчамъ за оленьими шкурами, камасами, сухожильями, «носовые», какъ ихъ здѣсь называютъ, чукчи поздней осенью трогаются въ обратный путь. Иногда ихъ подберетъ и доставитъ на мѣсто военный транспортъ, ежегодно посѣщающій побережье въ это время, а то доберутся до дому собственными средствами. Но если только въ Анадырскомъ лиманѣ есть паровое судно и время отъѣзда совпадаетъ, чукчи немедленно наведутъ справки о его курсѣ и попросятъ капитана о принятіи ихъ на бортъ.

Роль, которую по отношенію южнаго побережья исполняютъ чаплинцы, на сѣверѣ взяли на себя дежневцы и уэленцы. Зимою часто можно встрѣтить 3 — 4 ихъ нарты, тянущіяся вдоль берега С. Ледовитаго океана съ неизмѣннымъ грузомъ чая, сахара, муки, табаку, ружейныхъ патроновъ, желѣзнаго скарба. Они доѣзжаютъ до рѣки Ванкаремы и даже Сѣв. мыса, гдѣ живутъ ихъ друзья-посредники въ дальнѣйшей торговлѣ. Какъ и на югѣ, каждый мѣстный купецъ имѣетъ опредѣленный кругъ лицъ, съ которыми онъ изъ года въ годъ поддерживаетъ торговыя сношенія, основанныя на широкомъ кредитѣ и довѣріи. Всѣ сдѣлки ведутся по памяти; рѣдко я встрѣчалъ въ употребленіи бирки и только въ одномъ случаѣ наблюдалъ родъ записи: на стѣнѣ своей лавки купецъ графитомъ изображалъ родъ іероглифовъ, каждый съ опредѣленнымъ, ему одному понятнымъ, значеніемъ.

Сношенія по побережью никогда не носятъ опредѣленнаго, правильнаго характера. Въ этой мѣстности нѣтъ того, что принято называть ярмарками, и даже купцы не всегда сами ѣдутъ съ товарами на западъ. Иногда случается, наоборотъ, что пріѣзжаютъ за товарами ихъ торговые посредники съ Ванкаремы и Сѣв. мыса, привозя свой хуыль-хуыль. Поѣздки тѣхъ и другихъ зависятъ отъ совершенно случайныхъ причинъ, причемъ главную роль играетъ состояніе собакъ и возможность кормиться въ пути, а также потребность въ товарахъ. Пынгылъ (молва) здѣсь играетъ доминирующую роль. Пока не получится благопріятныхъ извѣстій, что въ данной мѣстности нѣтъ повальныхъ болѣзней, голода, что общее состояніе снѣга благопріятно, т. е. послѣдній сталъ твердымъ — до тѣхъ поръ чукча не тронется въ дальнюю торговую поѣздку.

На восточномъ побережьѣ я не встрѣчалъ купцовъ, которые заѣзжали бы дальше Сѣв. мыса. Но наиболѣе зажиточные и предпріимчивые чукчи этой послѣдней мѣстности посѣщаютъ какъ берега Берингова пролива, такъ и русскія поселенія на р. Колымѣ и даже изрѣдка ярмарки Анадырскаго бассейна. Они являются послѣдующими распредѣлителями культурныхъ товаровъ по всѣмъ самымъ глухимъ уголкамъ края, на берегу моря и по кочевьямъ.

Главный товаръ, который скупается дежневскими купцами, состоитъ изъ китоваго уса, песцовъ, медвѣжьихъ шкуръ, моржевыхъ клыковъ и оленьихъ шкуръ. Всѣ эти товары, за исключеніемъ оленьихъ шкуръ, поступаютъ потомъ какъ на станціи Сѣв. Вост. Общества, такъ и на торговыя шкуны и китобойныя суда. Въ послѣдніе годы сюда приходятъ также два русскихъ почтовыхъ парохода и охранный транспортъ, черезъ посредство которыхъ небольшая часть чукотскихъ товаровъ попадаетъ на русскій рынокъ, но она настолько ничтожна, что не заслуживаетъ и упоминанія. Для оленьихъ же шкуръ издавна установился особый сбытъ. Это матеріалъ для зимней одежды, безъ котораго обходиться въ сѣверныхъ широтахъ очень трудно: онъ въ большомъ спросѣ не только на нашемъ побережьѣ, но и на американскомъ, и тамошніе эскимосы нуждаются въ шкурахъ не менѣе нашихъ чукчей; 20 лѣтъ тому назадъ на сѣверѣ Америки не было ни одного домашняго оленя, и всѣ шкуры этого животнаго шли отъ насъ, что продолжается, однако, и теперь, такъ какъ всѣ стада эскимосовъ находятся подъ строгимъ контролемъ правительственныхъ чиновниковъ, и бить оленей для мяса разрѣшается очень осторожно, по преимуществу зимою, когда шкура, обросшая длинной густой шерстью, для платья

не годится. Такимъ образомъ, американское оленеводство, несмотря на блестящіе успѣхи, пока одежды своимъ инородцамъ не даетъ, и задачу по доставленію оленьихъ мѣховъ аляскинскимъ инородцамъ до послѣдняго времени выполняли жители мыса Дежнева. Пользуясь узостью пролива, двумя островами Діомида, дающими попутныя станціи, они переправляются черезъ Беринговъ проливъ на мысъ Принца Уэльса, а оттуда вдоль берега спускаются иногда до самаго г. Нома. За послѣдніе 7—8 лѣтъ, съ развитіемъ этого города, служащаго промежуточной базой для американскаго рынка, мелкія шкуны, до той поры неизвѣстныя на сѣверѣ Берингова моря, вступили, какъ посредники, въ эту торговлю и, понятно, захватили себѣ львиную долю барышей, такъ какъ чукчамъ, пользующимся байдарами и собаками, трудно конкурировать съ сравнительно быстро передвигающимися шхунами. Какъ я уже упоминалъ, иногда эти шхуны нарочно выбрасываются осенью на нашъ берегъ, выбирая глухія мѣста, скупаютъ за зиму шкуры безъ конкурентовъ за безцѣнокъ и привезя ихъ затѣмъ въ Номъ, наживаютъ сотни процентовъ барыша. Ихъ торговля, само собою разумѣется, идетъ за счетъ нашихъ купцовъ-инородцевъ съ восточнаго побережья, потому что не только дежневскіе, уэленскіе и прочіе чукчи сѣвернаго угла Чукотскаго полуострова ежегодно ѣздятъ на Американскій берегъ, но я знаю даже чаплинскихъ жителей, которые неоднократно бывали на своихъ байдарахъ въ Номѣ съ торговыми цѣлями, поднимаясь вдоль берега до м. Дежнева и тамъ пересѣкая проливъ. На оленьи шкуры наши чукчи вымѣниваютъ у эскимосовъ сиводушекъ, красныхъ, и чернобурыхъ лисицъ, а особенно рѣчныхъ бобровъ, идущихъ на оторочку платья.

Въ самое послѣднее время американская торговля начинаетъ пробираться въ глубь страны, гдѣ до этихъ поръ царила исключительно русская.

Сѣв. Вост. Сиб. Общество, въ томъ видѣ, какимъ мы его знаемъ, покончило свое существованіе, и если возродится, на что надежды очень мало, то въ другихъ формахъ. Оно понесло крупные убытки, но его второстепенные дѣльцы разжились. Главная его вина состоитъ въ томъ, что оно акклиматизировало американскій товаръ и американскихъ торговыхъ дѣльцовъ у насъ на полуостровѣ. Ихъ патроны, ружья, желѣзный товаръ, галеты, мука, даже табакъ начинаютъ быть потребностью жителей края; ихъ дѣльцы, служившіе раньше агентами, помощниками, проспекторами, ознакомились съ мѣстной жизнью, языкомъ, вкусами, нашли въ Америкѣ рынокъ

для здѣшняго сырья, установили ту связь между производителемъ и потребителемъ, безъ которой немыслимъ правильно поставленный торгъ. И вотъ, на развалинахъ перваго, мало приспособленнаго къ краю общества, образуется другое, уже чисто американское, изъ настоящихъ дѣльцовъ, которые знаютъ не только, что желать, но и какъ получить желаемое, которые живутъ годами среди инородцевъ и помня мудрую американскую пословицу «keep your initial expenses down», начинаютъ дѣло скромно, чтобы первыя ошибки ложились возможно легко на карманъ предпринимателя. Я имѣю въ виду ту компанію, которая образовалась въ настоящее время на устьѣ р. Анадыря и называетъ себя Northern Trading Co. Собственно, это имя шепчется по секрету, можетъ быть, для того, чтобы не обращать на себя вниманія, и во главѣ предпріятія выступаетъ якобы единственное лицо, нѣкто Талентайръ, бывшій ходатай по дѣламъ въ гор. Сіаттлѣ. Первый 1908/9 годъ новая компанія снабжаетъ станціи С. В. С. О-ва своими товарами за опредѣленный процентъ чистой прибыли. Я думаю, что эта сдѣлка совершена въ Америкѣ директоромъ-распорядителемъ Общества Розномъ, и петербургское правленіе долго не знало объ этомъ соглашеніи. Затѣмъ въ лѣто 1909 года Талентайръ, заручившись рекомендательными письмами, ѣдетъ во Владивостокъ и Хабаровскъ, дѣлаетъ визиты, заручается поддержкой своего вице-консула, выхлопатываетъ разрѣшеніе на торговлю, закупаетъ часть необходимыхъ товаровъ и прибываетъ на устье рѣки Анадыря. Тутъ у него готовъ уже и агентъ, и ботъ съ моторомъ для рѣки, и шкуна для доставки товаровъ изъ Нома. На посту Ново-Маріинскомъ ставятся постройки, открываются маленькія отдѣленія на мысахъ Энмиленъ и Дежневѣ, предполагается постройка второй станціи на рѣкѣ Бѣлой, поѣздка по берегу и въ бассейнъ р. Колымы. Какъ пойдутъ операціи этой новой компаніи, съумѣетъ ли отстоять свой форпостъ русская торговля—покажетъ ближайшее будущее, пока же посмотримъ, какъ послѣдняя слагалась здѣсь, на рубежѣ нашего вліянія въ недалекомъ прошломъ, и что тамъ есть въ настоящее время. Не имѣя подъ руками никакихъ датъ, ни справокъ, я могу говорить о прошломъ только общими мѣстами, сообразно слышаннымъ мною разсказамъ и моимъ наблюденіямъ надъ мѣстной жизнью.

Русское вліяніе и торговля основались гораздо раньше на р. Колымѣ, чѣмъ на Анадырѣ. Это видно ужъ изъ того, что жители Анадырскаго бассейна прежде въ значительной степени зависѣли отъ товаровъ, привозимыхъ на Анюйскую ярмарку, которую они

посѣщали регулярно, преодолѣвая горы Станового Хребта и громадную снѣжную пустыню. Съ другой стороны, съ тою же регулярною правильностью колымскіе и якутскіе купцы посѣщали ярмарки Анадырскаго бассейна, пользуясь, какъ перевозочнымъ средствомъ, не только собаками и оленями, но прокладывая зимній путь даже на лошадяхъ. Анюйская ярмарка производилась въ поселкѣ Островномъ или, какъ его иначе называли, въ Анюйской крѣпости, выстроенной на рѣкѣ Маломъ Анюѣ—притокѣ р. Колымы. Я самъ того мѣста не видѣлъ, но мнѣ его описывали такъ: среди лѣсныхъ пустынь Малаго Анюя, верстахъ въ 400 отъ Нижне-Колымска, были выстроены ряды лавокъ, домовъ, съ церковью посрединѣ и стѣнами вокругъ всѣхъ строеній. Въ началѣ марта въ Нижне-Колымскъ пріѣзжали купцы изъ Средне-Колымска, Якутска, собирались мѣстныя власти, мѣстные жители, казаки, и ѣхали громаднымъ поѣздомъ въ Анюйскую крѣпость. Открывались ворота, топились зданія, раскладывались товары. А къ этому времени со всѣхъ концовъ тундры стягивались сюда кочевники: чукчи, чуванцы, ламуты, которые большими таборами располагались за стѣнами крѣпости, пріѣзжали анадырцы, иногда пенженцы. Ярмарка открывалась торжественно послѣ молебствія; кочевники получали угощеніе и подарки, за которые они отдаривали ясакомъ; поднимался флагъ, растворялись ворота, и открывался торгъ. Но какъ только длинный уже въ это время день склонялся къ вечеру, инородцы, особенно чукчи, самые воинственные и неспокойные, удалялись изъ стѣнъ, въ воротахъ ставились часовые казаки, и торговая крѣпость принимала видъ осажденнаго средневѣковаго замка.

Можно сказать, что отъ оборотовъ этой ярмарки зависѣло въ значительной степени снабженіе всей сѣверо-восточной тундры европейскими товарами, и пока къ устью р. Анадыря не установились ежегодные пароходные рейсы, пока американцы не завалили побережья Берингова моря своими товарами—положеніе ея было прочно. Марковцы, пенженцы везли туда ровдуги, мѣха, платья, вывозя въ обмѣнъ культурные товары. Цѣны на послѣдніе стояли, да и теперь тамъ стоятъ, ужасно высокія, въ 5—6 разъ выше нормальныхъ, что не удивительно, если принять во вниманіе, какія разстоянія сухимъ путемъ и водою должны они пройти, пока достигнутъ колымскихъ пустынь. Зимнюю транспортировку я нашелъ тамъ въ такомъ состояніи: изъ Средне-Колымска въ Нижній, около 500 в., за доставку одного пуда груза берутъ 2 рубля, и это считается низкой оцѣнкой, потому что марковцы отъ устья р. Анадыря и до

Маркова, приблизительно то же разстояніе, разцѣниваютъ въ три рубля съ пуда. А сколько такихъ разстояній приходится одолѣть идущимъ сюда товарамъ и сколько прирастетъ къ нимъ лишнихъ рублей? Доставка водою, понятно, обходится дешевле; но при отсутствіи машинныхъ двигателей, короткомъ лѣтѣ, недостаткѣ рабочихъ рукъ, вслѣдствіе того, что все рѣдкое населеніе спѣшитъ въ это время заготовить провіантъ для себя и кормъ для скота на долгую зиму, только незначительная часть товаровъ можетъ быть переправлена этимъ путемъ. Я полагаю, что только въ этомъ кроется объясненіе, почему Колымскій край снабжался и продолжаетъ снабжаться до послѣдняго времени изъ Якутска, а не черезъ портъ Олу, хотя послѣдній путь гораздо короче, и имѣя всего одинъ волокъ, гораздо удобнѣе Колымскіе купцы зависятъ отъ якутскихъ, находятся съ ними въ постоянныхъ сношеніяхъ, сдаютъ имъ наторгованную пушнину, получаютъ необходимыя пополненія и кредитъ.

Анюйская ярмарка, являясь однимъ изъ важнѣйшихъ распредѣлителей товаровъ культурнаго производства, была не единственной въ своемъ родѣ. Характеръ ярмарочной торговли, искони присущій духу русскаго народа, видимо продвигался на востокъ попутно съ обрусѣніемъ края, и потому на всемъ рубежѣ нашего вліянія устраиваются временныя торжища полупраздничнаго характера, куда съѣзжаются купцы, власти, инородцы, производится товарообмѣнъ—первая стадія сближенія разнородныхъ элеменовъ населенія, установленіе взаимнаго пониманія, основаннаго на общей пользѣ. Такія ярмарки имѣются въ Марковѣ, Ерополѣ, Пенженѣ и другихъ, иногда совсѣмъ не заселенныхъ, мѣстахъ, но куда по традиціи съѣзжаются къ опредѣленному времени купцы, осѣдлые и кочевые жители. Ярмарки выработали особый типъ мѣстнаго купца, который почти не живетъ на мѣстѣ, а имѣя опредѣленный кругъ ярмарокъ и связанныхъ съ ними торговыхъ сношеній, кочуетъ круглый годъ съ одного торжища на другое. Въ Нижне Колымскѣ на ярмаркѣ я встрѣтилъ одного такого патріарха, лѣтъ за 70-ть, который всю свою жизнь провелъ, странствуя по тайгѣ и тундрѣ съ товарами. Сколько разъ за свою долгую жизнь онъ съѣздилъ на Лену, Индигирку, Алазею, Колыму, Анадырь — онъ потерялъ уже и счетъ! Такъ было раньше, такъ отчасти есть и теперь, хотя сильное паденіе ярмарокъ замѣчается повсемѣстно. Жизнь дѣлаетъ свое дѣло, и сообразно новымъ обстоятельствамъ вырабатываетъ новыя формы и пути. Хотя съ характернымъ русскимъ самоуничиженіемъ мы не привыкли говорить о нашихъ успѣхахъ иначе

какъ въ отрицательной формѣ, однако тому, кто пожилъ на Дальнемъ Востокѣ, ясно видно, что жизнь здѣсь развивается и растетъ быстро. Наше побережье Великаго океана 25 лѣтъ тому назадъ и теперь—не одно и то же. Манджурское предпріятіе ослабило, было, временно это развитіе, теперь оно снова идетъ съ большою интенсивностью. Открытіе сообщеній по побережью, посылка лѣтомъ пароходовъ по всѣмъ замѣтнымъ пунктамъ Охотскаго и Берингова морей сдѣлали то, что на югѣ появились дешевые товары, нанесшіе смертельный ударъ Анюйской ярмаркѣ и всей Сѣверно-Колымской торговлѣ. Они сейчасъ же оттянули къ югу кочевниковъ и передали главенствующую роль Ново-Маріинску и Маркову. То, что я наблюдалъ во время моей зимней поѣздки въ Колымскомъ краѣ, ясно говоритъ, что его пѣсня въ этомъ направленіи спѣта, и если не будутъ тамъ открыты новыя приманки, проложены болѣе удобные пути, онъ долженъ изъ года въ годъ глохнуть, уступивъ въ развитіи главенствующую роль южному побережью. Анюйская ярмарка нѣсколько лѣтъ тому назадъ была перенесена изъ Анюйской крѣпости въ заимку Пантелееву, въ 40 верстахъ отъ Нижне-Колымска, и теперь утратила почти все свое значеніе: въ прошломъ году пріѣхало на нее всего три купца изъ Средняго, которые привезли на нѣсколькихъ нартахъ товару, и это все. По старой памяти, еще теперь прикочевываютъ на нее нѣсколько яранъ окрестныхъ ламутовъ и чукчей, но они хорошо понимаютъ, что тотъ кирпичъ чаю, что въ Колымѣ стоитъ 3 и 4 рубля, въ Марковѣ можно купить за 1 рубль, а на восточномъ побережьѣ Чукотскаго полуострова у американцевъ за 60—70 копѣекъ. Въ этомъ и состоитъ объясненіе, почему американскіе товары могутъ распространяться до самаго Шелагскаго мыса, и почему оленные и береговые чукчи окрестностей Чаунской губы начинаютъ тяготѣть къ ярмаркамъ Анадырскаго бассейна.

Отсутствіе заработковъ и невозможно высокія цѣны на привозимые товары сдѣлали колымчанъ одними изъ самыхъ бѣдныхъ обитателей, видѣнныхъ мною на Сѣверо-Востокѣ, хотя ихъ нельзя обвинить въ лѣни или въ отсутствіи предпріимчивости. Наоборотъ, мнѣ кажется, что они выказали себя въ этомъ съ самой лучшей стороны, принимая во вниманіе тяжелыя условія ихъ обстановки. Покончивъ съ труднымъ лѣтомъ, колымецъ всю долгую зиму мотается по снѣжной пустынѣ, промышляя копѣйку, чтобы оплатить дорогой чай, табакъ, ситецъ и пр. На побережьѣ, по тайгѣ у него поставлены пасти, которыя надо хоть разъ въ недѣлю объѣхать

посмотрѣть; для обуви, для жиру необходимо съѣздить за десятки верстъ въ океанъ поставить сѣти; когда подвернется случайный извозъ, онъ не упуститъ случая, воспользоваться имъ и, если только есть малѣйшій шансъ, готовъ ѣхать хоть на луну. А дома у него выхаживается «скотинка»—собаки, поторговать которыми онъ поѣдетъ къ береговымъ чукчамъ на Шелагскій и даже до Сѣвернаго мыса. Въ Нижне-Колымскѣ и по заимкамъ, собственно, нѣтъ лавокъ, въ нашемъ понятіи этого слова, но тамъ торгуютъ всѣ, по мѣрѣ своихъ силъ и состоянія. Лишь бы только это явилось выгоднымъ, колымецъ готовъ продать все, что подвернется на глаза его покупателю, но главнымъ отпускнымъ товаромъ являются мѣха и собаки. Послѣднія славятся по всему побережью С. Ледовитаго океана, и береговой чукча ѣдетъ за ними сотни верстъ. Нерѣдко встрѣтишь и колымца, въ нартѣ котораго, запряженной 15—17 собаками, нѣтъ ничего кромѣ корма, при его движеніи на востокъ. При возвращеніи же домой, у него остается всего 6—7 псовъ, помогая которымъ на каждомъ ухабѣ, онъ дотаскиваетъ нарту, загруженную лахтачьими, нерпичьими шкурами, песцами, лисицами или рѣчными бобрами. Восьми, а иногда и десяти дневная пустыня, отдѣляющая Колымскій край отъ заселенныхъ пространствъ Чукотскаго полуострова, усложняетъ эти сношенія. Лѣтъ 50 тому назадъ она была заселена отчасти вымершими, отчасти выселившимся юкагирами и чуванцами, которые являлись промежуточнымъ звеномъ для русскаго вліянія на чукчей. По серединѣ ея на Большой Рѣкѣ, по преданію, купецъ Василій Ивановичъ Трифоновъ, въ 48-мъ году выстроилъ хорошо оборудованную миссію съ церковью, домами и службами для причта. Постройка хорошо сохранилась до настоящаго времени, хотя время, бураны, кочующіе и проѣзжіе сдѣлали съ своей стороны все для ея разрушенія. Нѣтъ оконъ, дверей, повытаскано желѣзо, нѣкоторыя стѣны пошли на топливо.... То же преданіе сохранило добрую память о первомъ ревностномъ миссіонерѣ, о. Андреѣ Аргентовѣ, который жилъ здѣсь самъ, ведя святое дѣло до 55-го года. Его преемникъ, о. Петръ Суворовъ, уже не находилъ возможнымъ для себя жить тамъ, а только изрѣдка наѣзжалъ для отправленія службы. Слѣдующій миссіонеръ, іеромонахъ Викторъ, перенесъ утварь въ Н.-Колымскъ, такъ какъ, за отсутствіемъ жителей, ее стали расхищать проѣзжіе чукчи—язычники. Постройка начала приходить въ упадокъ, и теперь она стоитъ печальнымъ памятникомъ былыхъ, болѣе бодрыхъ временъ нашего культурнаго движенія на востокъ, давая случай-

ному путнику временное укрытіе отъ бурана. Такая же пустыня и рутина старой постановки торговли отрѣзали колымцевъ съ юга отъ сообщеній съ Марковымъ и Пенженымъ. Старые пути заглохли; новыя теченія жизни открываютъ для торговли новыя области, новыя дороги, и за послѣдніе десять лѣтъ изъ европейцевъ лишь я одинъ перерѣзалъ въ этомъ мѣстѣ тундру отъ одного океана къ другому.

Я не знаю точно, какъ снабжался товарами Анадырскій бассейнъ 20 лѣтъ тому назадъ, до выдѣленія Анадырской округи изъ Гижигинской въ самостоятельный уѣздъ, и установленія пароходныхъ рейсовъ. Думаю, что часть товаровъ поступала изъ Гижиги черезъ Пенжено, часть привозилась Колымскими купцами, а частью покупалась марковцами на Анюйской ярмаркѣ. Указанія на старую связь съ Гижигой я нашелъ даже теперь. Ежегодно гижигинскіе купцы посѣщаютъ ярмарки Анадырскаго бассейна, нѣкоторые изъ нихъ еще не такъ давно жили въ Марковѣ, другіе имѣютъ тамъ свои торговыя отдѣленія. Съ другой стороны, Марковцы зимою часто ѣздятъ въ Пенжено, на Гижигу идетъ ихъ почтовый трактъ, и гижигинскіе коряки не послѣднія лица въ товарообмѣнѣ сторонъ. Какъ бы тамъ ни было въ прошломъ, въ настоящее время къ устью Анадыря, на постъ Ново-Маріинскій, приходятъ ежегодно, помимо американскихъ шкунъ, два почтово-товарныхъ парохода, которые привозятъ въ достаточномъ количествѣ грузовъ не только для самого Маркова, но и на всю окрестную тундру.

Если только крайнему Сѣверо-Востоку суждено дальнѣйшее развитіе, въ чемъ почти можно уже не сомнѣваться, Ново-Маріинскій постъ долженъ сыграть въ немъ первенствующую роль. Онъ долженъ стать самымъ главнымъ нашимъ портомъ на Беринговомъ морѣ и имѣетъ въ настоящемъ всѣ къ тому данныя. Если водныя артеріи даже въ наиболѣе прогрессивныхъ странахъ являются по настоящее время наиболѣе дешевыми и удобными путями сообщенія, то въ этомъ краѣ онѣ, вѣроятно, еще долго будутъ единственными. Теперь вспомнимъ только, что Анадырь—слѣдующая по величинѣ за Амуромъ рѣка, впадающая въ наши воды Великаго океана, имѣетъ бассейнъ около 330,000 кв. верстъ, что по ея лиману ходятъ большіе океанскіе пароходы, что при 4—$4^1/_2$ футовой осадкѣ рѣчныя суда могутъ доставлять товары къ самому Маркову на разстояніе 600 верстъ безъ всякихъ исправленій фарватера, и что если чуть-чуть углубить нѣкоторые перекаты, эта рѣка будетъ судоходна и дальше. Далѣе рѣка Анадырь—одна изъ самыхъ богатыхъ рыбой;

ея верховья заросли строевымъ лѣсомъ; ея пушныя богатства давно всѣмъ извѣстны и служатъ пока единственной приманкой всему торгующему здѣсь люду, наконецъ, въ ея бассейнѣ найдено оплачивающее трудъ золото, а ново-маріинскіе казаки простыми лопатами наковыриваютъ въ ея берегахъ каменнаго угля для своихъ печей на долгую зиму. Къ нашему стыду, мы ничего не знаемъ о богатствахъ этого бассейна, не было сдѣлано никакихъ изслѣдованій и все, что въ общихъ фразахъ перечислилъ я теперь, само по себѣ напрашивается на глаза даже случайному туристу. Наша небрежность зашла такъ далеко, что мы не имѣемъ даже порядочныхъ картъ рѣки, нѣтъ промѣровъ, ея притоки не изслѣдованы совсѣмъ, и дѣвственныя ея воды до сихъ поръ не взбурлилъ винтъ моторъ-бота. Около двадцати лѣтъ мы имѣемъ на Анадырѣ самостоятельное уѣздное управленіе, которое зиму проводитъ въ с. Марковѣ, а на лѣто перекочевываетъ въ Ново-Маріинскъ. Перекочевка администраціи, состоящей изъ начальника уѣзда и его помощника, пожалуй, имѣетъ смыслъ, если вспомнить, что наиболѣе интенсивная дѣятельность въ зимнее время проявляется въ окрестностяхъ Маркова, гдѣ группируются ярмарки, а лѣтомъ—на посту Ново-Маріинскомъ, куда приходитъ почта, казенные грузы, товары торговцевъ и проч. Но почему такое количество лѣтъ подъ рядъ передвиженіе начальника уѣзда воспроизводитъ точную картину эпическихъ походовъ Святослава — я не могу понять! Весною, около середины іюня мѣсяца, рѣка Анадырь очищается ото льда, и первая забота администраціи и большинства торгующихъ марковцевъ, сплыть на низъ. Готовятся карбаза, боты, чинятся, грузятся, и послѣ молебствія отплываютъ. Перевезти надо канцелярію, казну, палатки, одежду, домашній скарбъ и изрядное количество собакъ, такъ какъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ теченіе медленно и нѣтъ попутнаго вѣтра, на долю собакъ выпадаетъ буксировать тяжелые боты, а главное, онѣ же должны вывезти ихъ обратно осенью, противъ теченія. Флотилія начальника уѣзда состоитъ изъ двухъ тяжелыхъ, неуклюжихъ грузовыхъ ботовъ и трехъ болѣе мелкихъ лодокъ, а для управленія ими и для всѣхъ вообще операцій по передвиженію, у него имѣется небольшая команда камчатскихъ и гижигинскихъ казаковъ (8—10 человѣкъ), да кромѣ того, по натуральной повинности имъ берется нѣсколько (15—20) человѣкъ изъ жителей. Хотя послѣдніе получаютъ за свою работу опредѣленную плату (30 руб. въ лѣто), однако, она далеко не оплачиваетъ весь трудъ мужчины въ самое горячее время заготовки зим-

нихъ запасовъ и разсматривается населеніемъ какъ повинность, по соблюденію которой у нихъ ведется очередь.

Въ виду того, что отношеніе между администраціей и населеніемъ больше патріархальнаго характера и власть административная скорѣе напоминаетъ родительскую, къ этому путешествію пристраиваются всѣ, обыкновенно, кого нужда заставляетъ ѣхать на низъ: къ казенному грузу присоединяются грузы возчиковъ и тѣхъ, кто выпроситъ на это особое разрѣшеніе. Такимъ образомъ баржи, нагруженныя казеннымъ грузомъ, рухлядью, пушниной, собаками, людьми, имѣя на своемъ борту начальника уѣзда съ семьей и пожитками, медленно тянутся внизъ, приставая къ берегу при сильномъ вѣтрѣ и для отдыха. Раньше первое время, въ ожиданіи прибытія парохода на посту Ново-Маріинскомъ проходило тихо. Но въ послѣдніе два года вмѣсто одного рейса сюда назначено два, поэтому лихорадочная дѣятельность теперь наступаетъ немедленно по сплавѣ, такъ какъ обыкновенно, первый пароходъ или уже стоитъ на якорѣ въ Анадырскомъ лиманѣ, или подходитъ въ первые же дни по приходѣ каравана сверху. На немъ пріѣзжаетъ такъ или иначе заинтересованный въ торговлѣ людъ. Нѣкоторыя торговыя фирмы, Чуринъ и Мендельсонъ, съ которыми мѣстные купцы состоятъ въ постоянныхъ сношеніяхъ, присылаютъ сюда своихъ довѣренныхъ съ товарами; они передаютъ товары по назначенію, сообразно полученнымъ съ зимнею почтой требованіямъ; принимаютъ въ уплату деньги, наторгованную пушнину; скупаютъ мѣха у другихъ, постороннихъ лицъ и т. п. Съ этимъ же пароходомъ прибываетъ и другой классъ торговцевъ, на которомъ я хочу остановиться нѣсколько подробнѣе. Это мелкіе пассажиры третьяго класса, которые везутъ съ собою небольшое количество товаровъ, сданныхъ въ круговой рейсъ. Условія для субсидированныхъ правительствомъ здѣшнихъ пароходовъ таковы, что провезти товары отъ одного порта до другого на протяженіи всего нѣсколькихъ миль, или имѣть ихъ въ круговой рейсъ, когда они идутъ по всѣмъ портамъ съ правомъ выгрузки въ любомъ изъ нихъ по требованію грузоотправителя—стоитъ одно и то же, такъ какъ плата берется съ пудо-фута, не принимая во вниманіе разстоянія. Эти условія, мѣшающія развитію мѣстныхъ сообщеній, потому что плата для короткихъ разстояній является чрезмѣрно высокой, очень на руку мелкимъ торговцамъ, такъ какъ, сдавъ во Владивостокѣ товаръ въ круговой рейсъ, они ѣдутъ съ нимъ сами. Придя, напр., въ Анадырь, они достаютъ изъ трюма

одно мѣсто чаю, мѣсто табаку и проч., которыми торгуютъ во время стоянки парохода. Нераспроданный въ данномъ пунктѣ товаръ они везутъ подъ своими койками и въ слѣдующемъ порту повторяютъ операціи. Въ виду того, что, вопреки росписанію, пароходы всегда находятъ необходимыя извиненія посѣтить Хакодате при движеніи ихъ къ сѣверу, съ каждымъ годомъ все больше и больше увеличивается классъ японскихъ торговцевъ, которые, понявъ всѣ преимущества системы, дѣйствуютъ аналогичнымъ образомъ. Во время каждой стоянки, начиная отъ Петропавловска, какъ на борту парохода, такъ и на берегу открывается родъ маленькой ярмарки, на которой европейскіе товары промѣниваются на пушнину, кожи, ремни, кость. Все вымѣненное такимъ путемъ сырье сбывается на обратномъ рейсѣ: лахтачьи, нерпичьи кожи, моржевые ремни Чукотскаго полуострова охотно покупаются на Камчаткѣ, гдѣ населеніе нуждается въ нихъ для обуви, лыжъ, сбруи; моржевые клыки, медвѣжьи шкуры — имѣютъ большой спросъ въ Японіи; олень, песецъ, лисица, волкъ преимущественно доходятъ до Владивостока, хотя мелкій торговецъ не прочь ихъ продать въ любомъ пунктѣ, даже Номѣ, если разрѣшитъ капризная американская администрація, лишь бы былъ барышъ.

Не удивительно поэтому, что съ приходомъ парохода въ такой пунктъ, какъ Ново-Маріинскій постъ, куда сплываютъ всѣ свободные норѣчане, стягиваются чукчи-оленеводы, пріѣзжаютъ носовые чукчи съ Чукотскаго полуострова, на берегу открывается временная ярмарка. Пріѣзжій людъ—кто ютится въ палаткахъ, кто въ различныхъ постройкахъ зимующихъ тамъ казаковъ и двухъ-трехъ пришлыхъ семей, а чукчи—такъ прямо на берегу подъ опрокинутой байдарой. Въ это время начинается ходъ рыбы, и потому о пищѣ заботиться не приходится: она валяется на берегу, виситъ на вѣшалахъ, бьется въ сѣтяхъ... Послѣдніе два года тамъ же сдаются предпринимателямъ рыболовные участки, и потому первый годъ приходилъ одинъ, а второй—два рыболовныхъ парохода съ большими артелями рабочихъ, которые увеличиваютъ оживленіе. Но съ первымъ пароходомъ правительство не посылаетъ почты и казенныхъ грузовъ изъ боязни льдовъ, такъ какъ къ этому времени не все еще южное побережье Берингова моря очищается отъ нихъ, и въ Анадырскомъ заливѣ, стѣсненномъ съ двухъ сторонъ сушей, онъ держится дольше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Почта и грузы для экономическаго склада теперь получаются со вторымъ пароходомъ, который приходитъ въ среднихъ числахъ августа мѣсяца.

Но прежде я долженъ сказать что это за учрежденіе «экономическій складъ Анадырскаго уѣзда».

Раньше, когда сюда посылался всего одинъ пароходъ въ годъ, когда русскіе купцы не имѣли постоянныхъ сношеній съ Анадыремъ, когда мѣстная торговля, зависившая отъ многихъ случайностей, не всегда имѣла въ достаточномъ количествѣ необходимые товары, когда отсутствіе всякой конкуренціи вздувало цѣны на оказавшіяся у одного-двухъ лицъ вещи до невозможно высокаго уровня, по иниціативѣ одного изъ начальниковъ уѣзда былъ организованъ экономическій складъ. Съ зимней почтой посылалось въ областное правленіе Приморской области требованіе на тѣ товары, которые было желательно получить со слѣдующимъ пароходомъ. Тамъ коммиссія изъ чиновниковъ передавала заказъ фирмѣ Чурина, принимала товары и отправляла со слѣдующей навигаціей въ Анадырь.. Вотъ эти-то товары и прибывали раньше съ единственнымъ, а теперь со вторымъ пароходомъ. Время ихъ прихода—самое горячее время для Ново-Маріинскаго поста: разгрузка, пріемка, вскрытіе и отвѣтъ на спѣшную почту, надзоръ за торговлей на берегу обращаютъ для мѣстной администраціи эти 6 — 7 дней стоянки второго парохода въ сплошной хаосъ. Торговля экономическаго склада до послѣдняго времени была на Анадырѣ самая значительная. Присылаются всѣ необходимыя вещи: табакъ, чай, сахаръ, мануфактура, мука, соль, керосинъ, желѣзная, мѣдная, чайная посуда, ружья, порохъ и пр. Одновременно съ доставкой казенныхъ товаровъ и мѣстные небольшіе купцы получаютъ по своимъ заказамъ товары отъ того же Чурина или другихъ фирмъ, потому что экономическій складъ своею цѣлью имѣетъ только розничную продажу бѣднѣйшему осѣдлому и кочевому населенію. Идея его учрежденія полублаготворительнаго характера: ссуда въ долгъ, нарощеніе 10 только процентовъ на стоимость товара на мѣстѣ, тогда какъ въ общей торговлѣ процентъ лихвы очень высокій: доходитъ до 100 и болѣе. Какъ на новинку послѣдняго времени, не могу не указать на мѣстные аукціоны, которые также пріурочиваются ко времени стоянки пароходовъ. Въ Анадырскомъ уѣздѣ кочевые инородцы обложены ясакомъ, который уплачивается мѣхами; кромѣ того, хотя деньги, какъ мѣновая цѣнность, уже въ большомъ употребленіи среди осѣдлыхъ жителей Анадырскаго края, кочевники продолжаютъ покупать въ экономическомъ складѣ вещи все еще путемъ простого обмѣна. Такимъ образомъ, у начальника уѣзда къ лѣту набирается порядочная

партія различныхъ мѣховъ. Кромѣ того, марковскіе жители, которые всѣ, какъ увидимъ послѣ, понемножку торгуютъ, находятъ выгоднымъ для себя пристраивать свои мѣха къ казенному аукціону. На каждомъ пароходѣ пріѣзжаютъ мелкіе купцы, довѣренные крупныхъ фирмъ, въ послѣднее время тамъ постоянно бываетъ кто-либо изъ американскихъ и японскихъ торговцевъ. Пользуясь этимъ, начальникъ уѣзда, вмѣсто отправки мѣховъ на неизвѣстный въ данную минуту рынокъ во Владивостокѣ, выкладываетъ ихъ наружу, назначаетъ отправныя цѣны и передаетъ установленіе окончательной стоимости взаимной конкуренціи. Лѣтомъ 1909 года такимъ образомъ были проданы большія партіи, и по очень высокой цѣнѣ, что оказалось очень выгоднымъ, такъ какъ отъ продажи во Владивостокѣ деньги были бы получены только черезъ годъ.

Покончивъ съ послѣднимъ пароходомъ, какъ мѣстная администрація, такъ и жители спѣшатъ по возможности скорѣе убраться во свояси и вывезти водою столько груза, сколько могутъ только поднять ихъ суда. Дѣло въ томъ, что доставить грузы въ Ново-Маріинскъ, значитъ сдѣлать только половину дѣла. Ихъ нужно протащить еще вверхъ по рѣкѣ на 600 верстъ къ Маркову. Тамъ, въ сердцѣ тундры, лежитъ главный рынокъ кочевниковъ; тамъ живетъ наиболѣе скученное и наименѣе обезпеченное привозными продуктами осѣдлое населеніе Анадырскаго бассейна. Между тѣмъ, конецъ августа уже позднее время для этихъ странъ; въ послѣднихъ числахъ сентября рѣка начинаетъ покрываться льдомъ, и сообщеніе водой прекращается, а чтобы подняться до Маркова, требуется 15, иногда 20 дней. Будь машинный двигатель, разстояніе 600 верстъ не Богъ знаетъ какое: онъ могъ бы пробуксировать баржи туда и обратно нѣсколько разъ, но на собакахъ дѣло другое: баржи успѣваютъ только подняться вверхъ, и повторить этотъ курсъ за позднимъ временемъ не приходится.

На обратный путь весь подвижной составъ грузится съ большимъ разсчетомъ: нужно привезти, помимо личнаго имущества, канцеляріи, казны, еще и тотъ товаръ, въ которомъ населеніе наиболѣе нуждается, доставку котораго нельзя отложить до зимняго пути. Поэтому всѣ боты загружаются до отказа, нанимаются случайно оказавшіеся на байдарахъ чукчи; купцы, сплывшіе внизъ для торговыхъ операцій, грузятъ свои карбаза и отправляются въ путь самостоятельно, или пристраиваются къ казенному каравану. Марковцы, несмотря на ежегодныя странствованія по рѣкѣ, не большіе мореходы! Анадырь же, особенно у своего устья, капризенъ

и ненадеженъ. Морскіе приливы и отливы отражаются на немъ верстъ на 50 вверхъ по лиману и при сильномъ встрѣчномъ теченіи, да вѣтрѣ, разводятъ такую неправильную, предательскую волну, что тому, кто плавалъ тамъ, становится понятно, почему, отъѣхавъ отъ мѣста жалкій десятокъ верстъ, бѣдныя перегруженныя корыта съ людьми и собаками стоятъ у берега иногда по нѣсколько сутокъ, переждая погоду. А погода въ то время уже не благоволитъ къ случайному путнику: мрачное, низкое, свинцовое небо, дождь, холодный, пронзительный вѣтеръ, который съ сентября начинаетъ снова задувать послѣ 3 — 4 мѣсяцевъ сравнительнаго затишья; товары, люди, собаки мокнутъ и дрогнутъ сутками.... Путешествіе вверхъ по рѣкѣ — далеко не развлеченіе.

Переправившись на лѣвый берегъ лимана, гдѣ идетъ удобный бичевникъ для собакъ, ихъ спускаютъ на берегъ на длинныхъ, привязанныхъ къ ботамъ, потягахъ, и онѣ начинаютъ буксировку.

По очереди, одинъ изъ проводниковъ бѣжитъ съ ними по берегу, поддерживая потягъ, поправляя шлейки, понукая лѣнивыхъ, заставляя всю свору перебираться въ бродъ черезъ мелкіе ручьи и протоки; при большихъ же переправахъ приходится грузить собакъ въ боты. И такъ отъ 2 до 3 недѣль, иногда больше, идетъ эта каторга, гдѣ боты то поднимаютъ паруса, то идутъ на шестахъ, то тянутся собаками, пока черезъ стремнины, протоки и перекаты не доберутся до Маркова.

Какъ только наступитъ зимній путь, и вплоть до самой весны, идетъ перевозка тѣхъ же грузовъ на собакахъ. Кромѣ товаровъ, надо доставить и провизію для администраціи, и пайки для казаковъ. Вся тяжесть этой работы ложится на марковцевъ. Цѣлую долгую зиму курсируютъ они съ собаками эти 500 — 600 верстъ, и рѣдкій марковецъ не съѣздитъ къ устью Анадыря менѣе трехъ разъ, т. е., не сдѣлаетъ въ среднемъ 3,000 верстъ, наполовину пѣшкомъ, въ страшные морозы, бураны, ночуя большей частью подъ открытымъ небомъ. Измученные псы дотаскиваютъ тяжесть до половины разстоянія, гдѣ часть ея бросается въ такъ называемыхъ бставкахъ, т. е., прямо въ кучахъ на примѣтномъ мѣстѣ, а потомъ, за ней снова пріѣзжаютъ иногда по два раза за зиму. За такую доставку жители получаютъ по 3 рубля съ пуда, тогда какъ привезти грузъ водою обходится $1^1/_2$—2 рубля пудъ. Когда я, проѣзжая здѣсь въ первый еще разъ въ 1907 году, пораженный видѣнными аномаліями, разспрашивалъ одного изъ знатоковъ и авторитетовъ мѣстной жизни: «почему за долгій промежутокъ поль-

зованія рѣкой, какъ перевозочнымъ средствомъ, до сихъ поръ ничего не сдѣлано для болѣе удобной доставки грузовъ водою?» — я получилъ слѣдующій отвѣтъ:

— «Помилуйте, это вѣдь единственный почти заработокъ населенія?»

Заработокъ къ слову сказать, идущій изъ его же кармана, такъ какъ оно по преимуществу является потребителемъ тѣхъ товаровъ, на которые 3 руб. съ пуда падаютъ косвеннымъ налогомъ.

— «А почему при обиліи рыбы и дичи жители не доѣдаютъ; почему, живя въ лѣсу, они не имѣютъ ни одной порядочной постройки; почему даже иностранныхъ гостей начальникъ уѣзда принимаетъ въ поварнѣ, въ какой порядочный хозяинъ не сталъ бы держать домашнихъ животныхъ, почему у жителей нѣтъ больницы, квартиръ для служащихъ, станцій по дорогѣ на постъ?».

На всѣ эти распросы я получилъ слѣдующее разъясненіе: «Гдѣ же намъ взять времени? Жители держатъ массу собакъ, для себя и собакъ имъ нужно заготовить массу кормовъ, на что уходитъ все лѣто. Рабочихъ рукъ даже не хватаетъ, потому что до 30 человѣкъ приходится отрывать подъ боты! Работаютъ всѣ: женщины, дѣти! А какъ рыба прошла, мы все время возимъ грузы».

Получается, такимъ образомъ, слѣдующее любопытное perpetuum mobile: населенію нуженъ заработокъ, а этотъ именно заработокъ и заставляетъ его вести, при обиліи средствъ, полуголодное существованіе дикаря!

Населеніе Маркова и окрестныхъ зимовокъ торгуетъ все безъ исключенія, какъ и жители Колымскаго края. Понятно, тамъ есть лица, которыя сдѣлали изъ торговли спеціальность, вошли въ связи съ болѣе крупными фирмами, держатъ постоянно въ наличіи нѣкоторое количество товаровъ. Но и всѣ остальные принимаютъ хоть самое небольшое участіе въ товарообмѣнѣ, потому что ихъ побуждаетъ къ тому сама жизнь. Для разнообразія въ пищѣ, осѣдлому чукчѣ надо купить у кочевника оленины, для одежды достать тамъ же шкуръ, камошей, а это поневолѣ вызываетъ торговыя сдѣлки, такъ какъ владѣльцу всѣхъ этихъ вещей надо дать не деньги, а товару, стоимость котораго не всегда совпадаетъ съ цѣнностью вымѣниваемаго предмета.

Происходитъ обмѣнъ обыкновенно на ярмаркахъ, которыхъ за зиму бываетъ въ самомъ Марковѣ и его окрестностяхъ три, хотя и во все остальное время долгой здѣшней зимы какъ кочевники пріѣзжаютъ за товарами къ осѣдлымъ, такъ и послѣдніе ѣздятъ къ первымъ.

На посту Ново-Маріинскомъ торговля тоже держится всю зиму. Тамъ оперируетъ отдѣленіе Экономическаго склада, и нѣкоторые казаки ведутъ торговыя сдѣлки какъ съ береговыми чукчами, такъ и съ кочевыми. Какъ послѣднюю новинку въ торговой жизни края, можно отмѣтить нѣкоторые шаги со стороны русскаго коммерческаго міра отстоять область своего вліянія и даже вступить въ борьбу съ американскимъ. Прошлое лѣто 1909 года, двѣ крупныя торговыя фирмы открыли свои отдѣленія: фирма Шустова прислала своего довѣреннаго и товары въ Анадырскій бассейнъ; торговля предполагается въ с. Марковѣ и на посту Ново-Маріинскомъ, гдѣ она неминуемо вступитъ въ борьбу съ новой американской организаціей Northern Trading C°. Другая старая русская фирма Чуринъ и К°. открыла свое отдѣленіе на мысѣ Дежневѣ, выступивъ, такимъ образомъ, форпостомъ нашего торговаго вліянія на самомъ конечномъ пунктѣ нашего политическаго вліянія. Какъ вновь пробующія почву, незнакомыя съ рынкомъ, безъ средствъ почтово-телеграфнаго сообщенія, фирмы эти не избѣгнутъ первоначальныхъ ошибокъ; но поддержать ихъ, дать средства борьбы съ неравной конкурренціей, дать возможность стать тамъ прочно на ноги — является святой задачей правительства, и я постараюсь указать потомъ главные пути въ этомъ направленіи.

АЛЯСКА.

Въ предыдущемъ очеркѣ мною были, по возможности, охвачены бытовыя и экономическія условія края, мнѣ хочется теперь показать читателю, что въ состояніи были сдѣлать американцы за 42 года владѣнія страной, аналогичной въ климатическихъ и почвенныхъ условіяхъ съ нашимъ крайнимъ Сѣверо-Востокомъ, страной, которая до перехода въ ихъ руки была такою же безнадежной на первый взглядъ пустыней, и которую мы, именно вслѣдствіе ея безнадежности, продали крайне дешево. Мнѣ хочется поискать причинъ удивительнаго тамъ прогресса, и если онѣ разумны, раціональны и не расходятся въ корнѣ съ традиціями нашей жизни, обсудить, не были бы нѣкоторыя изъ нихъ полезны и примѣнимы и у насъ.

Долженъ оговориться, что въ то время, какъ все сказанное о нашемъ краѣ является чистымъ продуктомъ моихъ личныхъ наблюденій и впечатлѣній, свободныхъ отъ всякаго позаимствованія, описаніе прогресса Аляски будетъ сдѣлано на основаніи компилятивныхъ данныхъ, собранныхъ мною преимущественно на Аляска-Юконъ-Тихоокеанской выставкѣ въ г. Сіаттлѣ. Аляска—большая страна, а бывалъ я въ ней слишкомъ мало для самостоятельнаго описанія, и весь мой личный опытъ сводится лишь къ тому, чтобы вносить необходимые коррективы въ лежащіе передо мною матеріалы.

Площадь Аляски равна 586400 кв. милямъ. На югъ она простирается до 54°40′, а наиболѣе сѣверный ея пунктъ доходитъ до 71°23′. Восточную ея границу составляетъ 141 меридіанъ зап. дол. до горы Св. Иліи, а къ югу отъ послѣдней граница съ Канадой условная. На западѣ, югѣ и сѣверѣ Аляску омываютъ воды Великаго океана, Берингово море и С. Ледовитый океанъ. Сама Аляска имѣетъ 1100 миль въ длину съ сѣвера на югъ и 800 миль въ ширину съ запада на востокъ. Цѣпь Алеутскихъ острововъ вдается въ Великій океанъ на протяженіе почти 1500 миль и даетъ Аляскѣ

громадную береговую линію въ 26500 миль, превышающую значительно всю остальную береговую линію Соединенныхъ Штатовъ. Изъ рѣчныхъ системъ тамъ замѣчательны: р. Юкопъ, пятая по величинѣ во всей С. Америкѣ, съ притоками: Поркюпайнъ, Кандаларъ, Танана, Койюкукъ и Инноко. Юконъ орошаетъ около 200000 кв. миль и имѣетъ длину въ одной Аляскѣ, не считая его Канадской части, около 1500 миль. Онъ судоходенъ почти на всемъ своемъ протяженіи, а перечисленные выше притоки имѣютъ отъ 100 до 500 миль каждый; главнѣйшій изъ нихъ рѣка Танана. Слѣдующей за Юкономъ по величинѣ на Аляскѣ является р. Кускоквимъ, берущая начало въ области горы Макъ-Кинлей и судоходная на 400 миль. Въ арктической области очень большихъ рѣкъ нѣтъ, но замѣтными тамъ являются: рр. Кобукъ, Нотакъ и Кольвиль. Въ южной Аляскѣ можно отмѣтить рѣки: Сузитна и Коперъ; въ юговосточной узкой береговой полосѣ большихъ рѣкъ совсѣмъ нѣтъ.

На территоріи Аляски очень много озеръ, какъ небольшихъ, вродѣ тундровыхъ прудовъ, такъ и достигающихъ 500 кв. миль; изъ нихъ самое большое озеро Иліамно.

Во многихъ мѣстахъ Аляски хорошіе лѣса. Преобладаетъ въ нихъ канадская сосна, береза и тополь. Въ южной части растительность особенно роскошна; тамъ сосны достигаютъ толщины 6 фут. въ діаметрѣ. Почти всѣ рѣки средней Аляски также покрыты лѣсомъ, хотя не такимъ толстымъ. На высотѣ же 2—3 тысячъ футъ лѣсъ исчезаетъ. За этой линіей, а также въ Сѣверной Аляскѣ, за Беринговымъ проливомъ, не растетъ никакого дерева, исключая рѣдкихъ побѣговъ корявой ивы, гдѣ-либо въ долинахъ по берегамъ рѣкъ.

По характеру поверхности Сѣв. Аляска въ общемъ напоминаетъ строеніе нашего Сѣв.-Востока. Та же прибрежная тундровая полоса, всего нѣсколько футовъ выше уровня моря, которую лѣтнее тепло оттаиваетъ на 2 — 3 фута и покрываетъ травой массой текучихъ и стоячихъ водъ; тѣ же горы, начинающіяся миляхъ въ 5—10 отъ берега. Между послѣдними рѣки промыли широкія долины; такъ, по рѣкѣ Юкону встрѣчаются ровныя мѣста до 50 миль ширины. Наиболѣе выдающимися горными цѣпями являются: Каменистыя горы, составляющія водораздѣлъ между рѣкою Юкономъ и водами, текущими на сѣверъ въ С. Ледовитый океанъ. Горы Бэрдъ, тянущіяся тоже съ востока на западъ и оканчивающіяся у берега Коцебу. Горы эти считаются главнымъ становымъ

хребтомъ СЪв. Аляски. Южный водораздѣлъ рѣки Юкона составляетъ Аляскинскій хребетъ, въ своей западной части выдвинувшій самую высокую гору въ Америкѣ къ сѣверу отъ Мексики—Макъ-Кинлей 20300 фут. высоты. Рядомъ съ ней находится гора Форекеръ, 1700 фут. Въ южной части Аляски—г. Св. Иліи 18024 фута—извѣстная тѣмъ, что первая была замѣчена съ моря Берингомъ, открывшимъ эту страну 16-го іюля 1741 года. Кромѣ перечисленныхъ, много и другихъ горъ отъ 12 до 16 тысячъ фут. высотою, покрытыхъ вѣчнымъ снѣгомъ, съ частью дѣйствующими, частью потухшими вулканами. Горы эти образуютъ громаднѣйшіе глетчеры, въ сравненіи съ которыми европейскіе являются пигмеями. Алеутскіе острова, съ частью полуострова Аляски, до послѣдняго времени служатъ ареною наибольшаго проявленія вулканической дѣятельности земли. Проѣзжіе изъ г. Нома въ Сіаттль могутъ часто видѣть дымъ вулкана Погромнаго на островѣ Уникакѣ. Менѣе ста лѣтъ тому назадъ поднялся изъ моря о. Богословъ въ 50 миляхъ отъ о. Уникака, и всего только 4 года прошло съ тѣхъ поръ, какъ выдвинулся изъ морскихъ глубинъ о. Перри. А на ряду съ этими новѣйшими образованіями, нѣкоторыя изъ породъ Сьюардскаго полуострова признаны за старѣйшія на континентѣ. Поэтому съ геологической точки зрѣнія Аляска представляетъ любопытное сочетаніе новыхъ и старыхъ формацій.

Климатъ Аляски колеблется отъ мягкаго умѣреннаго до очень холоднаго. Теплое теченіе оказываетъ на него огромное вліяніе, и въ то время, когда южныя и юго-восточныя прибрежныя полосы имѣютъ среднюю температуру лишь немного ниже, чѣмъ въ вѣчно зеленомъ штатѣ Вашингтонѣ, въ центральныхъ частяхъ холодъ достигаетъ большихъ размѣровъ, сообразно широтамъ.

Теплые, влажные океанскіе вѣтры, приходя въ соприкосновеніе съ холодной поверхностью земли, даютъ чрезвычайно обильные атмосферные осадки, преимущественно въ видѣ дождя, такъ какъ температура рѣдко спускается ниже нуля въ Юго-восточной Аляскѣ. Въ г. Джюно среднее годовое количество дождя колеблется отъ 84 до 93 дюйм., въ Ситкѣ—88 дюйм., на форту Врангеля и о. Кадіакѣ отъ 50 дюйм. и выше, хотя есть мѣста, какъ полуостровъ Кенеи или г. Скагвей въ той же полосѣ, гдѣ осадки учитываются всего отъ 15 до 25 дюйм. Лѣтній максимумъ достигаетъ +26,7°—+32,2°, а зимній минимумъ —19,5° по Цельзію. Влага въ соединеніи съ тепломъ даетъ удивительно роскошную растительность. Лѣса густы, и почва вездѣ покрыта тучными травами.

Но уже на южной Аляскѣ, которая отстоитъ почти на 6° къ сѣверу отъ крайняго юго-восточнаго пункта, временами бываютъ холода, напоминающіе полярные. На полуостровѣ Аляска минимумъ достигаетъ —39°, тогда какъ максимумъ +30°, а количество осадковъ колеблется отъ 2 до 4 футовъ.

Зима прибрежныхъ областей Берингова моря не очень холодна; самыя низкія температуры въ Номѣ отмѣчены —45,8°. Но даже и здѣсь зимою не рѣдки дни, когда температура стоитъ выше нуля. Непріятныя особенности климата Сьюардскаго полуострова состоятъ въ довольно частыхъ буранахъ, когда при сильномъ вѣтрѣ даже температура—10° становится нестерпимой какъ для человѣка, такъ и для животнаго. Зато лѣто въ этой области награждаетъ жителя часто идеальными днями. Количество осадковъ здѣсь сравнительно небольшое. По этой области еще не собраны въ достаточномъ количествѣ метеорологическія наблюденія, но за 1907 годъ было менѣе 20 дюймовъ. Въ окрестностяхъ Нома рѣки вскрываются въ іюнѣ, но снѣгъ исчезаетъ уже въ маѣ мѣсяцѣ, а въ первыхъ числахъ сентября наступаютъ первые морозы, которые въ октябрѣ прекращаютъ работы по разсыпному золоту. Берингово море замерзаетъ тамъ на 10 — 15 миль отъ береговъ; образуется сплошной ледяной покровъ, который достигаетъ 3 — 4 футовъ толщины къ декабрю мѣсяцу. Ледъ взламывается и уходитъ въ море въ послѣднихъ числахъ мая мѣсяца.

Берегъ С. Ледовитаго океана, расположенный за полярнымъ кругомъ, имѣетъ всѣ черты полярнаго климата. Зимы долги, и начинаясь съ послѣднихъ чиселъ августа, тянутся до іюня. На крайней сѣверной оконечности Аляски полярная ночь продолжается около двухъ мѣсяцевъ, но зато короткое лѣто представляетъ изъ себя одинъ сплошной день. Съ наступленіемъ лѣта ледъ уходитъ отъ береговъ, оставляя океанъ соободнымъ, и наоборотъ, при первыхъ признакахъ осени ледяныя поля появляются снова и заковываютъ окрестности въ свои мертвыя объятья. Постоянный лѣтній день вызываетъ къ жизни довольно богатую растительность, и тундра покрывается разнообразными травами, цвѣтами,хотя всего на нѣсколько дюймовъ отъ поверхности лежитъ вѣчная мерзлота. Климатическія условія внутреннихъ пространствъ Аляски болѣе однообразны, чѣмъ въ береговой полосѣ. Въ бассейнѣ Юкона, который занимаетъ $^1/_3$ всей страны, разница температуръ самая крупная. Лѣта сухи, жарки, и термометръ часто показываетъ +37,8°. Зимы же холодны и 57 град. ниже нуля не большая рѣдкость.

Воздухъ сухъ, полонъ электричества при почти полномъ отсутствіи вѣтровъ. Количество осадковъ въ Юконской долинѣ, вѣроятно, менѣе 20 дюймовъ. Въ Фербанксѣ, расположенномъ въ Танапской долинѣ, лѣто начинается ранѣе, чѣмъ въ Номѣ, хотя оба города лежатъ почти подъ одной параллелью. Но зато и зимы тамъ наступаютъ раньше. Въ лѣтніе сезоны въ Фербанксѣ стоитъ дивная погода.

Управленіе.

Аляска открыта русскимъ мореплавателемъ Берингомъ 16 іюля 1741 года. Въ 1799 году организовалось Русско-Американское промышленное общество, получившее Аляску въ концессію, и Алексѣй Барановъ выступаетъ какъ первый его директоръ-распорядитель. Съ этого времени край, хотя слабо, начинаетъ заселяться пришлымъ, преимущественно русскимъ людомъ.

Если даже теперь, послѣ сорока съ лишнимъ лѣтъ владѣнія имъ американцевъ, прочесть внимательно всѣ названія острововъ, бухтъ, проливовъ, то сразу становится видно, что край былъ обслѣдованъ нами, и первую черную по немъ работу сдѣлали мы. Однако, несмотря на то, что на берегу Аляски образовались уже значительныя русскія поселенія, было найдено въ маломъ количествѣ золото, начата добыча другихъ металловъ, въ 1867 году страна продается за 7200000 долларовъ Соед. Штатамъ, и 18 октября въ г. Ситкѣ поднимается американскій флагъ. Однако, и американцы, вѣроятно, въ то время также мало цѣнили свое пріобрѣтеніе, потому что со времени перваго акта въ Конгрессѣ, 27 іюля 1868 г., о присоединеніи территоріи, въ теченіе 16 лѣтъ, не было почти никакихъ законодательныхъ актовъ, относящихся къ Аляскѣ, и дѣла предоставлялись собственному теченію, какъ это было и при русскомъ владычествѣ. По болѣе люднымъ мѣстамъ ставятся небольшія военныя команды, на обязанности которыхъ лежитъ поддержаніе тишины, порядка и закона. Край открывается для всѣхъ желающихъ жить и работать, и первымъ прокладываетъ въ него дорогу проспекторъ. Мало по малу природныя его богатства начинаютъ раскрываться все болѣе и болѣе. Американская пресса, вся ушедшая во внутреннюю жизнь и не отдающая главныхъ страницъ иностранной политикѣ, стояла и стоитъ въ тѣсномъ соприкосновеніи съ первыми піонерами—простымъ рабочимъ людомъ. Понятно,

среди ея новостей дня попадаются несообразности и преувеличенія, но климатическія и естественныя условія новаго края обрисовываются все рельефнѣй и привлекаютъ съ каждымъ годомъ больше и больше предпріимчиваго люда.

17-го мая 1884 года сенаторъ Гарисонъ внесъ въ Конгрессъ и провелъ билль объ образованіи въ Аляскѣ территоріальнаго правительства. На основаніи этого билля, гор. Джюно назначается резиденціей правительства, которое представляетъ гражданскую и судебную власть. Власть эту составляютъ мѣстный губернаторъ съ правленіемъ, предсѣдатель суда, прокуроръ, секретарь суда, маршалъ (исполнительная власть судебныхъ постановленій) и 4 мировыхъ судей. Конгрессомъ 1900 года для Аляски вырабатываются законы, по которымъ она дѣлится на три судебныхъ округа съ постояннымъ мѣстопребываніемъ суда въ гг. Джюно, Номѣ и Фербанксѣ; а въ 1905 году былъ выдѣленъ еще округъ во главѣ съ г. Вальдизомъ. Въ 1906 году была учреждена должность одного представителя отъ Аляски въ Конгрессѣ, и настоящій делегатъ, г-нъ Викершамъ, внесъ въ Конгрессъ билль о выдѣленіи Аляски въ самостоятельный Штатъ съ законодательной палатой, состоящей изъ 8 сенаторовъ—по два отъ каждаго судебнаго округа—и 16 депутатовъ—по 4 отъ тѣхъ же округовъ.

Итакъ въ настоящее время правительство Аляски слагается слѣдующимъ образомъ: главная исполнительная власть сосредоточена въ рукахъ губернатора и Surveyor General (главный чиновникъ по завѣдыванію и отводу земель, угодій и горнопромышленныхъ площадей). Губернаторъ назначается распоряженіемъ президента Соед. Штатовъ на 4 года. Въ его обязанности входитъ: наблюденіе за интересами правительства Соед. Штатовъ въ территоріи; за тѣмъ, чтобы законы, изданные Конгрессомъ, выполнялись точно; онъ имѣетъ кассаціонную власть для судебныхъ приговоровъ и считается главнымъ начальникомъ милиціи. Surveyor General назначается на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и губернаторъ. Въ его обязанности входитъ надзоръ за выполненіемъ всѣхъ законовъ, касающихся земельной собственности. Въ юридическомъ отношеніи, какъ я уже говорилъ, Аляска раздѣлена на 4 округа, и въ каждомъ изъ нихъ функціонируетъ полный, принятый въ Соед. Штатахъ, составъ суда, вѣдающій дѣла по общимъ, уголовнымъ и гражданскимъ правамъ и адмиралтейскимъ законамъ. Чиновники, назначенные распоряженіемъ предсѣдателей судовъ въ каждомъ округѣ, рѣшаютъ дѣла низшей инстанціи, дѣйствуя какъ мировые судьи. Въ каж-

домъ же округѣ имѣются прокуроры и маршалы съ однимъ и болѣе помощникомъ каждый.

Дѣла общей администраціи находятся въ вѣдѣніи Департамента внутреннихъ дѣлъ Соед. Штатовъ. Ему также подвѣдомственны дѣла: по устройству инородцевъ, общественныхъ земель, правительственныхъ школъ. Губернаторъ неоффиціально считается главою общественнаго просвѣщенія. Судебная система подвѣдомственна общему наблюденію Генеральнаго прокурора Соед. Штатовъ. Департаментъ агрикультуры вѣдаетъ дѣла по охраненію лѣсовъ, изданію законовъ охоты, открытію опытныхъ станцій, метеорологическихъ станцій. Департаментъ коммерціи и труда — по устройству маяковъ, береговыхъ и геодезическихъ съемокъ, инспекціи судовъ, эмиграціи, рыболовству, статистикѣ. Для устройства и поддержанія дорогъ организована коммиссія изъ трехъ военныхъ офицеровъ, которые назначаются военнымъ министромъ и подчинены ему. Кабели и телеграфные провода также находятся въ рукахъ военнаго вѣдомства. Сборъ таможенныхъ и внутреннихъ доходовъ находится въ вѣдѣніи Департамента финансовъ.

По каждому изъ перечисленныхъ выше вѣдомствъ имѣются спеціальные чиновники, которые или командируются временно, или имѣютъ постоянныя мѣстожительства въ различныхъ городахъ Аляски, въ зависимости отъ потребности. Общіе расходы по администраціи опредѣляются ежегодно особымъ постановленіемъ Конгресса.

Природныя богатства.

Главныя богатства страны заключаются въ металлахъ, минералахъ, рыбѣ и мѣхахъ. Громадныя области, безъ всякаго сомнѣнія, удобны для агрикультуры и животноводства; тамъ же нетронутыми стоятъ лѣсныя богатства. Но Аляска—новая страна; въ ней насчитывается всего 40000 европейцевъ. Десять лѣтъ тому назадъ ихъ было не болѣе 2000 человѣкъ, преимущественно разсѣянныхъ въ области р. Юкона—золотоискателей. И въ настоящее время, несмотря на удивительный прогрессъ, рессурсы края едва тронуты. Американцы говорятъ, что они сдѣлали тамъ только первыя царапины прогресса. Тамъ и здѣсь, раздѣленные сотнями миль пустыни, находятся промышленные центры. Много важныхъ открытій было сдѣлано въ области горнаго дѣла, но они еще не вошли въ кругъ промышленныхъ операцій за отсутствіемъ путей сообщеній. Гдѣ

есть рѣки—естественные пути, или гдѣ открытія случились вблизи морского берега, подобно Ному, тамъ сразу проявился удивительный прогрессъ. Но главное богатство страны, мѣдь и уголь, ждутъ еще путей сообщенія, для того чтобы увеличить во много разъ ежегодную производительность страны. Калифорнія, небольшая часть которой оказалась золотоносной, дала 1500000000 долларовъ золота; въ Аляскѣ площадь, заключающая слѣды металловъ, больше всего штата Калифорніи. 50 лѣтъ тому назадъ никто серьезно не останавливался надъ агрикультурнымъ вопросомъ въ Калифорніи; теперь онъ тамъ въ полномъ расцвѣтѣ. Провести ту же аналогію по отношенію къ Аляскѣ, пожалуй, будетъ рисковано, однако нельзя отрицать и того, что въ южной и юго-восточной части много милліоновъ десятинъ вполнѣ удобны для культуры травъ и хлѣбовъ. Развитіе горнаго дѣла, естественно, вызоветъ постройку желѣзныхъ дорогъ, зданій, рудныхъ фабрикъ, увеличеніе пароходныхъ линій, создастъ новые промышленные центры, умножитъ въ нѣсколько разъ населеніе, а оно потребуетъ дешевыхъ жизненныхъ продуктовъ, дастъ толчекъ мѣстной агрикультурѣ и животноводству. Продукты рыболовства уже теперь тамъ оцѣниваются въ 10000000 долларовъ ежегодной стоимости. Лѣса Аляски, еще нетронутые почти человѣкомъ, представляютъ собою также большой капиталъ.

Золото.

Металлы составляютъ главное богатство Аляски и во главѣ ихъ стоитъ золото. Оно было открыто нами еще въ самые ранніе годы владѣнія Аляской на полуостровѣ Кенеи, но не въ большомъ количествѣ, поэтому и не остановило на себѣ вниманія. Вскорѣ послѣ передачи территоріи Соед. Штатамъ, было обнаружено разсыпное золото въ бухтѣ Сомдомъ, а въ 1877 году найдены кварцевыя жилы около г. Ситки, которыя начали разрабатываться черезъ три года и повели за собою открытіе знаменитыхъ Тредвельскихъ рудниковъ на о. Дугласѣ въ 1889 г. Въ восьмидесятыхъ же годахъ, небольшое число проспекторовъ отправилось въ область р. Юкона и нашло тамъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ золото. Но эта область казалась такой далекой и малодоступной, что только малое число работниковъ рисковало идти туда, и вплоть до 1896 года все европейское населеніе этихъ обширныхъ пространствъ не превышало

тысячи человѣкъ. Удивительное по богатству открытіе золота въ Клондайкѣ, на Канадской территоріи, въ 1896 году, привлекло вниманіе горнопромышленнаго міра къ Юконской долинѣ. Въ 1898 году найдено золото въ Номскомъ округѣ, въ 1899 — на р. Коіукукъ, въ 1902—въ долинѣ р. Танапы, въ 1906—на рр. Кандаларъ и Инноко. Въ то же время развѣдка шла по центральной и южной Аляскѣ: почти одновременно съ Номской находкой было обнаружено золото по притокамъ рѣки Коперъ, а позднѣе по рѣкѣ Сузитнѣ. Съ 1900 года правительство въ каждомъ пунктѣ, гдѣ было основаніе ожидать золото, имѣетъ геологовъ, которые ведутъ съемки и собираютъ различнаго рода свѣдѣнія, нужныя для проспектора и рудокопа. Опубликованные ихъ отчеты уже въ настоящее время образовали изъ себя цѣнную библіотеку. Вся эта работа ведется подъ руководствомъ инженера Альфреда Бруксъ. Онъ высчитываетъ, что общая добыча золота по Аляскѣ съ 1880 года равняется 142030637 долларамъ.

Я не буду приводить его подробной таблицы по годамъ, а суммирую производство по районамъ и періодамъ. Побережье Великаго Океана дало съ 1880 по 1908 годъ . 43721937 дол.

Рѣка Коперъ и окрестности фіорда Кука съ 1895 по 1908 г. . . . . 3742000 »

Бассейнъ р. Юкона съ 1883 по 1908 г. . . 45204000 »

Сьюардскій полуостровъ съ 1897 по 1908 г. 49362700 »

Итого . . . . 142030637 дол.

Большинство этого золота было добыто при помощи лопаты и лотка, и только недавно сталъ примѣняться машинный способъ. Въ самое послѣднее время на тундрѣ, въ окрестностяхъ Нома, поставлено нѣсколько электрическихъ драгъ.

Что касается коренныхъ мѣсторожденій, то, за присутствіемъ большого количества мѣстъ съ разсыпнымъ золотомъ и вслѣдствіе недостаточнаго еще развитія путей сообщеній въ краѣ, на нихъ обращали пока мало вниманія. Въ Номскомъ округѣ въ 1902-мъ году была поставлена десяти-поставная фабрика на р. Соломонъ для разработки кварцеваго мѣсторожденія «Гурахъ». Такая же, только трех-поставная, толчея находится въ г. Фербанксѣ для пробы руды. Въ юго-восточной Аляскѣ разработка кварцевыхъ рудъ нашла наибольшее распространеніе; особенно Тредвельское мѣсторожденіе, давшее уже 35 милліоновъ долларовъ золота. Тамъ въ ходу нѣсколько очень сильныхъ фабрикъ.

Мѣдь и другіе металлы.

Инженеръ Бруксъ оцѣниваетъ добычу мѣди по 1908 годъ въ 4265136 долларовъ: за 1901 г.—40000 дол,; за 1902—41100 дол.; за 1903—156000 дол.; за 1904—275676 дол.; за 1905—749617 дол.; за 1906—1133260 дол.; за 1907—1201757 дол.; за 1908—666600 дол. Уменьшеніе за послѣдній годъ объясняется пониженіемъ цѣнъ на мѣдь. Но мѣдныя богатства не могутъ оцѣниваться по приведеннымъ выше цифрамъ, потому что разработка рудъ почти еще не начиналась. Только въ текущемъ году будетъ закончена постройка сорока милліонной желѣзной дороги отъ г. Кордовы вверхъ по Коперъ—рѣкѣ, и тогда начнется правильная эксплоатація рудниковъ.

Весь районъ этой рѣки съ притоками представляетъ почти сплошной поясъ мѣдныхъ залежей и, по оцѣнкѣ одного изъ мѣстныхъ наиболѣе авторитетныхъ дѣльцовъ, г-на Братноберъ, онъ въ состояніи снабжать мѣдью весь свѣтъ въ продолженіе многихъ лѣтъ. Въ настоящее время тамъ открыты: очень богатыя залежи къ сѣверу отъ берега Принца Вильяма—къ сѣверу отъ горъ Врангеля—такъ называемый Небесный Бѣлый поясъ, простирающійся болѣе чѣмъ на 100 миль; — и ближе къ берегу отъ послѣдняго лежитъ мѣсторождеріе Котсина-Читина. Среднее содержаніе руды въ безчисленныхъ количествахъ жилъ колеблется между 22 и 25% чистаго металла, но есть такія, какъ, напр., Боназновскій пріискъ, гдѣ жила, 110 фут. шириною, по средней оцѣнкѣ въ 22% имѣетъ 25 фут. ширины лучшей руды съ содержаніемъ 68% чистой мѣди.

Эта зона мѣдныхъ рожденій была открыта только нѣсколько лѣтъ тому назадъ, и самородки, часто въ нѣсколько пудовъ, находятся прямо на поверхности. Разсказываютъ, что въ одномъ мѣстѣ проспекторы собрали такимъ образомъ нѣсколько тоннъ мѣди и хотѣли вывезти ее на лошадяхъ къ морю, но потомъ разсчитали, что это не оплатитъ расходовъ. Кромѣ области Коперъ рѣки, мѣдь еще открыта около г. Кечикана, на полуостровѣ Кенеи, на о. Кадіакѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ.

Общая добыча серебра оцѣнена тѣмъ же г. Бруксомъ въ 1120562 дол. Почти все оно получено какъ примѣсь къ разсыпному золоту, хотя открыты и серебро-свинцовыя мѣсторожденія на Сьюардскомъ полуостровѣ, около города Кечикана и въ области р. Низина.

Оловянная руда найдена въ сѣверо-западной части Сьюардскаго полуострова въ 1902 году. Разрабатывалась она еще мало, и

общая добыча не превышаетъ 100000 долларовъ. Руда, которая называется касситеритъ, содержитъ до 80% чистаго металла и встрѣчается какъ въ жильныхъ мѣсторожденьяхъ, такъ и въ розсыпяхъ по ручьямъ. Горный департаментъ Соед. Штатовъ считаетъ это мѣсторожденіе наиболѣе значительнымъ и цѣннымъ изо всѣхъ оловянныхъ рудниковъ государства.

Изъ металловъ, присутствіе которыхъ открыто на Аляскѣ, но которые не разрабатываются съ коммерческой цѣлью, можно отмѣтить: вольфрамъ на Сьюардскомъ полуостровѣ, какъ спутникъ оловянныхъ рудъ и въ золотыхъ отвалахъ. Киноварь въ жилахъ по рѣкѣ Кускоквиту. Это мѣсторожденіе было открыто добрую четверть вѣка назадъ, и анализы даютъ содержаніе отъ 11 до 720 дол. на тонну, но эти жилы никогда не разрабатывались. Желѣзныя руды найдены вмѣстѣ съ мѣдными на берегу Принца Вильяма — около г. Хенесъ, вверху канала Линнъ, а также въ Небесной долинѣ и около озера Иліамна открыты залежи магнитнаго желѣзняка. Сурьма обнаружена на Сьюардскомъ полуостровѣ, около г. Фербанкса и на берегу Принца Вильяма.

Каменный уголь и другія полезныя ископаемыя.

Важнѣйшимъ и наиболѣе распространеннымъ неметаллическимъ полезнымъ ископаемымъ является *каменный уголь*, варіирующій по качествамъ отъ простого бураго, до высшихъ сортовъ антрацита. Извѣстная въ настоящее время площадь каменноугольныхъ мѣсторожденій Аляски исчислена въ 1238 кв. миль. Наиболѣе цѣнныя его площади въ Аляскѣ находятся: вверху фіорда Кукъ, по рукаву Кнпкъ, такъ наз. угольное поле Матануска, и около города Каталы угольное поле Берпнговой рѣки. Оба эти поля, почти одинаковаго характера, содержатъ громадныя количества антрацита, жирнаго и тощаго каменнаго угля. Оба они захватываютъ площадь около 50 кв. миль каждое, но антрацита больше въ послѣднемъ. Первое мѣсторожденіе находится въ 25 миляхъ отъ берега, но такъ какъ фіордъ Кука замерзаетъ зимою, то строится желѣзная дорога отъ г. Сьюарда для его эксплоатаціи. Толщина угольнаго пласта колеблется отъ 5 до 36 фут. Анализы углей даютъ въ среднемъ 65.26, 66.08 и 66.40% углерода, а въ лучшемъ антрацитѣ и до 84.52%.

Второе мѣсторожденіе находится въ 20 миляхъ отъ Каталы. Толщина слоя здѣшняго угля измѣряется въ 22 фута, а среднее изъ 7 его анализовъ установило 78.23% углерода. Авторитетныя лица оцѣниваютъ общее количество угля въ обѣихъ площадяхъ до 1000000000 тонн. Не только Аляскинскій антрацитъ считается лучшимъ на всемъ западномъ побережьи Соед. Штатовъ, но и тощій каменный уголь выдерживаетъ требованія, предъявляемыя къ нему въ военномъ флотѣ. Не мудрено поэтому, что правительство нашло необходимымъ по отношенію Аляскинскихъ каменноугольныхъ мѣсторожденій издать спеціальные законы, предупреждающіе захватъ ихъ въ однѣ руки. Въ Сѣв. Аляскѣ, недалеко отъ мыса Лисбёрнъ, найдено поле угля въ 220 кв. миль великолѣпнаго качества. Такой же уголь находится мѣстами въ бассейнѣ р. Юкона и, наконецъ, зарегистрирована площадь въ 861 кв. милю бураго угля. Мѣсторожденія его разбросаны въ юго-вост. Аляскѣ около фіорда Кука, по рѣкѣ Коперъ, по Юкону, на Сьюардскомъ полуостровѣ и по склону къ берегу С. Ледовитаго океана. Самыя большія залежи этого угля находятся по сѣверному склону Аляскинскихъ горъ и мѣстами, какъ на р. Ненана, достигаютъ мощности 100 фут.

Въ заключеніи къ обозрѣнію минеральныхъ богатствъ Аляски, г-нъ Брукс говоритъ: «Цѣнность высокаго качества топлива прибрежной Тихоокеанской полосы, пожалуй, превышаетъ золотыя ея богатства, и разработка каменноугольныхъ залежей составляетъ предметъ величайшей важности для всего западнаго побережья континента. Эти копи дадутъ не только высокаго качества уголь, нужный для различныхъ промышленныхъ предпріятій, но также и коксъ для металлургіи. Если желѣзная руда окажется цѣнной, западное побережье можетъ снабжаться изъ этого источника сырыми матеріалами для производства желѣза и стали. Во всякомъ случаѣ, мѣдныя плавильни могутъ снабжаться коксомъ высокаго качества».

Нефтяные выходы были найдены на большой площади южной и юго-восточной Аляски. Въ общемъ, нефтяной поясъ простирается отъ мыса Якатакъ, противъ горы Св. Иліи, и до бухты Колдъ въ проливѣ Шелихова. Наиболѣе значительное нефтяное поле находится около г. Каталы и называется этимъ именемъ. Здѣсь было сдѣлано нѣсколько буровыхъ скважинъ, и въ трехъ изъ нихъ найдена нефть, но по какимъ-то причинамъ компанія, производившая развѣдку, прекратила работы. Качество добытой тамъ нефти весьма высокое. Выходы нефти были найдены также около мыса Барроу и въ бассейнѣ рѣки Колвиль.

Мраморъ разрабатывается одной компаніей на островѣ Принца Уэльса въ юго-восточной Аляскѣ. Его рынокъ—г. Сіаттль и прибрежные города того же района. По достоинству Аляскинскій мраморъ оцѣнивается выше всякаго другого въ западныхъ Штатахъ и даже приравнивается къ обыкновеннымъ сортамъ Итальянскаго. Мраморныхъ рожденій много также и въ другихъ мѣстахъ юго-восточной Аляски.

Гипсъ добывается одной компаніей на о. Чичагова.

Графитъ найденъ на Сьюардскомъ полуостровѣ.

Асбестъ—въ долинѣ р. Тананы. *Слюда* въ горахъ Бенделебенъ на Сьюардскомъ полуостровѣ. Кромѣ того, мѣстами встрѣчаются минеральные источники. На нѣкоторыхъ изъ нихъ уже выстроены отели, куда собирается окрестный людъ для поправленія здоровья и удовольствій.

Рыба.

Рыболовство по своей цѣнности занимаетъ слѣдующее мѣсто за горнопромышленностью. Съ тѣхъ поръ, какъ Соед. Штаты пріобрѣли территорію Аляски, цѣнность рыбы, выловленной въ ея водахъ, опредѣляется болѣе чѣмъ 115000000 дол. Въ эту оцѣнку не входитъ рыба, пойманная Аляскинскими инородцами для своего потребленія. Самая цѣнная изъ породъ рыбы—кета. Стоимость одной ея, вывезенной изъ Аляски на различные рынки, доходитъ до 105000000 дол. Остальныя породы состоятъ изъ трески, палтуса и сельди. Въ правительственномъ отчетѣ упоминаются еще: камбала, черный окунь, корюшка, форель и бѣлорыбица, но они не составляютъ очень цѣннаго продукта. Продукты рыболовства за 1907 годъ оцѣниваются въ 11847443 д.; за 1908—10319748 д.

13337 человѣкъ были заняты рыболовствомъ въ 1907 году. Изъ нихъ 5811 европейцевъ, 369 инородцевъ Аляски, 2018 китайцевъ и 2439 японцевъ. 50 консервныхъ заводовъ дѣйствуютъ отъ Бристольской бухты къ югу и юго-востоку въ Аляскѣ. Кромѣ того, во многихъ пунктахъ рыба солится простымъ способомъ.

Воды Аляски полны рыбой. Въ Беринговомъ морѣ и С. Ледовитомъ океанѣ болѣе 30000 кв. миль тресковыхъ отмелей. Каждая болѣе или менѣе значительная рѣка Аляски кишитъ кетою во время икрометанія. Вдоль всего морского берега держится палтусъ въ безчисленномъ количествѣ, достигая въ отдѣльныхъ экземплярахъ

длины 6 фут. и вѣса 9 пудовъ. Сельди мѣстами идетъ такъ много, что ее является выгоднымъ готовить на туки. Но не одно море обильно рыбой. Рѣки и озера центральныхъ частей не менѣе богаты ею и даютъ видное подспорье существованію инородцевъ.

Г-нъ И. Н. Коббъ, агентъ Бюро рыболовства Соед. Штатовъ, говоритъ: «въ то время, какъ большинство знаетъ, что рыболовство Аляски обширно, лишь немногіе могутъ понять его дѣйствительное значеніе, если не сравнить съ рыболовствомъ остальной территоріи. По общему помѣщенію капитала и по цѣнности приготовленныхъ продуктовъ, оно стоитъ во главѣ всѣхъ остальныхъ Штатовъ; по количеству занятыхъ имъ лицъ оно уступаетъ только Мэриланду, Виргиніи, Мэну, Сѣв. Каролинѣ и Массачузетсу, въ то время какъ по качеству заготовляемыхъ продуктовъ только Нью-Іоркъ, Виргинія и Массачузетсъ опережаютъ его. Что же касается Тихоокеанскихъ Штатовъ, то Аляска опережаетъ ихъ всѣ три (Вашингтонъ, Орегонъ и Калифорнія), взятые вмѣстѣ за исключеніемъ лишь количества занятыхъ лицъ. Если настоящій прогрессъ сохранится, что вполнѣ вѣроятно, такъ какъ многіе изъ рыболовныхъ рессурсовъ Аляски остались еще нетронутыми, черезъ немного лѣтъ область по отношенію къ рыболовству займетъ въ странѣ первое мѣсто».

Земледѣліе.

Если земледѣліе въ Аляскѣ въ настоящее время не играетъ роли, то это не вина территоріи. Удачные опыты посѣвовъ и огородничества показываютъ, очевидно, что рано или поздно земледѣліе займетъ не послѣднее мѣсто въ рессурсахъ Аляски. Оно можетъ не быть удачно во всѣхъ мѣстахъ, но Аляска — большая территорія, простирающаяся на 20 градусовъ широты. Къ сѣверу отъ р. Юкона начинаются подарктическія и арктическія области. Лѣтній сезонъ очень коротокъ, и почва въ большинствѣ мѣстъ никогда не оттаиваетъ глубже двухъ футовъ. Но даже и въ этихъ мѣстахъ многіе сорта огородныхъ растеній успѣшно созрѣваютъ, и нѣтъ никакихъ причинъ полагать, что территорія къ югу отъ р. Юкона не годна для агрикультуры. Это только старое, отжившее предубѣжденіе, что вся Аляска имѣетъ арктическій климатъ и условія. Простой просмотръ метеорологическихъ отчетовъ долженъ разсѣять его и показать наглядно, что большая часть территоріи въ дѣйствительности принадлежитъ умѣренному климату. Климатъ цент-

ральной Аляски не хуже сѣверныхъ частей Европы. Въ дѣйствительности же, въ прибрежной полосѣ онъ гораздо мягче его, и, теоретически, всѣ вѣроятія за то, что земледѣліе можетъ развиваться вполнѣ успѣшно. Уже накопилось достаточно фактовъ для того, чтобы забыть «ледяныя горы съ бѣлыми медвѣдями» или «Сьюардскій холодильникъ».

Съ 1902 года правительство Соедин. Штатовъ открыло агрикультурныя станціи въ Аляскѣ. Онѣ находятся въ г.г. Ситка, Кадіакъ, Кенеи, Коперъ Центръ, Рампартъ и Фербанксъ. Работаютъ онѣ удачно, и на выставкѣ были великолѣпные экспонаты какъ по растительному, такъ и по животному царствамъ. Прибрежная полоса не въ такой степени годна для этихъ цѣлей, какъ внутреннія области. Большое количество влаги и постоянная пасмурная погода первой замедляютъ часто ростъ злаковъ и препятствуютъ ихъ вызрѣванію. Совершенно другія условія во внутренней области и даже на опытной станціи въ Рамнартѣ, подъ $65^1/_2$ градусомъ сѣв. шир., злаки успѣваютъ вызрѣвать. Всѣ растенія этой части Аляски зрѣютъ быстро, такъ какъ солнце свѣтитъ, почти не переставая въ теченіе всего періода роста. Эта ли причина, или какая другая, только всѣ огородныя овощи, выращенныя тамъ, отличаются необыкновенно нѣжнымъ, тонкимъ ароматомъ, и американцы говорятъ, что если бы ихъ можно было вывозить въ Сіаттль и другіе города Тихоокеанскаго побережья, онѣ неминуемо вытѣснили бы мѣстныя. Станція въ Фербанксѣ открыта три года тому назадъ, и результатъ былъ очень удаченъ. Данныя этихъ двухъ станцій говорятъ за то, что широкая долина рѣки Тананы можетъ со временемъ стать агрикультурнымъ центромъ.

На станціи въ Коперъ Центръ собрано до 40 видовъ сѣмянъ мѣстныхъ травъ и бобовыхъ растеній, съ которыми производятся въ настоящее время агрикультурные опыты, потому что главное затрудненіе сѣверной агрикультуры состоитъ въ акклиматизаціи сѣмянъ, выращенныхъ подъ другой широтой. На станціяхъ въ Кадіакѣ и Кенеи, помимо другихъ отраслей хозяйства, обращено большое вниманіе на акклиматизацію и разведеніе молочнаго скота. Уже многіе изъ поселенцевъ Аляски начинаютъ проникаться очевидностью успѣховъ опытныхъ станцій. Еще русскіе культивировали тамъ различные сорта огородныхъ растеній, и въ настоящее время каждое мѣстечко, лишь только оно прошло первыя стадіи заселенія, разводитъ огороды. И если овощей еще мало для дѣйствительной нужды населенія, то это его собственная вина. Такъ, гдѣ огороды

получаютъ надлежащій уходъ, они вознаграждаютъ не только количествомъ, но и качествомъ растеній. Во всѣхъ поселеніяхъ по р. Юкону, а также и выше полярнаго круга по р.р. Койукукъ и Кобукъ, по полярному склону, на Сьюардскомъ полуостровѣ, можно найти въ серединѣ лѣта хорошіе огороды. Понятно, подъ полярнымъ кругомъ ихъ необходимо временами защищать отъ мороза.

Въ окрестностяхъ г. Фербанкса находится около 30000 акровъ удобной для земледѣлія почвы, по которой уже теперь разбросано порядочное количество фермъ. Помимо остальныхъ отраслей хозяйства, главное вниманіе ихъ владѣльцевъ сосредоточено на сѣнѣ, для нуждъ горной промышленности. Пшеница, овесъ, ячмень тамъ зрѣютъ хорошо, но въ большинствѣ косятся на сѣно, которое вмѣстѣ съ обыкновеннымъ луговымъ, идетъ или для рабочихъ лошадей, или для молочныхъ фермъ по 75 долларовъ за тонну.

Агрикультура Аляски въ настоящее время находится въ дѣтскомъ возрастѣ, но она здоровое и многообѣщающее дитя. Уже теперь очевидно, что въ будущемъ она дастъ все зерно и овощи, нужныя населенію.

Лѣсъ.

Нѣкоторыя части Аляски покрыты хорошимъ лѣсомъ, который состоитъ изъ сосны, ели, кедра, березы и другихъ лиственныхъ породъ. Всѣ острова юго-восточной Аляски, какъ и самъ материкъ въ этомъ мѣстѣ, имѣютъ густыя заросли, гдѣ хвойныя деревья иногда достигаютъ толщины 5—6 фут. Лѣсопилки тамъ работали около 100 лѣтъ тому назадъ. Еще во времена русскаго владычества лѣсъ отсюда вывозился въ Китай, но теперь онъ снабжаетъ только мѣстный рынокъ, хотя лѣсопилки устроены во всѣхъ промышленныхъ центрахъ южной, юго-восточной и центральной Аляски. Внутрь страны лѣсу становится сравнительно меньше, и онъ тамъ не развивается толще 2 футовъ. До самаго 70-го градуса сѣв. широты можно находить по рѣчнымъ долинамъ лѣсъ, годный для постройки хижинъ, но пространство между рѣками въ сѣверныхъ областяхъ безлѣсно. На югѣ большія пространства лѣсныхъ площадей правительство во время президентства Макъ-Кинлея оставило за собою, какъ лѣсные запасы.

Животноводство.

Съ заселеніемъ Аляски животноводство неминуемо разовьется, какъ побочная отрасль земледѣлія, потому что тамъ пустуютъ мил-

ліоны акровъ хорошихъ луговъ. Начало его уже заложено въ такихъ пунктахъ какъ Номъ, Фербанксъ и всѣ юго-восточные города, гдѣ, какъ видно было раньше, заготовляютъ сѣно, держатъ молочный скотъ.

Но особая отрасль промышленности должна въ скоромъ времени развиться изъ оленеводства.

Въ 1891 году были привезены первые 16 оленей докторомъ Шельдонъ Джаксонъ для распространенія этого промысла среди инородцевъ. Вслѣдъ за этимъ правительство вывезло изъ Сибири 1200 оленей въ Сѣверо-Западную Аляску, и теперь тамъ насчитывается 20000 оленей, которые, множась ежегодно, увеличиваются въ среднемъ на 33% въ годъ. Олени эти принадлежатъ инородцамъ, миссіямъ и правительству, которое издало особыя правила пользованія ими и слѣдитъ черезъ своихъ агентовъ за ихъ выполненіемъ. Теперь уже оленье мясо, поступая на внутренній рынокъ, даетъ значительное подспорье въ довольствіи, оцѣниваясь въ 50 центовъ за фунтъ. Ихъ шкуры имѣютъ также не малую цѣнность, служа главнымъ матеріаломъ для одежды инородцевъ. Вычислено, что зимнихъ пастбищъ на Аляскѣ хватитъ на 8000000 оленей.

Въ апрѣльскомъ номерѣ «National Geographical Magazine» за 1903 годъ, въ статьѣ «Reindeer in Alaska» говорится: «если настоящая оцѣнка приплода будетъ продолжаться, удваиваясь каждые три года—и нѣтъ никакихъ причинъ полагать, что этого не случится,—меньше чѣмъ черезъ 20 лѣтъ въ Аляскѣ будетъ по меньшей мѣрѣ 1000000 домашнихъ оленей. Это умѣренное вычисленіе, допускающее естественную смертность и убой для пищи. Въ 35 лѣтъ число ихъ можетъ достичь 10000000 головъ, и Аляска будетъ въ состояніи отправлять въ любой пунктъ Соед. Штатовъ отъ 500000 до 1000000 тушъ, тысячи тоннъ великолѣпныхъ окороковъ и языковъ. Въ ближайшемъ будущемъ, можно предсказать смѣло, длинные поѣзда оленьяго мяса будутъ катиться изъ арктической и подарктической Аляски въ Сіаттль и наши наиболѣе восточные города, подобно тому, какъ теперь громадные поѣзда, груженные воловьимъ мясомъ, ежечасно будятъ своимъ громомъ эхо Чикаго. Раньше конца настоящаго столѣтія Аляска станетъ помогать въ питаніи 200 милліон. людей, которые къ тому времени будутъ составлять населеніе Соед. Штатовъ въ настоящихъ границахъ».

Мѣха.

Аляска являлась самой богатой страной въ отношеніи дорогихъ мѣховъ, и только эта отрасль промышленности разрабатывалась русскими. Цѣнность мѣховъ, вывезенныхъ отсюда во время русскаго владычества, не можетъ быть учтена точно, но, вѣроятно, превышаетъ 100 милліон. дол. Когда область была продана Соед. Штатамъ, она являлась уже значительно истощенной въ этомъ отношеніи. И всетаки, одни котики съ 1867 года по настоящее время дали болѣе 35000000 дол. Въ теченіе 20 лѣтъ подрядъ ежегодно убивалось около 100000 котиковъ, не считая браконьерства. Но въ настоящее время этотъ цѣнный звѣрь сильно уменьшился. Въ 1867 году его считалось около двухъ милліоновъ, теперь же меньше 200000. Морской бобръ пропадаетъ еще замѣтнѣе, и въ прошломъ году во всей Аляскѣ было добыто только 32 шкурки. Сухопутные звѣри хоть и не пострадали такъ жестоко, все же ихъ ряды значительно порѣдѣли. Самые многочисленные изъ нихъ теперь—разныя породы лисицъ, потому что на островахъ устроено много фермъ, гдѣ онѣ правильно разводятся на мѣха. Изъ другихъ звѣрей, цѣнныхъ вслѣдствіе ихъ мѣховъ, можно отмѣтить: куницу, выдру, россмаху, волка (очень рѣдокъ), рысь, медвѣдя, рѣчного бобра, горностая и выхухоль.

Цѣнность пушнины сухопутныхъ звѣрей не превышаетъ $^1/_4$ милліона ежегоднаго дохода, и замѣтна наклонность къ его уменьшенію, развѣ только разведеніе лисицъ нѣсколько поддержитъ. Прогрессъ горнопромышленный и агрикультурный губитъ пушной промыселъ изъ года въ годъ, хотя въ обширныхъ пространствахъ Аляски еще много такихъ глухихъ угловъ, гдѣ звѣрь можетъ жить спокойно.

Цѣнность Аляскинскихъ продуктовъ съ 1878 года.

Приводимъ сводную таблицу доходовъ, которые извлечены изъ природныхъ богатствъ Аляски съ 1878 г. по 1909 г. въ долларахъ.

Металлы и минералы:

Золото	долларовъ	142030637
Серебро	»	1120562
Мѣдь.	»	4265136

Олово.	долларовъ	92640	
Уголь.	»	315079	
Мраморъ и Гипсъ	»	148647	
	Итого. .	147972701	дол.

Рыба:

Кета	долларовъ	105602066	
Остальная рыба, какъ пищевой продуктъ	»	10000000	
	Итого. .	115602000	дол.

Остальные продукты рыбо-звѣроловства:

Тукъ, жиръ, китовый усъ, морж. кость, нерпичьи кожи и пр.	долларовъ	10000000	

Мѣха:

Котики.	долларовъ	35000000	
Остальные мѣха	»	10000000	

Лѣсъ:

Переработанный въ Аляскѣ .	долларовъ	1000000	

Животноводство:

Олени	долларовъ	1000000	
	Всего въ долларахъ:	320574767	

Промышленное развитіе Аляски.

Десять лѣтъ тому назадъ Аляска была пустыней. Правда, въ юго-восточн. ея части существовали нѣкоторыя поселенія: рудники Тредвель образовали значительный центръ на о. Дугласѣ; Скагвей, будучи воротами въ Клондайкъ, развивался сравнительно хорошо; затѣмъ слѣдовало нѣсколько рыболовныхъ станцій и около нихъ нѣсколько деревень. Изъ наиболѣе замѣтныхъ къ тому времени городовъ можно отмѣтить: Ситку, Джюно, Тредвель, Дугласъ, Генесъ, Врангель и Кечиканъ. Игль, Серкль и Рампартъ были главными

городами въ области р. Юкона. Они образовались изъ поселковъ первыхъ проспекторовъ, нашедшихъ тамъ золото. Но отъ Игля до С. Майкеля, на протяженіи 1500 миль по р. Юкону, оставались только инородческія деревни, да изрѣдка между ними торговыя станціи, часть которыхъ еще помнила времена русскаго владычества. Сьюардскій полуостровъ и Сѣверо-западная Аляска была далекими, невѣдомыми царствами. Но только что прошелъ первый слухъ объ открытіи тамъ золота, какъ нѣсколько сотъ проспекторовъ, несмотря на зиму, отправились туда по снѣгу и льду изъ различныхъ пунктовъ Юконскихъ пріисковъ. До этого же въ обширной области Сьюардскаго полуострова и всей сѣверной Аляски едва ли насчитывалось и двадцать человѣкъ европейцевъ.

Теперь поселенія есть въ каждой главной части Аляски. Города со всѣми новинками цивилизаціи и комфорта выросли на мѣстахъ, десять лѣтъ тому назадъ не видѣвшихъ европейца. Пароходы плавають почти по каждой судоходной рѣкѣ, развозя провизію и припасы въ отдаленные пріиски. Желѣзныя дороги, стоящія десятки милліоновъ долларовъ, строятся отъ морского побережья вглубь, чтобы дать улучшенныя средства сообщенія богатѣйшимъ, но еще только частью открытымъ частямъ страны.

Города юго-восточной Аляски.

Ситка—старый русскій городъ, бывшая столица Аляски, служила въ теченіе долгаго времени центромъ торговой и соціальной жизни страны. Теперь, когда новые города выросли повсемѣстно какъ грибы послѣ дождя, ея промышленное значеніе упало. Тѣмъ не менѣе она и въ настоящее время посѣщается часто туристами вслѣдствіе своего краснваго мѣстоположенія на о. Барановѣ, а также потому, что вблизи ея находятся горячіе источники цѣлебнаго свойства съ хорошимъ курортомъ. Памятниками русскаго владѣнія остались: церковь съ порядочнымъ количествомъ прихожанъ, которые еще не всѣ забыли русскій языкъ, и викаріатство. Впрочемъ послѣднее — учрежденіе болѣе позднѣйшаго времени. Епископъ Аляскинскій имѣетъ тамъ резиденцію, при ней семинарію для приготовленія духовенства изъ инородцевъ. Ему же всего 4 – 5 лѣтъ тому назадъ подчинили и Чукотскую миссію.

Городъ Ситка имѣетъ самоуправленіе, нѣсколько школъ, музей, агрикультурную станцію и главное управленіе по всѣмъ экспери-

ментальнымъ работамъ по агрикультурѣ Аляски. Изъ промышленныхъ построекъ можно отмѣтить: четырехпоставную кварцевую мельницу и лѣсопильный заводъ. Тамъ содержится небольшой военный гарнизонъ.

Гунахъ. Это маленькій торговый постъ на о. Чичагова. Въ немъ есть складъ товаровъ, почтовое отдѣленіе и школа. Населенъ преимущественно инородцами.

Тинеки. Мѣстечко на о. Чичагова, замѣчательное горячими источниками большой цѣлебной силы. Тамъ выстроенъ курортъ, куда собирается больной и праздный народъ со всей Аляски.

Бухта Ситкау. Большой рыбо-консервный заводъ.

Кимисну. Расположенъ на Адмиралтейскомъ островѣ. Здѣсь оперируетъ большой рыбопромышленный заводъ, готовящій жиръ и туки.

Таіи. Совсѣмъ новое поселеніе на южной оконечности Адмиралтейскаго о-ва. Въ немъ оперируетъ китобойный заводъ, готовящій жиръ и туки изъ китовъ.

Бухта Фёнтеръ на томъ же островѣ. Большой рыбо-консервный заводъ, оборудованный самыми новѣйшими машинами. Съ 1902 года здѣсь открыто почтовое отдѣленіе.

Джюно. Настоящая столица Аляски, былъ основанъ въ 1880 г. послѣ открытія золота по Золотому ручью. Теперь это совсѣмъ европейскій городъ съ телефономъ, электричествомъ, мощеными улицами, несмотря на свое небольшое, около 2000, населеніе. Въ немъ хорошо оборудованная школьная система, начиная отъ начальныхъ, до гимназіи, готовящей къ поступленію въ университеты на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и каждая въ Штатахъ. Издаются двѣ ежедневныя и одна еженедѣльная газеты. Тамъ же имѣются два госпиталя. Джюно служитъ резиденціей губернатора, surveyor general и другихъ оффиціальныхъ лицъ. Онъ же является юридическимъ центромъ перваго судебнаго округа. Въ окрестностяхъ его разрабатывается нѣсколько рудниковъ; стопоставная кварцевая мельница обрабатываетъ 550 тоннъ руды ежедневно. Благодаря послѣдней и тому обстоятельству, что кругомъ разбросаны большіе и маленькіе рыбопромышленные заводы, въ Джюно развивается большая, сравнительно съ величиною города, торговая дѣятельность.

Дугласъ. Одинъ изъ видныхъ городовъ юго-восточной Аляски. Его исторія начинается съ открытіемъ знаменитаго Тредвельскаго кварцеваго мѣсторожденія, 28 лѣтъ тому назадъ. Дугласъ и Тред-

вель соединяются, образуя длинную улицу вдоль канала. Такъ какъ они находятся всего въ двухъ миляхъ отъ Джюно, на противоположномъ берегу канала и связаны съ нимъ телефономъ и паромомъ, то въ дѣйствительности всѣ эти 3 города, хотя имѣютъ отдѣльныя управленія, представляютъ изъ себя одинъ. Населеніе Дугласа то же, что и Джюно. Въ немъ также имѣется нѣсколько школъ, госпиталь, миссія для инородцевъ и проч. учрежденія.

Тредвель. Вторые по величинѣ золотые рудники въ Соед. Штатахъ по производству и величайшее въ свѣтѣ кварцевое мѣсторожденіе по количеству руды. Разработка ея идетъ уже 28 лѣтъ и дала 35000000 долларовъ золота. Руда сама по себѣ низкаго качества, заключаетъ только около 2-хъ долларовъ золота на тонну въ среднемъ. Но зато она находится въ безграничномъ количествѣ. 880 поставовъ работаютъ здѣсь, и 300 изъ нихъ подъ одной крышей. Это величайшая кварцевая толчея въ свѣтѣ. День и ночь, годъ за годомъ дробятъ руду, выдѣляя драгоцѣнный металлъ. Выработки дошли уже до глубины 700 фут., а руда и тамъ все та же. Тредвельская группа состоитъ, собственно, изъ четырехъ рудниковъ, принадлежащихъ различнымъ компаніямъ, но соединеннымъ въ одно общее управленіе. Капиталъ, помѣщенный въ нихъ, преимущественно американскій, хотя много и иностраннаго. Тредвельская компанія имѣетъ свои конторы въ С. Франциско, Лондонѣ и Парижѣ. Все устройство рудниковъ—послѣднее слово науки, и много горныхъ студентовъ пріѣзжаютъ туда изучать разработку бѣдныхъ рудъ. Рабочій классъ снабженъ квартирами, и въ ихъ столовыхъ можетъ прокармливать по пятьсотъ человѣкъ заразъ. Клубъ для рабочихъ имѣетъ всѣ удобства и новинки современнаго прогресса.

Амалыа. Главная квартира небольшихъ рудниковъ. Въ 1905 году открыто отдѣленіе почтовой конторы.

Генесъ. Расположенъ вверху канала Линнъ. Въ одной милѣ отъ этого города находится военный фортъ Сьюардъ—главная квартира войскъ юго-восточной Аляски.

Скагвей. Одинъ изъ быстро прогрессирующихъ городовъ Аляски, Онъ лежитъ какъ разъ на пути въ центральныя области и весной и осенью бываетъ переполненъ проѣзжимъ людомъ, ѣдущимъ или возвращающимся изъ Клондайка или области Юкона. Отъ Скагвея до г. Вайтгорсъ, въ Канадѣ, идетъ жел. дорога, а въ послѣднемъ пунктѣ серія рѣчныхъ пароходовъ ожидаетъ туриста и готова перенести его въ любое мѣсто р. Юкона. Въ Скагвеѣ имѣются.

школа, госпиталь, двѣ газеты и рядъ отелей для путешественниковъ.

Якутатъ. Инородческая деревня, гдѣ есть небольшой рыбоконсервный заводъ и отдѣленіе почтовой конторы.

Снеттишамъ. Отдѣленіе почтовой конторы.

Кекъ. Маленькое поселеніе, преимущественно изъ инородцевъ.

Петербургъ. Центръ рыбопромышленности юго-вост. Аляски. Консервные заводы и засолы.

Врангель. Слѣдующій за Ситкой по старшинству городъ въ Аляскѣ. Военный постъ содержится здѣсь съ 1877 года. Въ немъ имѣются: большой лѣсопильный заводъ, снабжающій лѣсомъ почти всю Аляску, и небольшой рыбо-консервный.

Шаканъ. Небольшой рыбный заводъ.

Казаанъ. Рыбо-промышленный заводъ и отдѣленіе почтовой конторы.

Клаакъ. Рыбо-промышленный заводъ, отдѣленіе почтовой конторы и рыбо-разводный заводъ.

Гадлей. Мѣдно-плавильный заводъ работалъ здѣсь до прошлаго года, когда паденіе цѣнъ на мѣдь пріостановило дѣло.

Кечиканъ. Одинъ изъ новѣйшихъ и наиболѣе прогрессивныхъ городовъ. Имѣетъ около 1500 жителей, рефриджераторъ, консервный заводъ, засольню. Расположенъ въ центрѣ богатаго мѣдью округа; мѣдные и золотые рудники, находящіеся въ его окрестностяхъ, даютъ ему значительное оживленіе.

Метлакатла. Наиболѣе интересный городъ въ смыслѣ соціальномъ. Цѣликомъ состоитъ изъ культивированныхъ инородцевъ, живущихъ здѣсь подъ руководствомъ миссіонера Дункана, посвятившаго 50 лѣтъ своей жизни просвѣщенію индѣйцевъ. Они выселились на о. Аннеттъ изъ различныхъ старыхъ поселеній, для большей религіозной свободы, и образовали г. Метлакатла. Правительство уступило имъ островъ цѣликомъ подъ заселеніе, издавъ запрещеніе на него для «бѣлыхъ» людей и образовавъ, такимъ образомъ, убѣжище для всѣхъ окрестныхъ инородцевъ, желающихъ вести жизнь на собственныхъ началахъ. Тамъ имѣются: почтовая контора, лавка, рыбоконсервный заводъ, лѣсопильный заводъ, обслуживаемые исключительно индѣйцами. Городъ состоитъ изъ опрятныхъ, хорошо отстроенныхъ домовъ, съ помѣстительнымъ соборомъ. Всѣ правительственныя лица—выборные, на основаніи опредѣленной муниципальной системы правленія.

Лоринъ. Почтовая контора и рыбный заводъ.

Фортманнъ. Здѣсь оперируетъ одинъ изъ самыхъ удачныхъ рыборазводныхъ заводовъ для кеты. Вмѣстимость его 100000000 икринокъ.

Южная и юго-западная Аляска.

Южная и юго-западная Аляска обнимаетъ обширную область отъ бухты Якутатъ до бухты Бристоль, въ 24 градуса по долготѣ и была здѣсь первой ареной дѣятельности русскихъ. Но американцы держали ее какъ то въ забвеніи, и только въ самое послѣднее время большія предпріятія на р. Коперъ по разработкѣ мѣдныхъ рудъ, да-ея богатыя каменноугольныя рожденія, обѣщаютъ ей наиболѣе свѣтлую будущность изо всѣхъ остальныхъ частей Аляски.

Кордова. Совсѣмъ молодой, насчитывающій всего три года жизни, тѣмъ не менѣе одинъ изъ наиболѣе прогрессивныхъ и населенныхъ городовъ Аляски, имѣющій двѣ газеты, водопроводъ, электричество и телефонъ. Нѣсколько лавокъ, гостиницъ и банкъ дополняютъ удобства жизни. Постройка жел. дороги вверхъ по рѣкѣ Коперъ создала его, и въ началѣ тамъ насчитывалось 800, а теперь болѣе 2000 человѣкъ жителей. А какъ только постройка этой дороги, а также вѣтви на каменноугольныя копи Берингової рѣки будетъ закончена, начнется эксплоатація рудниковъ, будетъ воздвигнутъ мѣдноплавильный заводъ и тысячи лицъ займутся выполненіемъ огромныхъ, многоденежныхъ предпріятій—его будущность явится болѣе чѣмъ обезпеченной. Обѣ желѣзныя дороги, въ настоящее время наполовину уже отстроенныя, стоятъ 20000000 долларовъ. Первая изъ нихъ прорѣжетъ мѣдное мѣсторожденіе въ верховьяхъ р. Коперъ и впослѣдствіи будетъ, вѣроятно, переброшена на другое въ ста миляхъ отъ перваго, между верховьями Небесной и Бѣлой рѣкъ. Люди авторитетные считаютъ эти два мѣста богатѣйшимъ въ свѣтѣ мѣсторожденіемъ мѣди. Вторая дорога идетъ вдоль берега океана къ Берингової рѣкѣ, гдѣ находятся залежи каменнаго угля. Но мѣдь и уголь не единственная надежда этого края: опытная станція у г. Коперъ Центръ показала наглядно, что агрикультура вполнѣ осуществима въ этой мѣстности, и правительство предлагаетъ каждому желающему своему гражданину 360 акровъ удобной для культуры земли. Здѣсь же находятся одни изъ лучшихъ лѣсовъ Аляски, что, въ соединеніи съ хорошимъ климатомъ и прочими дарами природы, неминуемо вызоветъ ростъ жизни.

Каталла. Конечный пунктъ вѣтви и ближайшій городъ къ каменноугольнымъ копямъ. Это одно говоритъ о его значеніи. Нѣкоторые изъ наиболѣе крупныхъ владѣльцевъ рудниковъ уже проэктируютъ постройку жел. дороги отъ Каталлы прямо на рудники. Здѣсь же въ окрестностяхъ найдена нефть, и нѣкоторыя скважины показали очень высокія качества ея. Въ Каталлѣ издается мѣстная газета.

Орка. Почтовая контора и рыбопромышленный пунктъ.

Валдизъ. Самый сѣверный изъ незамерзающихъ портовъ Аляски. Имѣетъ 1500 чел. населенія, почтовую контору, самоуправленіе. Вся почта для центральной и сѣв. Аляски зимою направляется черезъ него. Дальше до Фербанкса регулярныя сообщенія разъ въ недѣлю поддерживаются на лошадяхъ. Въ Валдизѣ есть лавки, гостиницы, два банка и двѣ газеты.

Эламаръ. Мѣдные рудники и почтовая контора.

Сьюардъ. Одинъ изъ важныхъ городовъ Аляски, какъ конечный пунктъ Аляскинской центральной жел. дороги. Сьюардъ—красивый городокъ, хорошо отстроенный, съ электричествомъ, водопроводомъ и телефонной системой. Его ростъ начался постройкой дороги, которая, какъ непосредственную цѣль, имѣетъ транспортировку угля изъ копей въ 15-ти миляхъ отъ Сьюарда, а въ будущемъ пройдетъ въ центръ Аляски, въ долину рѣки Тананы, къ г. Фербанксу.

Сельдовія и Гомеръ. Главныя поселенія на полуостровѣ Кенеи. Оба съ почтовыми отдѣленіями.

Кадіакъ. Одно изъ старѣйшихъ поселеній. Кадіакъ былъ основанъ русскими въ 1792 году и служилъ резиденціей администраціи до перехода въ Ситку. И теперь онъ, какъ въ старину, продолжаетъ заниматься преимущественно торговлей мѣхами.

Карлюкъ. Старая русская деревня, гдѣ есть почтовое отдѣленіе и рыбоконсервные заводы. Лѣтомъ мѣсто это очень оживляется: изъ Штатовъ на заводы пріѣзжаетъ нѣсколько сотъ рабочихъ, но зимою на нихъ остаются только одни сторожа.

Чигникъ, на полуостровѣ Аляска, *Угашикъ*, *Угакъ*, *Накнекъ* и *Нушагакъ* въ Бристольской бухтѣ—важныя рыбоконсервныя
ціи, на которыхъ лѣтомъ работаетъ нѣсколько тысячъ человѣкъ.

Дечъ-Гарборъ и *Уналяшка*—главныя поселенія на Алеутскихъ островахъ. Въ Уналяшкѣ есть русская церковь и почтовое отдѣленіе. Дечъ-Гарборъ служитъ угольной станціей для судовъ, плавающихъ въ Беринговомъ морѣ особенно для таможенныхъ, охраняющихъ котиковъ на Прибыловыхъ островахъ.

Бассейнъ рѣки Юкона.

Эта обширная страна занимаетъ, вѣроятно, треть всей Аляски. Во многихъ мѣстахъ на ней разсѣяны золотые пріиски, но главные изъ нихъ находятся въ долинахъ рр. Тананы и Иппоко, при чемъ розсыпи на Иппоко открыты въ самое послѣднее время. По самому Юкону видные золотые пріиски лежатъ около гг. Рамортъ, Сёркль и Игль. Все остальное золото этого бассейна добывается по притокамъ, часто въ нѣсколькихъ миляхъ отъ главной рѣки.

До 1902 года долина р. Тананы была невѣдомою областью изрѣдка посѣщаемою случайнымъ проспекторомъ, да правительственнымъ геологомъ. Но за послѣдніе семь лѣтъ она стала во главѣ богатѣйшихъ золотоносныхъ областей, обогнавъ даже знаменитую Номскую. Все золото, добытое въ Аляскѣ съ 1880 года, оцѣнивается въ 142000000 долларовъ, а Танапская долина съ 1902 года дала 35000000 доллар. и за послѣдній годъ ея добыча составляетъ почти половину производства всей Аляски.

Фербанксъ. Расположенъ на берегу р. Тананы въ 300 миляхъ отъ впаденія ея въ р. Юконъ, съ населеніемъ въ 3000 человѣкъ. Этотъ городъ—одинъ изъ самыхъ значительныхъ и вліятельныхъ во всей Аляскѣ; семь лѣтъ тому назадъ на его мѣстѣ росли только сосны да ели, а теперь тамъ хорошія постройки, освѣщен-

на немъ фабрика. Съ развитіемъ жизни развивается и земледѣліе; порядочное количество фермъ уже выросли кругомъ Фербанкса, и жители надѣются, что скоро все необходимое зерно они будутъ получать на мѣстѣ. По наиболѣе богатой золотомъ мѣстности проложена жел. дорога въ 46 миль длиною, соединяющая пріиски съ городомъ. Такъ какъ почва здѣсь въ большинствѣ случаевъ мерзла, то для рытья шахтъ приходится таять ее паровыми котлами. Общая сила котловъ, употреблявшихся на пріискахъ кругомъ Фербанкса въ 1906 году, равнялась 7512 лошад. силъ; но когда на слѣдующее лѣто торгующія компаніи привезли еще котловъ на 5000 лош. силъ, то они были распроданы на расхватъ.

Ближе и дальше отъ Фербанкса разбросано нѣсколько меньшихъ городовъ, съ населеніемъ въ 500—300 душъ. Нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ муниципальное устройство, но я перечислять ихъ не буду, такъ какъ въ дѣйствительности они живутъ одной общей жизнью съ главнымъ городомъ. Упомяну только о городѣ *Хотъ-Спрингъ* расположенномъ посерединѣ между Фербанксомъ и устьемъ рѣки Тананы. Этотъ городъ получилъ названіе отъ горячихъ ключей, бьющихъ тамъ. Сначала на нихъ была устроена гостиница—родъ курорта, при ней ферма, а потомъ, когда на сосѣднемъ ручьѣ найдено было золото, населеніе городка такъ увеличилось, что въ настоящее время это второй по заселенности пунктъ на р. Танана.

Повсемѣстно оперируютъ почтовыя отдѣленія и станціи безпроволочнаго телеграфа. Послѣднія находятся: въ гг. Фербанксѣ, Косна, Векеръ Крестъ, Толована, Нинана и Чина.

Р. Инноко. Розсыпи на р. Инноко—самое послѣднее открытіе въ области золотого дѣла на Аляскѣ. Собственно, золото на Гуспиномъ ручьѣ, притокѣ Инноко, было найдено три года тому назадъ, но отдаленность пункта, глушь и отсутствіе путей сообщеній тормозили дѣло. Однако теперь тамъ болѣе 400 человѣкъ работниковъ, и въ послѣдній годъ добыто металла на 150000 дол. Неудобство состоитъ въ томъ, что розсыпи находятся въ самыхъ верховьяхъ, а рѣка Инноко, въ 200 миль длиною, судоходна только до половины. Есть еще другой путь, по р. Кускоквымъ, но и тамъ волокъ неизбѣженъ. А везти надо, помимо всякихъ запасовъ одежды и довольствія, еще и котлы. Поэтому неудивительно, что главный центръ этого округа Джерди скорѣе напоминаетъ лагерь, построенный изъ всякаго подручнаго матеріала. Тамъ живетъ одинъ изъ правительственныхъ чиновниковъ.

Рѣки Коіукукъ и Кандаларъ. Золотые пріиски по этимъ рѣкамъ нахо- дятся въ ихъ верховьяхъ, и хотя не относятся къ очень богатымъ, всетаки за десять лѣтъ дали 1500000 дол. Изъ городовъ этой мѣстности можно отмѣтить: Баттельсъ и Кондфутъ по р. Коіукуку и Каро по р. Кандаларъ. Кондфутъ — резиденція правительственнаго чиновника Коіукукскаго округа, Каро-Кандаларскаго.

Рѣка Юконъ. Эта рѣка служитъ величайшей торговой артеріей Аляски, и на ея берегахъ немало торговыхъ станцій, перемѣшанныхъ съ инородческими деревнями, гдѣ пріютились миссіи и школы. Но тѣмъ не менѣе, европейцевъ по ней еще слишкомъ мало, и отъ Сантъ-Майкеля на устьѣ, до Игля на границѣ, на протяженіи 1500 миль, едва ли насчитается 2500 человѣкъ.

С. Майкель. Расположенъ на сѣверномъ берегу, около 50 миль отъ дельты р. Юкона. Онъ былъ основанъ въ 1833 году Михаиломъ Тебеньковымъ, и въ настоящее время полонъ памятниковъ русскаго владѣнія. Сохранилась и поддерживается русская церковь, старая крѣпость, охранявшая входъ въ бухту, съ орудіями столѣтней древности, которыя составляютъ теперь предметъ любопытства туристовъ. Все населеніе города не превышаетъ 400 человѣкъ, вмѣстѣ съ военнымъ гарнизономъ, и онъ имѣетъ только то значеніе, что въ немъ океанскіе пароходы перегружаются на рѣчные передъ отправленіемъ вверхъ по рѣкѣ. Въ немъ имѣются почтовое отдѣленіе и станція безпроволочнаго телеграфа.

Уналаклитъ. Почтовое отдѣленіе, телеграфная станція, миссія и станція оленеводства.

Андреевскій. Основанъ русскими въ 1852 году. Хотя въ немъ есть хорошій отель и электрическое освѣщеніе, но населеніе его не превышаетъ нѣсколькихъ десятковъ человѣкъ

Икогмутъ. Русская миссія.

Голи Кроссъ. Католическая миссія іезуитовъ, въ 50 миляхъ выше Икогмута.

Анвикъ. Почтовая контора и миссія епископаловъ.

Калтагъ. На зимнемъ пути, которымъ сокращается изгибъ рѣки.

Нулато. Основанъ русскимъ Малаховымъ въ 1838 г. Торговая и почтовая станція. Между Нулато и слѣдующимъ пунктомъ Танана, есть нѣсколько телеграфныхъ станцій.

Танана. На противоположномъ, противъ впаденія р. Таналы берегу р. Юкона. Вблизи города расположенъ фортъ Гиббонъ съ гарнизономъ, маленькое мѣстечко Впръ и миссія Св. Джемса. Всѣ

они составляютъ одно общество, около 400 человѣкъ. Въ этомъ пунктѣ товары, идущіе на большихъ юконскихъ пароходахъ, перегружаются на болѣе мелкіе, для Фербанкса и всѣхъ мѣстечекъ по р. Тананѣ.

Рампартъ. 80 миль выше Тананы. Одинъ изъ первыхъ городовъ, основанныхъ на Юконѣ проспекторами. Въ немъ есть лавки, почтовая и телеграфная контора и около 400 чел. жителей.

Фортъ Гамлинъ и фортъ Юконъ. Торговыя станціи. Послѣдній лежитъ на самомъ сѣверномъ изгибѣ р. Юкона, нѣсколько выше полярнаго круга. Въ немъ также имѣются: школа для инородцевъ, лавки и почтовая контора.

Сёркль. Одинъ изъ первыхъ городовъ, основанныхъ на найденномъ по р. Юкону золотомъ пріискѣ, около 100 миль выше форта Юкона. Населеніе его около 200 человѣкъ. Лавки и почтовая контора.

Иль. Около 300 человѣкъ населенія. Вблизи военный фортъ Егбертъ. Почтовая, телеграфная контора, таможня, лавки, отели и проч.

Города по р. Юкону выше Тананы существуютъ за счетъ горной промышленности, и хотя они существуютъ довольно порядочное количество лѣтъ, всетаки эта обширная площадь обслѣдована мало. Города же ниже Тананы—просто рѣчныя станціи, вызванныя къ жизни судоходствомъ и миссіонерствомъ.

Номская окрестность.

Наиболѣе продуктивными, поэтому наиболѣе важными, областями на Аляскѣ являются Сьюардскій полуостровъ и долина р. Тананы. Онѣ и вызвали къ жизни наиболѣе крупные города: Номъ и Фербанксъ.

Номъ. Имѣетъ зимою около 3000 постояннаго населенія, которое на лѣто увеличивается человѣкъ на 1000, приблизительно. Но въ теченіе рабочаго періода во всей Номской округѣ насчитывается по меньшей мѣрѣ 10000 человѣкъ. Городъ Номъ расположенъ прямо на морскомъ берегу, на тундрѣ, превышающей уровень воды всего на нѣсколько футовъ. Первыя его постройки были воздвигнуты въ 1899 году изъ плавника, собраннаго на берегу, такъ какъ мѣстность вокругъ него безлѣсна. А уже въ 1900 году 20000 золотоискателей высадились въ этомъ пунктѣ и образовали городъ пала-

токъ, изъ которыхъ развился Номъ въ настоящемъ его видѣ. Городъ имѣетъ хорошія деревянныя постройки, хорошіе мостовыя и тротуары, водосточныя трубы, электрическое освѣщеніе, водопроводъ, городской и для дальнихъ дистанцій телефонъ. Хорошія шоссе соединяютъ его съ окрестными пріисками, а для дальнихъ выстроена узкоколейная желѣзная дорога на 86 миль. Для всей сѣв.-западной Аляски Номъ служитъ торговымъ центромъ, и годичный ввозъ въ него товаровъ превышаетъ 4 милліона долларовъ. Отсюда товары на маленькихъ мѣстныхъ шкунахъ развозятся по всему побережью и идутъ даже довольно далеко по нашему крайнему Сѣверо-Востоку. Въ немъ оперируютъ три большихъ банка съ капиталомъ болѣе 2000000 долларовъ, издаются двѣ газеты. Его школы оборудованы великолѣпно, и главное зданіе стоитъ 7000 дол. Имѣются среднія учебныя заведенія и ученики могутъ поступать оттуда прямо въ университеты. Церкви, госпиталь, клубы, великолѣпно обставленный, помѣстительный театръ—даютъ всѣ удобства жизни. Семь мѣсяцевъ Номъ бываетъ отрѣзанъ отъ сообщеній съ внѣшнимъ міромъ, но ошибочно думать, что его жители сидятъ, какъ медвѣди въ берлогѣ. Зима—время свободное отъ пріисковыхъ работъ, время отдыха и развлеченій. Телеграфъ и почта работаютъ регулярно. Послѣдняя отправляется изъ Сіаттля на пароходахъ въ Вальдизъ, а оттуда 1400 миль на лошадяхъ и собакахъ, и получается въ Номѣ два раза въ мѣсяцъ на 40-й день по выходѣ изъ Сіаттля. Затѣмъ, маленькое общество съ своей стороны дѣлаетъ все, чтобы не скучать: образуются литературные, музыкальные, театральные кружки, читаются лекціи, даются балы, вечера, наконецъ, всѣ они очень интересуются ежегодными бѣгами на собкахъ. Въ Номѣ бѣга—цѣлое событіе, пожалуй, болѣе захватывающее публику, чѣмъ настоящіе рысистые бѣга или скачки. Къ нимъ готовятся задолго. Наши сибирскія собаки считаются тамъ лучшими, болѣе быстрыми и выносливыми. Въ прошломъ году въ бѣгахъ принимала участіе запряжка Анадырскихъ собакъ, вывезенныхъ изъ Ново-Маріинскаго поста, и взяла третій призъ, а не первый, исключительно по винѣ самого каюра. Этимъ лѣтомъ пріѣзжала на р. Анадырь спеціально зафрахтованная шкуна, и за хорошихъ собакъ платили прямо бѣшенныя деньги — до 200 руб. за штуку, тогда какъ до этого средняя цѣна на нихъ стояла 20 — 25 руб. Гонки идутъ на 412 миль между гг. Номомъ и Кандлемъ. Въ прошломъ году выигравшая запряжка прошла эту дистанцію въ 86 часовъ, и цѣна призовъ была 10000 дол., около 20000 руб.

Въ окрестностяхъ Нома расположенъ военный фортъ Дэвисъ съ 5 офицерами и 130 солдатами 22-го пѣхотнаго полка.

Каужиль. Одинъ изъ первыхъ городовъ Сьюардскаго полуострова, такъ какъ въ немъ золото было открыто раньше знаменитаго Номскаго. Онъ имѣетъ желѣзную дорогу, связывающую его съ пріисками и побережьемъ у г. Соломонъ.

Изъ другихъ городовъ на Сьюардскомъ полуостровѣ можно отмѣтить: *Кандль*, *Дирингъ*, *Вельсъ*, *Іоркъ*, *Теллеръ*, *Блёффъ*, *Чиникъ* и *Шельтонъ*. Всѣ они маленькіе, имѣютъ по нѣсколько сотъ душъ населенія и существуютъ за счетъ горной промышленности.

Пути сообщенія и телеграфныя линіи.

Развитіе путей сообщенія служитъ наглядымъ показателемъ прогресса Аляски. 35 пароходовъ, имѣющихъ общій тоннажъ въ 67000 тоннъ, плаваютъ изъ ея портовъ къ побережью Великаго океана. Къ этому надо прибавить парусныя суда, рыболовную флотилію и множество маленькихъ шкунъ, занятыхъ развозкой товаровъ по побережью. Семьдесятъ пароходовъ и баржей плаваютъ по нижнему Юкону и его притокамъ. Прошлымъ лѣтомъ два судна были поставлены обслуживать фіордъ Кука и рѣку Сузитну. Компанія, строящая желѣзную дорогу въ области р. Коперъ, имѣетъ на ней два парохода.

Въ настоящее время на Аляскѣ 8 линій жел. дорогъ, съ общимъ протяженіемъ въ 208 миль: но двѣ наиболѣе длинныя изъ нихъ только начали строиться, и когда закончатся, то общее протяженіе будетъ 355 миль.

По устройству грунтовыхъ дорогъ въ Аляскѣ работаетъ коммиссія изъ офицеровъ, подъ предсѣдательствомъ маіора Ричардсона. Конгрессъ для этой цѣли дѣлаетъ ежегодный отпускъ суммъ, который въ 1908 году былъ 250000 дол. Работы коммиссіи начались съ 1905 года, и ею разработано 452 мили экипажныхъ дорогъ, 397 зимне-санныхъ и 255 миль тропъ. Значительной затраты работы требуетъ обстановка вѣхами зимнихъ путей. Въ зиму 1907/08 года 486 миль были обставлены вѣхами только на Сьюардскомъ полуостровѣ. Главная работа этой коммиссіи сосредоточивается, понятно, въ мѣстахъ наибольшаго оживленія: на Сьюардскомъ полуостровѣ, по р. Юкону, въ долинѣ р. Тананы, въ южн. и юго-вост. Аляскѣ. Наиболѣе важной дорогой считается путь отъ Вальдиза къ Фербанксу, такъ какъ это главное направленіе отъ побережья вглубь страны

Военное вѣдомство, вопреки общепринятому въ Соед. Штатахъ положенію, гдѣ жел. дороги и телеграфъ составляютъ частныя предпріятія, на Аляскѣ взяло на себя устройство телеграфной службы, покрывающей каждый промышленный центръ, каждый, обѣщающій развитіе, уголокъ. Эта система состоитъ изъ 2524 миль подводнаго кабеля, 1403 миль проволочнаго и 879 миль безпроволочнаго телеграфа. Кабель идетъ изъ Сіаттля въ Ситу, изъ Ситн въ Вальдизъ, изъ Вальдиза въ Сьюардъ, съ развѣтвленіями изъ Вальдиза въ Лискомъ и изъ Ситн въ Джюно, Генесъ и Скагвей. Отъ послѣдней вѣтви, у мыса Фаншоу, отдѣляется другая вѣтвь кабеля на Врангель, Гедлей и Кечиканъ. Кабель соединяется съ проволочнымъ телеграфомъ въ Вальдизѣ, откуда идетъ двойная линія на Гёлкана. Изъ послѣдняго пункта телеграфныя линіи дѣлятся: одна направляется въ Игль, а другая на Фербанксъ, фортъ Гиббонъ, станціи по Юкону и дальше на С. Майкель. Пролетъ между С. Майкелемъ и Номомъ въ 119 миль обслуживается безпроволочными станціями. Правительство въ настоящее время строитъ вторую линію между Гёлкана и Фербанксомъ.

Въ этой системѣ имѣется 52 телеграфныхъ и 12 кабельныхъ станцій. На 20-ти изъ нихъ принимаются денежные переводы. За 1908 годъ было отправлено 96521 коммерческихъ и 37891 правительственныхъ телеграммъ, оплата которыхъ дала 206888 дол. 85 центовъ. Правительственные расходы по обслуживанію линій свелись къ 144641 дол. 12 центамъ.

Безпроволочный телеграфъ военнаго вѣдомства находится: въ гг. Номѣ, Сефети, С. Майкелѣ, фортѣ Гиббонъ, Серкль, Эгбертъ и Фербанксъ. Назначены къ постройкѣ: въ Кольтукъ, устье р. Юконъ, Голи Кросъ, фортъ Юконъ, Беттелсъ и Стиль-Крикъ. Только что отстроены станціи въ Врангелѣ и Петерсбургѣ, въ юго-восточной Аляскѣ. Безпроволочныя станціи морского вѣдомства имѣются въ Ситѣ и Кордовѣ, и, наконецъ, частная компанія «United Wireless» содержитъ 3 станціи въ Каталѣ, Джюно и Кечиканѣ. Безпроволочный телеграфъ начинаетъ отвоевывать себѣ все больше и больше мѣста на Аляскѣ, и особенно полезенъ во время зимы, когда сильные бураны портятъ проволочный.

Школьное образованіе.

Прежде чѣмъ перейти къ перечисленію того, что сдѣлано американцами по постановкѣ школьнаго образованія на Аляскѣ, мнѣ хочется привести выдержку изъ 14-го годового рапорта доктора Шельдонъ Джаксона, главнаго агента образованія на Аляскѣ, характеризующую взглядъ правительства на рѣшеніе инородческаго вопроса.

«Президентъ въ недавнемъ его обращеніи къ Конгрессу при-«зываетъ вниманіе на измѣнившіяся условія, съ которыми прихо-«дится считаться инородцамъ Аляски, вслѣдствіе наплыва большого «количества бѣлыхъ людей въ ихъ страну; подчеркиваетъ необхо-«димость попеченія о нихъ, особенно въ дѣлѣ устройства промыш-«ленныхъ школъ и госпиталей.

«Это поднимаетъ вопросъ: какъ инородцы Аляски могутъ слу-«жить цѣннымъ подспорьемъ въ развитіи страны, помощниками «бѣлымъ людямъ, которые тамъ заняты теперь горнымъ дѣломъ, «и какъ они могутъ обезпечить существованіе для себя и своихъ «семей?

«Каждый удачный опытъ въ выполненіи этихъ желательныхъ «результатовъ долженъ ясно имѣть въ виду цѣль приготовленія «инородцевъ стать помощниками эмигрантамъ, которые прибы-«ваютъ изъ Штатовъ для веденія горнопромышленныхъ операцій. «Инородецъ долженъ быть наученъ двумъ вещамъ, которыя помо-«гутъ ему быть хорошимъ помощникомъ эмигрантамъ: первое, его «надо научить, какъ создавать запасъ дешевой пищи, и второе какъ «снабдить страну дешевыми перевозочными средствами при помощи «оленеводства.

«Вполнѣ извѣстно, что нѣкоторые огородные овощи могутъ «быть производимы въ большихъ количествахъ по рѣчнымъ доли-«намъ даже подъ арктическимъ кругомъ, даже на 50 миль выше «его. Инородецъ знаетъ, какъ поймать рыбу изъ рѣки или моря «для своей семьи; послѣ нѣкотораго обученія онъ можетъ стать «успѣшнымъ рыболовомъ для рынка....»

Итакъ, съ чисто практической цѣлью, цѣлью создать изъ акклиматизированнаго аборигена орудіе прогресса и средство развитія природныхъ богатствъ страны, правительство поддерживаетъ и культивируетъ его. Оно не только покупаетъ оленей, но устраиваетъ цѣлую строго организованную систему оленеводства, подъ

наблюденіемъ и отвѣтственностью своихъ чиновниковъ. Когда же у послѣднихъ выработался необходимый опытъ въ дѣлѣ, когда оленеводство становится на прочную почву, и пріемы, принятые въ теоріи, доказываютъ всю ихъ практическую примѣнимость, Конгрессъ постановленіемъ 10-го іюня 1907 года издаетъ особыя правила для оленеводства, которыя становятся, такимъ образомъ, закономъ. А чтобы инородецъ не висѣлъ на шеѣ правительства, въ положеніи вѣчно опекаемаго ребенка, оно развиваетъ его въ школахъ и съ помощью наглядныхъ примѣровъ заставляетъ понимать собственную выгоду и пріобщаться, такимъ образомъ, къ культурѣ. Въ настоящемъ моемъ изложеніи я, чтобы не отвлекаться въ сторону отъ общей картины прогресса Аляски, не буду подробно развивать систему постановки школьнаго дѣла и связаннаго съ нимъ оленеводства, выдѣливъ эти вопросы въ спеціальный отчетъ; перечислю только достигнутые результаты.

Въ 1890 году докторъ Шельдонъ Джаксонъ, посѣтивъ Сѣв. Аляску и увидѣвъ жалкое положеніе тамошняго инородца, проникся идеей развитія среди нихъ оленеводства. По возвращеніи въ Вашингтонъ, онъ сдѣлалъ представленіе объ этомъ правительству, и хотя рапортъ его получилъ одобреніе министра внутр. дѣлъ и былъ направленъ въ Конгрессъ, послѣдній, однако, не обратилъ на него должнаго вниманія, отложивъ разсмотрѣніе до слѣдующей сессіи. Тогда д-ръ Джаксонъ обратился за общественной помощью черезъ газеты и открылъ подписку, которая дала 2146 дол. На эту сумму была произведена первая покупка оленей въ Сибири.

Слѣдующая сессія Конгресса назначила для покупки оленей 6000 дол. и съ 1892 года до 1905, было пріобрѣтено 1280 оленей. Теперь ихъ на Аляскѣ около 20.000 и, при правильномъ только наблюденіи за убоемъ, множатся они чрезвычайно быстро, удваиваясь въ числѣ каждые 3 года.

Оленеводство не только снабжаетъ мясомъ инородцевъ и самые глухіе проспекторскіе лагеря, но даетъ и средства для передвиженій; во многихъ пунктахъ сѣверной Аляски почта перевозится на оленяхъ; немало проспекторовъ обзавелось ѣздовыми оленями, и вмѣсто того, чтобы таскать свой небольшой запасъ на плечахъ, возитъ его на оленяхъ; это тѣмъ болѣе удобно, что олень, въ сущности, не требуетъ особеннаго ухода, такъ какъ его не надо укрывать отъ непогоды, ему не надо заготовлять пищи. Впрочемъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ перевозка тяжестей на оленяхъ идетъ регу-

лярно, американцы пробуютъ пріучать оленей къ сушеному и зерновому корму, чтобы сдѣлать ихъ болѣе крѣпкими и выносливыми. Нѣкоторые аляскинскіе инородцы, имѣя по 200—300 оленей, уже теперь зарабатываютъ хорошія деньги перевозкой тяжестей и убоемъ излишнихъ самцовъ на мясо, которое продаютъ по 50 центовъ за фунтъ. Но даже ставши самостоятельными оленеводами, они остаются подъ надзоромъ правительственныхъ чиновниковъ и обязаны строгимъ учетомъ по размноженію и убыли своего стада; для этого имъ выдаются печатные бланки, которые они должны, по сообщеніи требуемыхъ свѣдѣній, представлять чиновнику. Чтобы заполнять бланки, оленеводы должны быть грамотными, поэтому ученики при стадѣ, которые въ будущемъ должны стать оленеводами-собственниками, всегда или грамотные уже или обязаны посѣщать школу.

Послѣ проведенія въ 1884 году черезъ Конгрессъ акта Гаррисона, установившаго въ Аляскѣ отдѣльное правительство, вопросъ объ инородческомъ образованіи не поднимался до изданія сводовъ законовъ для Аляски въ 1900 году. Съ этого года д-ръ Шельдонъ Джаксонъ былъ назначенъ туда генеральнымъ агентомъ образованія, и работою, которую онъ выполнилъ, воздвигнулъ себѣ нерукотворный памятникъ. Къ 1909-му году оставалось очень мало мѣстъ, гдѣ-бы инородецъ не имѣлъ возможности посѣщать школу, и въ настоящее время подростающее поколѣніе индѣйцевъ и эскимосовъ поставлено въ лучшія условія въ образовательномъ отношеніи, чѣмъ многіе изъ американцевъ сто лѣтъ тому назадъ. Теперь на Аляскѣ существуетъ 3 рода школъ: правительственныя, исключительно для инородцевъ, на деньги, отпускаемыя постановленіемъ Конгресса; смѣшанныя школы въ городахъ, не получившихъ муниципальнаго устройства, на деньги, полученныя отъ различныхъ сборовъ съ промышленныхъ предпріятій, и публичныя школы въ городахъ муниципальныхъ, на общихъ во всѣхъ Соед. Штатахъ основаніяхъ и на деньги, полученныя съ промышленныхъ предпріятій. Согласно своду законовъ объ Аляскѣ, всѣ деньги, получаемыя правительствомъ съ различнаго рода бумагъ и разрѣшительныхъ свидѣтельствъ въ муниципальныхъ городахъ, обращаются въ муниципальную казну для постановки школьнаго дѣла и другихъ нуждъ общества. Быстро растущая промышленная жизнь организованныхъ городовъ образовала, поэтому, солидные фонды, которые дали великолѣпныя школы. Воздвигнуты большія, теплыя, удобныя зданія, снабженныя отборнымъ учебнымъ матеріаломъ. Въ главныхъ городахъ какъ Джюно, Фербанксъ и

Номъ имѣются какъ низшія, такъ и среднія школы, приготовляющія юношество къ поступленію въ университеты.

Губернаторъ Аляски неоффиціально считается начальникомъ школьнаго образованія во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ, не получившихъ муниципальнаго устройства.

Что же касается чисто инородческихъ школъ, содержимыхъ на деньги, отпускаемыя Конгрессомъ, то ихъ къ 1909 году было 59 школъ съ 73 учителями и 3068 учениками; обходятся школы правительству около 100000 дол. ежегодно.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Въ предыдущемъ очеркѣ мы видѣли, какихъ громадныхъ успѣховъ достигли американцы въ Аляскѣ за короткій, сравнительно, періодъ владѣнія ею; сравнимъ теперь, чѣмъ природа обидѣла нашъ Сѣверо-востокъ, постараемся поглубже вникнуть въ причины, дающія на одномъ берегу расцвѣтъ жизни, а на другомъ—держащія ее на точкѣ замерзанія, и отмѣтимъ себѣ для будущей работы все то, что явится наиболѣе очевидно продуктивнымъ.

Если только взглянемъ на карту, то увидимъ что нашъ крайній Сѣверо-востокъ или Камчатская область, лежитъ подъ тѣми же широтами, что и Аляска, и если насъ обошло теченіе, дающее тамъ незамерзающія гавани и мягкій климатъ въ юго-восточной части, зато мы и не страдаемъ отъ излишества атмосферныхъ осадковъ, дѣлающихъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ прибрежной Аляски жизнь прямо нестерпимой. Короче, мы имѣемъ дѣло съ обычными для громаднаго большинства нашего народа климатическими условіями: мягкое лѣто и здоровый, крѣпкій морозъ со снѣгомъ зимою. Въ отношеніи же природныхъ богатствъ нашего края, мы пока знаемъ о нихъ мало, потому что мало работали надъ изысканіями ихъ. Однако, вспомнимъ все, что мы знаемъ достовѣрно.

Золото въ нашихъ горахъ есть, и даже та, жалкая по интенсивности и результатамъ, работа, что была проявлена Сѣв.-вост. сибирскимъ о-мъ, открыла его въ розсыпномъ видѣ въ нѣсколькихъ мѣстахъ Чукотскаго полуострова. А разъ оно есть въ розсыпяхъ, оно неминуемо должно быть и въ кварцевыхъ мѣсторожденіяхъ; но для находокъ его надо посылать не единичныхъ людей, хотя бы и съ хорошимъ научнымъ авторитетомъ, а сотни и тысячи, какъ это дѣлается въ Аляскѣ.

Серебро-свинцовыя руды на томъ же Чукотскомъ полуостровѣ обнаружены въ двухъ мѣстахъ. Онѣ были обслѣдованы и забракованы; но, спрашивается, не слишкомъ ли было поступлено въ данномъ случаѣ поспѣшно. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь та руда, которая

послужила причиной брака, бралась прямо почти съ поверхности, слѣдовательно подверглась предварительно вывѣтриванію и всѣмъ другимъ разрушительнымъ процессамъ. Я былъ на мѣсторожденіи у дер. Паутина и не видѣлъ тамъ слѣдовъ шахтъ. Вспоминая ходъ работъ, не думаю, чтобы основательныя раскопки производились и у м. Сердце-Камень.

Мѣдь пока мнѣ извѣстна только на о. Мѣдномъ. Здѣсь ее находятъ въ самородкахъ прямо въ береговой галькѣ. Н. П. Сокольниковъ, старожилъ этого края, разсказывалъ мнѣ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ это мѣсторожденіе изслѣдовали и нашли невыгоднымъ работать. Можетъ быть, тогда было и невыгодно, но условія мѣняются съ каждымъ годомъ: улучшаются сообщенія, открываются новые рынки, новыя вспомогательныя средства, въ видѣ сосѣдства рудъ и каменнаго угля.

Что касается послѣдняго, то, даже не отыскивая, мы знаемъ три мѣсторожденія прямо на морскомъ берегу: въ бухтѣ барона Корфа, бухтѣ Угольной и у устья р. Анадыря. По немъ тоже не дѣлалось какихъ-либо изслѣдованій, а если только качество его сколько-нибудь удовлетворительно, то нашъ уголь будетъ успѣшно конкурировать съ американскимъ, во-первыхъ, потому, что для его эксплоатаціи не надо подъѣздныхъ путей, а во-вторыхъ и потому, что всякая разработка у насъ обходится дешевле, вслѣдствіе болѣе дешевыхъ рабочихъ рукъ. Желѣзо, графитъ, сурьма, мышьякъ имѣются и у насъ. Такимъ образомъ, мы видимъ, что горы нашей стороны имѣютъ также металлы и минералы. Пока надъ ними никто не работалъ, трудно говорить объ ихъ богатствѣ.

Дальше идутъ рыбныя богатства, но на нихъ, я думаю, и останавливаться не стоитъ, потому что одна наша Камчатка богаче рыбой, чѣмъ вся Аляска.

Въ смыслѣ лѣсныхъ богатствъ въ нашемъ распоряженіи имѣется цѣлая тайга, начиная отъ рр. Колымы и Анадыря.

Нашими мѣхами по сей день питается американскій рынокъ. Наше оленеводство создало американское.

Итакъ, изъ этого коротенькаго наброска видно, что природа не сдѣлала нашъ край пасынкомъ по сравненію съ Аляской, чему же послѣдняя обязана своимъ удивительнымъ развитіемъ? Прослѣдимъ ея исторію.

Съ самой покупки, территорія открывается во всѣхъ направленіяхъ, для всего пришлаго люда, желающаго работать на ней подъ условіемъ только соблюденія законовъ правительства. Послѣднее же,

ставъ тамъ на прочную ногу, издаетъ спеціальные законы, стремящіеся облегчить піонеру его первые шаги по завоеванію пустыннаго и суроваго края, даетъ ему хорошую администрацію, правосудіе, прокладываетъ дороги, устраиваетъ почту и телеграфъ, обращаетъ аборигеновъ страны въ помощниковъ пришельцу, зная, что только онъ, наслѣдникъ тысячелѣтней культуры, можетъ цѣлесообразно использовать рессурсы, вызвавъ къ жизни страну. Оно не боится расхищенія богатствъ, потому что ихъ, во-первыхъ, нельзя положить въ карманъ и унести, а во-вторыхъ, у него есть на мѣстѣ люди, слѣдящіе за выполненіемъ законовъ.

Теперь, какая политика примѣнялась у насъ по отношенію къ нашей территоріи, аналогичной по климатическимъ и природнымъ условіямъ Аляскѣ.

Шестнадцать лѣтъ тому назадъ, вся обширная область къ востоку отъ полуострова Камчатки была для насъ terra incognita. Ею никто не интересовался, никто не жилъ изъ европейцевъ, даже принадлежность самого края къ Россіи была чисто номинальная, потому что каждый могъ пріѣзжать туда и дѣлать все, что угодно. Развѣ, совершенно случайно, охранное судно Командорскихъ острововъ заходило туда, чтобы показать русскій флагъ у береговъ и поспѣшить поскорѣе назадъ отъ угрюмаго края. Однако, потомъ рѣшено было выдѣлить эту область въ самостоятельный Анадырскій уѣздъ, съ назначеніемъ начальника уѣзда въ с. Марково. Онъ совмѣщалъ въ своемъ лицѣ всѣ вѣдомства, отправлялъ всѣ функціи правительства. Это было уже шагомъ впередъ, потому что, во-первыхъ, въ краѣ начинало жить хоть одно интеллигентное лицо, а во-вторыхъ, мы имѣли хоть какой-нибудь тамъ надзоръ, хотя послѣдній выражался крайне слабо. Вся жизнь этого края тяготѣетъ къ морю, можетъ быть, болѣе, чѣмъ въ любомъ другомъ мѣстѣ, а съ этой-то стороны онъ и не былъ прикрытъ ничѣмъ—ни формально, ни фактически. Побережье признавалось и признается открытымъ. Да это такъ и должно быть: если нѣтъ средствъ поддержать закрытіе, то лучше признать границу открытой, чѣмъ дѣлать изъ запрещенія насмѣшку, потому что первое, съ чѣмъ считается иностранецъ, это насколько авторитетна власть даннаго мѣста. Дальше, въ горномъ дѣлѣ, единственномъ, какъ мы видимъ по примѣру Аляски, способномъ создать культурную жизнь въ такихъ отдаленныхъ и глухихъ мѣстъ, наше правительство приняло взглядъ, противоположный американскому. Въ то время, какъ послѣднее дѣлаетъ всѣ усилія, чтобы привлечь

въ свою сторону прогрессивный элементъ, первое даетъ спеціальную концессію на громадную территорію, чтобы только закрыть ее отъ пришельцевъ, и проводитъ съ тою же цѣлью законъ о стоверстной полосѣ. Я не имѣлъ возможности наблюдать, какъ отразился на жизни послѣдній законъ, но концессія дала прямо противоположный результатъ ожидаемому. Прежде всего, какъ бы ни была сильна единичная компанія предпринимателей, въ странѣ равной по величинѣ нѣсколькимъ государствамъ, она не въ состояніи выполнить той работы, которая требуетъ затраты умственныхъ и матеріальныхъ силъ цѣлаго общества. Это, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ неудачъ, хорошо поняли концессіонеры и, негласно, стали приглашать пришлый элементъ работать на концессіи за свой рискъ и страхъ, платя лишь опредѣленный процентъ съ добычи; другими словами, стали дѣлать именно то, противъ чего правительство создало концессію. Результатъ, какъ будто, долженъ былъ бы получиться одинъ и тотъ же; тамъ и здѣсь работаетъ пришелецъ. Однако нѣтъ! Въ то время, какъ въ Аляскѣ это законный ходъ дѣла, на нашей сторонѣ—обходъ закона. Тамъ само правительство стоитъ во главѣ. Оно знаетъ кого приняло, на какихъ условіяхъ приняло, его чиновники слѣдятъ за выполненіемъ этихъ условій, и отступленіе отъ закона вызываетъ немедленную репрессію. А у насъ все предоставлено концессіонеру, являющемуся самостоятельнымъ хозяиномъ положенія. Отъ этого и получился слѣдующій результатъ: съ чисто патріотической цѣлью, наше правительство выдало концессію полковнику Вонлярлярскому, надѣясь, что ему на рубежѣ нашихъ владѣній удастся создать русскую промышленность; я думаю, что и полковникъ Вонлярлярскій былъ вполнѣ искренень въ своихъ патріотическихъ чувствахъ, однако, къ концу десятилѣтней концессіи мы не только не имѣемъ тамъ нашей промышленности, но даже ни одного новаго русскаго человѣка, и нашъ правительственный міръ долженъ быть благодаренъ инертности концессіонера, что придется разбирать только одно судебное дѣло о томъ, кому въ дѣйствительности принадлежитъ открытое вблизи р. Анадыря золото? По контракту—какъ будто бы концессіонеру, потому что онъ одинъ только имѣлъ право работать на территоріи, которая закономъ 24-го апрѣля 1900 года была закрыта для частнаго горнаго и золотого промысла. А тутъ являются люди, американцы, которые документально доказываютъ, что въ теченіе ряда лѣтъ они со своимъ капиталомъ и людьми работали на концессіи и открыли золото, на которое естественно, и заявляютъ свои права!

Однако, и «свободная Америка», какъ любятъ прежде всего себя величать въ Соед. Штатахъ, пригласивъ выходцевъ со всего свѣта жить и работать въ Аляскѣ, стремится придать краю свои національныя черты, и правительство Соед. Штатовъ, такое щедрое на самоуправленіе ассимилированныхъ уже областей, не торопится образовать изъ Аляски самостоятельный Штатъ даже теперь, когда жизнь тамъ налажена, несмотря на всѣ представленія въ Конгрессѣ. Наоборотъ, какъ мы видѣли раньше, всѣ отвѣтственныя должности въ Аляскѣ замѣщены по назначенію изъ Вашингтона, весь ходъ мѣстной жизни находится подъ непосредственнымъ контролемъ общегосударственныхъ учрежденій, и можетъ быть нигдѣ въ цѣлыхъ Штатахъ доктрина Монрое не проводится съ такою строгостью и послѣдовательностью, какъ на Аляскѣ... Я думаю, что въ этомъ и заключается задача любого правительства, по отношенію къ любой мѣстности: сдѣлать ее національной и наиболѣе прогрессивной.

Что же нужно сдѣлать намъ на нашемъ крайнемъ Сѣверо-Востокѣ для осуществленія этихъ двухъ основныхъ принциповъ? Я думаю, что надо прежде всего отказаться отъ нашей политики, основанной на запрещеніяхъ и выдачахъ спеціальныхъ концессій, открыть край для всѣхъ предпріимчивыхъ людей, поставивъ ихъ въ опредѣленныя закономъ рамки, создавъ условія, при которыхъ русскій элементъ былъ бы доминирующимъ и наиболѣе вліятельнымъ.

Начинать эту работу, мнѣ кажется, надо съ закрытія морскихъ границъ. Насколько мнѣ извѣстно, ни одно сильное государство не позволяетъ иностраннымъ судамъ свободнаго каботажа и торговли вдоль своихъ границъ безъ таможенной инспекціи, и если американскія торговыя шкуны, китобои и прочія суда нисколько не привыкли считаться съ русскими территоріальными водами, то объясняютъ это въ Америкѣ не иначе, какъ нашей слабостью и неспособностью охранять наше побережье. Но помимо того, что это является плохимъ средствомъ поддержанія нашего авторитета, открытая граница скрываетъ за собою массу непосредственнаго вреда. Прежде всего, мѣстный рынокъ находится во власти американскаго купца и товара. Послѣдніе годы во Владивостокѣ и Хабаровскѣ много говорилось о созданіи русской торговли на Чукотскомъ полуостровѣ. Обсуждался даже вопросъ о выдачѣ субсидій для торгующихъ фирмъ. Но не лучше ли, вмѣсто того, чтобы тратить деньги на субсидіи, израсходовать ихъ на охрану

границъ и тѣмъ создать естественныя условія (настолько естественныя, насколько ими является таможенная система), въ которыхъ русская торговля могла бы развиваться безъ искусственнаго выращиванія. Вглядимся въ причины, создавшія изъ нашего края рынокъ для американскихъ товаровъ. Во-первыхъ, нѣкоторыя производства, какъ оружейное, огнестрѣльныхъ припасовъ, желѣзныхъ издѣлій, въ Америкѣ вообще дешевле, чѣмъ въ Россіи, а во-вторыхъ, ихъ торговая база, г. Сіаттль, съ промежуточной станціей въ Номѣ, ближе, а сообщенія чаще и удобнѣе, чѣмъ съ нашей— г. Владивостокомъ. Теперь, если американскіе товары везутся безпошлинно въ любой пунктъ нашего побережья, то какъ имъ не конкурировать съ русскими, пришедшими изъ Россіи, (такъ какъ Владивостокъ самъ по себѣ ничего не выдѣлываетъ), или изъ-за границы, кружнымъ путемъ, и выдержавшими Владивостокскую таможню? Какая же субсидія можетъ возстановить это равновѣсіе, если вѣсы-то балансированы неправильно?

Теперь посмотримъ, что получается, если граница закрыта? Пошлина уравняетъ цѣнность тѣхъ товаровъ, производство которыхъ въ Америкѣ дешевле русскаго; а если съ такихъ товаровъ какъ чай, табакъ, сахаръ, которые дешевле въ Россіи, будетъ сбрасываться еще акцизъ, какъ это дѣлается по отношенію Камчатской области теперь, то русскій купецъ безъ субсидіи станетъ въ привиллегированное къ американскому положеніе и сумѣетъ не только выдержать конкурренцію, но и вытѣснить конкуррентовъ.

Помимо подъема нашего престижа и созданія благопріятныхъ условій для русской торговли, закрытіе границы прекратитъ хозяйничаніе американцевъ на нашемъ побережьѣ, ихъ вліяніе на нашихъ инородцевъ, спаиваніе спиртомъ, незаконную охоту въ нашихъ водахъ на китовъ и моржей, вообще, урегулируетъ наши отношенія съ сосѣдомъ, заставитъ его считаться съ нашими правами и законами, позволять себѣ только легальный образъ дѣйствій по отношенію къ нашей территоріи. На Аляскѣ эту роль исполняютъ 3 таможенныхъ судна, которыя зимуютъ или въ Сіаттлѣ, или въ юго-восточной Аляскѣ, а съ первымъ взломаннымъ льдомъ идутъ въ воды Берингова моря и крейсируютъ тамъ до новаго льда. Я полагаю, что у насъ отъ Камчатки до Берингова пролива и даже Колючинской губы охранную службу съ успѣхомъ могли бы выполнять два небольшія вооруженныя судна съ обширными угольными ямами. Каждый грузовикъ въ 700—1000 тоннъ водоизмѣщенія, со скоростью хода до 12 узловъ, легко можетъ быть

приспособленъ для этой цѣли. Зимовать имъ было бы лучше въ Петропавловскѣ, если это является возможнымъ по состоянію гавани и льда, потому что тогда бы имъ не нужно было торопиться осенью отъ Командорскихъ острововъ, и японскіе хищники вели бы себя осторожнѣе. А весною, съ первою же открывшеюся водою, они снова бы появлялись на мѣстѣ ихъ операцій, и продвигаясь со льдомъ къ сѣверу, держали все побережье подъ непосредственнымъ надзоромъ.

Закрытіе границы требуетъ устройства портовъ для иностраннаго ввоза, и если это въ Петропавловскѣ вызоветъ лишній расходъ и спеціальныя должности, то въ Анадырскомъ и Чукотскомъ уѣздахъ обязанности эти легко можетъ выполнять начальникъ или помощникъ начальника уѣзда. Запрещеніе безпошлиннаго ввоза неминуемо сократитъ торговлю американцевъ, поэтому въ каждомъ изъ сѣверныхъ портовъ придется за весь лѣтній сезонъ осмотрѣть, можетъ быть, 3—4 шкуны, а это не явится большимъ трудомъ. Но мнѣ кажется, что если не по одному порту на уѣздъ, то во всякомъ случаѣ, кромѣ Петропавловска, необходимо открыть таможню въ Ново-Маріинскѣ, потому что идти изъ Америки въ первый для очистки таможенныхъ документовъ—это равносильно объявленію сношеній американскаго побережья съ нашимъ запрещеннымъ. А намъ невыгодно это дѣлать по одному тому, что будущая наша горная промышленность въ первое, по крайней мѣрѣ время будетъ сильно зависѣть отъ Америки.

Слѣдующей насущной нуждой края является устройство мѣстныхъ сообщеній. Объ устройствѣ дорогъ пока говорить преждевременно. Жизнь подскажетъ, когда и въ какомъ направленіи ихъ надо строить. Но мы еще не пробовали использовать водные пути. Между тѣмъ, Петропавловскъ развертывается въ довольно крупный торговый пунктъ, и въ ближайшемъ будущемъ, можно предвидѣть, станетъ снабжать побережье товарами отъ себя. Съ другой стороны, нѣкоторые чукотскіе сырые продукты, какъ перпичьи, лахтачьи кожи, ремни имѣютъ большой спросъ на Камчаткѣ. Марковцы ведутъ большой торгъ, снабжая всю тундру товаромъ, и не имѣютъ другихъ средствъ передвиженій, кромѣ допотопныхъ карбазовъ. Наконецъ, пора придти на помощь и обездоленному побережью С. Ледовитаго океана съ Колымскимъ округомъ. Въ настоящее время побережье отъ Камчатки къ сѣверу обслуживается двумя пароходными рейсами. Но они плохо приспособлены и разсматриваться какъ средство мѣстнаго сообщенія не могутъ, такъ какъ

ихъ тарифъ одинъ и тотъ же на тысячу миль и на одну милю. Можетъ быть, везти товаръ въ круговой рейсъ—болѣе 5000 миль—является и выгоднымъ, но перевезти его отъ бухты къ бухтѣ, отъ поста къ посту, невозможно, благодаря невѣроятно высокой платѣ. Я доносилъ уже объ этомъ подробно, поэтому останавливаться теперь на вопросѣ пересмотра тарифа не буду. Но помимо Владивостокскихъ рейсовъ, необходимо бы было имѣть два маленькихъ судна для связи всего побережья съ Петропавловскомъ. Рѣшать практически этотъ вопросъ не берусь: можно ли дать самостоятельныя суда въ распоряженіе начальниковъ уѣздовъ, или эту службу возложить на охранные транспорты — будетъ прежде всего зависѣть отъ имѣющихся для этой цѣли средствъ.

Какъ бы не рѣшался вопросъ о морскихъ сообщеніяхъ, даже если онъ останется въ настоящемъ, далеко не удовлетворительномъ, положеніи, рѣка Анадырь не можетъ обходиться безъ рѣчного парохода. Грѣшно, въ самомъ дѣлѣ, оставлять такую крупную и вліятельную въ жизни края артерію на собачью тягу, когда она судоходна на многія сотни верстъ.

Я говорилъ, доносилъ и продолжаю отстаивать по настоящее время идею, что малыя деревянныя суда съ хорошими газолиновыми моторами могутъ плавать вдоль побережья С. Ледовитаго океана, а, слѣдовательно, отрѣзанный со всѣхъ сторонъ въ сообщеніяхъ Колымскій край имѣетъ возможность получать товары морскимъ путемъ. Во время моей поѣздки въ Нижне-Колымскъ на собакахъ, я интересовался этимъ вопросомъ, разспрашивалъ жителей о состояніи льдовъ, вынесъ благопріятное впечатлѣніе и предполагалъ, если только дадутъ мнѣ на это средства, проѣхать лѣтомъ моремъ на американской шкунѣ, чтобы разсѣять сложившееся предубѣжденіе. А разъ этотъ путь будетъ открытъ, то товары въ Н. Колымской округѣ не станутъ держаться въ 6 — 10 разъ выше нормальныхъ цѣнъ, и піонерамъ нашихъ сѣверныхъ пустынь будетъ протянута рука помощи. Я предполагалъ, что если бы устроить правительственный складъ товаровъ для побережья С. Ледовитаго океана на Дежневѣ и имѣть тамъ же пару маленькихъ газолиновыхъ шкунъ, то онѣ снабжали бы какъ это побережье, такъ и Колымскую округу товарами. Но было бы еще лучше и безопаснѣй, въ виду краткости навигаціоннаго сезона, имѣть промежуточную станцію на Сѣверномъ мысѣ, а одну изъ шкунъ держать на устьѣ р. Колымы. Тогда Дежневская шкуна изъ главнаго склада подвозитъ товары на Сѣв. Мысъ, а Колымская увозитъ ихъ дальше. Въ

виду болѣе короткаго разстоянія для первой шкуны, она, вѣроятно, была бы въ состояніи совершить этотъ рейсъ два, три, даже четыре раза за сезонъ, образовавъ, такимъ образомъ, на промежуточной станціи запасъ, который расходился бы зимою среди окрестныхъ жителей.

При настоящемъ положеніи дѣлъ въ краѣ, можетъ быть, и тѣ три зимнихъ почты, что функціонируютъ теперь отъ Маркова, являются роскошью, однако, съ развитіемъ производительныхъ силъ, страны нужно имѣть въ виду, что почтово-телеграфныя сообщенія, одинъ изъ самыхъ вліятельныхъ факторовъ прогресса. При обзорѣ Аляски, мы видѣли, какъ чутко относятся къ этому американцы, и гдѣ только намѣчается развитіе промышленности, тамъ сейчасъ же у нихъ вырастаетъ почта и телеграфъ. Будущій Чукотскій уѣздъ необходимо связать почтой съ Марковымъ, и это сдѣлать совсѣмъ не трудно, и обойдется не дорого. По моимъ предположеніямъ, отправка каждой почты изъ бухты Провидѣнія до поста Ново-Маріинскаго не будетъ стоить болѣе ста рублей, слѣдовательно, за зимній сезонъ весь расходъ не превыситъ 300 рублей.

Что касается телеграфа, то строить его на протяженіи тысячи миль изъ за двухъ служебныхъ телеграммъ не стоило бы, но тутъ на помощь являются другія, помимо мѣстныхъ интересовъ, соображенія. Прежде всего, предпріятіе это съ изобрѣтеніемъ безпроволочнаго телеграфа перестаетъ быть очень дорогой затѣей и требуется постройка двухъ, самое большее трехъ, радіотелеграфныхъ станцій къ востоку отъ Камчатки. Выполнивъ же это, мы свяжемся съ американской системой, которая въ г. Номѣ имѣетъ конечную станцію. Телеграфировать изъ Аляски въ Старый Свѣтъ черезъ Нью-Іоркъ обходится въ три рубля, а черезъ Великоокеанскій кабель 4 рубля за слово. Это довольно крупныя цифры, Изъ Владивостока въ Европу слово стоитъ копѣйки, и если постройка Чукотско-Камчатской линіи удорожитъ его на два рубля, то и тогда Аляскинскимъ дѣльцамъ будетъ выгоднѣе посылать свои телеграммы черезъ нашу сухопутную линію, чѣмъ черезъ кабели. При этомъ нужно принять во вниманіе, что имѣть свою собственную телеграфную связь съ Америкой для Россіи важно также въ политическомъ отношеніи. Недалеко то время, когда весь военный и торговый флотъ Россіи, по примѣру Америки, будетъ снабженъ безпроволочными аппаратами, которые свяжутъ его съ берегомъ во время плаванія.

Библіотека

Слѣдующей очень важной мѣрой развитія жизни края является: принятіе правительствомъ опредѣленнаго курса въ насажденіи промышленности и изданіе съ этою цѣлью ряда законовъ и постановленій. Какъ будутъ регулированы теченія общественной жизни, въ какую форму выльется будущая промышленность страны, я предрѣшать не стану, укажу только нѣсколько соображеній, основанныхъ на моемъ знаніи края и на наблюденіи аналогичныхъ условій по ту сторону Берингова пролива.

1) Изъ всѣхъ видовъ промышленности, доминирующую роль должно сыграть у насъ, какъ и на Аляскѣ, горное дѣло,

2) оно потребуетъ сильно капитализированныхъ предпріятій,

3) намъ нельзя будетъ обойтись безъ привлеченія иностранныхъ капиталовъ.

Разберу эти три пункта подробнѣй:

Если не горныя богатства, то какіе иные рессурсы страны могутъ призвать сюда поселенца, заставить его пренебречь суровостью климата, построить города, проложить дороги, побѣдить природу и приспособить одинъ изъ неуютнѣйшихъ уголковъ земного шара въ сносное человѣческое пристанище? Рыбныя богатства — они могутъ быть велики, но характеръ использованія ихъ періодическій и не требуетъ постояннаго присутствія человѣка. Въ той же Аляскѣ, гдѣ выстроены консервные заводы, они зимою обыкновенно пустуютъ, имѣя однихъ сторожей, и только къ ходу рыбы лѣтомъ туда пріѣзжаютъ рабочіе, начинаютъ куриться трубы; жизнь снова пробуждается, для того, чтобы черезъ два мѣсяца опять уснуть на долгую зиму. Рыба, я разумѣю, промышленная рыба, не заставитъ жить культурнаго человѣка гдѣ-либо на берегу Чукотскаго полуострова.

Можетъ быть, мѣха? Но мы знаемъ, что культура — первый врагъ звѣря, и уже теперь они стали появляться рѣже даже въ такихъ глухихъ углахъ, какъ нашъ Сѣверо-востокъ.

Лѣсной промыселъ, земледѣліе, скотоводство могутъ развиваться только въ странахъ, гдѣ на ихъ продукты находится мѣстный спросъ, а у насъ еще цѣлая Сибирь не разработана въ этомъ направленіи.

Итакъ, остается горное дѣло.

Въ какую же форму выльется эта промышленность?

Только не въ кустарную. Вообще, горное дѣло для постановки требуетъ затраты большихъ капиталовъ, но возьмемъ хотя бы добычу золота подъ этими широтами — самаго доступнаго и наи-

болѣе заманчиваго для мелкой промышленности металла. Во-первыхъ, въ очень немногихъ мѣстахъ, только по русламъ рѣкъ, въ самой галькѣ, золотопромышленнику не приходится бороться съ мерзлотой, слѣдовательно, онъ можетъ обходиться безъ паровыхъ котловъ, угля, построекъ и прочихъ связанныхъ съ этимъ расходовъ. А во-вторыхъ, чтобы найти разсыпное золото, надо жить на мѣстѣ. Но вѣдь тамъ нѣтъ европейскихъ жилищъ, а бѣдное, рѣдкое населеніе инородцевъ едва прокармливаетъ себя и не можетъ содержать лишнихъ, совершенно чужихъ ему, людей. Слѣдовательно, для того, чтобы найти золото, промышленникъ долженъ привезти постройки, уголь, запасъ провизіи, инструменты для работы.... Опять, стало быть, сдѣлать затрату извѣстнаго капитала.

Теперь, гдѣ же намъ его взять?

Въ Россіи частная предпріимчивость такъ слаба, капиталъ такъ не великъ, поле дѣятельности его такъ обширно и даетъ приложеніе почти къ каждой отрасли промышленности болѣе благопріятныхъ мѣстъ, что на крайній Сѣверо-Востокъ онъ добровольно не пойдетъ. Надо или создать ему приманки въ видѣ концессій, какихъ-либо исключительныхъ правъ и привилегій, или пригласить менѣе требовательный иностранный капиталъ. Я лично — врагъ концессій. Теоретически, это нездоровая форма промышленности, изъ которой исключена конкуренція — одинъ изъ самыхъ видныхъ двигателей прогресса; практически, я не знаю ни одной концессіи, которая вела бы дѣло успѣшно и оправдывала тѣ надежды, что возлагались на нее при выдачѣ. Во всякомъ случаѣ, концессіонную систему на нашемъ крайнемъ Сѣверо-востокѣ мы уже пробовали, и результатъ, что теперь наблюдаемъ, получился самый отрицательный. Концессія гвардіи полковника Воплярлярскаго съ самаго начала привлекла къ участію иностранный капиталъ, русской промышленности не создала, вторженію иностраннаго элемента въ страну не только не препятствовала, но даже способствовала, и для мѣстныхъ жителей принесла только вредъ.

Одно время въ нашей повседневной печати вопросъ о привлеченіи иностранныхъ капиталовъ обсуждался горячо, и общественное мнѣніе страны рѣзко дѣлилось на два противоположныхъ лагеря: за и противъ. Не имѣя возможности въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ слѣдить за печатью, я не знаю въ настоящую минуту господствующихъ по этому вопросу взглядовъ. Неоспоримо только то, что капиталъ и на вѣчно мерзлой почвѣ можетъ создать жизнь, примѣромъ чему служитъ Аляска. И мнѣ кажется, что передъ нами

стоитъ альтернатива: пригласить иностранный капиталъ и платить ему за развитіе края высокіе проценты, или оставить послѣдній еще на много лѣтъ въ томъ же пустынномъ видѣ, въ какомъ онъ находится теперь.

Что же является для насъ болѣе выгоднымъ: платить ли проценты и начинать работу немедленно, или ждать пока наша культура, переваривъ цѣлую Сибирь, естественно докатится до Берингова пролива? Если бы развитіе нашихъ восточныхъ пустынь шло въ параллель съ жизнью сосѣднихъ націй, то послѣдній путь былъ бы самый экономный и благоразумный. Но что мы имѣемъ на театрѣ въ настоящее время? Съ юга не по днямъ, а по часамъ растетъ молодая и, можетъ быть, поэтому въ высшей степени агрессивная японская культура, съ востока, пожалуй, не менѣе агрессивная американская. Если оглянуться назадъ, то вѣдь всего только 70 лѣтъ—нуль времени въ исторической жизни націй—отдѣляютъ насъ отъ того момента, когда кровь новгородскихъ ушкуйниковъ вела ихъ потомковъ въ пустыню Аляски и на югъ по побережью Великаго океана даже до Санъ-Франциско. Здѣсь до настоящаго времени въ названіи мѣстныхъ предметовъ сохранились русскія имена. Но если 70 лѣтъ назадъ такія предпріятія казались чистой авантюрой, когда пустынныхъ пространствъ было такъ много, прогрессъ двигался сравнительно медленно, когда наша Сибирь была для насъ чуть ли не краемъ свѣта, путешествовать куда требовались многіе мѣсяцы—теперь обстоятельства измѣнились, и ненужныхъ земель нѣтъ. Въ заботѣ о своемъ потомствѣ, каждая нація стремится отстоять елико возможно бо́льшую для себя площадь не изъ-за простого «голода земли», или тщеславія, а только потому, что если нельзя сказать, то можно чувствовать, какъ далеко шагнетъ человѣчество въ слѣдующія семьдесятъ лѣтъ. За это время мы и самостоятельно сможемъ сдѣлать громадные успѣхи. Но наше поступательное движеніе идетъ изъ Европы, и передъ нимъ 8000 верстъ Сибири. А если у сосѣдей къ тому времени окажется нечего ѣсть, тогда какъ подъ бокомъ у нихъ лежатъ нетронутыя богатства рыбы; если, съ другой стороны, цѣлыя поколѣнія, воспитавшіяся на горномъ промыслѣ, будутъ постоянно видѣть передъ глазами непочатыя горныя богатства, гдѣ ихъ трудъ и предпріимчивость можетъ дать бо́льшій успѣхъ, чѣмъ на выработанной мѣстности, не будетъ ли вполнѣ естественнымъ ихъ желаніе взять эти земли и «сдѣлать изъ нихъ наилучшее употребленіе». Продажа Аляски до сихъ поръ лежитъ кровавой раной въ сердцѣ каждаго, пожалуй болѣе болѣз-

ненной, чѣмъ наши манджурскія неудачи. Я боюсь, что великія слова Императора Николая I: «Русскій флагъ не можетъ быть спущенъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ разъ онъ былъ поднятъ», слова, которымъ мы теперь обязаны обладаніемъ Пріамурья, начинаютъ нами забываться.

Вслѣдствіе нашей исторической миссіи на Востокѣ, нашего національнаго самолюбія, нашего долга передъ потомствомъ, мы обязаны отстоять побережье Великаго океана — ворота нашей Сибири.

Какими же путями? Одной военной силой?

Боюсь, что этого мало. Примѣромъ служитъ наша послѣдняя война. Надо создать мѣстные интересы, мѣстную жизнь. Надо сдѣлать край прогрессивнымъ, русскимъ и дорогимъ для каждаго русскаго. Какъ это сдѣлать — вопросъ сложный и чрезвычайно важный, который откладывать нельзя.

Безъ капитала быстраго прогресса не создать. Капиталъ можно найти у иностранцевъ; отсюда выводъ: пригласить ихъ работать на нашей территоріи, обезвредивъ только въ политическомъ отношеніи. Горная область промышленности—наиболѣе безопасная, потому что требуетъ затраты большихъ суммъ, собираемыхъ подпиской на акціи, а она далеко не часто бываетъ національна. Тредвельскіе, напр., рудники въ Южной Аляскѣ капитализированы въ Америкѣ, Франціи и Англіи сразу. Владѣльцы ихъ зачастую не имѣютъ ничего общаго со страной, гдѣ помѣщенъ ихъ капиталъ, но на его основаніи развивается мѣстная жизнь, обыкновенно, уже чисто національная, слагающаяся изъ разнаго рода служащихъ, стоящихъ у дѣла непосредственно. А мы въ этомъ отношеніи поставлены великолѣпно, потому что какъ простой трудъ, такъ и интеллигентныя профессіи у насъ оплачиваются дешевле, отсюда прямой разсчетъ предпринимателей приглашать къ участію въ дѣлѣ русскую рабочую силу. А на ряду съ иностранной горной промышленностью неминуемо разовьется и русская, потому что тотъ же управляющій пріискомъ, нарядчикъ, рабочій, скопивъ деньги, не упуститъ случая поработать за свой рискъ. Русскимъ и принявшимъ русское подданство необходимо дать небольшія привилегіи, которыя заставятъ осѣсть нѣкоторыхъ пришлецовъ. Уже теперь нѣсколько бывшихъ американскихъ подданныхъ нашли, что наши сѣверныя области не такое плохое мѣсто для заселенія и подали прошенія о присоединеніи ихъ къ новому отечеству. Китайцевъ, корейцевъ, японцевъ, какъ рабочую силу, надо исключить. Вѣдь

обязываемъ же мы теперь разнаго рода промышленниковъ на Дальнемъ Востокѣ имѣть русскихъ рабочихъ.

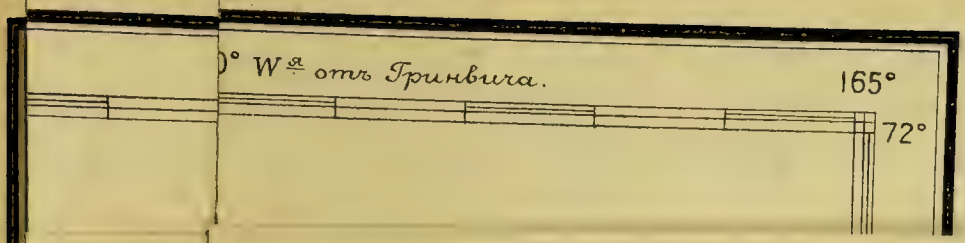
Но, пригласивъ иностранцевъ дѣлать изысканія и работать на нашемъ Сѣверо-востокѣ, не значитъ еще создать тамъ горное дѣло, потому что сноситься по каждому вопросу съ Иркутскимъ, или даже Хабаровскимъ горными управленіями откуда-либо съ Чукотскаго полуострова—возьметъ годы. Надо поэтому упростить формы, или имѣть на мѣстѣ полномочныхъ лицъ, которыя облегчали бы дѣловыя формальности. Вообще, особенности края вызываютъ въ различныхъ сторонахъ его жизни спеціальныя законодательства.

Торговля, какъ промышленность, стоящая ближе къ мѣстной жизни и вліяніямъ, должна быть по возможности національнзирована. Въ этомъ ей поможетъ закрытіе границъ и таможенный тарифъ.

Сильная русская власть, опираясь на строго формулированные законы, поведетъ жизнь въ нужномъ намъ направленіи.

Одновременно съ колонизаціей края русскимъ, преимущественно, элементомъ, необходимо руссифицировать инородцевъ и сдѣлать ихъ полезными помощниками прогресса. Миссія и школа должны сыграть въ этомъ дѣлѣ доминирующую роль. Наша религія — наша національная особенность, и поэтому наша обязанность— пріобщить къ ней инородцевъ первымъ долгомъ. Школа, она же и опытная станція оленеводства, собаководства и рыболовства, научитъ ихъ говорить по русски, дастъ элементарныя понятія гражданственности, поможетъ быть имъ болѣе устойчивыми въ борьбѣ за существованіе.

Русскій народъ, давшій въ прошломъ своихъ Завойко, Невельскихъ и Дежневыхъ, найдетъ и теперь для святого дѣла и средства и людей.



На картѣ цифры, поставленныя возлѣ наименованія селеній, означаютъ число ярангъ (жилищъ).

обязываемъ же мы теперь разнаго рода промышленниковъ на Дальнемъ Востокѣ имѣть русскихъ рабочихъ.

Но, пригласивъ иностранцевъ дѣлать изысканія и работать на нашемъ Сѣверо-востокѣ, не значитъ еще создать тамъ горное дѣло, потому что сноситься по каждому вопросу съ Иркутскимъ, или даже Хабаровскимъ горными управленіями откуда-либо съ Чукотскаго полуострова—возьметъ годы. Надо поэтому упростить формы, или имѣть на мѣстѣ полномочныхъ лицъ, которыя облегчали бы дѣловыя формальности. Вообще, особенности края вызываютъ въ различныхъ сторонахъ его жизни спеціальныя законодательства.

Торговля, какъ промышленность, стоящая ближе къ мѣстной жизни и вліяніямъ, должна быть по возможности національнизирована. Въ этомъ ей поможетъ закрытіе границъ и таможенный тарифъ.

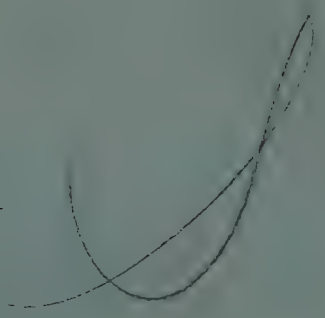
Сильная русская власть, опираясь на строго формулированные законы, поведетъ жизнь въ нужномъ намъ направленіи.

Одновременно съ колонизаціей края русскимъ, преимущественно, элементомъ, необходимо руссифицировать инородцевъ и сдѣлать ихъ полезными помощниками прогресса. Миссія и школа должны сыграть въ этомъ дѣлѣ доминирующую роль. Наша религія — наша національная особенность, и поэтому наша обязанность— пріобщить къ ней инородцевъ первымъ долгомъ. Школа, она же и опытная станція оленеводства, собаководства и рыболовства, научитъ ихъ говорить по русски, дастъ элементарныя понятія гражданственности, поможетъ быть имъ болѣе устойчивыми въ борьбѣ за существованіе.

Русскій народъ, давшій въ прошломъ своихъ Завойко, Невельскихъ и Дежневыхъ, найдетъ и теперь для святого дѣла и средства и людей.

Чертили: Николаевъ и Парѳеновъ.

U.S. GEOLOGICAL SURVEY
GEORGE OTIS SMITH, DIRECTOR
MAP OF
ALASKA
Compiled chiefly from maps of the U.S. Geological Survey
Coast line from Coast and Geodetic Survey charts
Alfred H. Brooks, Geologist in charge
Division of Alaskan Mineral Resources
Approximately 80 miles to 1 inch
ARCTIC OCEAN
BERING SEA
BERING STRAIT
NORTON SOUND
BRISTOL BAY
GULF OF ALASKA
NORTH PACIFIC OCEAN
ALEUTIAN ISLANDS
FOX ISLANDS
DIXON ENTRANCE



8b